

НЕВА

7
2017

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Андрей ШЕВЦОВ

Стихи • 3

Иван КАТКОВ

Над гнездом синицы. *Повесть* • 7

Елена ИОНОВА

Стихи • 21

Александр ТЮЖИН

Канны для ванны. *Романчик* • 23

Женя СТАШКОВ

Стихи • 141

Виталий АШИРОВ

Рубинштейн. Набоковщина.
Трафарет. *Рассказы* • 145

Дмитрий НИКИТИН

Гоголевский парк. Изгнание. *Рассказы* • 157

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр РЫБИН

Это просто наша работа • 164

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Юлия ЩЕРБИНИНА

«Ощущаем и неверующим в него».
Заметки о богохульстве • 186

12+

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

ИЗ АРХИВА

Дмитрий ХРЕНКОВ

Советско-финская война. Из записных книжек.
Предисловие и подготовка текста Ю. Д. Михайловой • 202

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Эпоха и образы. Ольга Аникина. Сердце кухарки. **Искусство чтения.** Александр Сергеев. Репрезентация архетипа Трикстера. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 215

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Святыни Елеона (по запискам русских паломников).
Часть 7 • 234

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

ПОМОЩНИЦА СУДЬИ

Январь искрит. И замерла река.
Меня целуешь, встав спиной к обрыву...
Плавник ерша, замерзший на века
(как гибель мира вижу эту рыбу).
Трещат деревья. Выстрелы берез.
Луна в засаде. Каменные стены.
И монастырь. И сипло воет пес.
И муж подозревает об измене.

Ты молишься и в церкви, и в суде —
там рясы судей, белая богиня;
я б расписал ей мраморное вымя
(ведь не весы, перо — в моей руке).
Перо иль нож — во тьме не разглядеть...
Я сам юрист, и знаю все уловки.
Ты хочешь в судьбы? Мантию надеть?
Мне чьи-то судьбы взвешивать неловко.

...Припомнишь ли? У моего окна, —
в одном чулке, ты мужу говорила:
«В „Сибиряке“. Не веришь? Да, одна.
Тебе поклясться? Скоро буду, милый»
(как сталь, светило женское плечо,
я целовал — от шеи до лопатки).
И бросив трубку: «Ну, давай еще...
Как надоели мужнины повадки...»

Мы — с богословских курсов. Снежный наст.
Ты набожна. Я верю только Музе
(предвидя, что банален смертный час,
я неизменен в творческом союзе).
Твой муж — начальник цеха, а я — нет;
а на вопрос, кем, черт возьми, я буду:
— Судьей? Директором? — Поэтом! — мой ответ, —
и пусть мою главу несут на блюде.

Андрей Владиславович Шевцов родился в 1982 году в Тюмени. Окончил Институт государства и права ТюмГУ. Кандидат юридических наук, доцент. Стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Нева», «Нижний Новгород» и др. Автор книги стихов «Яблочный Спас» (2014). Победитель Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далекая звезда...», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (Москва, 2014). Вошел в лонг-лист Первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса «Критерии свободы» имени Иосифа Бродского. Член Союза писателей России.

Пора трубить истории отбой:
блеснув пером, я падаю с обрыва...
Она жива, авто — шуршит домой,
но гибнет ерш, и бьется мир, как рыба.

* * *

Вот пар — над люком с буквой «К»...
Там, за рекою — лесопилка...
(Прошу, не ускользай, строка,
как два сиреневых обмылка.)
В рулоны свернута трава:
мокра, черна, как рубероид.
А дома ждет меня кровя...
Я тут брожу, как гуманоид.
Мне мелкий дождик мочит плащ.
И хоть рукам тепло в карманах,
я представляю, как палач
с Тamarой пьет в сырых Тарманах.

А то вдруг пятна на воде
ловлю, как золото, на черном.
Ведьмак на нанопомеле
летит к «осколочным» ученым.
А за «Мостом влюбленных» — тьма
горит, как газ, тюльпаном синим.
И трюм Тюмени, как тюрьма;
но в сердце светит мне Есенин.

Открыт колодец; обойдя
его в плаще псевдоиспанском,
кричу проклятья: «Бодрийяр!»,
«Наркологический диспансер!»
Залит водою переход,
двухвостки хвои — на дороге.
И окровавленный восход
уже плывет в глубоком грогги.

* * *

Хандрил в коттедже... Как мизгирь,
сплетал липучку-паутину:
январь, сосновый бор, Сибирь...
Не знал, что розовый снегирь
влетел на лоджию с рябины.

Часы с кукушкой (ядра гирь)
смотрели в тюль, а может, в тину.
Вздыхал: «Э. Чоран», пил «чифирь»...
На белом куржаке снегирь
писал крылом свою картину.

ОЖИДАНИЕ ГРОМОВЫХ СТРЕЛ

1

У меня на окне занавеска из ванной:
рыбы — вверх плавниками.
Я уже третий год пребываю в нирване,
в тишине с облаками.
За бездонным окном проплывают вороны,
даже «весла» не сушат.
Я сижу за столом, словно приговоренный,
и пишу свою душу.
Целит в правый висок из соседнего дома
мне чернильное дуло —
там овал чердака дожидается грома,
ну, и чтобы блеснуло...
Так пронзит мне висок вдохновенная пуля
или вылетит голубь?..
Ах, глаза голубые, как небо июля,
смотрят в черную прорубь.

2

Плыл с козлиною мордой ковчежец Ноев,
сгнил, рассыпался чечевицей...
Коль юрод из потемок нутра не ноет,
открываю себя ключицей...
И растут из-под век, словно два масленка,
мои очи, они же вежды...
Над заросшим прудом ждет-пождет Аленка
в старорусской своей надежде.
И приходит Четверг — с топором, в сорочке...
Или мне это счастье снится?
Нет, искрится в хвосте иль крыле сорочьем
золотое перо жар-птицы...
Вылезают из дуба клыки кабаньи,
небо в небе цветет, как ирис...
И берет в свете молнии люд кабальный
бересту, талипот, папирус...

* * *

Стоит зима. Крещусь пудовой гирей,
смотрю в тоске на свой велосипед,
читаю лежа: от индийских Вед
до русских модернистов в «Новом мире».

Не сплю ночами, знаю: тополя
качают птиц; есть память летней кроны;
на крышах зданий — снежные поля;
и стынет кровь под крыльями вороны.
Над «Стройлесбанком», знаю, три трубы
дымят в пространство, будто папиросы.

А где-то стук — наверно, стук судьбы...
три точки, как извечные вопросы.

* * *

Есть двери в небеса —
просветы колоколен...
Когда взмахнет коса
по чьей-то *древлей* воле,
то полетишь сквозь них,
как ворон или галка.
А как ты тут возник,
не скажут ни гадалка,
ни попадья, ни поп.
Никто, никто из местных.
Дождись: сойдешь во гроб,
и станет все известно.

Иван КАТКОВ

НАД ГНЕЗДОМ СИНИЦЫ

Повесть

Больше двух месяцев я сидел без работы. Каждое утро просыпался от недовольного бормотания жены.

— У всех мужики как мужики, — доносился ее сонный голос из кухни, — один этот — дармоед несчастный.

Я не обижался. Она была права. Я нигде не задерживался больше чем на полгода. Шесть месяцев — это мой предел. Нормальная история для дебошира, прогульщика или пьяницы. Но я не прогуливал, выпивал редко, а уж дебошир был совсем никудышный. Я пережил сокращение штата, служебное несоответствие, истечение срока договора. Много чего, всего и не упомнишь.

— Все, хватит ляжки тянуть, — однажды заявила Маринка.

Она недобро приблизилась ко мне и кинула на стол огрызок тетрадного листа с телефонным номером.

— Что это? — спросил я.

— Чтобы завтра с утра позвонил. Компания «Синицы». Они мясом торгуют и пельмени производят. Им вроде как пиарщик нужен...

* * *

Через пару дней меня пригласили на собеседование. Я сел в маршрутку и доехал до площади Революции. Затем прошел вниз по улице и оказался у синего двухэтажного здания, огороженного кирпичным забором. Из ворот выезжала «газель» с надписью «ООО „Синицы“» на фургоне-холодильнике.

— Куда? — спросил толстый охранник на проходной.

— На собеседование, — нагнувшись к стеклянному окошку, ответил я.

— Паспорт.

Он быстро записал мои данные в потрепанный журнал.

— Второй этаж, — охранник вернул паспорт и открыл турникет.

Поднявшись по крутой металлической лестнице, я отыскал отдел кадров. Краткая в голубых джинсах всучила мне какие-то листки и усадила за столик в коридоре. Это оказался тест на IQ.

— Отвечайте, через полчаса подойду.

Я полистал шитые степлером страницы. Сорок заданий. Одно веселей другого. Особенно порадовало: «Если бы я мог жить нормальной половой жизнью, то...» или «Если бы я не страдал психическими отклонениями, то...».

Наспех ответив, я отложил тест.

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане, в г. Актюбинске. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского (филфак). Публиковался в журналах «Великорось», «Слово», «Пролог», «Русский переплет», «Сетевая словесность», «Начинающий писатель», «Гостиная» и др. Живет в г. Дзержинске Нижегородской области.

НЕВА 7'2017

У двери отдела кадров увидел плакат, неумело нарисованный акварелью. Желто-брюхая синица на заснеженной еловой ветке. Символ компании. Креативно.

Подошла девушка.

— Вы закончили?

— Да. Вот, возьмите, — я протянул листы.

— Хорошо. Теперь пройдите прямо по коридору и подождите директора в приемной.

В приемной на облезлом кожаном диване сидели двое. Молодой парень с жидкой бородкой и полная женщина лет сорока. Пигалица секретарша сновала из приемной в коридор с трубкой радиотелефона в руке. Я присел на стул у двери директорского кабинета.

Начальница явилась только через час. Высокая, с широкими мужскими плечами и короткой стрижкой. На ней были сиреневые лосины, вязаный балахон до колен и меховая горжетка на плечах. По-моему, именно так должна была выглядеть Салтычиха. Помещица-садистка, убившая в восемнадцатом веке несколько десятков крепостных. Я вошел в кабинет. Ольга Викторовна сидела в высоком кресле за длинным Т-образным столом. Я устроился слева от нее.

— Интересное у вас резюме, Кирилл, — сказала она, разглядывая листы.

Я молчал.

— Очень интересное... Значит, вы работали экскурсоводом, помощником токаря, курьером, журналистом, та-а-ак, что еще... продавцом, почтальоном, копирайтером... Господи, даже уборщиком поработали?

— Да, мыл унитазы в спортклубе.

Мысленно я уже вернулся домой и получил от Марины по шапке.

— Ну ладно, — директриса отложила мое резюме, — мы вам позвоним.

Я раскланялся и вышел из кабинета.

* * *

В понедельник я был в офисе. Он оказался довольно просторным. Пластиковые жалюзи, компьютеры, сканеры-принтеры, на шкафчике микроволновка с электрическим чайником, под потолком кондиционер.

В офисе работали трое. Невзрачный мужичок лет сорока, блондинка в прозрачной блузке, и парень с бородкой.

— Ребята, знакомьтесь, — сказала секретарша, — это наш новый пиар-менеджер Кирилл.

— Очень приятно, — вяло отозвались мужичок и блондинка.

Парень откупился коротким кивком.

Секретарша подошла к столу блондинки:

— Наш менеджер по закупкам Анна, а Сергей Олегович и Дмитрий — менеджеры по продажам. Кстати, у Димы сегодня тоже первый день.

Парень равнодушно глянул на меня поверх монитора.

* * *

Прошла неделя. Я писал статьи и пресс-релизы. Темы получал от начальницы по электронной почте. Вообще, Салтычиха редко появлялась в офисе, предпочитая контролировать нас удаленно. Ежедневно мы строчили отчеты о проделанной работе, расписанные едва ли не поминутно. В конце дня каждый работник был обязан предоставить свою рукопись секретарше. А та опускала бумажку в небольшой кон-

тейнер. Вижу, как жадно вытряхивала Ольга Викторовна внутренности пластикового сосуда на свой стол.

Однако самое подлое, что нам приходилось делать, так это стучать на своих коллег. Доносы друг на друга всячески поощрялись, а уклонистов ждал выговор. Чтобы избежать вызова на ковер, я не закладывал сослуживцев, а сочинял невинные байки. Например: «Сергей Олегович забыл прикрыть дверь в офис, и сквозняком мне надуло спину».

* * *

Я стал общаться с Димой. С другими сотрудниками держал дистанцию. Да и они не страдали от недостатка моего внимания. Дима только отслужил в армии, занимался тяжелой атлетикой и, несмотря на молодые годы, уже успел развестись. Я рассказывал ему о Хармсе, а он называл меня дрищем и тянул в тренажерный зал.

В пятницу, после обеда, в офис заглянула секретарша.

— Для всех напоминаю: в пять собрание, — сказала она.

— Зашибись, — вполголоса проговорил Дима.

На собрании присутствовали мастера производства, главный инженер по фамилии Зяблик, девочки из бухгалтерии и наш офис. Все расселись за круглым столом и тихо переговаривались. Аня раскрыла косметичку и стала подкрашивать ресницы. Пришла Ольга Викторовна. На плечах горжетка, на согнутом локте — кожаная сумочка. Салтычиха вынула из сумочки небольшую бронзовую статуэтку синицы, трижды поцеловала в клюв и поставила на стол. После этого опустила в кресло.

— Этим я, по-вашему, должна заниматься? Да, Павел Алексич?

— Виноват, — пробубнил Зяблик.

— Чтобы в следующий раз тотем был на месте!

— Хорошо, Ольга Викторовна.

Мы с Димой удивленно переглянулись.

Сначала все было нормально. Говорили о делах компании. Салтычиха давала наставления мастерам и менеджерам. Отчитывала Сергея Олеговича за низкие продажи. Потом начался дурдом. Ольга Викторовна поднялась, взяла статуэтку и на ладонях подняла ее над головой. Закатив глаза, она монотонно запричитала:

Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.
Птица-синица,
Долги забери.
Птица-синица,
Врагов прогони.

Опустив головы, паства глухо повторяла заклинание. Зяблик отбивал ритм ладонью по столу. Голос Ольги Викторовны становился все громче и громче. Темп ускорился, вскоре нельзя было разобрать слов.

Спрятав лицо в ладонях, Дима еле сдерживался от смеха. Я пожалел, что так далеко сел от выхода.

Потом все стихло, секретарша взяла со стола пульт и направила на проигрыватель в углу. Заиграла странная музыка. Это были индийские мотивы с электронными сэмплами. Работники постепенно выходили из транса, открывали глаза. Ольга Викторовна стала приближаться к своим адептам и прикладывать статуэт-

ку к их головам. Затем бронзовая синица касалась левого и правого плеча. Когда дошла очередь до Димы, он попытался увернуться.

— Не нарушайте гармонию, юноша! — строго проговорила начальница.

После ритуала все громко аплодировали. А секретарша ходила с тубиком и чем-то вонючим мазала лбы сотрудников.

— Диман, — сказал я на улице, вытирая лоб носовым платком, — что за херня здесь происходит?! Блин, да они же все конченые психи! Валить надо отсюда!

— Что поделать, — усмехнулся он, — корпоративная шиза. И такое бывает. Давай до зарплаты дотянем, а там видно будет.

Дима потер лоб и поднес пальцы к носу:

— Слушай, а тебе не кажется, что нас измазали птичьим дерьмом?

* * *

Подкралось время аванса.

— Ну что, обмоём? — сказал Дима, выходя из бухгалтерии.

— Да я, вообще-то, не пью.

— Я, что ли, пью. Пузырек раздавим и разбежимся.

Зашли в супермаркет, купили водки и закуски. Расположились на лавочке в соседнем дворе.

Я быстро напился. Пытаясь закурить, то и дело ронял сигареты на асфальт. Коллега мой тоже захмелел, но еще держался.

Когда стемнело, Дима вызвал такси, и мы, рассудку вопреки, наперекор стихиям, отправились к нему. Жил он в другом конце города, в спальном районе. Притормозили у подвальчика с сияющей вывеской «Грог». Дима выбрался из такси, забежал в магазин. Вернулся через минуту с четырьмя бутылками водки и трехлитровым рядом пива.

— Куда? — простонал я.

— Не хочешь — не пей. Поехали, шеф.

Втиснулись в крохотную хрущевскую кухню. Газовая колонка советских времен с выцветшими наклейками от жвачки, грязные тарелки в пожелтевшей раковине, на плите закоптившаяся кастрюля. Пахло чем-то протухшим. Я открыл форточку и присел на табурет. Дима уговорил меня выпить пару стопок.

— Ты единственный адекватный человек в офисе, — говорил он, вливая в себя огонь-воду, — все остальные либо сволочи, либо на голову присевшие. Анька — дура набитая, Сергей Олегович — тьюфак, о Зяблике я вообще молчу. Все выслуживаются, друг на друга стучат. Короче, мрак. Да еще и ритуалы эти шизоидные...

Я прошел в комнату и завалился на диван. Но уснуть удалось только под утро. Ночью у Димы малость съехала фуражка.

— Отойдите!!! Умоляю, отойдите!!! Я сам!!! Я сам!!! — раздавался его пьяный рев.

Потом он стал звать кого-то на помощь, ползая по-пластунски в коридоре.

— Подъем, боец, на работу пора! — услышал я с утра бодрый армейский клич.

По телевизору шла программа «НТВ утром». Рыжая ведущая с идиотской улыбкой рассказывала о том, какие трудности поджидают сегодня «водолеев». В комнате были только диван, телевизор, напольные весы и две гири.

Дима оделся, убрал недопитую бутылку в спортивную сумку и вызвал такси. Затем глотнул пива из баллона и тоже спрятал в сумку.

* * *

В офис прибыли на час раньше. Охранник на проходной долго и недоверчиво всматривался в наши лица, но пропустил.

— Время еще есть, в переговорной зависнем, — сказал Дима, поднимаясь по лестнице. В сумке колыхались бутылки.

Мы вошли в зал переговоров и сели за стол. Дима достал водку и хлебнул из горлышка.

— Будешь?

— Не, неохота.

— Ну и зря.

В переговорную заглянула секретарша. Дима успел спрятать бутылку под стол.

— А че это вы тут делаете в такую рань? — улыбаясь, спросила она.

— Заходи, Наташ, не стесняйся, — привстал Дима, — давай иди ко мне, я твою попку помну.

— Вот придурки, — фыркнула секретарша и захлопнула дверь.

— Шалава! — широко размахнувшись, Дима бросил в дверь водочную крышку.

— Ну все, — сказал я, — спалились. Наташка сто пудов сдаст.

— Пусть попробует, я ей ноги вырву.

— Уволят.

— Меня? Ага, щас. Ну уволят, а кто тогда их вонючий фарш продавать будет?! Олегыч, что ли? Этот балбес?! Не смеди.

Потом Дима спустился на производство и стал обниматься с перепуганными обвальщицами. Предлагал выпить на брудершафт главному инженеру. Расцеловал уборщицу тетю Инну. Та покраснела и раскудаhtалась:

— Ух ты, бог мой! Ух ты, бог мой!

До проходной нас довел начальник службы безопасности. Худощавый усатый дядька, майор в отставке.

— С...я кровь, — процедил Дима, когда мы оказались за воротами. — Ну ладно, хрен с ними, с уродами, пойдем выпьем.

— Ты вообще нормальный, нет?! Какого хрена ты на производство-то поперся?! Черт, что я теперь Маринке скажу?!

— Скажи, что послал эту шарагу на х...

— Мудак!

Я закурил и пошел к автобусной остановке. Как раз подъезжала моя маршрутка. Опустившись на заднее сиденье, я заплатил за проезд. В окно увидел, как Дима перебежал дорогу и нетвердо зашагал в сторону супермаркета. Заметив меня, он поднял руку и показал знак «виктори».

* * *

Дома я осушил литровую банку молока, разделся, лег на кровать и сразу уснул. Вечером, когда Марина вернулась с работы, был скандал. Новость о моем увольнении привела ее в ярость.

— Урод! Скотина! Даже месяца не продержался, падла! — кричала она, бросив в прихожей пакет с продуктами.

* * *

На следующее утро я проснулся от телефонного звонка. Глянул на экран, звонил Дима.

— Кирилл, привет. Мне сейчас Ольга Викторовна звонила. Короче, к двум нам нужно в офис подъехать.

— О как, — поднялся с кровати я, — а зачем?

— Огрэбать будем, вот зачем.

Вошли в приемную.

— Наташ, — сказал Дима, — прошу прощения за вчерашнее.

Секретарша промолчала.

Ждали минут десять. Дима нервно теребил металлический браслет на часах. Из кабинета начальницы вышел Сергей Олегович. Улыбнувшись, он поздоровался с нами за руку.

— Можете заходить, — разрешила Наташа.

Поднялись с дивана и прошли в кабинет. Выслушав наши корявые объяснения, Ольга Викторовна спросила:

— Вы что, алкоголики?

— Нет, — ответил я, — ни в коем случае.

— Просто так вышло. Случайно, — добавил мой собутыльник.

Она вздохнула, сняла телефонную трубку и нажала на кнопку:

— Наташ, через пять минут собери всех в переговорной.

«Сейчас устроит публичную расправу», — подумал я.

Ольга Викторовна вернула трубку на «базу» и проговорила:

— Просите прощения у коллектива, и мы все дружно забываем о вчерашнем дне.

Я облегченно выдохнул.

— Я же говорил, не уволят, — сказал Дима в коридоре, — а ты уже и в штаны навалил.

* * *

Суровые будни затянули свою скучную балладу. Я в поте лица «пиарил», Дима продавал, Аня доламывала оргтехнику. Ритуалы с бронзовой синицей проводились каждую пятницу. Но я привык. Скажу больше, я втянулся. С нетерпением ждал конца недели, чтобы снова погрузиться в коллективный транс. Это расслабляло и наполняло энергией. Внутри поднималась волна счастья. Как в детстве. Я даже придумал свое фирменное движение. Сцепив руки за головой, вращал корпусом вправо-влево. Для меня это было что-то вроде релаксирующей игры. Но сотрудники, я думаю, относились к ритуалу со всей серьезностью. Только Дима все никак не въезжал. Сидел и, опустив голову, бормотал заклинание. Даже не бормотал, а беззвучно шевелил губами.

* * *

После новогодних праздников мне предстояло съездить в Питер на трехдневный семинар. Семинар назывался «Основы практического пиара». Вести его должен был модный «пиараст» по фамилии Мигин. Денег выдали в обрез. Чтобы сэкономить на гостинице, я решил остановиться у старшего брата. Отыскал его номер, позвонил.

— Конечно, приучу, братишка! — радостно кричал он в трубку. — Ё-мое, как я рад тебя слышать!

Я доехал до вокзала и купил билет на проходящий поезд из Уфы.

* * *

В плацкарте было душно и воняло чем-то прелым. Я загнал сумку под нижнюю полку, снял куртку и потянулся к форточке. Но тут же услышал недовольные женские возгласы. В вагоне ехали дети, они могли простудиться. Напротив меня, с книгой в руках, сидел молодой парень. Ежик черных волос, широкие скулы, маленькие с прищуром глаза. Представился Русланом. Он ехал к своей возлюбленной в Ярославль. Позже выяснилось, что Руслан — религиозный фанатик. Когда я отправился покурить в тамбур, Руслан покачал головой и погрозил пальцем:

— Бросал бы ты это дело. Когда выпускаешь дым, становишься похожим на дьявола. «Ну все, — подумал я, — началась плакатная проповедь».

Покурив, я вернулся в натопленный до одурения вагон.

— Сексуальные связи до брака — это блуд, — заявил мой попутчик, увидев в журнале на столике полуголую девицу, — а блуд от дьявола.

Мимо прошел высокий, голый по торс парень с вафельным полотенцем на шее.

— А сам-то ты женат? — спросил я, глотнув минералки из пластиковой бутылки.

— Пока что нет, но хочу сделать предложение, — радостно сообщил он, — мы с Ириной долго общались в сети, на православном форуме.

— Так ты не видел ее, что ли?

— Почему не видел, фотки присылала. Мы хоть и верующие, но не ретрограды, идем в ногу со временем.

— А, ну тогда молодцы, поздравляю.

Проползли мимо какого-то полустанка с кирпичной постройкой и ржавым покосившимся ограждением.

Руслан признался, что раньше был мусульманином, но отрекся от веры. О причинах умолчал, ловко соскочив на другую тему. Взахлеб рассказывал о Боге и христианском смирении. Потом стал впаривать какие-то брошюры. Чтобы отвязался, я, не глядя, сунул их в карман и забрался на верхнюю полку. Несмотря на это, Руслан продолжил свою проповедь. Говорил он теперь сам с собой, обращаясь в пространство.

Раздался громкий смех пожилого башкира. Он снова обыграл свою жену в карты.

Прибыли в Ярославль в одиннадцать вечера. Слышались протяжные гудки. Из вокзального громкоговорителя вещал сдавленный женский голос. На платформе суетились редкие встречающие.

— Ну что, попутчик, будем прощаться? — проповедник убрал сланцы в сумку-тележку и надел куртку.

— Счастливо, невесте привет, — я пожал его ладонь.

— У тебя все будет хорошо, — пообещал Руслан, — только не забывай молиться.

Волоча за собой сумку, он стал протискиваться к выходу.

Минут через десять поезд тронулся. Свет от фонарей заскользил по стеклам. Вагон мягко покачивался, слышался размеренный перестук колес. Меня сморило в сон.

Снилась мне Ольга Викторовна. Она была в образе библейского пророка Моисея. С растрепанной седой бородой, с посохом, в длинном сером хитоне и кожаных сандалиях. Высоко поднимая колени, она скакала вокруг огромной золотой статуи синицы посреди пустыни. Рядом стоял на коленях Зяблик. Он рыдал и хлестал по своей спине плетью с металлическими наконечниками. Спина была лилового цвета, многочисленные сеченые раны кровоточили.

* * *

Брат встретил меня на перроне. Падал мокрый снег. Часы на здании вокзала показывали десять тридцать утра. Люди то и дело задевали меня тяжелыми сумками.

Женя изменился. Пополнел, светлые волосы на макушке заметно поредели. Мы обнялись, и он перехватил у меня сумку.

— Ну чё, — улыбнулся брат, — шмотьё закинем и прогуляемся? Сколько ты уже в Питере-то не был?

— Мне бы душ принять, а то провонял весь в этом скотовозе.

— Ну это само собой.

Квартира была просторная, с высокими потолками. Под ногами стелился потертый линолеум с еле различимыми витиеватыми узорами.

Брат что-то бросил в микроволновку и поставил таймер. Я принял ванную, переоделся, прошел в кухню, сел за стол.

На обитой вагонкой стене висел небольшой ЖК-телевизор. Показывали «Ежика в тумане». Любимый декадентский мультфильм моего детства.

Я отыскал в сумке «цифровик», и мы с братом вышли из дома.

На Дворцовой площади к нам подбежал запыхавшийся толстяк в белом парике под восемнадцатый век и лоснящемся камзоле красного бархата. На груди висел бэйджик с надписью «Григорий Орлов». За триста рублей граф предложил сфотографироваться со своей знаменитой спутницей. Екатерина Алексеевна курила в стонке. На ней были короткая облезлая шубейка и серебристое платье с необъятным подолом. Екатерина улыбнулась нам, хихикнула и швырнула окурков на сырую брусчатку. Мне показалось, что императрица была пьяна.

— Ну так как? — приставал дотошный самозванец. — Всего триста рублей, два снимка за пятьсот, не пожалеете! Не хотите со мной, сфоткайтесь с Екатериной!

— Отвали, — рявкнул брат, — мы коммунисты.

— Понял, — привычно отреагировал граф и поспешил к следующей жертве.

Моложавый азиат в очках снимал на «планшет» Зимний дворец.

Побывали в Кунсткамере, в Михайловском дворце, доехали до Исаакиевского собора.

Брат то и дело меня торопил, нервно поглядывая на часы.

— Ну что, в Эрмитаж? — сказал я, листая фотографии на фотоаппарате.

— Хм, наивный, да туда не пробьешься. Это надо было с утра очередь занимать.

— Хорошо, твои предложения.

— Да есть одна мыслишка...

Подойдя к остановке, Женя вытянул руку.

Остановилась грязно-белая «десятка». За рулем сидел мужчина лет шестидесяти, в вязаном свитере с высоким горлом. Брат занял место рядом с водителем, я устроился на заднем сиденье. В салоне было накурено, по «Авторadio» передавали новости.

— Нет, — покачал седой головой водитель, — никогда в этой стране порядка не будет без нормального мужика у штурвала.

— А у вас и кандидат припасен? — язвительно спросил брат.

— Да какой, на хрен, кандидат! Ты только посмотри на эти хари, сынок! Ворье на ворье кругом. Вот в той же Белоруссии, например, порядок. Что уж они лучше нас, что ли? Нет, те же славяне, братья. А все потому, что там батяня, хозяин. Если кто рыпнется, тут же по лбу получит. Его бояться и уважают. А у нас развели бардак. Свободы захотели, мать их!

Приехали на Невский. Женя расплатился, и мы выбрались на холодную промозглую улицу. Где-то в районе Мойки брат заглянул в винный погребок и купил две пластиковые бутылочки белого разливного вина. Одну протянул мне.

— Красное не пью, — объяснил он, — давление.

Отвинтил крышку, слегка стукнул доньшком по моей бутылке и сделал большой глоток.

Достал сигареты, закурил.

— Есть тут неподалеку одно местечко душевное, — сказал он, — пиво чешское, живая музыка, зайдем?

— Ну если ненадолго, у меня семинар завтра с утра.

— Как скажешь. Идем.

* * *

Бар уютно гудел. Под потолком лениво вращались лопасти вентилятора. В углу стоял бутафорский байк с логотипом «Harley-Davidson» на бензобаке. На низкой

сцене выступали музыканты. Один, с длинными волосами, перебирал струны полуакустической гитары. Другой, бритый наголо и с татуировкой на шее, стоял за диджейским пультом. Получался неплохой синтез электроники и гитарной лирики.

Мы расположились у барной стойки. Бармен в черной майке «Ramones» придвинул к нам два бокала светлого пива и блюдце с соленым арахисом, поменял пепельницу. Мы стукнулись бокалами и сделали по длинному глотку. Я забросил в рот орешек.

— Валить тебе надо, Кирюх, из своей клоаки, — сказал Женя, закуривая, — у вас перспектив — ноль. Вот ты сколько получаешь? Если не секрет, конечно.

— Пятнадцать тысяч, — ответил я, вытянув из пачки сигарету.

— Да ты че! У нас вообще таких зарплат нет! Даже бармен, вон, и тот, я думаю, тридцатку имеет, и это как минимум. Как ты живешь на эти гроши?

Я пожал плечами. Прикурил от протянутой зажигалки:

— По кабакам не хожу.

— Ой, да при чем здесь кабаки, — вздохнул Женя, — ты вообще в курсе, что у нас галимый грузчик и тот больше зарабатывает. Гастерам больше платят. А ты в своей деревне копейки считаешь... Разве тебе не обидно? Ты, это, давай мозги не трахай, — он хлопнул меня по плечу, — бери свою Маруню, и приезжайте в Питер. Первое время можете у нас пожить, все равно одна комната пустует.

— Хорошо, Женя, я подумую.

— Хм, подумает он. Да че тут думать, ноги в руки — и вперед!

Брат вкрутил окуроч в пепельницу и заказал еще два пива.

Музыканты заиграли «Linkin Park» песню «Numb». Вокалист довольно сносно вытягивал припев.

Женька отправился в туалет, прихватив с собой недопитую бутылочку вина. Я глотнул из бокала, докурил сигарету.

Гитарист дернул струны и что-то завыл на английском.

Вернулся Женя. На его лице сияла довольная ухмылка.

— Видел бы ты сейчас рожу того парня в туалете. Короче, заходит он поссать и видит, как я допиваю вино из бутылки.

— И что? — не понял я.

— Да оно же по цвету моча мочой. Я сразу понял, че он палит, и говорю ему: не обращай внимания, чувак, это уринотерапия, врачи прописали от гастрита. А он испугался чего-то, стоит у писсуара с расстегнутой ширинкой, расслабиться не может. Ну я быстрее вышел, чтоб его не смущать.

Выпили еще по пиву, и брат сказал:

— Че-то скучно здесь, может, в клуб рванем?

— А пойдём, — махнул рукой я. Пиво все-таки дало о себе знать.

Вышли из бара. На улице стемнело. В свете фонарей различался падающий снег. Шагали по узкому тротуару. Улица уходила вниз. У металлической двери с мигающей бордовой вывеской «Cherry love club» нас остановила девушка. Высокая блондинка с длинными волосами. Симпатичная, хотя и заметно потасканная.

От холода она приплясывала и прятала подбородок в вязаный шарф, свисающий до колен.

— Добрый вечер, молодые люди. Приглашаем посетить «Черри лав клуб». Вас ждет зажигательное выступление наших лучших танцовщиц, а также...

— Так что же еще нас ждет, красавица? — Женя обнял девушку за талию.

— Много чего, — заулыбалась блондинка.

— Прекрасно. А как зовут красоту?

— Катя, — хихикнула она.

— Вот что, милая Катя, — сказал брат наигранно-серьезным тоном, — мы с удовольствием посетим ваш клуб, но при условии, что вы составите нам компанию.

— Хорошо.

Она высвободилась из Жениных объятий, шагнула к двери и надавила на кнопку звонка. Дверь открыл высокий человек в черном костюме.

— Только я попозже подойду, где-то через полчаса, ладно? — сказала Катя.

— Уговорик, красавица, будем ждать.

Мы вошли внутрь. Двухметровый охранник, гардеробщик по совместительству, принял у нас куртки и скрылся в гардеробе. Через секунду он вышел и закрыл входную дверь на ключ.

— Жень, — сказал я, — может, двинем отсюда, здесь как-то стремно.

— Да не ссы ты.

В клубе мы были единственными посетителями.

К нам приблизилась девушка в блузке с глубоким декольте и строгой черной юбке до колен.

— Добрый вечер! Рады вас видеть в «Черри лав клуб»!

— Давайте показывайте, где тут у вас можно культурно отдохнуть, — потер ладони Женья.

— Пожалуйста, проходите в зал, — улыбаясь, официантка указала на дверной проем со свисающими пластиковыми цепочками.

Отдернули позвякивающую завесу и шагнули в залитое красным светом помещение. Играло приглушенное «RnB». В центре, на небольшом возвышении, обнимая крепкими бедрами блестящий шест, извивалась девушка со смуглой кожей и красивой высокой грудью. Танцовщица проделывала на шесте немыслимые акробатические пируэты, однако смазливое личико ее оставалось спокойным и сосредоточенным.

Мы уселись на кожаный диван, рядом с низким стеклянным столиком.

— Меню, пожалуйста, — официантка вручила нам папки и, не переставая улыбаться, скороговоркой произнесла:

— Делаете заказ, и получаете в подарок графинчик водки, и, если хотите, наши девушки могут составить вам компанию.

— Конечно, хотим, — Женья бросил меню на столик, — значит, так, девушка. Принесите нам винца. Белого, полусладкого, но не слишком дорогого. Что еще... шоколад, ну и фруктов каких-нибудь.

— Хорошо, — кивнула официантка и поплыла в сторону бара.

— И графинчик не забудьте, — крикнул Женья.

Смуглянку на шесте сменила худенькая танцовщица, лет семнадцати на вид. Девушка то и дело оступалась на своих высоченных пластиковых каблуках-ходулях.

— Ну ты че приуныл? — закурил брат и положил ногу на ногу. — Ты только посмотри, какие веревки перед тобой пляшут.

— Это, конечно, все круто, — ответил я, разглядывая ламинированные страницы меню, — вот только цены здесь адовые. Смотри, самая дешевая бутылка вина — четыре штукаря, офигеть!

— Сколько? Они чё там, вообще с дубу рухнули?! Кирюх, не в службу, а в дружбу, сходи отмени заказ, а?

Но не успел я подняться, как появилась официантка и, чуть согнув ноги в коленях, стала ловко перемещать вино и фрукты с подноса на столик.

— Девушка, девушка, одну минуту, не торопитесь, — сказал Женья, поднимаясь, — просим прощения, но вы можете все уносить обратно. Мы уходим. Пойдем, Кирюх.

С пухлого лица официантки моментально слетела казенная улыбка.

— Заказ сначала оплатите, уходят они. С вас шесть четыреста, — отчеканила она визгливым провинциальным говорком.

— Эй, але, притормоси, родная, — сказал Женья, — мы ничего не трогали.

— Какая разница, вино-то я уже открыла, — официантка чуть отступила, прижала поднос к груди, словно закрывалась щитом.

— Ариведерчи, — сказал брат и зашагал к выходу. Я за ним.

Охранник, увидев нас, лениво поднялся со стула и прошел в гардероб.

— Артур, — выскочила из-за стойки барменша, — не выпускай их, они счет не оплатили.

Громила вернулся и встал в проходе, скрестив руки на груди.

— Ребят, если вам не нужны проблемы — лучше заплатите, — посоветовала официантка.

— Это у вас будут проблемы, если ваш бык не откроет эту гребаную дверь! — наступал Женя.

— Ты за базаром следи, — прогремел вышибала.

— Платите шесть четыреста, и свободны, — сказала официантка.

— Да ну! А тебе не завернуть?! — злобно расхохотался брат.

— Ну ладно, сами напросились, — пригрозила официантка и решительно зашагала прочь.

Из соседнего помещения вышли двое парней. Коротко стриженные, бандитского вида. Один высокий, в синих джинсах и черной майке, другой пониже, в серой камуфляжной форме.

— Че за дела? — спросил «камуфляжный».

— Клиенты в отказ идут, — насмешливо объяснила официантка, — платить не хотят.

Выбежали танцовщицы. Резко пахнуло сладким запахом духов. Чулочки в сеточку, яркая помада, раскрасневшиеся лица в блестках. Поддерживая друг дружку за локотки, девчонки с любопытством наблюдали за происходящим и перешептывались.

— Пацаны, вы не правы, — сказал «камуфляжный».

— Если не правы, вызывайте мусоров, — пафосно прикурил брат, — денег нет.

— Пускай тогда друган твой за бабосами съездит, а ты останешься, — сказал бритый, в синих джинсах.

— Правильно, — ткнула в меня пальцем официантка, — пусть бородатый за деньгами сгоняет.

— А вы ниче не попутали, ребят? — заступился брат.

— Слышь, ты ваще штоль не догоняешь?! — заорал «камуфляжный», подойдя к Женьке вплотную. — Я же щас тя убью, дурак!

Обстановку разрядила внезапно пришедшая блондинка-зазывала. Та самая, которую брат клеил у входа. Женька расцвел. Сразу же отыскалась банковская карточка, и злополучный заказ был оплачен. Бойцы заползли в свою подсобку, а мы с братом, с блондинкой Катей и двумя стриптизершами сели за столик. Официантка засияла прежней улыбкой и принесла графинчик водки. Вино, шоколад и фрукты быстро употребили девушки. Брат налегал на водку. Я тоже выпил рюмку, успокоил нервы. «Семнадцатилетняя» стриптизерша, накручивая на палец светлый локон, откинулась на спинку дивана и забросила свои худые, гладкие ножки мне на колени. Попросила у брата сигарету.

На столике появились пять стопок текилы, тарелочка с дольками лайма и блюдо с солью. Все дружно чокнулись. Брат выпил с блондинкой «на брудершафт» и поцеловал ее в засос.

Потом они отправились в VIP-комнату поплескаться в джакузи. А я со стриптизершами переместился в бар. Барменша по имени Алина угостила нас водкой.

— За счет заведения, — приговаривала она, наполняя составленные в ряд стопки.

Алина вела себя странно. То и дело забегала в VIP-комнату, но быстро возвращалась и наливала снова.

Пьяный, я сидел рядом со смуглянкой, упираясь локтем в барную стойку. Поглаживал круглое колено девушки и нес какую-то ахинею про Сонечку Мармеладову.

— А можно узнать ваш номер телефона? — растягивая слова, невнятно пробормотал я.

— Мой номер стоит пять тысяч рублей, — ответила танцовщица, прикуривая тонкую сигарету.

— Вот что и требовалось доказать, — чему-то обрадовался я.

Алина придвинула к нам два фирменных коктейля — ром с вишневым соком. Опять за счет заведения. После коктейля мне совсем захорошело. Рома барменша явно не пожалела.

Пришел в себя я только на улице. Раннее утро, холод, свет витрин и вывесок, редкие автомобили. Женя стал ловить частника.

— Слушай, у тебя деньги есть?

— Да рублей четырехста осталось, — ответил я.

— Хорошо, доехать хватит. Ты представляешь, меня на сорок рубэнов обули. Барменша, с..., заваливает в джакузи и говорит: «Там ваш друг кое-что заказал, расплатиться бы». И это в самый неподходящий момент! Ну ты понимаешь. Короче, отдал ей карточку, чтоб она быстрее свалила, еще и код сказал, дурак.

Притормозила «дэу нексия», мы загрузились в машину.

* * *

Уснул я в шесть утра, а уже в девять, жадно глотая минералку, ехал на семинар. Тошнило, болела голова. Мой батя съедал с бодуна сразу две упаковки аскорбиновой кислоты с глюкозой. Мне надо было срочно найти какой-нибудь аптечный киоск и воспользоваться отцовским опытом. Маршрутка была переполнена, но я успел занять освободившееся место. Передо мной восседали две женщины в одинаковых меховых шапках.

— Нет, я вообще не понимаю, как она живет, — сокрушалась сидящая у окна, — ведь трое детей и ни одного мужа.

В небольшую аудиторию коммерческого института набилось человек тридцать. Люди самых разных формаций и возрастов. От модно-небрежных очкастых хипстеров до солидных лысеющих дядек в белых рубашках и пиджаках. Я сел за третью с конца парту, дожевывал аскорбинку, запил купленным в холле кофе. Мой сосед, парень в серой толстовке с капюшоном, снимал на смартфон выступление гуру.

Я достал блокнот с ручкой.

— Зачетный дядька. Харизматичный, правда? — сказал парень и посмотрел на меня.

Я кивнул.

Мигин рисовал маркером на доске хитрые схемы и делал корявые пометки. Это был невысокий, лет сорока-сорока пяти мужчина, с легкой небритостью и густой седеющей шевелюрой. Говорил он медленно и обстоятельно, словно обдумывал каждое слово. На меня это действовало усыпляюще. Я выскользнул из аудитории и прошел в туалет. Поплескал на лицо холодной водой. Затем спустился в холл и купил в автомате кофе.

Когда я поднимался по лестнице, позвонил Дима. Судя по голосу, пьяный.

— Затрахали меня эти «Синицы»! — кричал он в трубку. — Все, на..., увольняюсь!

— Что там у вас еще произошло? — поморщившись от громкого голоса, спросил я.

— Викторевна вообще с башкой не дружит! Отправила меня в командировку в Тулу, а командировочных не дала. Даже водитель, прикинь, без бабла поехал. «Газелька» поломалась в дороге, еле выкрутились. — Дима на секунду смолк, коротко выдохнул и что-то проглотил. — Хорошо, у меня своего налика было немного, — про-

должил он, — а то вообще была бы жопа... Да плюс ко всему эта дура отправила заказчику образцы с тухлым фаршем! Ну это же ваще финиш! И кто после этого с нами работать станет!

Связь прервалась. Я допил кофе, выбросил стаканчик в пластиковую урну и вернулся в аудиторию.

* * *

Теорию Мигин читал во вторник и среду, а в четверг, в последний день семинара, провел практические занятия. Разбившись на группы по три человека, мы придумывали пиар-акции и устраивали презентации. Мигин выставлял нам оценки, как в школе. После занятий все собрались в актовом зале. Под торжественную музыку наш гуру вручил каждому свидетельство о прохождении курса «Практический PR». Это была бумага из плотного глянца формата А4, с золочеными буквами и размашистой росписью. Подобную грамоту я однажды получил в летнем лагере, когда занял третье место в соревнованиях по прыжкам в длину. Помощница Мигина, суетливая девушка с рыжими волосами, раздавала книги в мягком переплете. Я взглянул на яркую обложку: Рон Харбор «Самопознание». Отличное дополнение к подаренным моим попутчиком брошюрам «Бог в твоём сердце» и «Тайники души».

* * *

До Московского вокзала доехали на такси. Поезд отходил в двадцать один сорок пять.

— Дяде Саше с тетей Верой привет передавай и супруге кланяйся, — Женька затащил мою сумку в тамбур и вернулся на перрон.

— Хорошо, — ответил я, прикурив сигарету.

— Ребята, давайте поживей, поезд отправляется, — сказала проводница в синей форме и в пилотке с кокардой.

— Сейчас-сейчас, — махнул рукой брат.

Мы обнялись, и я шагнул в вагон. Проводница закрыла дверцу.

Рядом со мной сидел парень с длинными волосами. На нем были черные джинсы и майка «Immortal». На запястье я заметил татуировку в виде пентограммы. Парень стучал по клавишам ноутбука. Полку напротив заняли полный мужчина в клетчатой рубашке и интеллигентного вида девушка в роговых очках. Покури в тамбуре, я вернулся на свое место. Раскрыл Харбора, но меня потянуло в сон.

Я захлопнул книгу, встал, разложил на верхней полке свернутый матрас и расправил простыню. Затем бросил подушку к стенке, снял кроссовки и взобрался наверх.

В вагоне приглушили общий свет. Я быстро уснул.

* * *

Дима и вправду уволился. Секретарша рассказала, что он получил зарплату и сразу написал заявление. Но на следующий день, пьяный в хлам, хотел прорваться в офис.

— С...! Пропустите меня, ублюдки! — кричал он, — твари, я все равно до вас доберусь!

Охранники на проходной с ним не справились, пришлось вызывать ментов. Зяблик посоветовал заодно вызвать дурку.

С Димой мы больше не виделись. Несколько раз я пытался до него дозвониться, но телефон был отключен.

Как-то раз в курилке я разговорился с Зябликом. Он рассказал по секрету, что ритуальные заморочки у начальницы начались около пяти лет назад. Были проблемы

с бизнесом, висела куча кредитов, предприятие разваливалось. Салтычиха впала в депрессию. Ни с кем не разговаривала, стала выпивать. Муж даже хотел показать ее психиатру. Но потом ее вдруг осенило. Она поняла, что на ней — порча. Знакомая посоветовала съездить в какую-то глухую деревню под Владимиром к бабке-ведунье. И Салтычиха поехала. Бабка поводила свечкой над ее головой и подтвердила опасения начальницы. На ней была порча. За некоторую сумму деревянных порчу ведунья сняла. А потом сказала: «Чтобы дела шли хорошо, надо назвать фирму в честь какой-либо птицы (раньше компания называлась „Сударыня“), смастерить тотем-оберег и раз в неделю читать заклинание». Ольга Викторовна все сделала так, как было велено, и бизнес действительно пошел в гору.

Каждый месяц Салтычиха ездит к бабке в деревню. Карму почистить да совет добрый выслушать. Оставляет там немалые деньги. Еще Зяблик признался, что сотрудники в эту пятничную ахиною не верят, а только подыгрывают. Каждый дорожит своим местом, ведь работу сейчас найти трудно.

* * *

В прошлом месяце Ольга Викторовна заплатила мне только половину оклада.

— А ты что думал, — сказала она, когда я вошел в ее кабинет, — поездку в Питер надо как-то компенсировать.

— Я туда не напрашивался, — буркнул я.

— А это не важно. Вот договор с твоей подписью, — она порылась в столе и протянула распечатанный на принтере лист бумаги.

Под мелким текстом действительно значилась моя корявая детская завитушка. Хотя я не помнил, чтобы где-то расписывался.

— Убедился? — Салтычиха убрала лист в ящик стола. — Кстати, твое обучение мне встало в шестьдесят тысяч рублей. Все понятно? Деньги я буду вычитать из твоего оклада. Иди работай.

Февральской зарплаты мне хватило только на сигареты. Ольга Викторовна предложила подработку. После работы и по выходным я был ростовой куклой. Облаченный в поролоновую синицу с пластиковым клювом, раздавал прохожим рекламные листовки с фирменными пельменями и котлетами. Чтобы дело спорилось, я по совету начальницы бормотал заклинание:

Птица-синица,
К небу лети.
Птица-синица,
Продажи подними.
Птица-синица,
Долги заberi.
Птица-синица,
Врагов прогони.

Однако люди неохотно брали глянцевые бумажки, а если и случалось, то выбрасывали в ближайшую урну.

«Ничего, — мечтал я, подскакивая от холода у торгового центра, — к лету отдам долг и уж тогда заживу. Я ведь теперь специалист...»

Елена ИОНОВА

* * *

Любовь земная, из земли трава,
А остальной бардак уже в счет.
На крышу громко падает листва,
Бесшумно время летнее течет.
На самой стремной из возможных дач,
На теплом месте, под завалом звезд,
Найти под боком тертый, как калач,
Родимый локоть и подняться в рост.
Туда, где к лесу ластится луна,
С травой мешая запах одеял.
И сон придет дыханьем от окна,
И руку даст тот, кто однажды взял.

* * *

Золото наливается в волосах,
Завязь июльской яблони в каждом рту,
Пастбища веют по ветру пух и прах,
Их животы округлые все в цвету
Ластятся к ливню тысячами голов.
Волею из земли прорастает рать...
Глупо прощаться насухо и без слов,
Не понимать, увидимся ли опять.
Будем ли живы мы? По дороге в Тверь
Вижу я мертвых бабочек тут и там...
Страх суеверный как мне унять теперь?
Тихо молюсь дорожным кривым столбам...

* * *

Ольге Ионовой

Глупая девочка с фотками наголо
Выпала ночью, снегом не замело.
Снег отступил, аккурат очертив подол,
А под подолом теплится рок-н-ролл.

Елена Викторовна ИONOBA родилась в 1986 году в г. Нижний Тагил Свердловской области. Окончила Уральское училище прикладного искусства, Нижнетагильскую социально-педагогическую академию по специальности «Изобразительное искусство». Участник перформанс-группы «Звучащее тело». Публиковалась в «Антологии современной уральской поэзии-3», в журналах «ШО», «Урал», «Вещь». Вошла в энциклопедию «Уральская поэтическая школа». Автор поэтического сборника в серии «ГУЛ», книги стихов «Город N и его окрестности». Живет в Санкт-Петербурге.

Видишь, лежит прозрачная, как стекло,
Бледная девочка, льбится так светло,
Как на чердачных окнах блестит весна,
Как, разбивая стекла, визжит шпана.
Канул в ближайшем желобе вешний лед.
Если подуть и выплакать — все пройдет.

* * *

О, как прекрасно спетое в июле —
Резиночки, как струночки... «Харэ!
Подпрыгнули бы выше — утонули!»
И дети, что скакали во дворе,
Вдруг замирают, жадно ловят звуки,
И смотрят вверх, и верят в чудеса.
А посреди небесной этой скуки
Ложится белой пеной полоса.
«Меня возьми, возьми, летящий к звездам!
Пусть будет пусто мне, мне не впервой!»
И побежать, и осознать, что поздно,
Врезаясь в землю глупой головой.

* * *

Заблудший, забывший себя,
Хлебнувший забвения вод,
Иди, ни о чем не скорбя,
Пока тебя терпит народ.
Из жизни всей выбери день,
Из дня того выбери дом,
В игольное ушко продень
Все бревна его, а потом
Крестом его вышей, огнем
Его очерти на полях,
Оставь капли крови на нем,
Как алые маки впотьмах.
И трезвый закат и рассвет
Под тремор в озябших руках...
Туда возвращения нет
Из прожитого впопыхах.

* * *

Акведук. Аквилон. На просвет желтый лист мимо нас.
Затихает вдали горемычная радость моя.
Облетевшего дерева страшен и мощен каркас.
Только линия тени, блестит над водой чешуя.
Ветром веется каждая тонкая нить бытия.
Меланиновый голод — затягивай пояс души.
Почему меня нет, если там, в отражении, я?
Почему тебя нет, но листва под тобою шуршит?

Александр ТЮЖИН

КАННЫ ДЛЯ ВАННЫ

Романчик

У меня была мечта. И никакая сила на свете не заставила бы оторвать зад от мягкого кресла и начать путь к ее осуществлению. Я же русский человек, это на западе Штольцы по земле разгуливают, а у нас работать никто не любит, у нас — беспросветная обломовщина. И потом, мечта — она на то и мечта, чтобы, как звезда с небес, на лапу тебе свалиться с криками: «Вот она я, счастье твое ненаглядное».

Сами понимаете, что я только на чудо и рассчитывал. У нас и сказки такие: лежи себе тридцать три года на печи, а потом раз, и ты богатырь, да такой, что человек-паук или бэтмэн с тобой и рядом не валялись; или сходи один раз за водой, и все — можешь потом с печки не слезать, будет она тебя развозить, куда скажешь, почище любого такси, и никакие навигаторы ей не нужны; или стрелой попади куда-нибудь лягушке, а она тебе и ковер соткет, и ужин приготовит, и даже в красавицу неписаную превратится, прелестней Джולי да Пенелопы Круз, а ты, опять же, лежи себе да только команды раздавай. И так во всем.

С другой стороны, любой труд не остается незамеченным. Будешь пахать с утра до ночи, что-нибудь да получишь. А если совсем поднажать, то в нагрузку к грыже можно и мечту получить. Таковую на блюдечке с голубой каемочкой, как у Ильфа с Петровым. Здорово, да? Только это не мечта уже будет, а цель. Все, чего ты можешь добиться самостоятельно, это цель. А мечта куда значительнее и недоступнее. Мечта — это вообще самое важное, что есть в нашей жизни. Потому как цели у нас похожи, а мечты — разные. И вместе с характером они и определяют нашу индивидуальность.

Вот я умный! Прямо второй на планете, сразу после Эйнштейна. Сам удивляюсь, откуда что берется. Главное, прочел всего книг десять, не больше. Просто чтение — это скука смертная. Все слова, слова, сплошные описания — даже зевать хочется, как вспомню. Вот кино — это дело иное. С хорошим кинчем мало что сравнится.

А мечта моя как раз с кино связана. Есть у меня на полке место свободное. И я вдруг захотел, чтобы место это было занято чем-то особенным. Не какой-нибудь задрипанной безделушкой или коллекцией фарфоровых обезьянок, а чем-то таким, что не стыдно выставить напоказ. Например, «Пальмовой ветвью». Такие в Каннах выдают на кинофестивале. Просто подумал: «А неплохо, пожалуй, пальмовая ветвь будет смотреться на этой свободной полке», и пожалуйста, у меня появилась мечта.

Потом я еще подумал: «А „Оскар“ будет хорошо смотреться на этой полке?» И сам же себе ответил: «Нет, „Оскар“ не будет смотреться так же хорошо, как будет смотреться „Пальмовая ветвь“ на этой свободной полке». «Оскар» больше похож на

Александр Викторович Тюжин родился в 1985 году в Оренбурге. Окончил Оренбургское областное училище культуры в 2006 году и ВГИК в 2011 году — мастерская А. Э. Бородинского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Современная драматургия», альманахе «Первоисточник». Входит в лонг-листы конкурсов «Астафьевский», «Свободный театр», «Евразия», участник литературного форума в Липках 2011 года.

безделушку, так себе дизайнерчик, если честно. И потом, банально до невозможно мечтать об «Оскаре», любой массовщик так и видит себя на церемонии вручения с золотой статуэткой в обнимку. И я снова поглядел на полку и в третий раз отметил, что «Пальмовая ветвь» будет смотреться на этой свободной полке великолепно.

А вот теперь объясню, почему это не казалось мне целью. Кино я любил, можно даже сказать, обожал. Но к его производству я не имел ни малейшего отношения. Чтобы получить кинопремию, нужно снять фильм, а я ничего, кроме грязных носков и денег с карточки никогда не снимал. Так что можно было спокойно ложиться на диван и ждать, что по воле случая рано или поздно прекрасная «Пальмовая ветвь» появится на моей столь же прекрасной свободной полке.

Не нравилось мне это. И тогда я взял телефон и позвонил Новикову. Новиков — это мой друг, если вдруг вы не поняли.

Саня, как всегда, долго не брал трубку. Видимо, спал или делал вид, что спит, чтобы родители его не припрягли чистить картошку. У них какой-то фетиш — чистить картошку. Соберутся все вчетвером, и давай начищать, кто быстрее. Вроде не белорусы, а картошку любят. Наконец длинные гудки сменил заспанный голос Новикова.

— Алло.

— Ну ты, притворщик-самоучка, хорош подушку мять.

Он почему-то обиделся.

— Да я с ночной.

Новиков работал охранником в супермаркете. Тот, кто нанял Саню на работу, либо ущербный, либо у него шикарное чувство юмора. Из Новикова охранник как из меня Том Круз. Наверное, Павел Воля в три раза толще моего товарища. Но Саня решил качаться, купил себе штангу и гантели. Только наличие штанги никоим образом не значит, что он о ней вспоминает, берет и качается. Она пылится под его кроватью вместе со многими вещами, которыми Саня когда-либо решал заниматься.

Когда мне бывает грустно, я хожу в супермаркет, смотрю, как он старательно выполняет свои обязанности; как ходит по пятам за покупателями, делает суровое выражение лица, выглядывает из-за углов с целью словить подозрительного посетителя, который три раза обошел полку с консервированным горошком, но так ничего и не взял; и у меня сразу поднимается настроение. Однажды Новиков поймал-таки одну несчастную старушку, которая пыталась утащить коробку нарезного сыра, и потом с гордостью всем рассказывал. Есть чем гордиться, если учесть, что ежемесячно из их магазина выносят товара на тридцать пять штук. Я сам лично стащил банку тушенки. Но Сане об этом лучше не знать, поскольку это был эксперимент, и как раз в его дежурство.

Словом, товарищ обиделся на меня и сердито дышал в трубку.

— Ну, что там у тебя? — буркнул он.

— Что ты думаешь о календаре майя?

— Фигня все это. Никакого конца света не будет!

— Ну, вот и ты тоже.

— Что я тоже? — не понял Новиков.

— Тебе хорошо, у тебя день рождения в июле. А у меня 21 декабря!

— Да хоть третьего октября! При чем тут день рождения?

— Да при том, что будь у тебя дняха 21 декабря, ты бы тоже сейчас напрягся.

— Хм, — только и ответил он.

— Понял, да? — не унимался я. — Я прямо чувствую, как вселенная хочет мне сподлнить. Рассчитываешь на вечеринку? А фиг тебе, вот тебе потоп, или землетрясение, или пожар, или метеорит, или еще что. Веселись на здоровье!

- Да ладно тебе грузиться.
 - Помнишь про мою полку?
 - Опять про «Оскар», что ли?
 - Про Канны. Дело не в этом. Я вдруг понял, что если миру каюк, то нельзя вот просто так сидеть и говорить: «Да, миру конец» — или так же спокойно отвечать: «Да нет, какой конец? Никакого конца нет». Нужно что-то делать!
 - И что ты хочешь делать?
 - Я сниму фильм. Фильм про это все. Про людей, которые живут и гадают, последний это их год или нет.
 - А если последний, то на фига им твой фильм? Кто его смотреть будет?
 - Как кто? Я отправлю его в Канны. Мне дадут премию. Пусть я подохну, но лучше если это произойдет с «Пальмовой ветвью» на моей полке, чем с мыслью: «На этой полке могла стоять „Пальмовая ветвь“ и смотрелась бы великолепно».
 - Ты придурок.
 - А я хотел взять тебя в помрежи.
 - Хм.
- Видимо, должность помрежа его привлекла.
- Ладно, давай до вечера отложим. Меня вырубают. Как проснусь, я звякну.
 - Слабак! — сказал я и повесил трубку.

Интернет — это, конечно, болото. И я не особо люблю в нем лазить, потому что там тоже нужно до фига читать, но, с другой стороны, без него хрен обойдешься. Особенно если ты такой неудачник, как я. Все фрилансеры неудачники. А я, к великому моему сожалению, фрилансер. Это вообще жуть. Угораздило меня родиться в России и стать фрилансером. Как еще можно назвать людей, которые получают по пять рублей за отзыв, по тридцать-сорок за статью и столько же за полчаса тыкания на кнопки, отвечая на тупейшие вопросы: «Пьете ли вы квас зимой? Готовы ли вы покупать сигареты по такой цене, или вы считаете ее заниженной? На какой иномарке вы ездите?». Если бы я ездил на иномарке, с какого перепуга я стал бы просиживать часами перед монитором за ваши жалкие сорок рублей? Что-то я с трудом представляю Романа Абрамовича, участвующего в вашем соцопросе. К счастью, у меня немного иной профиль работы. Я вроде как дизайнер. Вроде как, потому что ни черта этому не учился. Просто с детства неплохо рисую, вот и подрабатываю: кому иллюстрации замучу, кому логотип накорябаю, кому дизайн обложки зафигачу. На Гоа, конечно, с моими гонорарами не слетаешь, но в целом крутиться можно. Если перевести на язык соцопроса, отношусь к категории: денег хватает на еду и мелкие расходы, но я не могу позволить себе покупку новой бытовой техники. Но так мало кто пишет. Потому что в следующий раз тебе вообще ничего не пришлют, а это значит, все, конец, ты же не сможешь прожить без их спасительных сорока рублей за пятнадцать-двадцать минут твоего драгоценного времени.

Мне нужно было придумать логотип для какой-то строительной фирмы, но я, как всегда, не торопился браться за карандаш. Это самое величайшее преимущество работы на дому. Будь я в офисе, с меня бы три шкуры драли. А тут никто не видит. Беру заказ со сроком в три дня, за полчаса его выполняю, а потом делаю, что хочу, затем прошу пару дополнительных часов, мол, невероятно сложно, я голову себе сломал и что-то в этом духе. И верят. Станиславский бы не поверил. А тут как миленькие. А в офисе не прокатит. Теперь сами видите, что Интернет хоть и вселенское зло, но и пользу немалую приносит. Я уж не говорю о видео, которого там просто завалиться. Вот я и залез в поисковик, набрал там «2012 конец света» и стал изучать этот вопрос более досконально.

Через час у меня опухла голова. Многие, такие, как Новиков, утверждали, что можно расслабиться и жить в свое удовольствие, потому как все предсказания, календари и прочее — чушь несусветная. Если и будет глобальная катастрофа, то явно не в ближайшие пару тысяч лет, а это значит, что, во-первых, нас к тому времени не будет, а во-вторых, наши потомки будут уже всю гонять по галактике, как в «Звездных войнах» или «Пятом элементе». Это, можно сказать, неисправимые оптимисты. Люди же более склонные к меланхолии и ученые-реалисты не отрицают того, что в любой момент может произойти сдвиг земной коры или растают все снега Арктики, и тогда миру придется ой как несладко. Надеюсь, вы понимаете, что выражение «ой как несладко» является самым мягким, из того, что на самом деле нас ожидает. К тому же эти самые ученые говорят о том, что уже сейчас все чаще и чаще случаются наводнения, землетрясения, извержения, это все неспроста, и только откровенный полудурок может это отрицать.

Вот же угораздило родиться в России, стать фрилансером и жить в возможно последнюю эпоху планеты Земля. Я твердо решил, что фильму быть.

И тут снова зазвонил телефон.

— У аппарата!

— У батареи. — ответил Новиков.

— Выспался?

— Типа того...

Значит, не очень, но и по фигу, скоро все будем спать долго, очень долго, возможно, даже вечно.

— Что там с помрежем?

— Ага, все-таки поверил в апокалипсис? — обрадовался я.

— Ни фига. Просто слово прикольное.

— Что в нем прикольного?

— Не знаю. Просто прикольное.

— Угу. Похоже на помрешь!

— Иди ты! — Разозлился товарищ. — Юмор у тебя какой-то черный.

— Ладно. Слушай, вот что я решил. С завтрашнего дня снимаем фильм. Это будет настоящая бомба, нереальный хит, Ларсу Фон Триеру и не снилось с его «Меланхолией».

— Отличный план, — одобрил Новиков, — когда это ты успел написать сценарий?

— Сценарий? Какой сценарий?

— Фильма, дебил.

— Фильма «Дебил»? Я не знаю такого фильма.

— О, Боже...

— Не понял, а зачем мне сценарий? — спросил я чуть погодя.

— А кино ты как собираешься снимать?

— На камеру.

— А-а-а.

— А сценарий на фиг не нужен. Кто сейчас снимает по сценариям?

— Вообще-то все, — возразил Саня.

— Вот у них фуфло всякое и выходит, а мы не все. Мы снимем настоящий фильм.

— Амбициозно!

— Ты давай не подкалывай, лучше скажи, ты в деле или нет?

— Конечно, я в деле! Всегда хотел кино заниматься.

Какие все киноманы, оказывается, куда ни плюнь, всюду кинорежиссеры ходят! Конечно, камеру держать — не мешки ворочать, можно и помечтать о кинокарьере. Вот сниму свой шедевр и никогда больше не буду делать кино. Надо быть brutаль-

ным, как Рой Андерссон, с его темпами он так и не представит миру свой пятый фильм, а жаль.

Но что-то я отвлекся. Речь же не о моей брутальности, а о грядущем конце чего-то.

Поболтав еще немного с Новиковым, мы договорились встретиться завтра и пойти за камерой к Сергею Заикину — нашему общему товарищу.

Разговор был закончен, я сделал первый шаг к фильму, и нужно было садиться выполнять заказ, а мне жутко не хотелось. Еще бы, все мысли были о предстоящем дне, я уже видел себя в нелепом наряде «а-ля» режиссер, бегающим по улице с горящими глазами и донимающим несчастных прохожих своими нелепыми вопросами: «Что ждешь от конца света?», «В чем смысл жизни?» и «Будет ли вам в небытии не хватать бренности бытия?». В моем представлении все складывалось замечательно, и я постоянно кричал: «Гениально!», «Отличный кадр», «Еще один дубль», «Снято». Красота! А тут какой-то жалкий логотип для никому не известной строительной фирмы. Суровая правда жизни.

Промучившись полтора часа, я родил что-то нелепое, нагло напоминающее советский серп и молот, только в современной обработке. Шуроповерт и рулетка. Мне не очень нравилось то, что получилось, но я давно заметил: чем больше ты доволен своей работой, тем сильнее ее критикуют и заставляют переделывать, и, наоборот, чем большее чувство стыда охватывает тебя за твой труд, тем меньше проблем возникает с его одобрением у заказчика. Будь на одном уровне с работодателем, не выпендривайся, и будет тебе счастье. А для себя делай как угодно. Вот еще одна умная мысль, рожденная моим не самым огромным на свете умом. Неплохо, да?

На этот раз я тоже не стал грузиться. Ну, фигня и фигня, лишь бы заплатили.

Отправив логотип на почту заказчика, я вернулся к просмотру видео и передач о грядущем апокалипсисе. Ученые с умным видом рассказывали о том, что может ожидать нашу планету, использовали какие-то сложные термины, показывали непонятные графики и все как один твердили, что выжить не удастся никому. Нет, чтобы вы поняли, что это на самом деле означает, писать нужно исключительно так: НИКОМУ — и говорить отрывисто, многозначительно и по слогам: НИ-КО-МУ.

Священники же, наоборот, утверждали, что календари Майя и прочие пророчества — это чушь несусветная, верить нужно Библии, а в ней точной даты апокалипсиса и второго пришествия Христа нет и быть не может по одной простой причине: одному Богу известно, когда он придет и будет судить правых и неправых. Их понять можно, они люди подневольные, им спорить с Библией не положено. Уверен, что минимум парочка из них струхнула при мысли о 21 декабря, но признаваться им, разумеется, нельзя.

Скоро мне все это надоело. Я направился к холодильнику, вынул из него последнее пиво и отметил про себя, что оно было вообще последним, что лежало в моем старом несчастном холодильнике.

«Ерунда, — успокоил я себя, — художник должен быть голодным». А я теперь художник, на! И выпил залпом всю бутылку.

Затрещав телефон. Ну, кто там еще?

Звонил Новиков. Можно было бы и догадаться. Он теперь завелся больше меня.

— Чего тебе? — пробурчал я.

— Санчас, я тут подумал.

— Ну и что ты там надумал?

— А. Так, это, давай нашу студию «Сан Саныч» назовем.

— Какую студию?

— Такую. Ну, по типу «Коламбия пикчерз» или «Ворнер бразерс». А у нас будет «Сан Саныч пикчерз».

- Нет у нас никакой студии и не будет!
- Ну, — расстроился Новиков, — без студии неинтересно. Я старался, название придумывал.
- Вот и зря старался. И название фиговенькое.
- Ниче не фиговенькое. Ты Санчас, я — Санчас, вот тебе и Сан Саныч.
- Сан Саныч, вали спать!
- А студия?
- Завтра все обсудим, — сказал я и повесил трубку.

Ну Новиков, ну тип! Еще днем дрых себе спокойно и ни о чем не мечтал, а теперь уже придумывает название для нашей студии и рвется снимать чуть ли не активнее меня. Того и гляди, он спихнет меня с должности режиссера и глазом не моргнет на вручении премии в Каннах. Будет заливать, что десять лет вынашивал идею своего фильма, что было невероятно трудно, но он со всем справился, поблагодарит маму и папу за то, что создали его и не утратили в него веру, и уйдет с «Пальной ветвью» под бурные аплодисменты зрителей и кинокритиков. А ведь это была моя мечта.

Повезло тебе, Сашенька! Родился в России, живешь с пустым холодильником, да еще и друг норовит лишить тебя мечты. Вот и верь после этого людям. Нужно что-то делать с активностью товарища.

С такой не особо радостной мыслью я лег и тут же заснул.

Утром мы встретились с Новиковым. Хотя утро — понятие относительное. Для нормальных людей уже давно началась вторая половина дня, а для нас с Новиковым шел лишь второй час от пробуждения. Саня был сильно взволнован.

- Здорова! — Он прямо трясся от нетерпения.
- Здоров, — холодно поприветствовал его я.
- Я подумал...
- Опять подумал? — удивился я.
- Не язви. В общем, я решил, что «Сан Саныч» действительно отстойное название.
- Первая разумная мысль за двадцать с лишним лет! — восхитился я.
- Иди ты! Короче, тебе же нравятся фильмы про зомбаков?
- Ну не то чтобы прям до жути, но нравятся.
- Мне тоже. Вот и давай назовемся «Зомби пикчерз».

Я хотел сказать товарищу, что он кретин, но это не избавило бы от его приставучести, поэтому я посмотрел в его глаза и кивнул в знак согласия.

— Давай.

Новиков был очень рад.

И вот мы пришли к Заикину.

Сергея, как и большинство моих товарищей, не был мажором, хипстером или гламурным подонком. Обычный пацан с района.

Учился в технаре на технолога. Ну, как учился — прогуливал все, что только можно, и нет ничего удивительного в том, что уже весной его загребли в армейку. Сергей не возражал, у него и мысли не возникло косить или ныкаться. Через три месяца он прислал фотку из учебки. На снимке он стоял среди своих боевых товарищей и казался вполне себе довольным человеком. Но вот потом произошло что-то, о чем Сергей никогда не рассказывал. Это что-то изменило его. После дембеля он потерял интерес ко всему, что есть на нашей не фигово такой большой планете.

Сергей пытался устроиться на работу, пытался замутить с девчонкой, но все это ему быстро надоело. Мамаша у товарища дикая. Она не собиралась мириться с его депрессухой и выперла товарища из дома. Сергей даже не расстроился, настолько ему было по фигу.

Друзья для того и нужны, чтобы можно было у них перекантоваться. Вот Серега и торчал у Антохи Дашевского. Того тоже одолевали депрессии. И вот однажды они смотрели футбол (играли «мясо» и «кони») и поспорили на сотыгу. Антоха поставил на «коней», а Серега на «мясо» и выиграл. И тут ему пришла в голову идея: сыграть на тотализаторе, так сказать, попробовать свои силы. Он и попробовал и снова выиграл.

Так и понеслось у человека. Он занял у Антохи косарь, еще косарь у Новикова, два у меня и треху у мамыши. После того, как Серега свалил, матрена стала мягче и без напрягов тусанула ему бабло. Это я тоже заметил: стоит тебе откуда-нибудь свалить и пропасть на какое-то время, тебя все резко начинают любить и даже прощают косяки, какими мощными они бы ни были.

В общем, Серега собрал эти семь косарей и понес в букмекерскую контору. Мне было бы очково, но Серега не я, он рискнул и не проиграл. С семи косарей он поднял еще четыре. Новичкам, типа, везет. А ему фартило по полной. Вскоре он уже съехал на съемную хату и греб в месяц, как менеджер среднего звена, при том, что ни черта не работал и имел столько свободного времени, сколько тем же самым менеджерам и не снилось.

Я откровенно завидовал товарищу. О такой жизни можно только мечтать. Но после того, как я продул несколько, как казалось, стопроцентных ставок, понял, что такой вид заработка далеко не для всех. Типа то, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Кто-то умный сказал, а я повторяю.

Серега же вернул себе интерес к жизни и покупал, как ненормальный, телефоны, ноутбуки, айподы, игровые приставки и прочие продукты технического прогресса. Среди них была и камера, которую мы с Новиковым собирались одолжить.

Но все не так просто. Жизнь — она полосатая, знаете ли. Как тюремная роба или как матрас. Однажды везение улетучилось, и Серега начал продувать ставку за ставкой. Облом за обломом. Как будто прокляли его. Он не мог понять, что происходит, и с отчаянием делал все новые и новые ставки. Но каждый раз итог был одинаковым. Проигрыш. И еще один, и еще, и еще, и еще много неудач. Ему бы затаиться, переждать полосу невезения, а он, бедолага, не мог остановиться. Азарт, как наркотик, даже хуже. Когда выигрываешь, кажется, что это будет длиться вечно. Вот и Серега, разбалованный удачей, просто-напросто потерял над собой контроль. Дошло до того, что он распродал все свои гаджеты по самой нелепой цене, которую только можно представить, и все равно не смог притянуть удачу на свою сторону.

К счастью, он попал в больницу. К счастью, потому что, во-первых, он не успел влезть в долги и откровенно встрять, а во-вторых, его увезли с аппендицитом, а это, считай, что на курорт попал, лежи себе да отдыхай, это не инфаркт и не язва. А от нервов могло что и покруче образоваться.

И так Серега лежал да размышлял: продавать ли ему камеру — последнюю дорогую вещь, оставшуюся в его владении. Он никогда ничего не снимал на нее, но почему-то камера была ему дорога. Может, из-за цены, может, потому что отлично смотрелась в его руке, может, еще почему — это истории неизвестно. Главное, что Серега решил не продавать камеру, а десять дней, которые он провел в больнице, пошли ему на пользу. Черная полоса отступила, и ему снова стало везти, правда, иногда, вернее, не всякий раз.

Мы стояли перед дверью. Я нажал на кнопку звонка. Раздалась раздражительная трель. Не знаю, как вас, а меня эти дверные звонки жуть как бесят. Главное, звучат одинаково. У всех, кому ни позвони.

Серега не открывал. Любит он подрыхнуть почище нашего.

— Вот хлыщ! — выругался Новиков. — К нему товарищи пришли, а он дрыхнет.

— Ага! — согласился я и снова нажал на звонок, скривился, даже заткнул уши, но дверь никто не открыл. — Может, на мобилу позвонить?

— Какая мобила? — воскликнул товарищ. — Это же Заикин, он уже сто лет без трубы ходит.

Я в третий раз приложился к звонку. Тот гремел своей отвратительной трелью, и от этого становилось еще неприятнее. Вдруг дверь приоткрылась, и мы увидели товарища. Он был в халате, с пеной на груди и ногах и с мокрыми волосами.

— Серега! — обрадовался Новиков. — Здорово! А мы думали, ты дрыхнешь.

— Моюсь я! — буркнул товарищ. — Неделю воды не было. Только залез, щас, думаю, понежусь, откисать буду.

— Извини, — сказал я, — мы ж не знали.

— Че приперлись-то?

— Так, это, по делу.

— По делу... — проворчал Серега, — ладно, заваливайте!

Мы вошли.

— Прикольный халатик, — оценил Новиков, — где взял?

— Матрена подогнала.

Серега уселся в кресло. Пена шипела и лопалась на его волосатой груди.

— Надо тоже будет себе такой взять! — решил Новиков.

— Так че за дело?

— Серег, будь другом, одолжи камеру.

— Не могу, — покачал головой Серега.

— Да ты че, — возмутился Саня, — мы кино хотим снимать. Тебе че, жалко товарищам помочь?

— Мне не жалко, пацаны, я же вас уважаю, только не могу — она в ломбарде.

— Блин! — расстроился я.

Я и забыл, что с недавних пор Серега стал закладывать камеру в ломбарде. Схема, конечно, рискованная, но в целом прибыльная. А деньги всегда предполагают большую долю риска.

В общем, Серега сдает камеру, получает бабло, идет в контору и делает ставочки. Выигрыш идет на то, чтобы выкупить камеру, плюс остается немного бабла, на которые Серега живет: питается, платит за хату и тратит по мелочам. Если Серега проигрывает, то занимает у товарищей или мамы, отыгрывается, выкупает камеру, рассчитывается с долгами, а потом снова закладывает камеру. Если же проигрывает, то снова идет к друзьям, занимает бабло и дальше по вышеописанной схеме. Правда, только однажды ему пришлось одалживаться целых три раза подряд, обычно все обходится закладыванием камеры и последующим за этим выигрышем.

— «Барса», «Реал»! — пояснил Серега. — По-любому надо было ставить.

— На кого? — спросил Новиков.

— На «Барсу», конечно! «Реал» в этом сезоне никакущий.

И Саня с Серегой стали живо обсуждать испанский чемпионат. А я немного расстроился, я пытался понять, что вселенная хочет мне сказать. Ведь неспроста съемки фильма начались с трудностей. Но что это значит? Я должен на все забыть, и пусть мечта остается мечтой. Или наоборот? Несмотря на любые трудности, а их, надо думать, будет еще немало, я должен быть твердым, как скала, и не отступать от своего решения. Вот фиг его знает. С этим надо было разобраться.

— Ну, так что, — прервал мои размышления Новиков, — остаемся до вечера?

— До вечера?

— Ну да. Посмотрим матч с Серегой. Все равно раньше, чем завтра, камера нам не светит.

Только сейчас я заметил, что Заикин вернулся в ванну, и мы остались в комнате вдвоем с товарищем.

— Давай, — согласился я. Настроение у меня было паршивое.

— Тогда поперли.

— Куда?

— Ты че, в облаках витаешь, что ли? За пивом, конечно, мы же с Серегой только что обсудили это.

Мы затоварились пивчанским и стали ждать начала матча. Новиков рассказывал Сереге о нашем фильме.

— А как называется?

— Да пока никак. У нас даже сценария нет.

— А че так?

— Да Саня у нас, типа, прогрессивный режиссер, ему сценарии на фиг не нужны.

— Понятно.

— Может, хочешь к нам в команду?

— Кем?

— Ну, не знаю. Гримером, там, или художником. Сань, кто еще нам нужен?

— Никто, — огрызнулся я. — У нас даже камеры нет.

— Утром будет! — успокоил Заикин.

— Ну, короче, потом решим, — сказал Новиков. — Будем называться «Зомби пикчерз», как тебе?

— Прикольно! — оценил Серега. — Так, может, про зомбаков че-нить и снимем.

— Почему нет? — вдохновился Саня.

— Так, стоп! — сказал я.

Нет, ну это надо? Моя мечта, мой фильм, а они уже решают, что снимать будут.

— Режиссер — я. А значит, я главный и решаю, что мы будем снимать, когда и как. И нужен или не нужен нам сценарий, тоже я решаю. И кто будет главным персонажем, и кто гримером будет, и как студия наша будет называться, и кого мы будем снимать, а кого нет и еще...

— Да понятно, что все будешь ты решать, — перебил меня Серега. — Типа ты бугор.

— Нет, типа он тиран, — пояснил Саня.

Но обидеться я не успел. Поистине пиво творит чудеса. Через час мы были уже наклюкавшись и ржали, как жеребцы. Новиков рассказывал тупые анекдоты и показывал уморительные пантомимы. Не знал даже, что товарищ такой талантливый. Под впечатлением от показа я предложил ему покривляться на премьере нашего фильма. Саня тут же вдохновился.

— А че, прикольно! Я еще фрак напрокат возьму бирюзовый, как у Джима Керри в «Тупой и еще тупее». Или у него был оранжевый?

Никто из нас не помнил, какого цвета фрак носил Джим Керри, но мы не стали грузиться по этому поводу. Куда приятней было помечтать о премьере. Мы придумали, что выйдем на сцену под музыку из «Бумера», ну, ту, финальная которая; на экране будет идти видео с извержением вулкана; в зале темно, как в пещере; и вся съемочная группа будет кричать: «Димоооон!»; но вместо Димона выйдет Новиков и начнет свои пантомимы. Вот такая фиготень.

Вообще это вполне по-русски: не закончив дело, начать представлять, какой фурор это дело произведет. Или так: купить лотерейный билет и за неделю до розыгрыша с точностью до последней копейки распределить свой выигрыш. Ну, разве можно проиграть? Да никогда, билет же на руках. Вот и Заикин уже твердо знал, на что потратит выигрыш на тотализаторе. А мы распланировали презентацию фильма.

Нужно сказать, что матч складывался для Сереги вполне удачно. «Барса» забила первой. Заикин ликовал. Но и Саня не унывал. Он верил в «Реал», и тот не подвел. Мы орали, как угорелые, но каждый болел за свое. Я, например, за красивый футбол. И мои ожидания вполне оправдывались.

Первый тайм так и закончился ничьей. К счастью, перерыв пролетел так же быстро.

— Понеслась! — подытожил Заикин и присосался к бутылке.

Забегая вперед, скажу, что тайм оказался богатым на события. Уже на сорок восьмой минуте, прорвав насквозь оборону соперника, Роналду ворвался в штрафную и точным ударом в левую девятку вывел королевский клуб вперед. Но уже в следующей атаке Иньеста вывел Месси один на один с вратарем «Реала». На табло красовался счет 2:2, и игра пошла, как говорится, на встречных курсах. Пацаны нервничали, я, признаться, тоже.

В общем, Бог решил угодить любителям «Барселоны». Может, их просто больше, а может, он сам болеет за каталонцев. Финальный свисток судьи зафиксировал на камп-ноу боевую ничью.

— И че теперь делать? Ты много поставил-то? — До Сани неожиданно дошел весь трагизм ситуации.

— Не смертельно, — ответил Серега. — Завтра у меня еще две ставочки сыграют, и все будет в шоколаде.

— А с камерой че?

— Че? Послезавтра бабки получу, и выкупим.

— Послезавтра?

— Долго, что ли?

— Ну да. У нас как бы каждая минута на счету.

— Че, правда? — удивился Саня.

— Вообще-то да. Вот шибанет конец света, а мы ни черта не успеем, и моя полка, не дождавись «Пальмовой ветви», будет зла на меня.

— Раз так, то дело серьезное, — согласился Серега. — Надо по этому поводу выпить, залить, так сказать, горечь поражения.

И каким-то чудесным образом в руках у товарища оказалась бутылка армянского коньяка. Мы не возражали, горечь действительно нужно было залить.

Когда на дне оставались последние капли, Серега вскочил на ноги.

— Пора! — загадочно произнес он.

— Куда? — Я был, мягко говоря, удивлен.

— За камерой.

Я взглянул на часы. Полвторого ночи.

— За камерой?

— Ну, вам же срочно надо?

— Срочно, — подтвердил я.

— Вот и пойдем.

Мы с Новиковым переглянулись и пожали плечами. А Серега уже был в подъезде. Как втемьяшит че в голову, фиг потом выьбешь.

— Я ничего не понимаю, — признался я, заходя в лифт.

— Да че тут понимать? Пойдем, вскроем ломбард и заберем камеру.

— Нормально, — оценил Новиков. — Только ж это, типа, незаконно. Кража со взломом. — Хоть и подшофе, но закон чтит. Такой он, Саня.

— Че, дебил? — возмутился Заикин. — Какая кража? Камера же моя. Просто возмем ее пораньше, а бабки я потом вкину.

— А так можно? — усомнился я.

— Мне можно, — заявил Серега.

И вот мы стояли напротив ломбарда. Ночь была темной и тихой. Самое то, чтобы идти на «дело».

— И как вскрывать будем? — поинтересовался я.

— Да тут замок ваше на соплях висит. Щас я его отверточкой, и все в шоколаде, — поведал нам Серега и вытащил из кармана здоровенную отвертку.

— Он ее. Че, всегда в кармане носит? — шепотом спросил меня Саня.

— Не знаю. Может, он фокусник. Амаяк Акопян, — так же шепотом ответил я.

— Давно хотел его вскрыть, — поделился товарищ. — Фиг ли он на замке экономит, жмотяра, вот и накажем его.

— Угу, — согласился я, — санитары леса.

— Вы, это, на шухер, что ли, встаньте! — вспомнил Серега.

— Нафига? Темно же, кто нас увидит? — В этом весь Саня.

— Вот ты и пойдешь! — заключил Серега и, дождавшись, когда Новиков уйдет, ковырнул замок отверткой. Тот дался без проблем.

— Всего и делов-то! — улыбнулся товарищ. — Говорил же — все будет в шоколаде.

Заикин открыл дверь, и в ту же секунду заревела сирена сигнализации.

— Вот ...! — выругался товарищ и рванул внутрь за камерой.

Я не пошел за ним. Я уже говорил, что ненавижу всевозможные звонки. Сирена же вообще меня из себя вывела. Я заткнул уши и стал гудеть, чтобы перебить эти завывания.

Не знаю, сколько прошло времени, мне казалось, что целая вечность, но Серега не появлялся. Зато прибежал Саня.

— А-а-а! — орал он. — Где Серега? Палево же.

Я не успел ему ответить. На улицу повалил народ. Кричали мужики, кричали тетки, кричали дети, кричал испуганный Саня, кричал я, ревела сигнализация и присоединившаяся к ней сирена полицейского пазика. Просто хор Турецкого какой-то.

— Рвем когти!

Я схватил Саню, и мы выдали с ним такой спринт, которому позавидовал бы любой профессиональный бегун. И, нужно сказать, учесали мы вовремя, потому что уже через секунду двери ломбарда окружили разъяренные местные аборигены.

— Держи вора, держи вора! — голосил чей-то насыщенный бас.

Просто удивительно, откуда у людей такая социальная сознательность? Они, может быть, единственные люди на планете, которым не по фигу, что по соседству ревет сигнализация. И надо же было нарваться именно на таких равнодушных людей.

— Пропал Серега, — прервал мои размышления Новиков. Он был не хило так расстроен.

— Угу, — согласился я и понял, что уже трезв как стеклышко. Произойди это десятью минутами ранее, и трагедии можно было бы избежать. Я бы четко понимал, что вся эта идея со вскрытием ломбарда не что иное, как пьяные бредни Заикина, и в два счета отговорил его. Но как бы это банально ни звучало: прошлого не вернуть, мы имели то, что имели, а вернее, обстоятельства имели нас по полной.

* * *

Мы проснулись рано. Новиков ночевал у меня. Он смотрел перед собой и не решался нарушать тишину.

— Может, он все-таки спасся? — наконец произнес Саня.

— Каким образом?

- Ну, я не знаю. В окно, там, выпрыгнул или, может, люк какой-нибудь нашел.
- Какой?
- Ну, мало ли? Люк или подземный ход.
- Хорошо гнать, Саня. Будь реалистом. Если бы Серега свалил, он бы сто раз дал о себе знать. А раз нет вестей, значит, нет и Сереги.
- Как нет? — испугался товарищ. — Они его того, что ли?
- Угу. На кол посадили и уши отрезали. Тебе не пора на работу?
- Пора.

И Саня ушел в супермаркет, а я смотрел на пустую полку и размышлял. Мне хотелось понять, что не так мы сделали. Может, все-таки неправильная мечта? Но это тоже бред. Как мечта может быть неправильной? Это же не ответ на задачу. И мне казалось, что если я найду ответ на свою задачу, то все пойдет как по маслу. Но ответ не находился. Я же не каждый день берусь за дела такого рода. А тут любому опыту нужен.

Чтобы не грузить мозг разбором неудач, я сел выполнять заказы. Первый меня не впечатлил, а вот второй был что надо. Какой-то вполне себе успешный бизнесмен решил, что для мегакрутости ему не хватает семейного герба, и вот просил создать что-то до жути креативное, так, чтобы все его дружки-олигархи пооткрывали рты от зависти. Самое приятное, что за герб он обещал отбашлять пятнадцать косарей, а это, сами понимаете, бабки серьезные. Только я нарисовал щит, как зазвонил телефон.

- На проводе.
- Включи ящик! — прокричал Новиков, и в трубке запели короткие гудки.

Я включил. По первому каналу показывали какой-то дебильный сериал (они там все дебильные), по второму — суд, по третьему тоже суд и по четвертому суд, по пятому «Дом-2», по шестому — снова суд. Новиков прикалывался, что ли? Решил, гаденыш, что я любитель этих судов? И так мозг взрывался.

Но следующий канал оказался нужным. Понять это было несложно. С экрана телевизора на меня смотрел Серега. Выглядел он, мягко говоря, хреново. Картавый голос ведущей местного телевидения рассказывал:

— Задержанный отказался давать показания. Сразу после выписки из больницы он предстанет перед судом.

«Че за выписка из больницы? Че он там забыл?» — не мог въехать я. Но следующее интервью все разъяснило. Хозяин ломбарда рассказал, что за последние полгода это была уже третья попытка ограбить его ломбард. Если первые два застали его врасплох, то к третьему он уже подготовился и помимо сигнализации установил капкан, в который Серега, видимо, и угодил.

Вот почему он не выбежал обратно. А то, что он отказался давать показания, — это хорошо, значит, про нас с Новиковым никто не проведаст, если, конечно, Серегу не станут проверять на детекторе лжи. Не очень-то хотелось угодить за решетку. Тогда не то что Канны, конец света не светит встретить по-человечески.

Снова зазвонил телефон.

- Видел?
- Угу.
- Сказали, что ему вообще жестко досталось. Капкан, мол, сухожилия к чертям порвал.
- Жесть.
- Ну, ладно, мне работать пора. — И Саня бросил трубку.

Настроение стало хуже некуда. Я тоже решил вернуться к заказу, но мысли все были о Сереге. Получается, мы здорово его подставили. Он же из-за нас полез

в этот ломбард. Только мы на свободе и даже работаем как ни в чем не бывало, а ему грозит срок, и ногу раскурочило к чертям собачьим. И главное — камеру так и не достали.

Вот! Угрозидило же родиться в России, решить снимать кино и подставить друга.

Телефон. Да сколько можно уже? Снова Новиков.

— Сань, по поводу камеры.

— Ну, что там еще?

— Я тут подумал...

— Похвально.

— Короче, давай напишем объявление.

— Какое?

— Ну, что мы хотим сделать суперфильм, нужен оператор со своей камерой.

— Ты думаешь, в нашем Мухосранске куча операторов, которые мечтают поделиться с нами своей драгоценной камерой?

— А че, нет? Есть же энтузиасты.

Энтузиасты! Слово-то какое вспомнил!

— Ну... Хочешь, напиши.

— Ништяк! Ща накатаю и прям у нас на дверях повешу. Супермаркет не налоговая, тут куча народа трется.

Опять эта его инициативность.

— Угу, — закончил я разговор.

* * *

Прошло два дня.

На объявление никто не откликнулся. Напротив, его постоянно срывали. В любом подъезде найдется такая сварливая бабушка, которая ненавидит всех, а особенно людей, вешающих объявления. Вот и ходит и чуть увидит какое объявление — дерг, и будто и не было его. Но супермаркет не подъезд, тут бабушкам никто не даст командовать. Значит, это не они. Или, может, завелась одна такая магазинная старушка?

Новиков писал все новые объявления, не жалел клея, так, чтобы только со стеной оторвать можно было, но и это не спасало. Каждые два-три часа объявления исчезали. Он пытался проследить, но из Сани следопыт как из коня лифтер.

В общем, я решил на это забить и продолжал рисовать герб. Получалось неплохо. Фамилия заказчика Варанов, вот я и прорисовывал такого суперкрутого варана с разинутой пастью и гламурной короной на голове. Ему точно должно понравиться.

Сергея лежал в больнице. Мы пытались проведать его. Но нас не пустили, сказали, что часы приема закончились, да и вообще к нему абы кого не пропустят.

Это тяготило меня, я даже хотел уже отказаться от идеи с кино и тихо и мирно дожидаться апокалипсиса. Но следующий день принес нам приятное известие.

К нам пришел Марк. Марк — это невысокий такой паренек, subtilный и бородатый. Он стоял перед нами и без конца поправлял капюшон толстовки, привычка у него такая, но мы еще не знали этого.

— Вы, что ли, камеру ищите? — спросил он.

— Да, мы! — обрадовался Новиков.

— Меня Марк зовут. — Он протянул руку. Поздоровались.

— У тебя есть камера? — недоверчиво спросил я.

— Нет.

— Так я и думал.

— Но можно достать.

И Марк хитро улыбнулся.

— Как?

— Позаимствовать.

— Мы заимствовать ничего не будем, — испугался Саня.

— Да нет. Там все чисто. Ну, почти.

И Марк рассказал нам свой хитрый план. Он работал в магазине техники неподалеку от Санинова супермаркета. Его начальство приказало провести конкурс историй, связанных со всевозможной техникой, мол, одна из компаний выделит призы, главным из которых как раз и будет камера. Выиграть конкурс — задача трудная: победителя будет выбирать сама компания, но победа и не входила в план Марка. Его задачей было якобы найти какие-то косяки в призовой камере и отправить ее на экспертизу, где знакомый Марка, работающий в этой самой экспертизе, сделает заключение о неисправности. И тогда компания вышлет новый приз, а этот, типа не подлежащий ремонту, заберет Марк, и мы сможем начать съемки.

Непросто, конечно, но что в нашей жизни просто? Тем более в такой стране, как Россия.

— А это точно сработает? — усомнился Саня.

— А у вас есть варианты?

И Марк был прав. Никаких вариантов.

— А тебе это на фига?

— Ну, во-первых, я люблю кино, а во-вторых, камера останется мне и на халяву. — Халяву, как и любой русский, Марк любил.

— Ну, удачи! — пожелали мы Марку, и он ушел, на ходу поправляя капюшон.

— Что скажешь? — спросил я Новикова.

— А че, нормально. Можно начинать готовиться к съемкам.

Неужели? У меня внутри прям зашевелилось все. Единственное, что меня не хило так смущало, — это то, что снова нужно было преступать закон. Чтобы успокоить совесть, я решил тоже поучаствовать в конкурсе, может, я и так камеру выиграю и откажусь от приза. Было бы круто. Пацанам я не стал рассказывать, что написал историю, будет, если что, сюрприз.

На следующий день мы с Саней опять пошли в больницу. На этот раз нас пустили. Мы ехали в лифте. Саня держал авоську с апельсинами.

— А если он не любит апельсины? — сказал я.

— Ты че, Саня, двинулся? Это ж апельсины — их все любят.

— Я не люблю.

— Ну, значит, ты не все.

— Все любят водку, — резюмировал я.

— И апельсины, — не унимался Новиков.

Мы базарили эту фигню только потому, что не хотели озвучивать настоящие мысли. А они были связаны с Серегой. Мы чувствовали свою вину, и это нас, типа, тяготило. Да даже не типа.

Если перевести наши мысли в диалог, то выглядел бы он так:

— Как думаешь, Серега нас не пошлет?

— Нет, конечно. Мы же его товарищи.

— Но мы же его подставили.

— Че это мы подставили? Он сам предложил вскрыть ломбард.

— Саня, Саня...

— И потом, мы же навещать его идем. Ему нужна наша поддержка и апельсины.

Но Серега нас все-таки послал. Вернее, он сделал вид, что не знает, кто мы.

Мы вошли в палату. Товарищ лежал на кровати с огромным гипсом.

— Здорово, Серег! Как ты? — спросил Новиков.

Заикин молчал.

— Серега, — негромко сказал я.

Заикин молчал.

— Серега, это мы. Хорош молчать!

— Кто — мы?

— Ты че прикалываешься? — Новиков чуть не впал в ступор.

— Я хрен знает, кто вы, — продолжил Серега, — валите отсюда, мне покой нужен.

— А мы тебе апельсины принесли, — обиженно сказал Саня.

— Терпеть не могу апельсины! — ответил товарищ и стал громко кричать: — Сестра! Сестра!

— Валим отсюда!

Я цепанул Новикова, и мы выскочили из палаты. Офигевающий Саня крепко держал авоську с апельсинами.

— Может, ему вкололи че? Че он, ваще?

— Когда мы уходили, он мне подмигнул. Значит, все нормально с ним.

— А че он тогда?

— Просто не хочет нас палить.

— Нормально, — одобрил Саня. — Серега ваще ништяковый товарищ!

— Угу, — согласился я.

И совесть снова накрыла с ног до головы.

* * *

План Марка хоть и был хитрым, но мог вполне накрыться. Чтобы к нему не подкопались, он пару раз уронил камеру, но, видимо, не рассчитал, и та реально стала глючить. Не успели мы расстроиться по этому поводу, как Марк сообщил нам о новой неприятности. Камеру отправили на экспертизу, но попала она не к товарищу Марка, а к его тупому лысому напарнику, который был настоящим троллем. Как внешне, так и внутренне. Товарищ Марка пытался договориться с этим гоблином, но тот, когда узнал, че к чему, встал в позу и начал требовать бабосы. Молчание, типа, золото и все такое.

К счастью, закончилось все хорошо. Товарищ Марка вспомнил, что напарник ему чем-то обязан, тот поворчал и согласился. Чем он был обязан, я не в курсе, это их собственные терки. Главное не это.

Первый и чуть не самый трудный шаг к большому кино и Каннскому фестивалю был сделан. «Это просто какое-то сумасшествие», — пронеслось у меня в голове, когда в руки мне попала глючащая любительская камера «Sony».

— Вы же понимаете, что оператором буду я? — заявил Марк.

Мы, в общем-то, и не спорили.

— А у тебя опыт есть? — уточнил я на всякий случай.

— Конечно! — ответил наш оператор, поправляя капюшон.

— Ну, красота ваще! — улыбнулся Новиков и начал позировать.

Марк бегал вокруг него, снимал ноги, руки, лицо, даже живот Сани, потом повернулся ко мне, но я не чувствовал такой раскованности, как товарищ, поэтому тупо вышел из комнаты.

Когда вернулся обратно, Марк и Саня беседовали. Мы же теперь интеллектуалы, киношники — все интеллектуалы, потому и беседовали.

— Во сколько завтра встречаемся?

— Мне завтра на смену.

Марк снова поправил капюшон.

— Так, стоп! — вмешался я в диалог. — Я тут режиссер. Так что я решаю, где и когда мы встречаемся.

— Кажется, я это уже слышал, — вздохнул Саня.

— Ок, товарищ режиссер. Так когда мы завтра встречаемся?

— Да вы че, завтра? Мне работать надо будет, — заныл Новиков.

— Ну, хорошо. Встречаемся послезавтра, — сказал я. — В четыре.

— Ок. Товарищ режиссер, а кого снимать будем?

— Кого?

Я задумался. Действительно, кого? Наверное, зря отказался от сценария, сейчас такого вопроса бы не возникло. Но поздно уже братья за сценарий. Нужно импровизировать.

— Фиг знает кого.

— Это не дело, — возмутился Марк. — Так мы хрен чего добьемся.

— Хорош гнать на меня! Я прогрессивный режиссер!

— А может, это, кастинг устроим? — предложил Саня.

— Кастинг?

— Ну да, щас это модно же.

— Типа погонимся за модой?

— А почему нет?

— Товарищ режиссер, — поддержал Саню Марк, — это единственный выход.

— Фиг с вами. Напишешь? — обратился я к Новикову.

Тот кивнул.

В отличие от объявления с камерой на кастинг, откликнулась куча народа. Не знал, что у нас так много актеров. Прямо не мухосранск, а целое актерское агентство. Саня записывал без разбора и молодых, и старых, и даже одного в инвалидном кресле. Набралось шестьдесят три человека.

— Нормально! — рассказывал мне Новиков. — Офигенное кино забубеним, там и девахи путевые были. У нас же должна быть симпатная актриса по типу Скарлетт Йохансон.

Ну Саня, ну жук — Скарлетт Йохансон ему подавай.

— Мне больше Джессика Альба нравится.

— Так там и Джессика Альба найдется.

— Ладно. Завтра увидим.

— В общем, готовься, режиссер.

Легко сказать — готовься. Можно подумать, я каждый день провожу кастинги. Понятно, что там актеров просят что-нибудь показать. Но что просить мне, когда я сам плохо представляю, что мы будем снимать и как. Ну, это ладно, а как понять, кто действительно понтовый актер, а кто бездарность полная? Трудно этим режиссерам. Я чуть голову не сломал, потом залез в Интернет и смотрел видео. Инет — это просто спасение человечества. Офигенный респект тому чуваку, который до такого додумался.

Три-четыре видео, и я уже был почти королем этих кастингов. Самое главное, что я понял, что нужно скинуть всю организацию на Саню. Пусть он и парится, он же помреж, а на мне лежит ответственная функция — выбор подходящих нам актеров.

За полчаса до кастинга я давал Новикову поручения:

— Заводить будешь по одному. Даешь им задачу, а мы с Марком смотрим в объектив, кто как в кадре выглядит.

— Какую задачу? — не понял Саня. — В одну трубу вливается, а из второй выливается?

— Сань, ну ты че, кретин, что ли? Актерскую задачу.

— А-а-а. И че это за задача?

— Ну, пусть этюд какой-нибудь покажут.

— Этюд?

— Ну, пусть прогноз погоды зачитывают, типа как по телику.

— Ясно, — закивал Новиков и запел: — По телику идет прогноз погоды, диктор всех поздравил с Новым годом.

— Ну, тип того. И главное, всем говори: «Мы с вами свяжемся». А то какой кастинг без «мы с вами свяжемся»?

— Ну да, только разве это не режиссер говорит?

— Необязательно.

Мы сидели с Марком в креслах, мол, мы такие крутые. На самом деле в комнате просто больше не было мебели. Мы все вытащили, чтобы освободить пространство. Не знал даже, что моя комната настолько просторная, хоть сдавай свободный угол. Я повязал шарфик — решил соответствовать образу режиссера. Светило солнце. Пока еще светило. И это самое «пока» добавляло значимости нашему кастингу.

Марк поправил капюшон, и мы начали.

В комнату зашла девушка. Симпатичная. Рыженькая, с веснушками. Такие мне нравятся. Саня на нее уставился, как ботан на новую энциклопедию.

Рыженькая медленно намотала на палец длиннющие волосы и улыбнулась. Видимо, дома репетировала, и, видимо, неплохо репетировала, вышло чертовски сексуально. Я чуть не захлебнулся слюнями. Я посмотрел на Марка, он лыбился, как ненормальный, того и гляди, челюсть упадет, и вывалится километровый язык, как у волচারы в американских мультиках.

— Меня зовут Снежана! — сказала рыженькая.

— Выйдите в коридор! — крикнул я.

Я хотел выгнать пацанов и остаться с рыженькой наедине, но они не поняли этого. Зато рыженькая приняла на свой счет.

— Чего? — скривилась она.

И это «чего?» и неожиданно пропавшая сексапильность меня отрезвили. Я вдруг понял, что в коридор должна выйти именно она.

— Нам надо посоветоваться! — сказал я и кивнул в сторону двери.

— Хм..

Рыженькая вышла в коридор, виляя задом, как «лада калина» со сломанными амортизаторами. Пацаны накинулись на меня.

— Ты че, с дуба рухнул? На фига ты ее в коридор отправил?

— Тихо, пацаны! Не орите! Я тут режиссер! Я команду!

— Она в кадре смотрится круче Эйфелевой башни!

— Вот именно! Она слишком крутая!

— Так это же круто! По-любому кучу зрителей наберем.

— Да как вы не понимаете? С ней только порнуху снимать! На нее смотришь, жить хочется и секса, а у нас серьезное кино про то, что всем кирдык скоро.

— Так вот пусть все и порадуются перед кирдыком!

— Угу, все порадуются, только фиг, нам кто «Пальмовую ветвь» с ней даст.

— А на фига нам эта «Пальмовая ветвь»? — спросил Марк.

— Так, все. Хорошо! — вскипел я. — Я режиссер, и я решаю! Она офигенная, но не для этого фильма! Ясно вам?

— Ясно... — проворчали оператор с кастинг-директором.

— Иди скажи ей, что мы перезвоним!

— Не пойду я! Сам иди и скажи, раз такой умный.

Я высунул голову в коридор.

— Снежана, спасибо! Мы вам перезвоним.

— Перезвоните? — завизжала рыженькая! — Вы что, совсем охренели? Вы меня посылаете?

— Почему посылаете? Ниче не посылаем, я же сказал, мы вам перезвоним. У нас еще шестьдесят человек.

— Перезвоните вы. Знаю я ваше «мы вам перезвоним», ни фи́га вы не перезвоните, я, как дура, репетировала, волосы красила, прическу три часа делала, а они мне перезвонят, уроды!

И куда пропал секс? Обычная шмара, только симпатичная. Она ушла, треснув дверью так, что чуть штукатурка не посыпалась. Я вернулся в комнату. Пацаны готовы были порвать меня на британский флаг. Да уж, нелегко быть режиссером: рыженькая меня чуть не загрызла, Новиков с Марком не хотят разговаривать, и это только лишь второй человек. Хотя отказывайся от кастинга и от фильма. Но фиг вам. Русские не сдаются.

Я решил быстрее закончить с этим делом, поэтому на ближайшие два часа моим любимым словом стало «следующий». Да это и не удивительно. Кто только к нам не записался. Вот только актеров среди них не было. Вахтеры, продавцы-консультанты, промоутеры, сисадмины, один юрист. У большинства из них нереальнейшие проблемы с дикцией: картавость, шепелявость, проглатывание букв, заикание — такое ощущение, что я смотрю местное телевидение, один в один вообще. Про внешность лучше не говорить.

Самое удивительное, что с каждым новым «следующий» я все больше вживался в роль режиссера. И чем сильнее меня захватывало режиссерство, тем тверже я утверждался в том, что кастинг пора заканчивать. Проблема в том, что мне нужны живые эмоции, а эти все деревянные, они че-то пыжатся, играют на камеру, выглядит это отвратительно.

Зашел очередной кастингующийся. В костюме, в шляпе, на рукавах заплатки. Худой, как скелет, лет сорока. Такой типок. Он стал перешагивать через порог, зацепился ногой, начал падать. Саня бросился на помощь, но типок устоял на ногах.

— Здравствуйте, — сказал я.

Тип с вытянутой рукой зашагал ко мне. Нехотя я пожал его руку, он повернулся к Марку и со всего размаха саданул по камере. Марк не смог ее удержать. Камера полетела на пол.

Типок побледнел.

— Извините, — пролепетал он, нагнулся и поднял камеру.

Марк вырвал камеру и стал осматривать. Еще снимать не начали, а ей досталось по самые помидоры. Это было последней каплей. Больше терпеть я не мог.

— Вы нас не устраиваете!

— Что, простите? Я не понял. — Типок испугался еще сильнее.

— Что тут непонятного?! — взревел я. — Вон!

— Извините! — поклонился он и, ударившись о косяк, выбежал из комнаты.

Я выскочил вслед за ним. В подъезде на стульях сидели «актеры». Человек десять.

— Спасибо, что пришли, кастинг окончен.

— Как окончен? — заверещала старушка в малиновом берете. — Меня что, смотреть не будут? Я третий час тут торчу. К терапевту не пошла, сижу жду, все тело ломит, спать не могу на правом боку, только на левый ложусь...

— Вот терапевту и расскажите! — перебил я ее. — Извините, но актеры найдены. Так что не тратьте ни свое, ни наше время!

— Саня, — крикнул я в комнату, — помоги собрать стулья.

Саня пришел, глянул на меня, как на фрица, схватил два стула и потащил в комнату.

— Че там с камерой? — крикнул я ему вдогонку.

Марк колдовал над камерой.

— Да вроде пашет. Но коряга какой-то, а не мужик. Надо было леща ему дать. Пашет, все нормально. Руки бы ему оторвал. И кого ты выбрал? — спросил Марк.

— Никого. Они все фрики какие-то. Только Снежана норм.

Пацаны оживились. Думали, я изменю решение. Ага, щас.

— Но Снежана слишком хороша для нашего шедевра.

— Тиран, — возмутился Марк.

Втроем мы отправились за последней партией стульев. Вдруг открылись двери лифта, и в подъезд выкатился старикан в инвалидной коляске и уставился на нас.

— Здравьте, — улыбнулся Новиков.

— Кастинг здесь проходит?

Саня открыл было рот, но я толкнул его локтем в бок.

— Нет.

— Как не здесь?

Я развел руками. Ничего, мол, не поделаешь, не здесь, и точка.

— Этажом ошибся, что ли?

— Не знаю.

— А стулья вам зачем?

— А это мы уборку делаем, мешали они нам, — помог мне Марк.

— Ага, — поддакнул я. — А теперь заносим. Пойдемте, пацаны!

И я подтолкнул Саню к двери, мы быстро вошли в квартиру, не дав инвалиду опомниться.

— На фига ты ему наврал? — возмутился Новиков.

— А на фиг он нам? У нас и так грустное кино, че его совсем слезливым делать?

— Вот ты вообще, товарищ режиссер, — сказал Марк, поправляя капюшон, — Снежана у тебя слишком оптимистичная, инвалид слишком пессимистический, кого мы снимать будем?

— Обычных людей. Прохожих всяких, покупателей, пассажиров.

— Да ну тебя в баню, — обиделся Саня. — Целый день потратили. Я домой.

— И я.

— Да ладно, вам, пацаны. Давайте посидим, пивка попьем, отметим, так сказать, начало съемочного периода.

— Снежану послал, а теперь еще пить с тобой. Фиг тебе!

— Да че вы к этой рыженькой привязались?

И они ушли. Хотя Снежана, конечно, хороша, но мечта-то важнее.

Я решил еще посмотреть что-нибудь об апокалипсисе. Вдруг не будет. Вдруг не сейчас. Но видео твердили обратное. Будет обязательно. И очень скоро. Неужели меня одного это пугало? И тогда я окончательно определил формат фильма. Мы будем подходить к людям на улице и задавать им четыре одинаковых вопроса.

Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

Готовы ли вы к апокалипсису?

Что вы будете делать 21 декабря 2012 года?

Что самое важно для вас в этой жизни?

Затем мы выберем трех или четырех людей, они будут основными героями, и снимем пару дней из их жизни. Что-то типа реалити, чтобы показать, чего лишатся

люди после апокалипсиса, ну, а в третьей части пойдем по пути Ларса фон Триера, наснимаем минут на десять кадров с пейзажами и животными. Наснимаем животных, птиц, в конце концов, не мы одни планету заселяем, им тоже кирдык наступит, нельзя про них забывать. Это будет трогательнее, чем людей в колясках показывать, животные вообще не знают о том, что их ждет.

Это хорошо, что у меня сложилась картинка в голове. А то точно не видать мне «Пальмовой ветви». Наснимали бы жуткую авторщину, как делают наши режиссеры. Я, типа, гений, и вот вам мое восприятие мира. А посмотришь — бред и убожество, а не восприятие, руки отрывать надо с таким восприятием. Но теперь все будет хорошо. Теперь все получится. И хорошо, что не поддался на сексуальность рыженькой.

С такими счастливыми мыслями я и заснул.

Утро выдалось дождливым. Я лежал под одеялом и слушал, как капли бьют о стекло и подоконник. Рабочий настрой тут же раскис, как картон в луже. Вот что за? Только стоит порадоваться, как тут же раз и обломись.словно кто-то специально подлянит. Опять вселенная против?

— Вселенная, это ты подлянишь? — спросил я сквозь одеяло.

Риторический вопрос. Вместо ответа зазвонил телефон.

— Алло!

— Дождь, — звонил Марк.

— Вижу.

— Как снимать будем?

— С дождем.

— Угу. Может, все-таки Снежа...

— Никаких Снежан! — перебил я товарища. — Как договорились, в тринадцать сорок на «Пролетарской».

— Ладно.

Товарищ явно расстроился. Запал на рыженькую. Вот не будь конца света, можно было бы только так девчонок клеить. Падкие они на славу. А тут вообще красота: приходишь такой весь на пафосе или объявление кидаешь, мол, я режиссер, снимаем кино, и все — любая с тобой пойдет, делай с ней, что хочешь.

К счастью, дождь шел недолго. Из-за туч выглянуло солнце, и настроение сразу улучшилось. Я снова нацепил шарф. Буду пафосным режиссером. Пусть все видят.

Марк уже был на месте.

— А, товарищ режиссер, — сказал он, поправил капюшон и стал настраивать что-то в камере.

— Привет. Где Новиков?

— Не знаю.

— Понятно. Ты готов?

— Готов. Камера только глючить может.

— Это я знаю.

— А где тарелочка?

— Какая тарелочка?

— Ну, ты че, не в курсе?

— Хорош говорить загадками! — Я действительно не мог понять, что за тарелочка и почему она должна быть именно у режиссера.

— Я думал, ты нормальный режиссер.

— Решил мстить за Снежану?

— Да при чем здесь Снежана? Перед началом съемок киношники всегда разбивают тарелочку с автографами съемочной группы и названием фильма. Традиция такая. Типа, чтобы съемки удачно прошли.

- Ни фига се. А че ты раньше не мог сказать?
- Я думал, ты знаешь, ты же «Пальмовую ветвь» хочешь, значит, типа, в кино сечь должен. Я поэтому и не стал брать из дома тарелку.
- А ты откуда про тарелочку знаешь?
- Так у меня дед гримером на студии Горького работал.
- Нормально.
- И тут позвонил Новиков.
- Я на часок задержусь, начинайте без меня. Да меня предки припрягли. Ща разгребу все и сразу к вам.
- Про тарелочку скажи, — подсказал мне Марк.
- А, да! Саня, тарелку прихвати с собой.
- А на фига?
- У киношников есть традиция, — начал я, но Саня вдруг перебил:
- Ладно, мне пора, — и повесил трубку.
- Пока ждали, небо снова заволочло тучами.
- А че, может, твоего деда попросим нам помочь? Он же опытный.
- Угу, — согласился Марк. — Давай выпишем его из Москвы сюда, пусть поможет.
- А че, он в Москве?
- Нет, в Урюпинске. Где у нас студия Горького?
- В Москве, что ли?
- Нда... — покачал головой Марк и поправил капюшон.
- Че ты капюшон свой без конца дергаешь?
- Да съезжает.
- Ниче он не съезжает.
- Ну, значит, просто привычка. Раньше без конца съезжал.
- А не пробовал без капюшона ходить?
- Ты че? Как можно без капюшона ходить? Это же стайл.
- Я посмотрел на этого сублильного бородатого паренька с камерой и так и не нашелся, что ответить.
- Новиков ждал нас на месте с огромной алюминиевой кастрюлей.
- Это че? — удивился я.
- Вы же сами просили.
- Мы просили тебя тарелочку принести.
- Тарелки все грязные были. Раковина под завязку.
- Ну, и на фига нам кастрюля?
- А тарелка на фига? Есть че-то будем? Или реквизит?
- Тарелку разбить надо, — разъяснил Сане Марк. — Чтобы кино понтовое вышло.
- Давайте уже разобьем эту чертову тарелку. Кастрюля покатит?
- Ее ж все равно не разобьешь.
- Конечно, не разобьешь! Она алюминиевая, — подтвердил Новиков. — Меня самого потом разобьют за эту кастрюлю. Ее батя мамке на Восьмое марта подарил.
- Больше я не мог слушать этот бред. Я развернулся и поперся в магазин.
- Дайте тарелку! — говорю розовощекой продавщице.
- Вам глубокую или неглубокую?
- Без разницы. Давайте неглубокую.
- Неглубоких нет. Только глубокие остались.
- А это что?
- Это на витрине. С витрины не отдам. Она поколотая.
- Нет, ну что за штамп? Это же не из кино продавщица. Почему она спрашивает и отвечает, как все продавщицы и официантки в кино?

- Давайте поколотую!
- Я вам поколотую продам, а вы потом жаловаться придете!
- Ниче я не приду! Мне все равно разбить надо будет.
- Да? — обрадовалась продавщица. — Сто рублей.
- За поколотую?
- А вам какая разница?
- Держите.

Она протянула неглубокую тарелку с позолоченной каймой. Свершилось! Товарищи стояли у входа. Новиков играл в тетрис на телефоне. Марк разглядывал в объектив свою руку.

- Тарелочка! — решил порадовать я их.
- Надо сначала написать название фильма и расписаться всем.
- Ты занудливый, Марк. Чем писать? Кровью, что ли?
- Зачем, у меня маркер есть.

И вытащил из толстовки маркер.

- Нормально! Маркер ты притащил, а тарелку взять тяжело было?
- Маркер я всегда с собой таскаю ваще-то. Че писать?
- Пиши «2012».
- Есть же уже «2012».
- Может, «Всем хана»? — предложил Саня.
- Жуть, — возразил я. — С таким названием нам ни одной премии не дадут.
- Короче, так до утра можно перебирать! — вмешался Марк, поправляя капюшон. — Пишу «То, что нас ждет».
- А че, мне нравится! — одобрил Новиков.

У меня были некоторые сомнения, но, подумав, я согласился, что это не худший вариант, хотя все равно смахивает на «То, что мы потеряли». Но не хотелось расстраивать пацанов.

- Пиши.

Марк написал и расписался, передал тарелку и маркер мне, я поставил подпись и отдал маркер Новикову. Саня замутил какую-то нереальную роспись, он даже язык высунул от напряжения и размахивал рукой так, будто выфехтовывает узоры в воздухе, как Зоро.

- Все? — спросил я у Марка.
- Ага! Можно разбивать.

Мы взялись втроем и дружно долбанули тарелку о лавку. Ну, все, теперь как пить дать выйдет шедевр.

- Пошли, что ли? Мне уже не терпится отснять первый кадр.
- Осколки надо собрать. Себе оставим. У каждого должны быть, — не унимался Марк.

Собрали. Положили в кастрюлю. Не в руках же нести. Так и пошли.

Я смотрел по сторонам, вертел головой, как волчок на «Что? Где? Когда?», но везде были одинаковые до жути персонажи. Джинсы, кеды и пафос. Сплошные клоны, меня чуть не вырвало. Неудивительно, что вселенная решила расправиться с человечеством. Кому нужен этот пафос? Особенно в нашем Мухосранске. Но нет, наряжаются, как клоуны, и ходят: джинсы спущены и висят, как будто с утра в них вместо толчка наклали, какие-то гомосяцкие рубашечки, девки в натуральных гамашах, на руке часы с такенным циферблатом, что им орехи колоть можно, темные очки и айфон. Гламурные, мать их! Без айфона никуда, главная ценность в жизни — пилатес и айфон. Ну, ладно пилатес, это вроде нормальная вещь, но на фигу тебе хорошо выглядеть, если ты потом свои красивые ноги в гамашах эти широченные прячешь?

Кто ноги эти увидит? Короче, бред. А айфон — это вообще понты. Типа, мне все по барабану, у меня есть айфон, завидуйте, людишки, и надо вытащить, в руках повертеть, чтобы все видели. Типа, ты с айфоном, значит, ты успешный.

А мы шли с кастрюлей и камерой. Нормальные пацаны. Только все на нас косились. Айфона-то не было. Мне стало неприятно. Но тут я заметил подходящую старушку. Сама чуть не до революции родилась, а намазюкалась, как школьница на выпускной, стоит такая в красном берете и голубей семками кормит.

— Вот ее снимем. Поперли!

Подошел я к старушке.

— Здравствуйте, — говорю, — мы тут кино снимаем, не хотите поучаствовать?

А она как завизжит:

— Уйди, оглоед! Ты мне всех голубей распугаешь!

Те и правда дернули кто куда. Но больше от ее крика, чем от моего появления.

— Извините, — говорю. Я прямо сама вежливость, — так что насчет съемок? Можете нам?

— Я, — говорит, — щас вам так помогу, оглоеды чертовы! Щас палку возьму и по голове вам всажу!

И головой замахала так, что берет слетел, и прямиком в лужу. Психованная какая-то. Мы свалили.

— Может, в дурку позвонить? — предложил Марк. — Пусть полечат ее.

— Да такую лечить бесполезно. — Саня оглянулся назад. Старуха размахивала намокшим беретом и бросала нам вслед какие-то проклятия.

— Ты заснял че-нибудь?

— Угу. Немного. Надо стереть ее, на фиг.

— Да не, оставь, может, вставим потом куда-нибудь.

Следующие два часа прошли не лучшим образом. Мы подходили к дворникам, к теткам, раздающим листовки, к продавщицам, официанткам, просто проходим, но никто с нами не хотел разговаривать. Я даже отправлял Новикова подальше от нас с его кастрюлей, которая у всех вызывала подозрения, но никто по-прежнему не хотел с нами общаться.

— Че за фигня? — возмущался я. — Мы же тарелочку разбили?

— Разбили, — подтвердил Марк.

— А че нам так не прет?

— Ну да, — заворчал Новиков, — ты же прогрессивный режиссер. Все тебе выпендриться надо.

— Молодые люди, — раздалось откуда-то из-за спины.

Мы обернулись. Перед нами стоял тучный мужик и держался за сердце.

— Молодые люди, — повторил он, — мне бы водички купить, боюсь, сердце хватит, и я прямо на дорогу грохнусь.

— И? — спросил Саня.

— А я деньги дома забыл. Может, одолжите рублей двадцать, а то, не дай бог, копыта еще здесь отброшу.

Он еще сильнее скривился и прижал ладонь к сердцу.

— Да вы сядьте, — предложил Марк, отодвигая кастрюлю.

Мужик сел и посмотрел на нас.

— Ну, так что?

Мы переглянулись. Саня полез за бумажником.

— Конечно, мы дадим вам денег, — сказал я. — Но, может быть, вы тоже нам поможете?

Мужик побелел от удивления и даже руку от сердца убрал.

— Да вы не бойтесь. Просто нужно ответить на четыре коротких вопроса. Это не займет много времени.

Я толкнул Марка, чтобы он включил камеру.

— Ну, хорошо, — согласился мужик. — Только, пожалуйста, быстрее! — и снова взялся за сердце.

— Вопрос первый. Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Вы что, издеваетесь?

— Да что такого?

— Не буду я отвечать на ваши вопросы!

Мужик вскочил, выхватил у Сани две десятки и почесал так, будто у него вообще никакого сердца нет и болеть нечему.

— Урод! — крикнул ему вслед я.

— Да это ты урод! У человека сердце болит, а ты ему про конец света, — возмутился Саня. — И ты еще удивляешься, че у нас никто сниматься не хочет.

— А че такого? Не я же это придумал, а майя. А мужик этот реальный урод, ни фига у него не болело, знает, что так просто бабок никто ему не даст, и разводит людей, как лохов.

— Да не, че бы ему тогда убежать было? — резонно возразил Марк. — Ответил бы да пошел. Считаю, что заработал. По ходу реально испугался.

— Во-во! — не унимался Новиков. — Ты бы еще в онкологическое отделение пришел и начал их про конец света спрашивать.

— А че нет? Они, что, не люди?

— Тут вопрос не в том, люди они или нет. Это, типа, не этично.

— Да вообще! — возмутился я. — Как жить-то? Кого ни тронь, все или инвалиды, или просто больные, или беременные, или старые, или гастарбайтеры какие-нибудь. Не мир, а кусок толерантности.

— Вот ты и не трогай никого, — сказал Марк.

И я в очередной раз начал думать, что зря ввязался во все это. Умру без «Пальмовой ветви». По крайней мере, у меня есть мечта, а это уже немало. Есть же люди, которые ни о чем не мечтают или не верят в апокалипсис. Живут себе спокойно, открывают хлебницу, а там пусто. «Вот, — думают, — надо за хлебом сходить». Выходят за хлебом, а тут раз, и метеоритный дождь. Хлобысь — и нет никого. Вот и не верьте в апокалипсис.

— Ладно, не фиг трещать! Поперли героев выискивать.

— А все знаешь почему? — неожиданно сказал Новиков.

— Почему?

— Потому что тебе лень было сценарий написать.

— А. Ясно. Ну, напиши, если ты такой умный и если тебе не лень.

— Да че теперь писать? Уже снимаем же, — ответил Саня и кивнул на кастрюлю.

Снимаем. Теперь ко всем подходил Новиков, но сути это не поменяло. Люди соглашались отвечать, но все как один не верили в апокалипсис.

— Верите ли вы, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Нет.

— А вы верите, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Нет, конечно.

— А вы?

— Не смешите меня. Какой конец света? Сколько их уже предсказывали. Чушь все это.

И дальше в таком же роде: «я, что, похожа на сумасшедшую?», «я в сказки не верю», «я вообще атеист», «вам не стыдно спрашивать глупости?», «конечно, верю, а еще я верю в Деда Мороза и в то, что „лада калина“ — хорошая машина».

Я махнул Марку, чтобы он выключил камеру. Мы вошли в магазин. Неплохо было бы и перекусить. А то ходим с кастрюлей, а есть совершенно нечего.

Взяли по пирожку, вышли на улицу, сели на лавочку, ели. Вот что хорошего в еде, радоваться было нечему, а нам почему-то стало хорошо. Когда ты голодный, тебя одолевают и зло, и печаль, и досада, и прочие неприятности. Сытому же все по плечу, сытый — добрый и довольный жизнью человек. Вот и мы разулыбались, как дровосеки на параде.

Вдобавок ко всему в камере села батарейка, а запасной у нас, разумеется, не было.

— Ну чего, — резюмировал Марк. — Будем считать, что первая смена у нас закончилась.

— Будем, — грустно согласился я.

— Держите, пацаны!

Новиков раздал нам осколки тарелочки. Мне достались с автографом Марка и словом «нас» из названия. «Приду домой, положу на полку», — подумал я. Так сказать, первый шаг на пути к главному призу.

Следующий день был выходным от съемок. Мы все трое работали. Я получил ответ от заказчика, того, что просил нарисовать герб. Он сказал, что идея ему нравится, но не хватает пафоса. Что ему, айфон, что ли, пририсовать, варану этому? Ради прикола я так и сделал. Получилось смешно. Может, лучше айпад? И во вторую руку я дорисовал варану айпад. Может, еще кеды со спущенными джинсами добавить? Но это будет уже полнейшим извращением. Я не стал ломать голову и отправил с айфоном и айпадом, пусть хоть поржет, увидит какой я креативный.

Разгорячившись, я решил посмотреть киношку. Только подумал, и зазвонил телефон.

— Саня? — Новиков, кто же еще?

— Я за него.

— Мне Снежана звонила!

— Сама?

— Просила встретиться.

— А ты?

— А я согласился.

— Мы не будем ее снимать!

— Я помню. Может, она просто хочет встретиться.

— Что значит просто?

— То и значит. Может, я ей понравился.

— Ты?

— Я че, не могу девушке понравиться?

— Можешь, конечно! Тем более такой, как Снежана. Ей только такие пацаны, вроде тебя, и нравятся.

— Да пошел ты! — Саня бросил трубку.

А я напрягся. Че ей надо, Снежане этой? Вернее, понятно, что ей надо, но как ей объяснить, что она не вписывается в концепцию нашего фильма.

Я вспомнил о Серее. Как он там? Вот бы поделиться с ним. А то лежит у себя в палате, нога сломана, так еще и полиция регулярно наведывается. Он товарищ. Герой настоящий, надо будет про него что-нибудь в фильм вставить. Мол, ради создания «То, что нас ждет» наш товарищ Заикин рисковал здоровьем и даже угодил в тюрьму. Может, его потом простят и выпустят. Очень хотелось бы в это верить.

Залез в почту. Варанов оценил мое чувство юмора, написал, что смешно, но все равно не то, и дал мне, типа, последний шанс, если не справлюсь, то обратится к кому-нибудь другому. Хорошо, хоть посмеялся, значит, не самый трудный заказчик.

Позвонил Марку.

— Здорово!

— Привет, товарищ режиссер! Надумал Снежану снять?

— Да вы че, помешались на ней? Или тебе тоже звонила?

— Нет, мне не звонила.

— Ладно, хоть так. Че там с отснятым материалом?

— Не смотрел еще. Надо на комп скинуть.

— Точно? А то, может, уже на ютубе все?

— Не. Ты же против ютуба. Или уже передумал?

— Нет, не передумал. Ютуба не надо. Как скинешь, мне скажи, хочу посмотреть, че

там получилось.

— Че там получится? Че снимали, то и получится.

— Все равно позвони!

Да, хорошо, что у меня в команде всего два человека. Представляю, как я намутился бы с пятнадцатью или двадцатью.

Очередной день начался довольно неплохо. Я сел за герб. Вместо продукции «эппла» в лапы ящера я поместил скипетр и державу. Ну, а чего? Корона-то есть. Вот именно что корона, осталось еще вторую голову подрисовать. Я подрисовал и остался доволен. Двуглавый варан — это вам не бургер жевать. Очень круто и очень пафосно. Пусть только скажет, что я не попал в самую точку! Оценив собственную креативность, я отправил последний вариант заказчику и решил пробежаться. Ну, знаете, иногда надоедает пить пенное, и втемяшиваешь в голову, что нужно держать себя в форме. А самое простое — это как раз выйти на улицу и сделать пару кружков возле дома неспешной трусцой. Заслуги в таком «подвиге» немного, но самолюбие тешит здорово. Прекраснее всего, что стоит единожды совершить такую пробежку, и ты тут же успокаиваешься. Мол, все в порядке, бежится вполне нормально, если надо будет, могу повторить, но надо будет еще не скоро, минимум через месяц, а пока же можно спокойно вернуться к алкоголю и езе с ним. Вот такая бодяга.

Я выскочил из подъезда и с усердием и резвостью необъезженного жеребца принялся разминаться. Закончив приседания и наклоны, я встряхнул руки и ноги и, так сказать, пустился в бой. Бежалось довольно легко. О чем я и говорил. Организм еще молодой, а значит, получасовой пробежкой его не напугать, можно проводить вечера с пивчанским и дальше. Неподалеку от нас есть лесок, туда-то я и направился. Не скажу, что любитель природы и ярый ее защитник, но лесок этот и правда жалко. Загадили его по самые корни. Не лес, а настоящая помойка. Реально руки бы оторвал. Люди хуже свиней. На каждом шагу попадались консервные банки, мешки, пакеты, коробки из-под печенья, обертки, резиновые изделия. Вот они, символы современной цивилизации. Неудивительно, что все закончится апокалипсисом. На месте Земли я бы уже давно избавился от человечества, а она ничего, терпеливая.

Мобильный. Ну, сколько можно-то? Че я такой мегапопулярный, что ли? У меня всего двадцать друзей в фейсбуке.

— Саня! Ты че так дышишь?

— Бегу. Че тебе надо? — разозлился я.

— Так это. Я на часок седня задержусь. Ничего?

— Я учту твои пожелания, — сказал я и отключился.

Душ, кофе, и я был сама свежесть. Еще через полчаса я стоял перед квартирой Марка. Дзинь! Меня аж перекорежило всего. Кто придумал эти звонки?

— Здорово, товарищ режиссер. — Марк приветливо улыбнулся.

— Ты даже дома с капюшоном?

— А как же! Стайл!

— И сколько у тебя толстовок?

— Штук восемь. Эта самая любимая. Ей уже лет десять, поистрепалась — теперь только дома ее ношу.

Я взглянул на толстовку. Ничего особенного. Нарисованы брейкдансеры и снизу подпись «Battle of the year».

— Она в темноте светится! — похвалился Марк.

Мы вошли в его комнату. Неплохая у него квартирка. Уютная. Мебели немного, и это круто. А то у многих стоят всякие стенки да шкафы еще с совковых времен, они и выглядят стремно, и места до жути занимают. У него, правда, тоже старенькая прихожка, но зато в комнате никаких «горок». Кровать и компьютерный стол с ноутбуком и принтером. И полка висит, которая, в отличие от моей, завалена всевозможным хламом. В общем, минимализм во всей своей красе.

— Клево у тебя. Просторно!

— Спасип. Все лишнее выкинул, верней, на avito толкнул. С руками прямо оторвали. Садись.

— Ну, что там у нас?

— Смотри, — сказал Марк, подвигая ноутбук ко мне.

На экране появилась рука Марка.

— Это надо удалить! — разъяснил Марк. — Когда Саню ждали, от не фиг делать попробовал снимать.

— Понятно.

Руку сменила бабка, кормящая голубей. Картинка слегка зашаталась, но быстро застыла. Нужно признать, что снимал Марк вполне качественно. Ничего себе так оператор. В Каннах будет не стыдно.

Ну, а дальше пошли кадры с многочисленными нет, мужик с больным сердцем и все то, что мы успели заснять в тот день.

— Ну как, товарищ режиссер, доволен?

— Да пока как-то нет. Парочку кадров можно будет оставить, остальное мимо кассы.

— А ты как хотел? За съемочный день больше пары минут и не выходит, если, конечно, это не сериал.

— Ага, потому наши сериалы такие стремные и получаются. Но мы-то не можем себе позволить такой роскоши. Апокалипсис ради нас никто не будет оттягивать.

— Ну да, ну да, — согласился Марк.

— Но картинка мне вполне нравится! Очень кинематографично. И снимаешь ты на уровне!

— Спасибо, товарищ режиссер. Услышать такую похвалу из ваших уст — огромная честь для меня!

— Да иди ты! Но ты все равно ничего не удаляй. Вдруг что нам потом понадобится.

— Само собой, — ответил Марк и поправил капюшон. — Ну что, двинули?

— Да не, рано еще. Новиков звонил. Сказал, на час задержится.

Через час Новикова на месте не было.

— Вот редиска, — выругался я. — Пора менять помрежа.

— Поменять, конечно, можно, но поздняк уже. Он же на тарелочке расписался.

— Опять эта тарелочка!

— Гляди, что там?

Метрах в ста от нас было какое-то шествие. Участники шествия приблизились, и тут я увидел, что это самые настоящие зомби.

— Черт, Марк! Ты видишь то же, что и я?

— Ага!

Товарищ продолжал улыбаться. Пофигист, что ли?

— Так чего ты такой радостный? Бежим, это же зомби!

Я и правда чуть не удрал, но Марк и не думал срываться с места. Он направил камеру на зомби и стал снимать. Вот это самообладание. В городе живые трупы, а он стоит себе спокойно снимает.

— Марк!

— Да расслабься ты! Это флеш-моб!

— Какой флеш-моб?

— Зомбоапокалипсис на проспекте Победы. Опять ты не в курсе, что ли?

— Неа.

— Вот даешь. Прошлый век прям. Весь инет завалили объявлениями.

— А че ты мне ниче не сказал?

— Так я сам только щас вспомнил, что он сегодня. Прикольно получается. Отличные кадры!

Зомби, вернее, обыкновенные парни и девчонки, перемазанные гримом, неспешно надвигались на нас плотной стеной. Черт возьми, если бы со мной не было Марка, я точно бы подумал, что это настоящие ходячие трупы, и дал деру. Некоторые прохожие так и поступали, потом останавливались, смотрели, что никто не убегает, понимали, что это неспроста, и смотрели дальше или снимали на телефоны. Народа, нужно сказать, было немало. Человек сто, не меньше. И примерно столько же зевак. На одного из них в шутку напали. Зомби-медсестра и гастарбайтер повалили рыжего паренька на асфальт и стали изображать, будто гложут его окровавленный труп. К ним присоединился зомби-боксер. Нужно сказать, что ребята подошли ответственно к проведению флеш-моба, надели совершенно разные костюмы: тут были и врачи, и учителя, и хипстеры, и баскетболисты, и офисный планктон, и художники, и повара, и военные, и работники «Макдональдса» и даже один Майкл Джексон; сделали качественный грим и вжились в свои образы довольно убедительно. Мне захотелось присоединиться к ним. В конце концов, разве не может быть зомби-режиссера? Да сколько угодно. Я подмигнул Марку и кинулся к зомби-летчику.

— Привет!

Тот скосил на меня взгляд, но не стал отвечать. Я решил следовать за ним.

— А вы верите в то, что 21 декабря будет конец света?

— Э-э-э! — прохрипел он.

— Это да или нет?

— Э-э-э!

Зомби, летчик вытянул свои окровавленные руки и стал медленно надвигаться на меня.

— Так все-таки верите или нет?

Вместо ответа он коснулся моего плеча и принялся изображать, будто пожирает мою плоть.

— Мне нужно знать ваше мнение! — не унимался я.

— Падай! — прошептал он.

— Чего?

— Падай, кретин!

— Вы поймите, мы снимаем фильм, мне очень нужно выиграть Канны!

Падать я, разумеется, не собирался. Вместо этого я отцепил от себя руки зомби-летчика и слегка оттолкнул в сторону. Он врезался в зомби-хипстера, тот не удержался на ногах и повалился на землю, зацепив в падении еще парочку зомби. Те, словно пластинки домино, начали падать и валить соседних зомби. Образовался затор.

— Извините! — неловко улыбаясь, сказал я.

Но зомби-летчик почему-то рассвирепел. Он вскочил на ноги и грозно посмотрел на меня.

— Слышь, ты, олень! Ты че наделал?

— Че я наделал?

— Ты нам весь флеш-моб сорвал!

— Ну да, конечно, я виноват, что ты на ногах стоять не умеешь! Сам ты олень!

— За оленя ответишь мне!

— О как страшно! Щас обделаюсь прям.

— Слышь, ты!

Он набросился на меня, но и я парень не промах. Я поставил блок и только замахнулся, чтобы двинуть ему как следует, как меня окружили куча недовольных зомби, то же они сделали и с пилотом.

Зомби стали толкать меня и кричать, чтобы я ушел. Глупо было сопротивляться. Во-первых, их больше, а во-вторых, я действительно подпортил им флеш-моб.

— Вали отсюда, пока я тебе ногу не оторвал! Фильм он снимает! — кричал вдогонку зомби летчик.

Ну, попадись мне только, гаденыш, без грима, я тебе покажу, как надо отрывать ноги. Я повернулся, чтобы крикнуть ему что-нибудь в ответ, но заметил, что все зеваки смотрят на меня, ухахатываются и снимают на телефоны. Тоже мне клоуна нашли. Но что самое фиговое — Марк тоже стоял довольный, как слон, и весело улыбался.

Я ушел. Фиг ли еще было делать? Зомби же снова встали в колонну и двинулись дальше. Но быстро закончили шествие. Видимо, я сбил им весь настрой. Неприятно как-то. Но этот пилот сам виноват. Трудно ему, что ли, было ответить? Я бы с радостью вставил его в «То, что нас ждет», а теперь фиг ему.

Подошел Марк. Веселый. Ему, конечно, весело.

— Ну, товарищ режиссер, устроил ты сцену! Шикарная комедия у нас будет!

— Иди ты, товарищ оператор!

— На фига ты к ним поперся-то? Ты ж не зомби.

— Хотел поспрашивать их, снять кого-нибудь потом.

— Так я ж и снимал.

— Ты снимал всех сразу. А я хотел парочку самых интересных отдельно заснять, чтобы в концепцию фильма вписать.

— Угу. Вписал. Молодец!

— Хорош ржать! Пилота этого вырезать надо будет! Чтобы никто не видел.

— Боюсь, что теперь его увидит весь ютуб.

— Опять ты с этим ютубом!

— Что поделать — такое сейчас время. Чуть что — сразу в ютуб. Так что боюсь, что он прославится, а заодно и ты — безжалостный срыватель флеш-мобов.

— Давай стеби, стеби. Мне и так фигово!

— Эх, жаль Саня такое шоу пропустил.

— Ну да, только Новикова там не хватало.

— Ну, ничего, он на ютубе посмотрит, поржет.

Вот честное слово, я чуть Марку не двинул. Умеет он поддержать, ничего не скажешь.

— Ну, а как ты хочешь? В кой-то веки наш мухосранск решил побыть хоть чуть-чуть креативным, люди целый месяц к этому флеш-мобу готовились, а тут раз — появляется Санчо и так всех жестко обламывает.

— Да че я их обломил? Ну, подумаешь, упали, подумаешь, хрену одному чуть не вломил. Никто ж не пострадал, шествие-то прошло.

— Да ваще они тебе благодарны должны быть. Так бы прошлись, поснимали их да забыли все. А теперь фиг кто забудет. Чувак решает сорвать флеш-моб и сваливает с ног тридцать зомби.

— Если ты щас не замолкнешь, я свалю с ног и тебя! И вообще не зли меня. А то найду нового оператора, и никакая чертова тарелочка тебя не спасет. Где Новиков вообще?

И тут, конечно, появился Новиков.

Шел такой довольный, как мэр на Дне города.

— Привет. — Разулыбался весь. Я ему тоже чуть не двинул.

— Как свидание? — решил подколоть его Марк.

— Вообще супер! — на полном серьезе ответил Новиков. — Снежана — просто улет!

— Снежана? Так ты реально на свидании был?

— Ну да.

— Саша, я, конечно, рад за твою личную жизнь, но мы вообще-то кино решили снимать, и по какой-то необъяснимой мне случайности тыходишь в съемочную группу, более того, ты являешься помрежем. Или уже не являешься?

— Да ладно тебе, товарищ режиссер, — вступился за товарища Марк, — не будь таким занудой. Человек со Снежаной на свидание сходил! Ну, и как у вас все прошло?

— Снежана офигенная. И, кажется, я, того... нравлюсь ей.

— То есть у вас все серьезно?

— Ну, типа того. — Саню просто распирало от гордости.

Я прокашлялся.

— Ромео! Мы делом будем заниматься или как?

— Ну, конечно, будем! Давайте! Кого снимаем? Я готов! — затараторил помреж.

— Ха-ха, кстати, у нас тоже не обошлось без приключений! Щас тебе такое покажу!

Теперь точно от моего терпения не осталось ни грамма. Вовсе не удивительно, что в итоге ничего путного мы так и не сняли. Да и персонажи попадались неинтересные: все какие-то одинаковые, хмурые, недружелюбные. Новиков пытался шутить, мол, это я виноват, испортил карму своим бессердечным поступком, но мне было не до смеха, поэтому мы разругались и я послал их с Марком куда подальше, а сам отправился домой. Тоже мне товарищи, с такими каши не сварить, не то что шедевр снять.

Дома мне стало еще грустнее. Время шло, а я после первого шага ни на дюйм не приблизился к мечте. Так бы черт с ним, так бы я тупо забил, как делал всегда раньше, но сейчас всем грозил долбаный апокалипсис, и тут уж раз взялся, будь любезен, доведи до конца. Ведь это, возможно, последнее, что я мог сделать достойного в своей жизни. Просто удивительно, что все оставались такими спокойными, будто еще в раннем детстве приобрели с нефиговой такой скидкой по спасительному бункеру и теперь могли смело послать любой конец света куда подальше. Прямо как в песне «А нам все равно». Не боимся мы ни торнадо, ни потопа, ни землетрясения с ледниковым периодом. Или это я просто такой кипишной? Но ответа не было. Обидно, черт возьми, у Новикова хоть девушка появилась. Хотя это тоже было как-то подозрительно. Ну, не могла Снежана просто так начать с ним встречаться. Такие девушки, как она, не западают на таких парней, как мы, если только не хотят их для чего-либо использовать. Но это тоже спорный вопрос: кто из них и кого мог использовать?

С этими неприятными мыслями я раздавил бутылочку темного и полез в Интернет, но не для того, чтобы найти ответы на все свои вопросы в Яндекске, а проверить почту. Три новых заказа. Удивительно, но я стал популярен в последнее время. Если бы не майя с их календарем, можно было неплохо заработать. Один

заказ, правда, был немного из другой области: заказчик просил нащелкать и прислать фотки местных торговых центров, за что обещал семь сотен. Фотки я отмел сразу. Во-первых, у меня не было нормального фотоаппарата, а во-вторых, семь сотен — это слишком несерьезно, не стоило даже заморачиваться. Оставшиеся заказы были идентичны по сути и по вознаграждению. Требовалось разработать дизайн будущего сайта за три тысячи рублей. Вот это уже по мне. Вечер я провел за проектированием стильного сайта открывающегося ночного клуба с соответствующим сайту названием «Стиль». Правда, как только закончилось пиво, тут же испарилось и вдохновение.

А утро началось с очередного звонка. Чертов телефон! Его нужно выкинуть или хотя бы отключать на ночь.

— Саня! — Чертов Новиков!

— Я сплю.

— Саня! — Далее смех.

— Да чего?

Снова смех и короткие гудки. Ада я могу не бояться, у меня Новиков товарищ, а это куда хуже ада. Только закрыл глаза, телефон затрещивал по новой. И почему только не отключил его, на фиг?

— Саня! — Далее смех — заело пластинку.

— Слушай ты, чудило с Нижнего Тагила, хорош ржать! Если не скажешь, че те, на фиг надо, раскрою твой череп моей трофейной лопатой!

— Ага, как мне звонить и будить, так это можно, без проблем, а как тебе, то попробуй только позвонить — Сашечка спит! — обиделся товарищ.

— Я тебе звонил, потому что это было важно, а ты ржешь мне в трубку и коряво шутишь.

— Ниче не коряво, — еще больше обиделся.

— Ладно, обижайся, сколько влезет, а я пошел спать.

— Подожди, ты в инет выходил?

— Ну, выходил вчера. А что?

— И что там? — Противное гоготание.

— Новые заказы прислали.

— И все?

— Все. А что-то еще должно быть?

— Давай кино снимать сегодня.

— Я с вами, уродами, больше снимать не буду.

— Саня, хорош фигней страдать. Ниче он с нами снимать не будет. Сам же говорил, что времени мало осталось. Я специально взял отгул, чтобы посвятить сегодняшней день съемкам, а мог бы провести его со Снежаной, но нет. Я чувствую свою вину, понимаю, что подвел пацанов, и готов все искупить. В одиннадцать ждем с Марком тебя на площади.

— Вот вы хлыщи!

Опять этот дурацкий смех. Я положил трубку. Ишь ты, сколько благородства. Товарищ выбрал нас, а не Снежану. Может, она уже просто кинула его? На ее месте я бы так и сделал. Но судя по смеху, не сказать, чтобы он убивался горем.

Выйдя на улицу, я сразу почувствовал, что что-то не так.словно весь мир уставился на меня своим единственным гигантским солнечным глазом и ни на секунду не отводил взгляда. Даже деревья как-то подозрительно колыхались на ветру и шелестели листьями, словно о чем-то щептались и тряслись от смеха. Первый же прохожий остановился, посмотрел на меня, удивился, словно узнал, и стал откровенно ржать. Я рефлекторно ощупал себя. Может, на губах осталась зубная паста

или майка в чем-то испачкалась? Терпеть не могу, когда люди вот так хохочут во все горло, глядя на тебя. Фиг знает, может, ему просто поржать захотелось или вчерашний анекдот вспомнил, а ты по-любому принимаешь на свой счет и мучаешься потом вопросом, что с тобой не так. Рот был чистый, майка тоже, на всякий случай я даже волосы примял ладонью. Чтоб его! Он-то прошел, а тебе теперь весь день теряться в догадках. Я уже практически убедил себя, что не был причиной смеха, но шедшие мне навстречу телочки повели себя ровным счетом так же, как парень, заставивший меня чувствовать себя идиотом. Ну, это уже ни в какие рамки!

Значит, точно из-за меня. Что я, фейк, что ли, какой? Это неприятно. Не понимаю даже, как люди могут клоунами работать? Я передразнил их противный смех, телочкам это явно не понравилось, и они, синхронно покрутив пальцами у виска, испуганно прибавили шагу и скрылись из виду. Ну, спасибо Всевышнему, задался день — ничего не скажешь.

Пока я добрался до центральной площади, мне встретилось немало народа, и практически каждый третий реагировал на мое появление подобным образом. Люди хватались за животы, радостно улюлюкали и хлопали в ладоши, будто я на самом деле был Славой Полуниным или Владимиром Жириновским. Но я никак не мог догадаться, когда я успел так прославиться, а главное чем. И тут я увидел товарищей, изображавших пантомиму. Новиков ходил по кругу, вытянув руки и волоча левую ногу, а Марк преградил ему путь и начал несильно толкать. При этом лица товарищей просто светились от счастья. Долбанный ютуб!!! Я готов был провалиться сквозь землю.

— Здорово, «домино из зомби»! — приветствовал меня Новиков.

И они с Марком заржали, как целый табун лошадей Пржевальского.

— Почему домино?

— Ну, так твой ролик с двумястами тысячами просмотров называется.

— Мой ролик?

— Ага, клип с тобой в главной роли.

— И че, реально двести тыщ просмотров, или вы прикалываетесь?

— Я сам только раз двадцать посмотрел.

— А я тридцать, — похвастался Марк и поправил капюшон, — а ты сам не видел, что ли?

— Нет.

— Я думал, догадаешься, — удивился Новиков.

— Еще и музыку такую прикольную подобрали, ваще умора.

— Какую музыку? — начал злиться я.

— Не знаю, кто поет. Но песенка прикольная.

— Группа «Revolver». Я нашел! — гордо сказал Новиков. — И даже скачал.

Он достал телефон, включил ту самую песню, и они с Марком стали танцевать и подвывать, как два кретина.

Нет, песенка действительно веселая, но разделять радость товарищей мне совсем не хотелось.

— Давай с нами! — позвал меня Саня, повторяя движения Джона Траволты из небезызвестного фильма.

— Я щас вам леща дам. Хорош дрыгаться!

Но им было по фигу. Товарищи же дергались до самого конца песни. Потом Саня, словно опомнившись, с сочувствием посмотрел на меня.

— Ты же не видел свою бомбу. Ща покажу.

И показал. Чертов ютуб. 223 572 просмотра за один вечер и утро. На экране замелькали живописные кадры зомби-парада под ту самую песенку, и вот уже я тол-

каю зомби-летчика, тот падает на зомби-хипстера, а он в свою очередь роняет целую группу различных зомби, цепляющих друг друга, как пластинки домино. Перемотка, зомби-летчик падает, зомби-хипстер роняет остальных зомби. Перемотка, все то же самое, но в замедленном темпе, далее крупный кадр моего лица, крупным кадром лицо зомби-летчика и лица офигевающих прохожих. Ну, и наконец кадры несостоявшегося махача с зомби-летчиком. Вот такой простоватенький клипс с моим участием. И чего он так всем понравился? Однако за то время, пока я смотрел на это чудо, количество просмотров увеличилось еще на тридцать.

— Вот она, слава! — заулыбался Новиков. — Можно и не снимать ничего!

— Ага! — поддержал его Марк. — Есть еще с десяток подобных роликов. Чувачки разные выложили.

— Да ну? А я че-то не видел даже.

— Ну, они без музыки и не такие прикольные, хотя тоже тыщ по пятнадцать просмотров набрали.

— Да идите вы к черту! — разозлился я. — Вместе со своим ютубом.

— Он совсем не наш, — ответил Саня.

— Мне такая слава не нужна. Мне «Пальмовая ветвь» нужна, так что хорош фигней страдать. Взяли камеру и вперед снимать кино.

— Тиран! Щас как напишу про тебя злобный коммент, — пошутил Марк.

— Кстати, о комментах? Ты читал, что народ пишет? — обратился к нему Новиков. — И ты, Сань, тоже послушай. «Аффтор жжот», «+5», «че за тупость ваще?», «Ни разу ни смешно», «Ха-ха, реально, как домино, посыпались».

После каждой фразы у парней случался новый приступ смеха. Мне же хотелось их закатать в асфальт.

— «Да сразу видно — это подстава, тупо монтаж», «никакой зомбоапокалипсис нам не страшен, повалил всех зомби и гуляй», «у чувачка аж рот открылся от удивления», — читал Саня, — «хрень, про кошечек лучше», «ништяк музыка», «эта гнида нам весь флеш-моб подпортила, поймаю его — убью».

Это, видимо, зомби-летчик писал.

— Ну, не я же! Пусть сам мне только попадет, я его одной левой порву. Так. Вы реально задрали уже.

— Ой, это же чувач с «зомби-домино»! — раздался чей-то довольный голос. — А вы, что, из нашего города? Ни фиги себе!

Не став дослушивать, я учесал куда подальше. Друзья догнали не сразу.

— Ты чего? Такая девушка хорошая, — сказал Саня. — Катей зовут.

— Она так обрадовалась, что тебя увидела, а ты учесал, как медаль от футболистов.

— Да идите вы! — повторил я. — И Катю возьмите, и Снежану, и остальных тоже.

— Психически неуравновешенный тип, — заметил Марк.

— Режиссер, — резюмировал Новиков. — Ладно, пойдем снимать, а то ты реально нас в порошок сотрешь.

Но не прошли мы и трехсот метров, как раздался еще один, теперь уже совсем не радостный голос: «Пацаны, вот он!»

Я обернулся и увидел, что на меня, как стадо диких кабанов, неслась ватага разъяренных парней. Возглавлял этот бравый отряд карателей кто бы вы думали? Разумеется, зомби-летчик, только уже без грима и в другом костюме.

— Ну, держись, урррод! — кричал он, вырыкивая эту грозную букву «р».

Ой, страшно-то так! Хотя и правда было немного страшновато, но только чуть-чуть. Просто их было семеро, а нас трое, и каков в бою Марк, я не имел ни малейшего понятия. Это мне и предстояло выяснить. Я вскинул руки и приготовился ловким и метким ударом повалить летчика на землю, но тут Саня провернул нечто

невероятное. Он поднял руку и спокойным таким, я бы даже сказал, невозмутимым голосом произнес: «Парни, остановитесь!»

И они реально остановились. Выглядело это так, будто молодой пророк приказал неведающим простолюдинам и знати забыть о вражде, простить друг друга и следовать за ним, и те, не колеблясь ни секунды, исполнили все, что он приказал. Короче говоря, встали они как вкопанные и усталились на Саню, как старушки на ценник черной икры.

— Парни, — продолжил Новиков, — вы не правы.

— Чего? — Вытянулось лицо зомби-летчика, как подросток за лето.

— Спокойно, спокойно. — Гнул свою линию товарищ. — Вы не правы, сейчас я поясню.

— Рвем когти! — Сорвался вдруг с места Марк и почесал так, словно выпил упаковку энергетика. Ясно, каков он в бою.

— Ну, все. — Сжал кулаки зомби летчик.

— Подождите! — не выдержал уже я. Мне было жутко интересно, что же хотел сказать Новиков. — Навалять вы нам всегда успеете, пусть человек договорит.

Парни нехотя согласились.

— Спасибо, Саня. — Не терял спокойствия товарищ. — Так вот, вы не правы.

И вот почему. Да, Саня сорвал вам флеш-моб.

Зомби-летчик согласно закивал и злобно посмотрел на меня.

— Да, он был довольно груб.

Снова взгляд, метаящий молнии.

— И еще сам хотел тебе накидать.

Зомби-летчик уже кипел от ярости.

— Но, — сделал паузу Новиков, — посмотрите на это с другой стороны. Так бы ваш флеш-моб остался абсолютно незамеченным. Прошел и прошел, мало ли таких было? А благодаря Сане вы не только в ютуб попали, вас еще куча народа посмотрела и еще до фига посмотрит, зуб даю. Я сам только двадцать раз посмотрел.

Парни озадачились. Все, кроме зомби-летчика. Он только сильнее разозлился.

— Ага. Все смотрят и ржут надо мной. На фиг мне это надо. Я че, клоун?

— Над Саней тоже ржут, — парировал товарищ.

— Да мне по фиг. Ща я ему навалю и в ютуб выложу. Вот тогда пусть и ржут над ним.

— Семен, — вмешался высокий парень из банды зомби-летчика, — парень дело говорит. Фиг ли злиться? Конечно, не бомба ютуба, но видос прикольный. Может, даже за лям просмотров наберет.

— Да мне по фиг, — не унимался зомби-летчик, — хоть два. Этот чепушило у меня получит.

Парни уже явно не поддерживали настрой зомби летчика. Мол, это наши личные терки. Нам вдвоем и разбираться. Но за рулевого был Новиков.

— Слушайте, давайте так. Я понимаю твои претензии, — обратился он к Семену, — и вполне их разделяю. У вас, парни, есть что предъявить?

Парни замычали в ответ.

— Ну, и вот. Отлично. Я, например, к этому делу вообще отношения не имею. Меня там не было.

— И че будем делать? — спросил зомби-летчик.

— Предлагаю так. Ты вломишь разок Сане, и расходимся.

— Разок? — скривился Семен.

— Новиков, ты охренел? — Моему возмущению не было предела. — Че за подстава? Разрулил. Второй вообще слинял. Товарищи...

— Сань, без обид, — развел руки «рулевой», — ты накосячил, все по делу. Только не перестарайся. — Это он уже Семену.

— Ща тебе так вломлю, без зубов останешься.

— По лицу как-то не того, — возразил Новиков. — Может, пендель?

— Ха! — только и ответил он.

— Парни, давайте быстрее. — Снова вмешался высокий парень. — Там вон уже менты на нас с интересом поглядывают.

Вот что за денек? Мало того, что с фильмом полная лажа, я еще в ютуб попадаю, Серега в больнице лежит, а очень скоро и мне, видимо, придется оказаться в соседней палате.

Но бить этот Семен ни фи́га не умеет. Он поплевал на руки, громко выдохнул и двинул мне в висок. Мне даже больно не было. Навалял бы он мне, как же. Только повозмущаться как следует мне не удалось. Практически в ту же секунду доблестные представители обожаемой всеми нами полиции кинулись в нашу сторону.

Убегая от представителей закона, я чувствовал себя персонажем какого-нибудь голливудского детектива. К сожалению, это не придавало мне ни сил, ни скорости. Все-таки смотреть погоню на экране куда спокойнее, чем участвовать в ней самому. Тут же сердце колотилось, как барабаны группы «Sum 41». Новиков бежал рядом и улыбался. Чему тут радоваться? Хотя ему-то что. Его-то не бил Семен. Говорю же, ударил он, как девочка, это более унижительно. И тут я разозлился на Саню и свернул в другую сторону, забежал в какой-то двор и вошел в магазин.

На этом погоня закончилась, а настроение вконец испортилось. Больше делать кино мне не хотелось. Ну, неспроста все это. Раз не получается ничего, значит, не надо. Закрытый путь. В магазине я купил коньяк. И первый глоток сделал прямо в магазине.

У подъезда меня ждали Новиков с Марком. Даже слов не хватит высказать, как я был зол на эту парочку.

— Долго ты, — как ни в чем не бывало сказал Марк и поправил капюшон.

Я промолчал.

— Сань, ты чего? — удивился Новиков.

— Ничего, — буркнул я, — пройти дайте.

— Какой пройти? Он тебе память, что ли, отшиб?

— Отшиб. Да у меня соседская девочка и то сильнее бьет, она в третьем классе учится.

— А синяк не хилый, — заметил Марк.

— С тобой я вообще не разговариваю.

— С чего это вдруг?

— С того.

— А, ты из-за этого? Так че мне было делать? У меня камера, между прочим. Она и так глючная, а так вообще потерять могли.

— Ну-ну...

— И потом. Я думал, все вместе рванем.

— Мы вот не рванули. У кое-кого длинный язык оказался. «Сань, все по делу». Может, мне тоже тебе вломить разок?

— За что?

— За то, что товарищ такой хороший.

— Не, ну а че, так бы нам вообще наваляли, — возмутился Новиков. — А так все обошлось малой кровью. Сам же говоришь, он еле ударил.

— Ну вас на фиг.

— Подожди, ты куда?

— Домой.
— Какой домой? А кино?
— Кина не будет?
— Что значит не будет? — удивился Марк. — Вообще-то мы тут сняли кое-что, пока тебя ждали.

— На ютуб выложите. А фильма не будет. Я задолбался.
— Задолбался он, — возмутился Новиков, — ниче, что мы втроем за это дело взялись?
— Я — режиссер!
— Вот и веди себя как режиссер, а не как истеричка.
— Сам ты истеричка.
— Я-то как раз нет, — заявил Саня. — Твоя идея была, между прочим. Из-за нее человек в больницу попал. Мы с Марком непонятно ради чего пыжимся. Но раз уж мы втроем подписались на съемки твоего гениального фильма, то будем втроем работать до победного конца. Ясно тебе? А свои «я задолбался» можешь засунуть себе куда подальше. Ты не телка какая-нибудь, а пацан, вот и будь пацаном. Сказал — сделал. Или хочешь, чтобы мы вдвоем с Марком все сняли и без тебя выиграли твои Канны?

— Да, — с вызовом добавил Марк.

Не скажу, что это была сверхпафосная речь, так обожаемая Голливудом, но Санины слова действительно встряхнули меня.

— Да ладно вам, пацаны. Ну, погорячился немного. С кем не бывает? — стал оправдываться я.

— То-то же.

— Так ты с нами или как?

— С вами, конечно. Сань, ты прав, мы обязательно доделаем «То, что нас ждет».

Мне даже интересно стало, что вы там снимали.

— Интересно ему, — пробурчал Новиков.

— Ща покажу, — улыбнулся Марк.

И показал. На экране стоял паренек и слегка пританцовывал на месте.

— Ну, и на фига вы сняли Стасика?

— Ты его знаешь, что ли?

— Нет, не знаю. Двумя этажами ниже живет. Конченный урод. В топку его.

— Не, не. Ты послушай, прикольно. Он зато в апокалипсис верит.

И я послушал. Типичный бред. Стасик, похихикивая, отвечал на вопросы Сани. Да, он верит, что конец света неминуем и наступит 21 декабря. «Прилетит куча инопланетян на своих похожих на гигантские матрешки звездолетах, из которых выйдут такие же огромные, как Николай Валуев, инопланетосы, только с четырьмя головами и кактусами вместо рук, и начнут всех отстреливать из своих мегабластеров». Но Стасик готов к их приезду, так как скупил кучу плакатов Филиппа Киркорова. Ведь единственное, чего они боятся, это портреты Филиппа Бедросовича. И дальше в таком же духе.

— И что здесь прикольного?

— Ну как, — удивился Саня, — смешной Стасик. Верит в апокалипсис и главным в жизни сгущенку и тортики считает.

— Нет. Мы не будем рекламировать уroda. И вообще. Ничего вам доверить нельзя. С этой минуты никакой самодеятельности!

— Тиран, — возмутился Марк.

Парни, конечно, обиделись, но иначе никак. Режиссер должен быть жестким. И я проявил жесткость. Мы пошли и стали снимать. Но, как обычно, ничего путного не вышло. И персонажи не яркие, и в конец света не верил никто, и видео

в ютубе все подпортило. Нет, в этой жизни не все так просто дается, как нам хотелось бы, но и тем приятнее добиваться цели.

Мы распрощались до завтра и договорились в обеденный перерыв Сани поснимать еще немного. Довольный Новиков побежал к Снежане, а мы с Марком по домам.

Я снова включил компьютер. Решил пересмотреть ненавистное видео. А оно, как назло, стремительно наращивало популярность. Вот бы мышцы так росли. Под видео стояло 318 569 просмотров. Нет, ну, забавно немного, но только из-за песенки. Все остальное же... Ну, подумаешь, зомби, подумаешь, упали, ну, драка — чего тут особенного? Пока я пытался убедить себя, что это до жути переоцененное видео, количество просмотров возросло до 319 037. Ну, бред же. Бред. Что происходит с этим миром? Кошечки, собачки и просто океан человеческой тупости вызывают у всех дикий восторг. Да лучше бы картины Ван Гога смотрели. Так и представляю себе битву «Шедевры искусства против фоток домашних питомцев». Кто больше наберет лайков?

Чтобы успокоиться, я включил «Зеленую милю». Вот это кино! Настоящий кайф, я даже всплакнул в конце. Он же реально был не виновен.

В девять утра меня разбудил звонок. Я так рано не встаю. Я, конечно, понимаю, что многие просыпаются в шесть, а то и раньше, но это как раз преимущество фриланса — вставай, когда хочешь. Так что для меня девять часов — это раньше и придумать нельзя. Покрыв отборным матом телефон, я ответил на вызов.

— Да.

— Александр?

— Да.

— Здравствуйте.

У девушки был приятный голос, но я все равно едва не кипел от злости.

— И вам того же.

— Меня зовут Валентина.

А в трубке уже журчало типичное женское бла-бла-бла. Все пересказывать не буду, но суть в том, что эта самая Валентина работает журналистом на местном «типа телевидении», она посмотрела ролик про «зомби-домино» и вот путем немислимых усилий ей удалось узнать мои имя и контакты. Теперь она просто жаждет со мной пообщаться, типа взять интервью и все такое.

— Когда вам будет удобней встретиться? — спросила она.

А я еще не переварил и первых десяти слов ее тирады, поэтому тупо молчал, пытаясь сообразить, что ей от меня нужно.

— Александр.

— Что? — не сразу ответил я.

— Может быть, вы заняты?

— До пятницы я совершенно свободен, — зачем-то ответил я.

— Отлично! Тогда давайте сегодня. В полчетвертого вас устроит?

— Наверно.

— Прекрасно. Значит, записываю: «В пятнадцать тридцать — встреча с Александром». Давайте в парке у памятника Пушкину.

— Давайте.

— Ну все, замечательно. До встречи.

— Погодите. А как вы меня узнаете?

— Поверьте, я вас точно узнаю.

— Угу, а как я вас узнаю? Не очень хочется ходить и спрашивать всех: «Вы Валентина?»

— А вы — смешной, — сказала она и повесила трубку.

Ну, чертова популярность. Еще не снял кино, а уже началось — звонки, интервью, и главное — утром. Я, конечно, попробовал снова уснуть. Ха-ха, мечтай дальше. Во-первых, с перебитым сном трудно договориться, а во-вторых, уснешь тут, как же. Звонят всякие Валентины и назначают встречи. А я, может, не хочу никаких интервью.

Проворочавшись с четверть часа, я встал, для чего-то долго смотрел на себя в зеркало, затем сварил кофе и пил, громко прихлебывая, из чашки. Ну, а фиг ли? Живу один, что хочу, то и делаю, хоть в килте разгуливай, хоть без. Сел работать. Не работается. Валентина. Вот ведь, а.

Пошел в ванную, принял душ, посмотрел в зеркало и встал под воду еще раз. Долго с усердием тер себя мочалкой.

В сквере у памятника Пушкину.

Может, розы купить? Или гладиолусы?

Какие гладиолусы? Это ж не свидание.

А что надеть?

Ну все, приплыли. Триста лет не встречался с девушками. Что надеть? Убожество.

У Сани все еще занято. Птица-говорун. Мурлыкал небось со своей Снежаной.

А на часах всего пол-одиннадцатого. Еще, что ли, разок помыться?

Не стал. Решил позавтракать.

В холодильнике три яйца, доширак и пиво.

Пиво!

Рука машинально потянулась к бутылке.

Но Валентина, Валюшечка, Валек.

Пиво или Валентина? Пиво или Валентина? Пиво или? Фара. Тяжело. Решил: яйца на сковородку, пиво подальше к стенке. Еще и этот, как его, фитоэстроген.

А вдруг она страшная? Ну, всякое же бывает. Имечко-то не самое лучшее. И тут же вспомнил. На первом курсе была у нас одна Валя, противная такая: толстая, с жирными волосами и огромным родильным пятном на ноге. Брр. Еще и потом от нее несло всегда. Хорошо, что не доучилась. Отчислили на первой же сессии. За драку с преподшей. Но это отдельная история.

А тут... Так-то в телик не берут абы кого, но на нашем, извините за выражение, ТВ возможно все. Яйца пересолил.

Вот щас позвоню и скажу, что все отменяется. А куда я позвоню? Домашний телефон без определителя. Засада. И топ-топ к холодильнику. Психанул, не выдержал. Подумаешь, бутылочка, ну две. До обеда выветрится.

И сразу хорошо...

Страшная? Да хоть и страшная. Это же не свидание. Просто не очень круто, когда тебя страшненькие интервьюируют. Это вроде как и сам ты так себе получаешься. Очень неприкольно, что я так себе получаюсь. Я, конечно, не Том Круз, но все-таки. В общем, хватит загоняться.

Пиво разнесло приятное тепло по всему телу, и стало так спокойно и легко. Валя, Валечка, Валюша. Валюша — звучит как-то по-извращенски.

Полез в шкаф. Фрака не оказалось. Неожиданно. Чтобы я, да без фрака? Позорище. Шорты, шорты, дырявые шорты, джинсы, еще одни, о, галстук. Вот это точно неожиданно. Не помню, чтобы когда-либо покупал эту удавку на шею. Наверное, подарили. Как пить дать — мама. С намеком, что пора взростеть и устроиться на нормальную работу. В баню этот галстук. Вот гавайская рубашечка самое то. Типа я такой веселый — рубаха-парень. Эх, жалко, пиво кончилось.

Не, не вариант.

Просто черная майка. Ну такая, с огромным гамбургером на пузе.

Начал гладить. Гладил, гладил, гладил, водичкой поливал, надел, примазал волосы.

Ну, на фиг, извращение какое-то. Волосы разлохматил, майку помял. Вроде я такой слегка небрежный пофигист. Москва-стайл.

Буду брутальным. Подумаешь, журналистка. Вот Канны выиграю, и будет этих журналисток как семок в пакете.

Канны. И снова загрустил и психанул.

Канны для ванны.

Дозвонился до Сани, предупредил. Он повозмушался, конечно, но больше так, для виду. Сам небось побежит со Снежаной встречаться. Бегун. Тоже мне Усейн Болт.

Вышел, разумеется, раньше. Нужно было как-то прийти в себя. Правда, вместо этого я зашел в пивнушку, заказал пол-литра темного и даже стрельнул у бармена сигарету.

Теперь уж брутальней некуда. Сдувая с кружки пену, я снова попытался представить Валентину. Но делать это на хмельную голову, скажу вам, абсолютно бессмысленно. В тот момент даже спичка мне показалось бы эталоном красоты и грациозности. А если учесть, что бармен курил крепкие, а я так вообще только очень в редких случаях, то хорошо, что в баре никого не было. Иначе до парка я бы вовсе не дошел. Либо пил с мужиками, либо стал ухлестывать за местными «красотками». Чем я хуже Новикова? Он вообще только помреж, а я режиссер, да и в ютуб я попал.

В парке было немногочленно. Середина дня все-таки. Не все ж у нас фрилансеры. Иначе налоговая бы волосы на себе рвала. В парке все больше мамашки да студенты. Пригляделся, никто ко мне не бежит, не летит на крыльях ночи, значит, Валентины еще нет. Хорошо, хоть не хихикает никто и не тычет пальцем. Мамашки — не большие любители ютуба, некогда им фигню эту смотреть.

И тут голуби как заворкуют. Ох уж эти голуби, ну такие наглые стали, терпения не хватает. Мало того, что гадят, когда вздумают, на памятники вождей и классиков, так теперь чуть ли не из рук еду вырывают. И только я хотел послать их куда подальше, как раздался знакомый приятный голос:

— Александр?

Я повернул голову. Ну, не Шарлиз Терон, конечно, даже не Мила Йовович или хотя бы Снежана, но для нашего типа телевидения вполне годная девушка. Скажем так, в клубе она не была бы вариантом номер один, возможно, не была бы и вариантом номер два, но вариант номер три железно застолбила бы за собой. Да вполне ничего была эта Валентина, можно даже заявить, что симпатичная, если бы не родинка на носу. Причем на самом кончике. Я нагло пялился на родинку, но ее это не смущало. Правильно, чего смущаться? Ее ж по ящику показывают. Привыкла уже.

— Валентина? — на всякий случай уточнил я.

— Узнали? — засмеялась она. Смех у нее тоже на троечку. И протянула руку.

— Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Сергей Бондарчук? Нет. Юрий Никулин? — зачем-то вспомнил я и пожал ей руку.

Она снова засмеялась. А я почему-то представил, как голубь клюет ее прямо в нос и в темечко...

— Так вот вы какой, «зомби-домино»!

— Я не зомби, — сказал я, а сам подумал: «Клеится, что ли?»

— И хорошо, что вы не зомби. — Снова хихиканье.

Точно клеится. Надо бы радоваться, но родинка эта. Я даже протрезвел.

— А где камера?

— Какая?

— Ваша. Вы же с ящика, то есть с телевидения.

— А Костя не может сегодня. Да и пока рано записывать. Я пока просто познакомиться хотела.

— В смысле просто познакомиться?

— У нас раз в месяц проходит передача «Солянка», молодежный формат, разные рубрики, репортажи, видели, наверное.

— Не-а, не смотрю телевизор.

— Жаль, посмотрите обязательно, интересная передача.

— Угу. И что там?

— Так вот, в одной из рубрик мы приглашаем гостей, представителей необычных профессий.

— Я фрилансер.

— Или просто интересных людей.

— А я интересный? — удивился я. — Вы же меня не знаете.

— Ваш ролик набрал почти триста тысяч просмотров.

— Уже больше.

— Тем более.

— И это не мой ролик.

— Какая разница? Вы же в нем участвуете?

— Участвую, да... — нехотя согласился я.

— Вот и прекрасно. Я думаю, что к тому времени, как будем готовить выпуск, уже больше пятьсот тысяч наберет. А это очень интересно. Еще никогда жители нашего города не добивались ничего подобного.

— А я чего-то добился?

— Вы такой смешной. — И родинка запрыгала вместе с носом. — Думаю, выпуск будет бомба.

— А вообще да, я, пожалуй, интересный.

— Вот так?

— Ну а че, то есть что. Я вообще-то режиссер.

— Неужели? И что вы сняли? — Она посмотрела на меня с неподдельным интересом.

Вот и зачем я это ляпнул? Какой я режиссер? Я еще даже ничего не снял. И в подтверждение моих мыслей она спросила:

— А что вы сняли?

— Пока только квартиру на четвертом этаже, — пошутил я. Петросян недоделанный.

Но она снова засмеялась. Слишком часто она смеется для тупых и банальных шуток.

— А вообще мы как раз с ребятами снимаем кино.

— Правда? Настоящее?

— Я вам больше скажу. Я обязательно выиграю Канн в этом году. — Откуда, откуда этот пафос взялся? Из-за пива, что ли? Или она мне так понравилась? Вроде нет. Я ей, может, и да, но она мне... Нет. Срочно нужно было заткнуться, но я продолжал: — Вот вы, кстати, верите в конец света?

— Вы про календарь мая?

Я кивнул.

— Нет. Мне страшно верить в такие вещи. Хочется еще пожить, сделать столько всего, посмотреть, попутешествовать.

— Любите путешествовать?

— А вы нет?

— Да, как-то не знаю. Я всего два раза из нашего Мухосранска выбирался.

— Не говорите так, — обиделась она, — это не Мухосранск, конечно, мы не Москва и даже не Тюмень, но все равно хорошенький городок, уютный.

У нее даже родинка загорелась от возмущения.

- Вам виднее, — буркнул я.
- Расскажите лучше про ваш фильм.

И в этот момент голубь действительно сел к ней на плечо и со всего маху клюнул в голову. Я думал, что такое только в тупых комедиях бывает, но нет, черт возьми, реальный опухший голубь клюнул ее чертову голову со всей чертовой, вернее, голубиной силы. Она даже на асфальт села, то ли от боли, то ли от удивления. А голубь и не думал улетать. Я вскинул руки, чтобы схватить его, он попытался клюнуть и их, но с реакцией у меня оказалось все неплохо. А вот вопли у Валентины тоже на троечку, если не на двоечку. Она вопила, как ненормальная, которой совершенно неожиданно клюнул в голову огромный голубь, хотя, собственно, так и было. Как только Божья птица с дьявольскими замашками дала деру, Валентина схватила меня за локоть и посмотрела так, что я подумал, что конец света будет именно сегодня, более того, он уже наступил неминуемо и бесповоротно.

Вот же угораздило начать снимать кино, попасть на этот флеш-моб, засветиться на ютубе и согласиться на встречу в парке, кишашем неадекватными пернатыми товарищами. Хотя какие они нам товарищи после такого? И тут что-то влажное как шлепнется мне на руку. То ли кровь, то ли слезы, то ли голубиная месть, я не успел даже взглянуть, потому что нас окружили мамышки, студенты и другие случайные прохожие. А дальше все было как-то стремительно: такси, травмпункт, смех хирургов и медсестер: «Хорошая примета, богатой будешь», укол от бешенства, четыре шва, обморок, нашатырь. Все это время Валентина так и держала меня за руку, до обморока, разумеется. Сразу после которого я благополучно и смылся. Конечно, не очень хорошо было так делать, но все уже приняли нас за пару, а это очень, ну просто очень меня напрягало.

Вот поэтому я не люблю всякие свидания. Нет, конечно, они не все заканчивались подобным образом, но это точно тянуло на сцену из дурацкой и несмешной комедии.

Дома я снова открыл ролик. 452 724 просмотра. Люди, ну что с вами не так? Главное, что кто-то на этом наверняка еще и заработал. А мне какая польза от этого «зомби-домино»? Набрал Саню. Занято. Набрал Марку. Занято. Друг с другом, что ли, трещат? Что-то в последнее время они не хило так сдружились. Наверняка готовят заговор. Тоже мне Брут и Кассий.

Зазвонил телефон.

- Саня? — Новиков. — Что насчет завтра?
 - Снимаем, что может быть завтра?
 - А во сколько?
 - А в двенадцать.
 - Ну, ок. Марку я передам.
 - Будь любезен.
 - Ты, кстати, в курсе?
 - Чего?
 - Что у тебя уже полмиллиона просмотров?
 - Да ладно.
 - Ну, практически полмиллиона. Еще трех тысяч не хватает. Но такими темпами через час наберешь.
 - Ну, круто. Я мегапопулярен.
- Я повесил трубку.

Спалось не очень. Снилось, что голуби решили завоевать мир, садились всем на голову и клевали в самое темечко. Клевали, клевали, клевали, как будто у людей

росли семечки вместо волос. Может, именно таким и будет обещанный апокалипсис? Это бывшее настоящее безумие, и только Валентина с хладнокровием Терминатора в строительной каске и с пневматикой в руках возглавила восстание людей против взбесившихся пернатых.

Утром я выглянул в окно. Голуби кучковались на крыше соседнего дома. Ух, чтоб вам, разносчики инфекций. Но они продолжали сидеть с невозмутимым видом.

Позавтракав, сел за работу и, к удивлению, плодотворно и с наслаждением потрудился, можно даже сказать, заработался и чуть не опоздал на съемки. Перед выходом надел кепку и темные очки. Вот совсем не хотелось, чтобы снова тыкали пальцем и смеялись. Маскировка спасла. До ребят добрался без происшествий. Марк, как всегда, поправил капюшон, а Саня опять смотрел ролик и пританцовывал.

— Пятьсот двадцать семь, — сказал Марк вместо приветствия.

— Мы уже начинаем гордиться, что знакомы с тобой, Санчас.

— Снимать давайте.

И мы снимали. Там снимали. Тут снимали. Везде снимали, только ничего хорошего из этого не выходило. Станных персонажей хватало: и парочка готов, и глупый хипстер, и даже какой-то поэт — любитель Бродского и Мандельштама, но все они были не интересны в рамках нашего фильма, не добавляли ему изюминку. Кино — это все-таки особенная атмосфера, и персонажи должны быть избранные, не как в «Матрице», конечно, хотя почему нет? Нельзя просто так понабрать чудиков и показывать полтора часа. Нужна какая-то фишка, а ее не было.

И тут снова зазвонил телефон.

— Алло, Александр? — Валентина.

И когда только я успел поделиться с ней номером своего мобильного?

— Валентина?

— Да. Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Согласен, беседа не самая интересная, но что вы хотите от разговора по телефону, когда оба собеседника не уверены, что разговаривают именно с тем человеком, к которому обращаются?

— Как самочувствие?

— Терпимо. Вы в курсе, что ваш ролик уже набрал пятьсот сорок три тысячи.

— В курсе. И это не мой ролик. Мы вчера это обсуждали.

— Вообще-то меня вчера голубь клюнул, — обиделась она.

— Я помню, поэтому и спросил про самочувствие.

— Спасибо. Так вот. Пятьсот тысяч — это уже солидно, поэтому мне удалось договориться с начальством, и они согласились на специальный выпуск «Солянки», посвященный только вам.

— Вот это честь, — ухмыльнулся я.

Она пропустила мимо ушей.

— Завтра съемка. Эфир на следующей неделе. В одиннадцать ноль-ноль можете?

— Я же фрилансер.

— Вот и отлично. Советская, тридцать пять. Приходите пораньше, пропуск вам выпишут, — и повесила трубку.

Я даже возразить ничего не успел. Мне оно вот надо? Передачи эти. Что я скажу, что темное люблю больше светлого? Или что нехорошо разбрасывать использованные презервативы, топите их в унитазе или выбрасывайте в мусорку? Или, а вы знаете, что скоро конец света, а вы ни хрена не делаете? Или про полку им рассказать? Про полку, пожалуй, что и можно. Вдруг у кого-то тоже есть такой шкафчик, чемоданчик, шкатулка или потолок, черт возьми, которые тоже чего-то ждут, а мой рассказ подвигнет их на что-то если не великое, то хотя бы уж достойное.

Все карты сбила своим звонком. Еще и пацаны стали докапываться, что за Валентина и что не так с ее самочувствием, не я ли причина ее недомогания? Ну, придурки, что с них взять? Короче говоря, на этом съемки и закончились. Я попросил Марка залить весь материал на комп, пора уже тщательнее отсматривать, что все-таки может нам пригодиться, а то время идет, а мы все еще ни гу-гу.

— Не вопрос, товарищ режиссер. Завтра к вечеру будет готово.

— Завтра?

— Конечно. Во-первых, все надо будет перекодировать, а во-вторых, у меня еще дела, — и загадочно улыбнулся.

Дела у него...

А вечером я неожиданно снова включился в работу. Выполнил все текущие заказы и с чувством гордости и облегчения лег спать.

Для нашего типа ТВ пришлось принарядиться. Даже галстук мамин нацепил. Подмигнул себе в зеркале — Рикки Мартин — и отправился покорять местного зрителя.

На проходной меня ждал сюрприз. Только он меня и ждал. Потому что ни пропуска, ни встречающих не было. Седой и тучный охранник со взглядом, будто все ему должны, причем не меньше миллиона евро, развел руками и сказал: «Я не в курсе, звони, выясняй, с кем ты там договаривался». Ну вот, опять какие-то препятствия. Я набрал Валентину. Она не брала трубку. Охранник не сводил с меня глаз.

— Не берет, — стал оправдываться я.

Он молчал.

Я нервничал, хотел уже было плюнуть и пойти обратно, но тут вместо гудка раздался знакомый голос:

— Александр?

— Пока еще да.

— Вы пришли?

— Да. Тут какая-то заминка. Меня охранник не пускает, говорит, нет никакого пропуска.

— Фу-ты ну-ты, простите ради бога. Совсем забыла. Совсем-совсем, ну, вы понимаете, меня же голубь вчера клюнул.

— Да я помню.

— Одну минуту, подождите, пожалуйста, у нас тут сумасшедший дом просто. Света, нужен пропуск, выпишешь? — И гудки.

В очередной раз встретившись взглядом с охранником, я улыбнулся и показал ему большой палец руки. Он нахмурился еще сильнее. Видно, я отвлекал его от важного занятия — отгадывания сканворда или чашки горячего чая.

— Еще раз простите, — раздался позади меня усталый голос Валентины. — Семен Петрович, это со мной.

— Пропуск, — буркнул охранник.

Она показала. Семен Петрович внимательно и неспешно его изучил. Видимо, раньше работал либо на почте, либо в гестапо. А может, и там и там. Неважно. Главное, что все-таки пропустил, правда отчитав Валентину:

— Плохо работаете.

— Простите, — пропела она и утащила меня вслед за собой, по дороге передразнивая доблестного и бдительного секьюрити.

— Вот взорвут вас, не так запоете, — неслось нам вслед.

Студия была небольшая. Это, разумеется, не «Пусть говорят», но она даже на «Смак» не тянула. Три на три метра максимум. Словом, «мечта» клаустрофоба. Продолговатый стол, несколько стульев и яркие лампы: софиты, или как там они называются? Оператор мало чем отличался от нашего Марка: толстовка, джинсы, растрепаннные волосы. Тут же к нам подскочила какая-то суетная блондиночка.

— Александр, — представила меня Валентина.

— Ага, — прозвучало в ответ. — Повернитесь и закройте глаза.

Я повернулся, блондиночка прошлась кистью с пудрой по моему лицу, затем проделала то же самое с лицом Валентины и даже, не глядя на нас, упорхала обратно.

— Не волнуйтесь, — проинструктировала меня Валентина, — представьте, что здесь никого нет, а мы с вами непринужденно, по-дружески беседуем.

— Главное, чтобы голубей не было, — ляпнул я.

Она недовольно посмотрела на меня, но промолчала. Затем усадила на один из стульев и попросила выключить телефон и ждать. Я выполнил ее просьбу и стал вертеть головою. Кто-то пил кофе, кто-то поправлял свет, кто-то подошел ко мне, поздоровался.

— О, это же вы?

— Я.

— Круто.

Оператор протяжно зевал, лениво прикрываясь ладонью. Наконец появился режиссер. Толстый, неуклюжий дедок с седой бородой и грязными волосами. Все тут же засуетились еще больше. Подбежала Валентина, стала указывать на меня, он равнодушно взглянул в мою сторону и отвернулся к оператору, тот стал что-то рассказывать, потом улыбнулся, режиссер что-то ответил, он засмеялся в полный голос и стал вертеть камерой в разные стороны.

Мне не понравился этот режиссер. Ему бы с охранником чаи гонять и ненавидеть всех, а не по съемочной площадке разгуливать.

Через десять минут все-таки началась съемка. Валентина села напротив меня, три раза громко выдохнула, подмигнула мне и начала тараторить. Она поприветствовала воображаемых зрителей (интересно, сколько их?), рассказала, что это уникальный выпуск, так как никогда раньше в истории «Солянки» (у нее большая история?), еще не было передач, посвященных одному событию. Затем рассказала про ролик, представила все тем же воображаемым зрителям. Режиссер достал электронную сигарету, начал дымить, оператор все так же зевал в ладонь, а Валентина стала спрашивать меня про то, каково это чувствовать себя популярным.

— А я разве популярный? — удивился я?

— А разве нет? Пятьсот девяносто семь тысяч просмотров — это больше, чем все население нашего города.

— Ну да, если только так.

— Наверняка вас уже стали узнавать.

— О да. Только как-то невесело, когда в тебя тычут пальцами и ржут как припадочные.

— Правда ржут?

— Что я обманывать, что ли, буду? Правда. Я теперь кепку ношу и темные очки.

— Очень интересно.

— Очень, — кивнул я.

— Александр, а теперь раскройте тайну, из-за чего все же случилась ваша потасовка? Вам не нравятся зомби?

— А кому они нравятся?

— Многие считают, что они милые. Если они, конечно, настоящие.

— Я так не считаю. Но потасовка у нас случилась из-за кино.

— Какого кино?

— Мы снимаем кино.

— Ух ты, как интересно. А кто вы?

— Ну, мы... Студия «Сан Саныч пикчерз», — зачем-то снова ляпнул я. Ну, что за идиот?

- Никогда не слышала о такой студии.
- Потому что мы только-только появились.

И я не удержался и все-таки стал заливать про полку, про конец света и все остальное. «Вот это да», — только и повторяла Валентина. А режиссер ухмылялся и пренебрежительно пускал кольца дыма, особенно после того, как я сказал, что никакого сценария у нас нет, он по-простому нам не нужен.

- И вот подхожу я к нему и начинаю спрашивать.
- А почему именно во время шествия, а не после?
- Это же очевидно! — расплылся я. — Гораздо эффектнее заснять толпу идущих зомби в фильме про апокалипсис, чем одного неказистого зомби-летчика.
- Сам ты неказистый! — раздалось где-то поблизости. И в студию влетел зомби-летчик. — Ушатаю.

Валентина улыбнулась, даже оператор приободрился. Значит, готовились заранее. Негодяи.

И зомби-летчик опять накинулся на меня. Мы начали толкаться. Разнимать нас никто не торопился. Режиссер даже руки потирал от удовольствия — рейтинги обеспечены. И вот пока мы толкались, до меня вдруг дошло: «А чего, собственно, мы опять толкаемся? Благодаря Сане мы уже все решили». И я опустил руки. Взял так и опустил. Он уставился на меня и тоже опустил руки.

- Мир? — протянул я ладонь.
- Мир, — не сразу согласился он.

Телевизионщики, конечно, не рассчитывали на столь быструю развязку, но не подали виду. Валентина усадила зомби-летчика и стала теперь допрашивать его. Оказалось, его зовут Колян, он работает в «Эльдорадо» и любит фэнтези. Мы поговорили еще о ютубе, о флэш-мобе и о кино, после чего Валентина сказала, что у них настолько хорошая передача, что два чуть ли не заклятых врага благодаря ним закопали топор войны и превратились в закадычных друзей. Это, конечно, она маханула, но главное, что наконец-то закончились эти съемки и можно было идти домой. Даже режиссер решил нам пожать на прощание руки. Я бы не удивился, если бы оператор еще пустил мужскую скупую слезу, но вместо этого он зевнул еще шире, чем раньше.

— А че-че за кино у вас? — допытывался Колян по дороге к проходной. — Реально снимаете?

- Реально.
- И что прям со мной эпизод тоже в кино войдет?
- Не знаю пока.
- Слушай, Сань. А может, это....
- Что?
- Ну переснимем тогда?
- Кого? Как?
- Ну, тот кусок. Я новое шествие организую, я могу, подойдешь ко мне, нормально побеседуем, как ты хотел.
- Это уже будет постановочно.
- Так в кино все постановочно.
- Не все.
- Ну давай без зомби. Просто снимете меня. Я давно мечтал в кино попасть. Мечтал он. Какие же люди все одинаковые.
- В ютуб же попал.
- Не, это не то. Я нормально хочу. Я вообще талантливый, пластичный.

Только бы не начал танцевать. Только бы не начал. Но он начал. Подрыгался, как ужаленный электрошокером, и давай улыбаться.

— Ну как?

Я пожал плечами.

— Да мне все равно как, лишь бы сняться. Это мечта детства. Понимаешь?

— Ну, бывай, Колян, — стал прощаться я.

— Погоди, а номер?

— Какой номер?

— Твой.

— Зачем?

— Созвонимся, на съемки меня позовешь.

Вот жук, а. У них в «Эльдорадо» все такие, что ли? Пришлось доставать мобильник, обмениваться номерами.

На улице, к счастью, оказалось, что нам в разные стороны. Это было настоящее счастье. Почти сразу же зазвонил телефон. Соскучился, что ли? Но это была Валентина.

— Александр?

Это вежливость такая? Или она реально каждый раз не уверена, что звонит именно мне. Хотя точно, ее же голубь клюнул.

— Да, я.

— Простите, что нормально не попрощалась, сами понимаете, работа.

— Понимаю.

— И за то, что вас не предупредила, тоже.

— Да ничего. Все нормально. Вас же голубь клюнул.

— Это не из-за голубя, — обиделась она. — Это была идея режиссера. Хотел придать остроты через эффект неожиданности.

— Ничего. Переживу.

Хотя как сказать.

— Еще раз спасибо, что пришли.

— Не за что.

— Может, встретимся еще?

— Зачем?

— Посидим, кофе поьем. Мне как-то неудобно перед вами.

— Может быть. Когда?

— А вы когда свободны?

— Завтра.

— Ну, вот и отлично. Тогда завтра в восемь у парка. А нет, давайте не у парка, там голуби людей в головы клюют.

— А вы, кстати, не хотели снять сюжет про это?

— Хотела. Я еще и каску хочу купить.

Точно как во сне. Еще и восстание возглавишь.

— Давайте сразу в кофейне. «Op sofe» здесь у нас неподалеку. Знаете?

— Знаю.

— Вот и прекрасно. — И отключилась.

Интересно, а завтра она в каске придет или нет?

Она пришла без каски. В довольно милом платье. С другой прической. Накрутила какие-то вавилоны. Не сказать, что это тянуло на номинацию преобразование года, но в целом достаточно ощутимая и приятная перемена. Даже родинка ее словно уменьшилась и поблекла. Должен сказать, что мы неплохо провели время. Она еще раз поблагодарила за согласие на съемки, сказала, что это будет отличный выпуск, стала расспрашивать про наше кино, я начал думать, что тоже попросится сняться, но нет, ничего подобного. Она оказалась настоящим киноманом, засыпала меня именами актеров и режиссеров, я их как-то не очень запоминаю,

особенно актеров, а вот она — настоящая киноэнциклопедия на шпильках. Даже про голубей мы не вспоминали, пока не вышли на улицу. Я уже поверил, что прекрасный вечер плавно перетечет во что-то большее, но на улице, у самого выхода из кофейни, стая этих чертовых голубей вспорхнула прямо перед нами, Валентина стала испуганно уворачиваться, резко развернулась и воткнулась носом и лбом прямо в подоконник, закрыла глаза и шмякнулась на тротуар. Голуби улетели, похихикивая садистским смехом. Уверен, что слышал его.

И вот уже второй раз мы оказались в травмпункте. А мы даже не целовались еще. Со мной явно что-то было не так. Надо бы на досуге обдумать эту мысль. А пока врачи снова смеялись, глядя на Валентину, я чувствовал себя некомфортно, а она знатно расквасила свою мордашку. Лицо заплыло так, будто ее отдубасил Майк Тайсон на пару с братьями Кличко. Хорошо, что подоконник не оказался чуть ниже, а то бы она еще и пару зубов, если не больше, выбила. Ни о каком больше романтическом поцелуе под луной или хотя бы тусклыми фонарями и речи быть не могло. А жаль, вечер действительно складывался неплохо.

В этот раз я не стал сбегать. Усадил Валентину на такси, а сам на «одиннадцатом» отправился домой.

* * *

Следующую неделю мы что-то снимали. Новиков постоянно убегал к своей Снежане. Даже у Марка появились какие-то загадочные дела. Хотя подозреваю, что просто вышла новая игруха, на которую он тут же подсел — уж слишком усердно он поправлял капюшон, когда отпрашивался пораньше. Отснятый материал не вдохновлял. Такими темпами можно снимать десять лет. Нужен был крутой персонаж, действительно крутой, который бы запустил механизм истории на полную катушку, и кино задышало полной грудью, расправило плечи, наполнилось красками и ароматами. Вот такая непонятная образная хрень. Короче говоря, плохо все было с кино, и я опять начал сомневаться. А что если сценарий — это истинный успех фильма? Писать сценарий, что ли? Но я никогда этого не делал и даже не представлял, как это делается.

И вот наконец вышла наша передача. Не скажу, что это была бомба, как пророчила Валентина, но, во-первых, к тому моменту количество просмотров уже перевалило за семьсот тысяч, а во-вторых, известие о том, что мы снимаем кино, даже еще метим отобраться в Канны, не прошло незамеченным. Я бы даже сказал: на вело некоторого шороху.

В тот же день мне позвонили из двух газет и попросили о встрече, чтобы взять у меня интервью. Сам не зная почему, я согласился, хотя мог бы просто сказать, что ошиблись номером. Затем позвонил Колян.

— Ну, как мы тебе?

— Нормально вроде. Я, правда, думал, поинтереснее будет. Монтаж у них корявый.

— Да ты что, вообще нормально. У меня даже директриса видела. За ручку теперь со мной здороваются.

— Ну все, жди карьерного роста.

— Ага. Что там со съемками?

— Пока никак. Но скоро, скоро.

— Ага, давайте, а то у меня уже руки прям чешутся.

Руки у него чешутся. Мозги не чешутся?

— Ладно, мне некогда. Поздравляю со славой.

Валентина тоже звонила. Рассказала, что лицо идет на поправку, тоже поздравила с выходом программы, а затем поделилась, что сама она не очень: кажется, у нее начинает развиваться орнитофобия. «Вы же помните, меня голубь клюнул, а потом еще эта травма». Бедняжка, даже на «вы» снова перешла.

— Но теперь не только голуби, но и маленькие воробьи вызывают у меня опасение. Про ворон я вообще молчу, — продолжала она свою исповедь, — от них меня в дрожь бросает.

— Печально.

— Даже не знаю, как на улицу теперь выходить.

— Все настолько серьезно?

— Да. Сестра купила мне каску.

— У тебя есть сестра?

— Есть. Я разве не говорила?

— Нет.

— А это что-то меняет?

— Просто ты не рассказывала про сестру.

— Вот рассказала.

Интересно, а у сестры тоже родинка на носу?

— Что-то мне поплохело. Пойду лягу.

— Хорошо, выздоравливай.

Я представил Валентину в красной строительной каске, передвигающуюся по улицам мелкими перебежками и прячущуюся за углом или внутри зданий при любом шорохе, похожем на шелест крыльев, и мне стало весело. Может, бросить все и заняться ее реабилитацией и вернуть к нормальной жизни? Хоть одно стоящее дело в этой жизни. Ну, уж нет. У меня и так дел по горло.

Во-первых, заказчики словно обезумели и выслали аж семь предложений по работе. Два отменил сразу, а остальные были вполне себе ничего и по заданию, и по оплате. Бизнесмен, кстати, мне отказал, поблагодарил за попытки, но увы — у других варианты оказались поинтереснее. Так что уплыли мои пятнадцать косариков, а жаль. Впрочем, не удивлюсь, если никаких других вариантов и не было, а он просто-напросто меня кинул. Богатыми людьми так и становятся. Ну, и к черту его. Без работы же не сижу. А во-вторых, теперь от желающих сняться у нас в фильме не было отбоя. Все как с цепи сорвались, встречали нас на улице, узнавали.

— Это же вы? Вы, да?

— Кто?

— Ну, вы, которые кино снимаете. «Сам Самыч бичез».

— «Сан Саныч пикчерз».

— Да, это мы! — радостно закивал Саня. Название-то его.

— А вы тоже смотрели передачу с нашим товарищем режиссером? — уточнил Марк.

— Смотрели, смотрели, — неслось в ответ. — Слушайте, а снимите нас тоже. Конечно, не в главной роли, но в каком-нибудь эпизоде, так хочется на себя на экране посмотреть.

— Мне говорили, я фотогеничная.

— А я в школе в драмкружке занималась. У меня одноклассник режиссер. В театре, правда, работает. В последний раз из Нижневартовска звонил, с днем рождения поздравлял. Хотите, я вам стихи читаю? Пушкина могу или Некрасова. «Крестьянские дети», — и шаркнула ногой, и отвела руку в сторону, и даже воздуха набрала в легкие.

— Не надо. Мы верим, верим. Марк, у тебя все готово?

— Всегда, товарищ режиссер.

И я задавал вопросы, они отвечали, недоуменно переглядываясь. Это явно было не то, что они ожидали от съемок.

— И это все?

— Все.

— Не очень-то на кино похоже. Я думала, дадите какие-то роли, надо будет сыграть. Страсть, там, или веселую встречу. Привет, подружка.

— Кино разное бывает. У нас о другом.

— Ну, а кому интересно про ваш апокалипсис? Глупости все это. И так понятно, что ничего не будет.

— Вот про это я и говорю. Живем так, будто никогда ничего не случится. Будто ни за что отвечать не придется, и вообще все для себя, любимых, лишь бы нам было хорошо, — не на шутку завелся я.

Ну откуда, откуда у людей эта нескончаемая тяга к известности? Лучше бы что-то великое сделали: человека из воды вытащили, преступление предотвратили или кровью с умирающим ребенком поделились. Но нет, мы лучше Глюкозу споем, а вы снимете.

Подумал о родственниках, и нате пожалуйста — затрезвонил телефон. Мама.

— Сашок...

Бесит это ее «Сашок»!

— А чего ж ты молчал?

— А что, нужно было кричать?

— Ну, кто так делает? Вечно у тебя все не по-человечески.

— Как я делаю?

— Сам на передачу ходил, и молчок. Если б не тетя Света, мы бы даже не узнали. Звонит, говорит, смотрите. А мы «Диалоги о рыбалке» смотрим. Что смотрите-то, спрашиваю. Сыночка вашего по телевизору кажут. Да ты что? На каком канале? На восьмом, говорит. Пока переключали, полпередачи прошло. Нашли все-таки. И правда, Сашок наш сидит с важным видом. А мы ни сном ни духом. Совесть есть у тебя?

— Есть, — буркнул я. Как школьника отчитывает.

— Ладно, хоть оделся поприличней. Галстук мой надел. Носишь все-таки?

— Ношу. Мам, ну что здесь такого? Вот событие, по ящику показали.

— А похудел-то как... Совсем не ешь?

— Мам, я набрал четыре килограмма.

— Да? Питаешься потому что неправильно. Гамбургеры эти ваши ешь.

— Они не мои, и я их не ем.

— Все равно ерунду всякую ешь.

— Не буду.

— А что за кино ты там снимаешь?

— Обыкновенное кино. Ты, что ли, смотреть будешь?

— Конечно, мы с отцом уже ролик твой посмотрели. Три часа искали, весь Интернет облазили, но нашли.

— Какие вы молодцы.

— Не пойму, что в нем хорошего, но раз всем нравится, значит, что-то есть.

— Я тоже не пойму.

— Только вот почему ты дерешься? Разве я учила тебя, что надо драться с людьми? И в ролике, и на передаче. Разве я растила хулигана?

— Ну, мам. Это же постановочно.

— Как?

— Постановочно. Не по-настоящему.

— Хорошо, хоть помирился с парнишкой, не стал позориться, а то совсем стыдоба. И в гости даже не заходишь. Зашел бы, борща поел.

— Некогда мне, зайду как-нибудь.

— Деловой какой.

— Я ж работаю. Еще и кино.

— Лучше бы ты на свидания ходил.

— Хожу.

— Правда? И когда ты познакомишь нас со своей невестой?

— Она не невеста. Я с разными хожу. Мам.

— Что мам, что мам? Тебе сколько лет уже? Пора жениться. Мы с папой внуков еще хотим понянчить.

— Вряд ли вам это удастся.

— Это еще почему? Ты, что, из этих? Из этих, да?

— Из каких этих?

— Тех, что, с парнями целуются.

— Ты что несешь? Нормальный я.

— Ну конечно, нормальный. А что не женишься тогда?

— Женюсь, женюсь. Сорок раз женюсь. Нормальный я.

— Сорок раз не надо. Один хотя бы женись. Мы в твоём возрасте...

Началось...

— Знаю я, что вы в моём возрасте теребонькались, как кролики.

— Сашок, ты что такое говоришь? — А сама давай улыбаться. Я даже через трубку почувствовал, как она бросает похотливый взгляд на батю и ее рот растягивается, как «пружинка радуга», а то и шире. — Мы с папой любили друг друга и любим. А ты в церковь сходи.

— Зачем?

— Сходи, сходи. Боженьку попроси, пусть пошлет тебе хорошую, воспитанную девушку, а то страх подумать, с кем ты там на свидания ходишь.

У всех, что ли, мамы такие? Но моя точно верит, что если она не скажет мне, что делать, я лягу на полу и буду умирать, захлебываясь воплями ужаса.

— С нормальными я хожу. Но внуков вы все равно не увидите, потому что скоро наступит апокалипсис, и, кстати, огромное спасибо, что родила именно в этот день.

— Пожалуйста. Что? Какой апокалипсис?

— Обыкновенный. По календарю майя.

Но я даже не успел договорить. Она перебила:

— Ну все, «Битва экстрасенсов» начинается, потом созвонимся. Отец, включай «Битву экстрасенсов».

Зато у Новикова было все хорошо. Пришел довольный-предовольный. Сразу ясно — Снежана постаралась.

— Парни. Мы должны снять Снежану.

— Мы, кажется, уже обсуждали это.

— То давно было. И потом, Сань, после того, что у нас вчера с ней было. Я просто не могу отказать ей.

— Ты не можешь, а я могу. Я режиссер.

— А у вас что-то было? — оживился Марк.

— О, да... — Саня расцвел, как пион, и даже стал казаться шире и выше. — Сань, ну, она правда талантливая.

— Я рад за нее. И за тебя.

Все ясно. Все-таки уйти от штампа «в кино через постель» нам не удалось.

— Ну, правда, Сань, что здесь такого? Мы кого только не снимали. Снежана стопроцентно не хуже них. Я же не прошу главную роль.

Еще бы ты просил. Только заикнулся бы.

— Что-то сомневаюсь, что ее устроит эпизод.

— Устроит. Она настолько яркая, что и в эпизоде запомнится, а дальше и главные начнут предлагать.

— Ой, да вы достали уже. Снимайте, кого хотите. Только главного героя мне найдите.

— Короче, ты не против?

Я махнул рукой. А парни стали радоваться, как дети. Ну ладно, Новиков, но Марк-то чем восторгался? Или втайне тоже на что-то рассчитывал. И не успел я начать размышлять о перспективах Марка, как появилась сама Снежана, обняла Саню и страстно поцеловала. Может, и правда неплохая актриса? Так изобразить страсть не у всех получится. Да и выглядела она действительно потрясающе, уж лучше Валентины. Но мне стало как-то неприятно.

И я ушел. Саня стал возмущаться, мол, как же мы без режиссера?

— Обыкновенно как. Что снимать, вы знаете, ты помреж. Я вам доверяю, справитесь. А мне что-то поплохело. Голова раскалывается.

Я уже давно жалел, что ввязался во все это. Но дальше было еще жестче. Нет, не потому, что они сняли какую-то шляпу со Снежаной, рассказывающей нелепые истории (веселую и грустную) для раскрытия всего актерского диапазона, и не потому, что каждый второй теперь знал о нашем фильме и хотел в нем сняться, выискивая в себе всевозможные таланты, на фоне которых Колян автоматически превращался в Тома Хэнкса: кто пел, кто танцевал, кто садился на шпагат или играл на балалайке с закрытыми глазами — просто «Минута славы» какая-то, весь процесс стал неконтролируемым, и даже сам его величество мэр захотел с нами встретиться. Конечно, когда услышал про Канны, тут же воспылал желанием познакомиться. Я нашего мэра два раза всего видел. Первый на Дне города, когда он аж «Чай вдвоем» к нам привез, а второй на каком-то субботнике: я шел за пивом, а он в парке сажал дерево, копнул разок в окружении охраны и тут же ретировался. В отличие от нас, он человек занятой. Тут даже без вопросов.

Я долго сомневался, отвечать ли на незнакомый номер, но он настойчиво звонил, все больше и больше вызывая раздражение. Я не выдержал:

— Да!!!

— Александр Викторович?

Александр Викторович. Никто никогда не называл меня по имени-отчеству. Я почувствовал что-то неладное и уже менее уверенно ответил:

— Да...

— Прекрасно. Из администрации вас беспокоят. Вам удобно разговаривать?

— Из какой администрации?

— Города.

— Города? — От неожиданности я начал тупить похлеще Новикова.

— Да. Меня зовут Ольга, я секретарь Вадима Вадимовича.

— Какого Вадима Вадимовича?

— У вас отличное чувство юмора, — захихикала она.

— Да при чем здесь? Я просто не понимаю, какого Вадима Вадимовича.

Она перестала хихикать и возмущенно дышала в трубку, пыталась прийти в себя.

— Мэра, — наконец разъяснила она.

Мэра. Ну, надо же. А чего ж не Владимира Владимировича? Это ж сразу ух!

— Очень приятно.

— Взаимно. Я точно вас не отвлеку?

— От чего?

— Мало ли. Вы же все-таки кино снимаете.

— Нет, не отвлекаете.

— Прекрасно. Тогда завтра в одиннадцать ноль-ноль. Вадим Вадимович ждет всех вас у себя в кабинете.

— Всех вас — это кого?

— Одну минутку. — Через десять секунд она ответила: — Компания «Сан Саныч пикчерз» — это же вы?

— Мы, да.

— Вот вас он и будет ждать, если, конечно, вас не пятьдесят человек.

— А если сорок девять?

— Остроумно. Честно говоря, я думала, что вас всего три-четыре человека. Я видела вас на улице с камерой.

— Да так и есть. Нас всего трое.

— Вот и прекрасно. Извините, мне нужно работать.

Она продиктовала адрес и отключилась. Вот так, фильма еще нет, а нас уже мэр на ковер требует, небось начнет диктовать, про это не показывайте, этого тоже не надо. А вот патриотизму бы добавить. Как бы сам в кино не попросился.

От таких новостей парням чуть не снесло крышу.

— Мэр приглашает нас к себе.

— Вадим Вадимович? — восхитился Марк.

Я один, что ли, не в курсе, как у нас мэра зовут?

— Вообще улет! — Это уже Новиков. — Всегда хотел познакомиться с мэром.

— Зачем?

— Ну, прикольно же. Сидит он такой у себя в кабинете, а тут мы заходим, здрастье говорим, и он нам руки жмет, присаживайтесь, говорит.

— Присаживайтесь, — оценил Марк. — И мы как плюхнемся на шикарный диванчик.

— И он такой: «Катенька, сделайте кофе».

— Оленька, — поправил я.

— Неважно. И она такая: «С молоком?», а я: «С коньяком, пожалуйста».

И Саня опять стал показывать свои пантомимы, а Марк хохотал, поправляя капюшон. Балбесы. Мне вот было не очень-то и радостно.

* * *

Ольга оказалась длинноногой фигуристой блондинкой лет тридцати. Впрочем, именно такой я себе ее и представлял: на длинных каблуках, в простеньком, но очень эффектном платье, с ярко-красным лаком на ногтях и маленькой, едва заметной мушкой над левой губой. Было бы удивительно, если бы мэр выбрал себе в секретарши низкорослую пухлую сорокапятилетнюю тетку. На такое решился бы человек с очень хорошим чувством юмора, ну очень хорошим. Даже Новиков со своей Снежаной казался неудачником на ее фоне. Она улыбнулась и велела нам ждать в приемной, а сама пошла доложить Вадиму Вадимычу.

Марк крутил головой в разные стороны и восхищенно вскидывал брови. Опять он в своем капюшоне. Мы-то с Новиковым принарядились, Саня даже пиджак выкопал, а он притащился в неизменной толстовке. Нет, определенно на вручении «Пальмовой ветви» мы обойдемся без Марка. Смокинги и толстовка — не лучшее сочетание для подобного мероприятия. Но для него «стайл» превыше всего.

Дверь открылась, и Ольга выплыла из нее, как белое облачко, как будто была не на огромных каблуках, а в чешках или на пуантах. Я прикрыл челюсть Марка

рукой. Вот с кем бы пойти на свидание. Такую женщину ни один голубь на свете не посмеет осквернить своим клювом.

— Можете входить.

Саня щеманулся первым. Как бы он еще не умудрился закинуть ноги на стол. Я отодвинул Марка и последовал за Новиковым, который уже тряс, как ненормальный, руку мэра. Мэр был в шикарном костюме (кто бы сомневался), с большими пышными усами. Когда успел отрастить? Впрочем, с того самого субботника прошло больше двух лет. А руки у него мягкие (кремом, что ли, пользуется?) и рукопожатие некрепкое.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, — добродушно сказал он. — Наслышаны про вас.

— Неудивительно, — невозмутимо ответил Новиков.

— Приятно, — констатировал Марк.

Я промолчал.

— Вы, можно сказать, на уши всех поставили, — продолжил он, усаживаясь в свое шикарное кресло. — Присаживайтесь.

Мы сели. Кабинет не сказать, что был похож на Версальский дворец, но вполне просторный: огромный дубовый стол, возле которого, как положено, флаги, на стене портреты Путина и Медведева, на столе скромный портрет Вадима Вадимыча раза в полтора меньше, кресла по обеим сторонам от стола, огромный цветок, похожий на пальму, и здоровенная блестящая люстра, в театре такую видел. Как говорится, скромно, но со вкусом.

Дверь снова открылась, вошла Ольга с подносом в руках, расставила перед нами кофе на подставках и по конфетке «Белочка». Новиков подмигнул секретарше, не успел он с коньячком заказать. Зато выпендрился Марк: отхлебнул кофе, неспешно проглотил и, отодвинув от себя чашку, заявил:

— А можно мне чай?

Я чуть язык не откусил от его наглости. А мэр расхохотался.

— Оленька, сделай господину... — и посмотрел на Марка.

— Никулов, — сказал тот, привстал и наклонил голову.

Тоже мне гардемарин.

— Никулову чаек, — закончил предложение Вадим Вадимович.

Оля молча забрала чашку Марка.

— Без сахара, пожалуйста, — не унимался Марк.

— Хорошо, — и вышла.

— Ну-с, господа, наделали вы шума, — повторил мэр. Он оказался тот еще весельчак. Хотя чего ему горевать? У нас же в городе нет проблем, все прекрасно: дороги ровные, очередей в детские сады нет, дворы ухоженные, дома не рушатся, люди все довольные, никто без работы не сидит. Всем бы так.

— И что вы уже сняли? Переплюнули Тарковского с Феллини?

Вот что за? У нас что, больше режиссеров нет? Спилберг, Лукас, Кэмерон, Финчер, Земекис, Полански, Вуди Аллен. Нет, не слышали. Как кто-нибудь говорит про режиссеров, так это обязательно Тарковский и Феллини, ну Михалков еще.

— Пока немного.

— Как это немного? — возмутился Саня. — Вчера вот Снежану снимали.

— Снежану? — напрягся Вадим Вадимович.

— Ну да, мою девушку, — похвалился товарищ.

— Твою девушку? — еще сильнее напрягся Вадим Вадимович.

— Да, красивая такая, сногшибательная.

— Сногшибательная? — Вадим Вадимович стал уже пунцовым от напряжения.

— Рыженькая, — мечтательно произнес Марк.

— Ах, рыженькая, — облегченно выдохнул мэр. — Ну, раз вы сняли Снежану, значит, все нормально. — И снова хохотать.

— Маловато материала, — пожаловался я.

— А кому шас легко? Мне, что ли? — Едва не лопнул от смеха.

Зашла Оля. Он тут же принял серьезный вид, стал постукивать ручкой о стол.

— Без сахара, — сказала Ольга, ставя чашку перед господином Никуловым.

— Благодарю, — поклонился Марк

Он хотел было поцеловать Оле руку, но девушка ловко убрала ее и вышла из кабинета. Марк печально вздохнул и стал хлебать чай. Хорошо, хоть не причмокивал. Определенно в Каннах мы обойдемся без него. И, словно читая мои мысли, Вадим Вадимович задал следующий вопрос:

— А вы что же, серьезно, хотите участвовать в Каннском фестивале?

— Абсолютно серьезно, — ответил я.

— Похвально, похвально. Мы, так сказать, тоже не хотим быть в стороне. Готовы принять посильное участие.

— Это какое? — уточнил Саня.

— Любая помощь с нашей стороны и с моей лично. Кроме финансовой.

— У-у-у. — Наши лица тут же скисли, не успев растянуться.

— Ну, тут вы сами виноваты. Это ж такое дело. Надо было раньше говорить. Мы бы заранее все просчитали, выбили грантик какой-нибудь или в бюджет заложили. А так денег нет, так что не рассчитывайте, ребята.

Да мы и раньше не рассчитывали. Более того, не мы за помощью обратились. Ваша инициатива была. И тут до меня дошло. А мэр-то молодец. Пиарится, как может.

— Нет, можно, конечно, поискать меценатов, объяснить им, что не каждый день у нас кино снимается, тем более с такими амбициями. Вам, кстати, много надо-то?

— Миллиона два.

— Три, — поправил Марк.

Во наглые. Какие три миллиона? Мы бесплатно все снимаем.

— Долларов? Евро?

— Да можно рублей, — ответил Саня.

— С рублями, конечно, попроще. Хотя времена тяжелые. Сами, понимаете. — Развел руками Вадим Вадимыч.

А когда они были простыми? Тем более у тех, у кого просят денег. У них всегда сложные времена.

— Да не надо нам никаких денег.

Парни посмотрели на меня, как на фаната Любови Успенской, а вот мэр расцвел, как Гефсиманский сад. Разве что в ладоши не начал хлопать и плясать, как Майкл Джексон. И тут я вспомнил о Сереге. Долгое время не вспоминал, а тут раз и вспомнил.

— Хотя вы все-таки можете нам помочь.

И мэр снова напрягся. А парни не сводили с меня глаз.

Я рассказал про Серегу. Что это чистое недоразумение. Ну, выпил человек, с кем не бывает, но действовал он исключительно из добрых побуждений, к тому же забрать хотел только свою камеру. А деньги обязательно внес бы, только позже. Поэтому будет совершенно несправедливо, если он все-таки получит срок.

Вадим Вадимович нахмурился еще сильнее и замолчал. Теперь мы с Саней уставились на него, как хипстеры на «Черный квадрат» Малевича, а Марк спокойно хлебал свой чай.

— Двести восемьдесят пятая или двести восемьдесят шестая? — наконец задумчиво произнес он.

— Чего?

— Злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, — разъяснил мэра. — Все время путаю. Нет, все-таки превышение. Двести восемьдесят шестая.

— Так серьезно? — удивился Новиков.

— А ты думал? До десяти лет.

— А я думал, у вас, как у депутатов, неприкосновенность и все такое.

— Еще какая неприкосновенность, — сказал Вадим Вадимович и вздохнул.

— Но ведь Серега, правда, не виноват, — стал снова упрашивать за товарища я.

— Взлом был?

— Был.

— Значит, виноват.

— И ничего нельзя сделать?

— А можно мне еще чаю?

Этот Марк, я чуть не убил его.

— Можно. Оленька, будь добра, еще чайку для господина Никулова. — Связался он с секретаршей по устройству офисной связи.

— Спасибо, — закивал головой господин Никулов.

Прям собачка с панели автомобиля.

— Как помочь? — начал размышлять Вадим Вадимович. — Высесть розгами, чтобы больше так не делал. — И снова как загогочет. — Можно, конечно, Петрова подключить.

— А это кто?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Мне бы его оптимизм.

— Адвокат мой. Ладно, что-нибудь придумаем, не впервой.

А дальше мы еще немного полялякали, он расспросил нас про кино, мы его про работу в администрации, потом на две минуты забежали местные телевизионщики и засняли, как мы жмем друг другу руки, и мигом сбрызнули обратно. После чего Вадим Вадимович намекнул нам, что он хоть, как и все люди, любит полениться, но он как-никак мэра, а мы и так отняли у него изрядно времени, поэтому пора нам и честь знать, и пообещал еще раз подумать, как можно облегчить участь Сереги.

— Нормальный мужик, — заявил уже на улице Новиков.

— А секретарша какая. Улет. Очень фотогеничная. Зря только от денег отказался, товарищ режиссер, нам бы не помешали.

— Не помешали. Только бы он все равно не дал. Что, вы политиков, что ли, не знаете? Обещают охотно и много, а делать никто не делает.

Хотя насчет мэра я все-таки ошибся. Просьбу насчет Сереги он выполнил, причем довольно быстро. Уже через три дня состоялось судебное заседание, по итогам которого Серегу признали виновным по статье 158 (кража со взломом), но меру наказания выбрали наилегчайшую — девяносто один день исправительных работ. Все-таки наш суд — самый гуманный суд в мире. Ну, и Вадим Вадимович, конечно, молодец. Более того, нам даже новую камеру подарили. Даже не помню, когда Марк успел про нее заикнуться. Но порадоваться как следует он не успел. Я потребовал вернуть камеру в магазин Марка вместо нашей. Парни, разумеется, возмутились, но зато совесть теперь была окончательно спокойна. Карму я почистил основательно.

Вечером показали наши посиделки с мэром. Тут же зазвонил телефон.

— Сашок?

— Ты опять?

— Что опять?

- Ой, ну тебя. Ты почему опять ничего не сказал?
- Про что?
- Что ты из телевизора теперь не вылезашь.
- А, ты про мэра? Мам, прости, во-первых, столько дел навалилось, ничего не успеваю, а во-вторых, я сам не знал, когда это все покажут. И что там, интересно?
- Интересно. Все звонят, поздравляют, Сашок-то теперь знаменитость, а мне и ответить нечего.
- Прости, все как-то спонтанно получилось. У меня не было записано в ежедневнике «стать знаменитым и поставить маму в неловкое положение».
- Я надеюсь на это, Сашок.
- Так и есть. Я приду как-нибудь к вам с папой и все расскажу. Хотя рассказывать-то особо нечего.
- Уж будь любезен. Завтра приходи на праздничный ужин.
- Завтра не могу. Я позвоню, как смогу.
- Ах, ну конечно, ты же теперь у нас такой занятой, каждый день, наверное, с мэром видишься. — Но злобы или обиды в ее голосе не было, скорее, даже наоборот.
- Я приду, обещаю. — И положил трубку.
- Все-таки не так уж и много надо нашим мамам для радости.
- А телефон уже трезвонил по новой. Забыла, что ли, чего? Но это была Валентина.
- Александр?
- Валентина?
- Вы меня помните?
- А с чего я мог вас забыть? И мы, кажется, переходили на «ты».
- Кажется, но я не уверена.
- Я уверен.
- Хорошо, тогда давай опять перейдем. Видела тебя по телевизору.
- Я тоже видел тебя по телевизору, — пошутил я.
- Меня пока не показывают. Я не выхожу из дома.
- Так и не выходишь?
- Так и не выхожу. Но мне лучше.
- Поздравляю.
- Правда, у нас на чердаке появились голуби. Так и слышу, как они топчут и воркуют. Но я борюсь с собой, слушаю аутотренинги.
- Молодец.
- Нет, это ты молодец. Не каждый день мэр желает с кем-нибудь познакомиться и приглашает к себе.
- Ну да, мы избранные.
- И помощь не всем оказывает.
- Ты чертовски права.
- Так что ты действительно молодец.
- Спасибо.
- В понедельник у меня заканчивается больничный.
- Так быстро?
- Да. Гематом почти не видно. Сестра принесла мне еще петарды.
- Зачем?
- Так, на всякий случай, — загадочно произнесла она. — Может, еще увидимся?
- Вот бы сказать твердое и бескомпромиссное «нет», но я ответил:
- Да, конечно, можем увидеться.
- Совесь во мне, что ли, взыграла? Или это откровенная тупость?
- Отлично. Тогда созвонимся. Еще раз поздравляю с эфиром.

— Спасибо.

Нет, наверное, меня все-таки тоже клюнул голубь, а я не заметил.

Может быть, позвонил бы и Колян, но я отключил все телефоны, заправился пивчанским и стал пересматривать «Бэтмен: начало» Нолана. Фильм не зря был в топе кинопоиска и в моем личном рейтинге тянул, как минимум, на девять баллов из десяти.

Коленька не звонил. Какое счастье! Ни на следующий день, ни через два, ни даже через месяц. А причина оказалась простой, но весьма неожиданной. Он сам решил снимать кино. И не только он. Коротенький репортаж о нашей встрече с Вадимом Вадимовичем настолько взбудоражил наш Мухосранск, что чуть ли не каждый второй взял в руки камеру и почувствовал себя Квентином Тарантино. Это был настоящий киобум. Не знаю, что они снимали, но ходить по улицам стало невозможно: куда ни плюнь, везде были люди с камерами.

Парней это дико бесило, а вот меня, напротив, невероятно радовало. Во-первых, я своим примером смог зародить целое движение, а во-вторых, все наконец-то забыли про ютуб и перестали воспринимать меня как «парня из ролика про зомби-домино», хотя к тому времени он уже вплотную приблизился к отметке в миллион просмотров. А конкуренция меня не пугала. Наоборот, так даже интереснее. И теперь я твердо знал, что отступать некуда и я во что бы то ни стало должен довести до финального монтажа «То, что нас ждет» и получить эту злосчастную «Пальмовую ветвь».

Мне даже сон приснился, что мы находим наконец-то нужного персонажа и все идет как по маслу. Я был уверен, что сон вещий, хотя я не очень-то в них верю, но все именно так и вышло.

Мы договорились встретиться в одиннадцать возле фонтана. Есть у нас такой со светомузыкой. Просто плиты, из которых бьют струи. Верх архитектуры, короче говоря. Правда, детям самое то: весело и бегать удобно, но как кинообъект так себе, может, поэтому возле него никто и не снимал.

Саня опоздывал, а Марк, видимо, продолжал дуться на меня. Мы молча смотрели, как резвятся дети, Никулов поправлял капюшон и пинал валяющиеся под ногами камушки.

— Четыре съемочные группы встретил по дороге, — наконец не выдержал он.

— Я три.

— И того семь.

— Да пусть снимают. Все со сценариями, что ли?

— Не знаю.

Разговор не клеился.

— У одних видел «марк два», чуть слюнями не захлебнулся.

— А нам и одного Марка вполне хватает.

Он оценил шутку. Изобразил что-то похожее на улыбку. А тут и Новиков подоспел.

— Саня, я знаю, что ты зол, но у меня есть оправдание. Угадай, кого я видел?

— Серегу, что ли? И чего он, где?

— Да тут рядом, пошли покажу.

Серега косил газон в парке неподалеку. Делал он это с таким кислым лицом, что невольно хотелось заснять эту сцену и выложить на ютуб. Даже мне.

— Сними, сними его, Марк, — командовал Саня.

Марк нехотя расчехлил камеру. А я смотрел на Серегу и улыбался. Мне было приятно его снова видеть, к тому же не в тюремной робе, как могло бы быть, а с газонокосилкой наперевес. Приятно, что есть такие люди, готовые прийти на выручку по первому же зову, как он. И есть такие люди, как Вадим Вадимович, пусть

и не с самым лучшим имиджем и репутацией, но все же способные на добрые поступки. И хотя траву Серега стриг медленно и неровно, он занимался полезным, действительно полезным делом.

Мне захотелось вознаградить его за мучения. И так как общественность вряд ли бы одобрила распитие спиртных напитков в рабочее время, пришлось обойтись мороженым.

На этот раз Серега не стал делать вид, что мы не знакомы, а, напротив, очень обрадовался нам.

— Парни, спасибо, спасибо вам!

— Да брось, Серег. Какой спасибо. Из-за нас ты, можно сказать, и загремел. И потом, все равно не мы, а Вадим Вадимович тебя вытащил.

— Мэр, что ли?

— Ну.

— Ну все, теперь точно пойду на выборы. Проголосую за него обязательно.

Погода была прекрасная. Светило яркое солнце, пахло свежескошенной травой, мы ели мороженое и улыбались. Четыре, можно сказать, здоровенных лба (Марк тянул на такое звание с натяжкой) ели мороженое, которое было вкусным, как в детстве, если не вкуснее, и липким, и тут появился он.

Персонаж. Совсем как во сне. Невысокий, лысеющий парень лет двадцати семи, со щербинкой между зубов и мощными ладонями. Он шел в быстром темпе, сильно размахивая руками и что-то бормоча под нос.

— Снимай, снимай скорее! — затормошил я Марка.

— Кого? — Уставился он на меня, как двоечник на учителя, вызвавшего его к доске. У него даже мороженое капнуло от возмущения на землю.

— Его снимай, че тупишь?

— Да нужен он.

— Снимай, я сказал! — И мы побежали.

Заметив нас, он обернулся и тоже прибавил ходу. Бежал и оглядывался, бежал и оглядывался, и вдруг как шмякнется об столб. Надо его с Валентиной, что ли, познакомиться? Но, к счастью, все закончилось не так уж страшно: ни выбитых зубов, ни гематом на пол-лица, ни сотрясения мозга. Он продолжал что-то бормотать. Я прислушался.

— Сам ты косой, нет, сам ты косой, нет, сам ты косой, нет, сам ты косой.

Но встав на ноги, он замолчал и стал внимательно нас разглядывать.

— Это чего это вы тут? — наконец улыбнулся он.

— Да так, снимаем.

— Это меня это снимаете?

— Сейчас да.

— А зачем это вы меня снимаете?

— А вы разве нас не знаете?

— Нет. Иду себе, это, никого не трогаю. А тут раз, как это, побежите.

— Мы же «Сан Саныч пикчерз». Нас весь город знает. — Саня даже на пару сантиметров выше стал казаться.

— Кино снимаем. — Улыбнулся Марк.

— Кино? Это что, настоящее?

— Да.

Помреж с оператором с трудом сдерживали смех, понятно, что они приняли парня за слабоумного. А для меня было очевидным, что он просто на своей волне. Всегда и везде. И это наши проблемы, что мы живем на других частотах и слушаем иные радиостанции.

— Можно на «ты»?

— Можно.

— Отлично. — Я подал знак Марку, чтобы продолжил съемку.

Саня стал следить, чтобы посторонние не попали в кадр. А я задал первый из четырех вопросов:

— Веришь ли ты, что 21 декабря 2012 года будет конец света?

— Это когда будет?

— 21 декабря 2012 года.

— Это так быстро? — Почесал он затылок.

— Да. Так веришь?

— Абсолютно.

— А готов ли ты к апокалипсису?

— Апокалипсису — это чего?

— К концу света.

— А-а-а, это нет, конечно. Нет. Не готов же. А-а-а. — И он снова рванул со всех ног.

— За ним! — скомандовал я.

На этот раз он бежал гораздо быстрее и вовсе не оборачивался. Правда, быстро выдохся, остановился и повернулся к нам. А может, передумал. Молчал.

— Что ты будешь делать 21 декабря 2012 года?

— Я знаю, что я буду делать. — Но так и не ответил.

— Ну, допустим, а что самое важное в твоей жизни?

— Важное? Это... Это Таня... — И его глаза сверкнули, как падающие звезды, и прослезились.

Честно скажу, меня самого чуть в дрожь не бросило. Так просто и так сильно оказалось это его «Таня». Новиков вообще чуть не разрыдался. Вспомнил, наверное, про свою Снежану, Марк вспомнил про секретаршу Оленьку, а я вот не хотел вспоминать про Валентину. Ну, очень не хотел, просто катастрофически не хотел. А вспомнил...

Я стал расспрашивать, что за Таня, но он ни в какую. Вообще диалог разладился, и было уже как-то неудобно продолжать съемку, но я не мог успокоиться и на этом все закончить.

В итоге он все-таки сообщил, что зовут его Олег, что Таня теперь живет в Саратове и что он почти забыл про нее, но своими вопросами мы, «это, напомнили про нее», и теперь Олег места себе не найдет, если не увидит Таню до чертова конца света, и что он «абсолютно» не против, если мы будем следовать за ним с камерой. Мы договорились встретиться завтра, и он ушел, все так же размахивая руками. Впервые за долгое время, я искренне улыбнулся и копчиком чувствовал, что моя полочка делала в тот момент то же самое. А вот парни не разделяли моего оптимизма.

— Фрик какой-то.

— Во-во, твой сосед, товарищ режиссер, и то интереснее. — И поправил капюшон.

— Чем он интересней?

— Он хоть про инопланетян рассказывал, а этот что?

— Вот вы кретины. Любовь у этого. Любовь. А у нас будет круто — любовь и конец света. По-любому Канны выиграем. А ты, говорил сценарий, сценарий. Лучше жизни никто не напишет сценарий. Всех тронет такая история. Человек находит любовь, едет к ней в Саратов и погибает со всеми к чертям собачьим. А они еще и оба странные. Настоящая бомба.

— Ну, не знаю. Не знаю... — загундели оба в один голос.

А вечером Новиков узнал, что он свою любовь потерял. Снежана сказала, что их встреча была ошибкой, она поняла, что их отношения зашли в тупик и вообще

у нее больше нет времени на их развитие. Теперь она снимается побольше Джессики Альба, а скоро так и вовсе заменит ее в Голливуде, так что не нужно ей звонить или искать с ней встречи, теперь если только сам Спилберг предложит ей встретиться, она согласится, и то не стопроцентно.

Вот такая драма. Не зря я сразу не верил в их отношения, теперь-то после того, как все начали снимать кино, она быстро словила звезду, и Новиков ей как космонавту плавки.

Добилась своего. Правда, я не знал, что снимали конкуренты, если их так можно назвать, но, судя по всему, она реально рассчитывала на стремительный рывок в карьере.

А вот Саня стал похож на высохшую сморщенную губку. Мне даже показалось, что он постарел лет на десять. Или это из-за того, что еще сильнее сгорбился. Пришел ко мне с полупустой бутылкой «White horse», печально ухмыльнулся и промышчал всего одно лишь слово:

— Снежана...

А ведь еще пару часов назад был на седьмом небе от счастья.

— Ушла?

— Кинула, как тарелочку. Всю душу растоптала...

Я думал, он расплачется. Не расплакался. Выпил из горла и сел.

— Нда... — только и выдавил из себя я.

— Будешь?

А он один рассчитывал выпить?

— Ща закусь организую.

Но не успел. Пришел Марк:

— Саня! — И обнял несчастного. — Как я тебя понимаю.

— Да? Спасибо, Марк. Выпей!

Марк выпил, а я вынес лимон и нарезку колбасы. Закусывать уже особо было нечего.

— Да... — выдохнул Саня, растягивая букву «а».

— Крепись. — Снова обнял Новикова Марк. И только в этот момент я заметил, что он пришел без привычного капюшона.

— Спасибо, пацаны, вы такие... такие.... Настоящие друзья, короче. Я вас люблю.

— Мы тебя, Саня!

Я не хотел слушать их признания, а то еще, чего доброго, могли начать лобызаться, поэтому натянул ветровку и поперся в магазин. Взял две по ноль пять, нашей русской. И градус тот же, и горевать под нее удобнее. Прикупил огурчиков и пару лимонов.

Когда вернулся обратно, Саня и Марк боролись за телефон.

— Я должен ей позвонить!

— Нет, не должен.

— Она такая хорошая, я так ее люблю.

— Она стерва и дура, кинула тебя.

— Ты просто мне завидуешь.

— Да иди ты!

— Сам иди, только верни мне телефон.

— Фиг тебе! О, товарищ режиссер!

— О, водка!

— И вторая...

Через час мы дружно ненавидели Снежану, как и всех женщин на свете, подлых и коварных, Марк плакался, что Ольга даже шанса ему не дала, но после нашего фильма она будет локти себе кусать и колени, не говоря уже о клочках вырван-

ных волос. У меня не было повода ненавидеть Валентину, скорее наоборот, я по-прежнему испытывал к ней чувство жалости, поэтому мысли переключились на Танию. Живет там в своем Саратове, а тут парень страдает. Ну да, он немного странный, но ведь любит ее, и еще как. Это сразу видно. А она, тоже мне королева.

Еще через час водка закончилась. Мы попрятали все телефоны, чтобы никому не писать, я отрубил Интернет. Соцсети — еще большее зло. А потом мы с Марком решили, что это не дело, надо как-то развеяться и расшевелить Саню.

А вот затем я уже все смутно помню. Кажется, мы поперлись на улицу, долго шли по дороге, пока нам не встретились байкеры, они угостили нас дешевым коньяком и немного покатали. Потом мы дружно поливали газоны содержимым наших желудков, а в них, кроме закуски и алкоголя, практически ничего и не находилось. Дальше провал в памяти, скорее всего, мы где-то еще раздобыли «топливо», подзаправились, после чего Марк решил, что нам просто не обойтись без женщин определенного поведения. С их помощью мы точно отомстим всем этим жестоким и бессердечным представительницам прекрасного пола, и Саня тут же забудет свою Снежану, которая сама похожа на представительницу женщин определенного поведения, проще говоря, та еще шлюха. И снова провал в памяти, шлюх мы, кажется, не нашли. Зато встретили «конкурентов». Марк, как увидел людей с камерой, подорвался к ним и стал визжать, что они неудачники и плагиаторы, что мы были первые, кто решил снимать кино в нашем Мухосранске, что мы выиграем Канны, а максимум, что светит им, — это какой-нибудь задрипанный приз зрительских симпатий на каком-нибудь мелком фестивальчике в таком же задрипанном Тобольске или Ижевске. Ну и еще, что надо начистить им морды и заставить стричь газоны вместо Сереги. Но кажется, это они нам начистили морды, так как утром у меня безумно болела челюсть.

Но это тоже смутно отложилось в моей памяти. Зато я прекрасно помню, как мы стояли под окнами Снежаны, по крайней мере, мы так считали, что стояли именно под окнами ее дома, а Саня, не жалея связок, горланил серенаду. Пел он отвратительно, хотя тогда нам так не казалось. Мы даже подвывали с Марком.

— Ты узнаешь ее, ты узнаешь ее, ты узнаешь, ты узнаешь, ты узнаешь ее.

Трудно было бы ее не узнать, она же скоро в Голливуде собралась сниматься.

А серенада получалось что надо. Соседи, как водится, поливали нас не только отборным матом, но и холодной водой и, возможно, томатным соком, по крайней мере, с головы стекало что-то красное и липкое. Снежана так и не вышла, а мы уперлись восвояси, пока не приехала наша доблестная полиция.

Далее Марк мочился на здание мэрии, а мы с Саней кричали: «Вадик, выходи, выходи, подлый трус». Время уже давно было за полночь, я бы сказал, что гораздо ближе к рассвету, чем к полуночи, и все уже почти спали, кроме доблестной полиции, которая все-таки навестила нас и даже поймала. Но, возможно, впервые я не пожалел, что попал в этот чертов ролик «зомби-домино», так как один из сержантов узнал меня, смягчился и уговорил второго отпустить нас взамен на небольшие роли в нашем, как он выразился, «нереально крутом» фильме. Хотя попросту мне могло показаться, что он так выразился.

Потом Новиков обнимал дерево и предлагал ему пожениться в Лас-Вегасе, Марк спал на лавочке, а я засунул в рот дубовые листья и застыл на месте, как солдат в почетном карауле. Мне казалось, что я, как Алиса, проваливаюсь куда-то в пропасть и уменьшаюсь, уменьшаюсь, уменьшаюсь до тех пор, пока не становлюсь меньше спичечного коробка. Это было страшно и страшно приятно, так как теперь я мог незаметно залезать на женщин и гулять по их огромным и чарующим взглядам телам. Мне так казалось, по крайней мере.

— Свободу Анжеле Дэвис! — сквозь сон выкрикивал господин Никулов.

— Где оно? Где оно? Где оно? — выкрикивал Новиков, бегая по газону.

А я уже чувствовал себя тенью леопарда и двойником Майкла Джексона одновременно.

Пить, конечно, надо уметь, но как это сделать, когда у товарища такое горе?

Каким волшебным образом мы оказались у Валентины, не имею ни малейшего понятия, но когда я путем нереальных усилий продрал глаза, то увидел спящих рядом со мною на полу в обнимку Саню и Марка, а впереди, примерно в метре от них, спокойно разгуливающего и воркующего наглого голубя. Где-то неподалеку раздавались приглушенные всхлипывания Валентины. Затем неожиданно они прекратились, раздался грохот резко открывшейся двери, и Валентина влетела в комнату в каске и с огнетушителем в руках и стала поливать из него голубя белой и мощной струей пены.

— Ага, так тебе. Так тебе, ублюдок!

Пена летела и на парней, от чего они проснулись, щурились и недоуменно смотрели на Валентину. А мне, несмотря на дикую головную боль, в этот самый момент она показалась дико крутой и привлекательной. Даже родинка на кончике ее носа стала бледнее и меньше. Голубь взлетел, заметался по комнате и наконец вылетел в открытую форточку, добавив на лету парочку мелких струй к шипящей на полу пене. Проще говоря, обделался от страха, родимый.

— И чтоб больше я тебя не видела, — кричала ему вслед Валентина, потрясая огнетушителем так, как злобные викинги трясли своим оружием над пораженными врагами.

— Обалдеть, — только и выдавил из себя Новиков.

— Ты кто? — поинтересовался у Валентины Марк.

— Валентина, — ответила она, снимая каску.

— А где здесь у вас туалет? — спросил господин Никулов и тут же снова отрубился.

Завтракали мы поздно. Часа в два или в три дня. Голова болела просто невероятно. Тело ныло так, словно всю ночь на мне боксировали Валув с Майком Тайсоном, а затем еще использовали вместо груши братья Кличко и Федор Емельяненко, если он вообще колотит груши. Парням, думаю, было ни капли не легче. Зато никто из нас не вспоминал Снежану, она словно вылетела из головы, как наша сборная на Евро-две тысячи, а впрочем, на всех Евро, кроме фантастического Евро 2008 года. Валентина сидела рядом и смотрела на то, как мы с трудом впишем в себя ее яичницу. Яичница, кстати, получилась ничего, а вот состояние не позволяло съесть с аппетитом даже самые наивкуснейшие в мире жареные яйца.

— Может, пивка? — Хотела угодить нам девушка.

Но вышло только хуже. Аппетит испортился окончательно, и вскоре мы, дыша жутким перегаром, распрощались и пошли отлеживаться по домам. В такие моменты даешь себе слово никогда больше не пить, даже хмельное и пенное. Мы не были исключением. Хотя понятно, что больше трех дней никто не выдерживает, ну, максимум неделю, а там снова до следующего раза, когда ты сам не замечаешь, как из стадии «все пучком», переходишь в «я еще держусь», а из нее практически тут же в стадию «я уже в хлам».

— Ну что, до завтра?

— Да, парни, давайте до завтра, а лучше сразу до послезавтра.

— Ага. Стоп. А как же Олег? — неожиданно вспомнил я.

— Какой еще Олег?

— Ну, наш вчерашний. Персонаж. Договорились же сегодня встретиться.

— А-а-а, — равнодушно произнес Саня. — Не, я пас.

— И я пас.

И ушли. А я вынул телефон, чтобы посмотреть, сколько времени, но он, собака, был разряжен.

Немного странный вопрос «Не подскажете, который час?» для сегодняшней эпохи, чуть менее странный, чем «как пройти в библиотеку?». Видимо, поэтому два первых опрашиваемых взглянули на меня так, будто я разгуливал по улицам в жабо 2 августа. А вот третий — невысокий, хмурый мужик лет пятидесяти — остановился, оглядел меня с головы до ног, скривился еще сильнее, учуяв перегар, но все же вытащил древний кнопочный «Нокиа» (кто-то ходит еще с такими?), долго и пристально смотрел на экран и наконец ответил: «Четыре».

— Ровно? — уточнил я.

Он снова достал уже убранный телефон (когда успел?), снова долго и пристально смотрел на экран (будто с первого раза не запомнил) и только потом, сказав: «Без трех минут», побыстрее засунул «Нокиа» в карман, словно боялся, что я нападу и украду этот дорогуший аппарат, и стал переходить на другую сторону дороги. Хорошо, что не побежал, а то бы я точно не удержался и погнался за ним.

А мужик оглянулся и прибавил ходу. Ну, точно у него «Нокиа», хромированная золотом.

До встречи оставался час и три, вернее, уже две (время на размышления) минуты. Ни к селу ни к городу. Это как с обеденным перерывом: и домой не смотаешься, и целый час на перекус тратить нереально и глупо. Хотя бы еще минут двадцать, тогда бы точно дошел до дома. А так пришлось заглянуть в кафешку и заказать себе кофе. Я сидел за столиком, смотрел на голубей, клюющих какие-то крохи за окном, и вдруг заметил проходящую мимо Снежану. Она тоже меня заметила. Остановилась, пристально посмотрела, а затем, гордо вскинув голову, пошла дальше, пошло виляя задом. С такой походкой ей точно не светил Голливуд. Вернее, откуда-то далеко он, может быть, и сиял, даже полыхал, как горящая нефтяная вышка, но вряд ли это можно было увидеть из нашего Мухосранска. Тем более Снежане, тем более с такой походкой.

У кофе не самый лучший вкус, когда его пьешь с перепоею, но он помогает привести себя в чувство, и даже восемьдесят рублей за кружку уже не кажется грабительской ценой. Я пил мелкими глотками и чувствовал, как возвращаюсь к жизни: гул в ушах пропадает, желание лечь и сдохнуть прямо посреди улицы уже проявляется не так сильно, а глаза сбрасывают с себя мешки с песком и поднимаются выше и выше, как воздушный шар. Спасибо тому, кто придумал кофе. И ноги бы сломать тому, кто придумал алкоголь.

Я пришел чуть раньше, но Олег уже был на месте. Сидел на лавочке и что-то яростно чертил в блокноте. Заметив меня, он захлопнул блокнот и поскорее запрятал в карман.

— Это, это, это... — твердил он, вытянув руку для приветствия.

— Саня, — напомнил я.

— А я... это

— Олег. Я помню.

— Снимать будешь?

— Нет. Сегодня не получится. Извини. Парни приболели. Послезавтра вечером. Ты можешь?

— Это я могу. А че делать-то будем?

— Ну, вообще, ты просто не обращай на нас внимания. Делай, что и всегда, а мы будем снимать твою жизнь.

— Мою жизнь? — напрягся он. — Это зачем?

- Ну, просто, чтобы зритель узнал тебя. Полюбил.
- Полюбил? — Его глаза вспыхнули, как дерево после удара молнии.

Про Таню вспомнил.

- Ну да, они же переживать будут. Ты ведь хочешь увидеть Таню?
- Таню хочу, — и замолчал. Потом подумал и добавил: — Это, увидеть.
- Ну, и вот прекрасно. Все и будут переживать, увидишь ты ее или нет.
- Это, увижу. В Саратов поеду.
- Конечно, поедешь. И мы с тобой.
- В Саратов поеду. В Саратов поеду. В Саратов поеду. — Заело пластинку у Олега.

Один на один с ним как-то жутковато. Такая сильная любовь, но как-то даже жалко Таню. Как щенок, еще задушит от нежности и ласки.

Я быстро свернул разговор. Мы договорились, что встретимся у него на работе, а работал он кондуктором. Как раз снимем конец его смены, а после в тир. Он, оказывается, очень круто и метко стрелял, настоящий Джеймс Бонд, а дальше уже как пойдет.

И я пошел. Домой. По дороге меня снова стало мутить и колбасить. В итоге я понял, что не дотяну, и пришлось свернуть к родителям. Как-то нерадостно идти к родителям, да еще в таком состоянии, но в жизни вообще много нерадостных вещей происходит. Меня же угораздило связаться с Новиковым.

Мама будто знала, что я приду. Тут же на плите оказался борщ. Может, они его просто всегда едят, не знаю. Стол незаметно накрылся скатертью, так же незаметно на нем приземлились тарелки, вилки, овощной салат, второй салат — крабовый, нарезка колбасы с сыром, грибочки соленые, сметана, хлеб, пирог. Так же быстро и непонятно каким образом мы с отцом оказались сидящими друг напротив друга за этим столом и наворачивающими эти самые салаты и запивающие их апельсиновым соком.

Отец долго смотрел на меня, пока мама гремела посудой на кухне, затем разломил кусок хлеба пополам и произнес:

- Кино снимаешь?
- Да, — с набитым ртом ответил я.
- Не позорился бы.

Ну это старая песня. Просто что бы я ни делал, у него на все звучит одна эта самая фраза.

- А что здесь позорного?
- Ютубы какие-то. Драки. Стыдоба.

Отец всю жизнь проработал на стройке, поэтому для него в принципе все, что не связано с физическим трудом, — это стыдоба и дуракаваляние.

- Ладно, не буду. — Универсальный ответ для погашения любого конфликта.

Сработало и на этот раз, отец переключился на крабовый салат и замолчал. Но тишина длилась недолго.

— А вот и мы! — весело объявила мама, появившись с тарелкой дымящегося супа. — Говорю ж, изголодал совсем с «Макдональдсом» этим вашим. Ты знаешь, что туда красители добавляют?

- Я не ем в «Макдональдсе».
- Ну, конечно. Вообще ничего не ешь, худой, как глиста.
- Я щас уйду.

Кстати, не знаю почему, но мамина еда тоже вернула меня к жизни. Даже лучше кофе.

- Ешь давай. Сметанкой заправляй. Уйдет он. Раз в полгода появляешься.
- Да чтоб не позориться, — вставил папа.

— Ты-то уж молчи, — махнула полотенцем в его сторону мама. — Каждый день по телевизору показывают, сам мэр руки жмет, а он заладил свое «позориться».

Папа недовольно закатил глаза, но не ответил.

— Кушай, кушай, сынок. Соскучилась так.

— Супу дай, — обиженно потребовал папа.

Неужели я тоже когда-то буду таким же? Ах, да... Конец света. Не буду. Какое счастье.

Мама вернулась на кухню.

— Я тебе пельмешек с собой положу. — Снова появилась с тарелкой в руках мама. — Сварить-то сможешь?

— Смогу. Я же не совсем криворукый.

Отец кашлянул. Он сомневался.

— Ну, рассказывай, — пытала меня мама, нарезая пирог.

— Да что рассказывать? Все хорошо у меня.

— Про мэра. Как он, чего? Что говорил? Не сказал, когда пенсии прибавят?

— А он тут при чем?

— Ну, может, он знает.

— Не знает. Нормальный. Веселый мужик.

— Конечно, чего ж ему грустить? У него-то все хорошо.

— Сама за него голосовала.

— А за кого было голосовать. Я думала, этот хоть нормальный. А денег вам не дал?

— Нет.

— Конечно, откуда у них? Остановку вон и ту отремонтировать не могут. Полгода, раскуроченная, стоит. Салатик накладывай.

— Я ел уже.

— А ты еще ешь, отъедайся.

Так и вижу, как конец света мама идет встречать с тарелкой дымящихся пельменей.

— Да нормальный мэр. У других, что ли, лучше?

— Какие у других, мне неинтересно. Мне надо, чтобы у нас лучше всех был.

— Лучший бы у нас не задержался.

— Тебе лишь бы поспорить.

— А тебе?

— Ну тебя. Ешь пирог-то. С вишней. Как ты любишь.

В ее представлении я все люблю, особенно домашнее.

— Когда невесту приведешь?

— Да кто за него пойдет? — скривился отец.

— Теперь-то уж любая. Только ты, сынок, не бери любую, выбирай получше. Чтобы самая лучшая была.

Отец только хмыкнул.

— Угу, — ответил я и подумал о Валентине. Вряд ли в мамином представлении лучшая относится к девушке с орнитофобией.

— Но и слишком долго не выбирай. А мы с папой еще и внуков понянчить хотим.

Папа молчал. Ему бы полежать, пивка попить с рыбкой возле ящика да «диалоги о рыбалке посмотреть», это да. А внуки эти ему никуда не стучали.

— Понянчаете.

— Или есть уже кто на примете?

— Мам, ну какая разница?

— Как какая? Как какая? Мы же волнуемся за тебя. Ты вон такой непутевый. Ничего сам не можешь.

— Лодырь, — вставил папа.

— Ну уж не лодырь. Но не самостоятельный. Рассеянный.

Вот и снова можно ложиться и помирать. Все я не так делаю, ничего не умею. Лодырь и неудачник.

— Как же я у вас таким получился?

— Не знаю, мы с папой не были такими. Потом будет меня невестка корить: что же он у вас такой несамостоятельный?

— Не будет.

Все, надо валить. Приперся на свою голову.

— Мам, я пойду.

— Уже?

— У меня дела еще.

— Дела у него. Деловой, — комментировал отец.

— Съёмки. Мы же кино снимаем.

— Ах, да. Вы же кино снимаете. Не мог подвинуть свои съёмки. Раз в полгода тебя видим.

Отец бы и раз в год видел или еще реже.

— Не мог, мам. Это не только от меня зависит.

И вот несколько не стыдно, что врал. Как говорится, хорошего понемножку.

— Ну, конечно, раз так. Дай хоть обниму тебя.

Обняла. Еще и плакать удумала. Мне стало ее жалко. Вот что за жизнь у нее? С одной стороны — отец в трусах и с кислой рожей и телевизором, с другой — ни подруг, ни увлечений. Одна готовка. А тут еще и я. Понятно, что она самого лучшего мне хочет. Но у меня и так все неплохо. Даже вполне хорошо, я осуществляю свою мечту, делаю ее реальной. Многие на такое способны? Просто это не совпадает с ее представлениями о лучшем.

— Мам, ну перестань. Я зайду еще. Зайду.

— Когда?

— В субботу. Или в воскресенье.

— Подожди, щас с собой еще положу. Котлетки делала, разогреешь. Пельмешки сварить. И пирог.

И пирог... Я шел домой с этим пакетом и чувствовал себя маленьким мальчиком. Мне уже скоро тридцать, еще раньше, возможно, наступит апокалипсис, а я, как какой-то семилетний пацан, иду с пакетом, полным еды, приготовленной мамой, и понимаю, что ни хрена я не добился. Живу один, работаю вроде, кино снимаю, по телевизору даже два раза показали, а я все равно ни хрена не добился, потому что мама варит борщ, и я с аппетитом его ем.

Потом я стал думать об Олеге. Даже у такого шизанутого, как он, есть любовь всей его шизанутой жизни, а что есть у меня? Ну, вот правда, что есть у меня, если выкинуть эту чертову полочку? Люди как-то женятся, живут потом вместе, как мама с папой, детей рожают, беспокоятся потом, что едят их дети, не мерзнут ли, не болят, получают ли хорошую зарплату, как скоро принесут им внуков. Как будто жизнь только в этом и состоит: в семейном очаге, делающем всех счастливыми? Неужели и правда никаких подвигов, свершений, открытий, просто завести семью и надеяться потом, что ничего плохого ни с кем не случится? Никто не заболевает смертельной болезнью, не пойдет по наклонной, не станет убивать людей и грабить банки, не сопьется, будет хорошим семьянином и человеком. И все? Больше ничего не надо? Может, поэтому они и не боятся апокалипсиса, что им, по сути, немного надо от этой жизни?

А я не то чтобы его боялся. Просто мне было тяжело мириться, что все это когда-нибудь закончится, а я ничего толком и не успею. Ведь были же Ньютон, да

Винчи, Наполеон, Попов с его радио, братья Люмберы, братья Райт. Они тоже, что ли, так думали?

А у Олега любовь всей его жизни. А может, и Валентина ничего?

Но додумать я не успел, так как зашел в подъезд и увидел, что входная дверь моей квартиры выломана. Только этого не хватало! Грабанули, что ли? Да у меня и братья-то нечего. Но оказалось, не грабанули. Оказалось, что вся кухня была затоплена. И тут до меня дошло, что вчера мы, видимо, ушли, забыв выключить кран. Раковина была забита посудой, главное, у меня и посуды-то почти нет, а тут, как назло, набралась почти целая раковина, и разумеется, что совсем скоро вода стала течь на пол и затопила соседей. Представляю, сколько мата прозвучало в мой адрес. А после того, как они пришли и поняли, что меня и вовсе нет дома, я вообще стал уродом номер один во всей вселенной. А сосед у меня не особо деликатный, видимо, сразу и стал ломать дверь. Представляю, какая нам предстоит встреча. Вот только этого не хватало.

Угораздило Снежане бросить Новикова, ему припереться ко мне и нас упиться до чертиков. И вместо того, чтобы лечь и спокойно посмотреть первого и второго «Терминатора», я взял тряпку и стал высушивать пол. Ха-ха, самое то, после мыслей о Наполеоне орудовать тряпкой. Вот бы поглядел на меня батя. Порадовался бы. Наконец-то физическим трудом занимаюсь, не позорюсь.

Позвонил Саня.

— Как оно?

— Соседей затопил.

— Когда ты успел?

— Вообще-то по твоей вине.

— Не понял.

— Неудивительно. Вчера мы забыли закрыть кран.

— И как, сильно затопил?

— Сильно.

— Сочувствую. Я думал, ты закрыл кран.

— А я думал, что ты закрыл. Я его, по-моему, вообще не открывал. По-моему, это Марк открыл, ему же воды хотелось «природной, хлорированной».

— Точно. И что будешь делать?

— Что я могу делать? Сушу пол. Потом пойду к соседям с повинной.

— Сочувствую, — повторил Новиков. — Встретился с персонажем?

— Послезавтра съемка.

— Я только в восемь смогу.

— Ну, придешь, значит, в восемь. Все, давай. А то пол сам себя не высушит.

Соседи были не настолько злы, как я думал, напротив, даже обрадовались. Они как раз собирались делать ремонт, а теперь можно повернуть все за мой счет. Сосед, конечно, ввернул пару ласковых, но я и сам понимал, что заслуживаю их. Затем он сказал, что все подсчитает и сообщит мне, сколько получилось.

— Так что готовь, Саня, денежки.

— Ага. Еще раз простите. Такое больше не повторится.

— Надеюсь.

Встрял. Мне еще и дверь чинить теперь. А время-то вечер. Хорошо хоть, реально не грабанули еще. Сами соседи спокойно могли вынести что-нибудь. Впрочем, кроме ноута, и выносить-то нечего. Спал я, закрыв дверь на цепочку.

Утром побежал за замком, вернее, отправил Марка. Он открыл кран, пусть хоть помогает. Марк поворчал, но все же согласился. «Ладно, схожу, раз ты не можешь бросить хату». Принес и тут же свалил, дела у него, видите ли. Полдня я вставлял

замок, потому что он не подходил по размеру и пришлось раскурочить дверь. Хорошо, что она была деревянная. С железной бы сосед не справился, пришлось бы вызывать эмчээсников, а они вообще могли распилить ее. Но зато почувствовал себя крутым, когда все же расправился с ней и вставил этот адский замок.

Затем поработал немножко. Правда, в голову ничего не лезло. Быт напрочь убивает все творчество. А вечером пришел улыбающийся сосед и сказал, что насчитал на двадцать тысяч. Двадцать тысяч, не прифигел ли? Понятно, что пятно получилось огромное и на весь потолок, но, к счастью, у них был не евроремонт и обои не особо дорогие. Может, еще и пол сделать им за мой счет, да и новый гарнитур прикупить в придачу? Электрику не задело, так что наглеть ему было непозволительно. В итоге сговорились на пятнадцать. Но их тоже надо было где-то взять. Поддержали несчастного Саню. Как скажу парням, пусть тоже вкидываются. Как раз по пятере на брата получится. Но у нас всегда так, как только вопрос касается денег, все становятся тихими и ни к чему не причастными. Ладно, потом обсудим.

В полседьмого мы встретились с Марком. До вечера я неплохо поработал, нависший надо мной долг на удивление успешно мотивировал. Выполнил два заказа и приступил к третьему. Я был полон сил и весел. А вот Марк не очень.

— Товарищ режиссер, а ты уверен, что он — это то, что нам нужно?

— Уверен. А у тебя откуда сомнения?

— Да не знаю, отсмотрел материал. Мне кажется, у нас какая-то нудятина.

— Ну, так пока мы ничего стоящего и не сняли. Все только начинается.

— Не, так-то вроде прикольно. Чудик любит девушку в другом городе. Но мы ж даже не знаем, что там за Таня.

— Да какая разница?

— Ну, так-то да. И что он прям в Саратов поедет?

— Собирается.

— И мы тогда тоже?

— Ты не хочешь?

— Не знаю. Одни уже выложили свой фильм.

— И как?

— Неплохо, кстати. У них короткий метр. Про робота.

— Который хочет стать человеком?

— Ага.

— Банально.

— А у нас не банально?

— Ладно, все. Они молодцы. Но нам по фиг, что и кто снимает. У нас своя крутая история.

Но мои слова его явно не убедили.

В семь троллейбус подошел к остановке. Мы сели. Олег увидел нас, но, кажется, не узнал.

— Это, оплачиваем проезд.

— Олег, это же мы.

— А вы бесплатно поедете? Это.

— Я думал, ты нас не узнал.

— Узнал. Это. Оплачивать будете?

Марк недовольно посмотрел на меня и полез в карман за мелочью. В принципе он прав, мы же будем ехать, значит, надо платить, просто обычно, если приходишь к кому-то на работу, где нужно за что-то платить, по знакомству пропускают бесплатно. Тем более что мы по делу, но да ладно. Не развалимся.

Олег выдал нам билеты. Мне попался счастливый. Ну, хоть где-то повезло. Марк вытащил камеру. Начал снимать. Пассажиров было немного: пара старушек,

студенты (везде эти студенты), тетка, болтающая по телефону, спящий мужик и тетка с двумя детьми. Олег сидел на своем месте, смотрел в окно, иногда водил по нему пальцем. Дети, конечно, уставились на Марка, указывали на него пальцем, но тетка цыкала на них, не давала спокойно побеситься. Студенты помахали в объектив, похихикали и быстро утратили интерес. Марк выключил камеру и сердито посмотрел на меня.

Я развел руками. Олег хорошо справился с задачей не замечать нас. Такого персонажа сложно будет полюбить зрителям.

Я сел напротив Олега, дал сигнал Марку, тот снова начал запись, а я обратился к кондуктору:

- Олег, тебе нравится твоя работа?
- Нормальная, — пожал плечами, ответил он. — Едешь, едешь, проверяешь.
- А что ты рисовал на стекле?
- Это... — сказал он и задумался. — Таню.
- А какая она?
- Это... красивая.
- Красивая. А как выглядит?
- Синие глаза, желтые волосы, — не задумываясь, ответил он.

Я подождал и задал новый вопрос:

- А длинные?
- Кто?
- Волосы.

Но Олег ушел в себя и не хотел возвращаться.

- Ладно, не отвечай.

Затем мы сняли водителя. Невысокий крепкий мужик с усами, как у Буденного.

- Кино? Ну посмотрим, что за кино у вас.
- «То, что нас ждет».
- А что нас ждет?
- Это мы и пытаемся узнать.
- Так и чего? Спеть вам, что ли? Или сплясать? Эх, яблочко, куда ты котишься?
- Спасибо, не надо. Расскажите лучше про Олега.
- Про Олечку? Да что про него рассказывать. Нормальный пацан. Чудной только. Даже пива не пьет. Молчит, правда, все больше, как пришибленный. Да в блокноте у себя все чертит что-то.

- А что он чертит?

— Откуда ж я знаю. Не показывает он. Чертит и чертит. Да и какое мне дело, чего он там чертит, работает, главное, нормально.

А тут и Новиков подошел.

- Че там потоп твой? Ковчег построил?
- Ничего. На пятнадцать косарей влетел.
- Ого. Сочувствую.
- Че сочувствую? Из-за вас вообще-то.

— А мы-то что? Ты сам за хату свою отвечаешь. Я вот всегда перед выходом канны проверяю.

- И я тоже, — поддакнул Марк.

И снова я был прав. Стоит завести разговор о деньгах, все сразу в кусты. Ничего. Вам еще перед кармой отвечать.

Из депо вышел Олег.

- Это, со мной пойдете?
- Договорились же.

— Тир рядом здесь.

И чем ближе мы подходили к тиру, тем уверенней становился Олег. Плечи выпрямлялись, шаг становился шире, размах рук тоже. Он даже что-то насвистывал. А в тире так и вовсе стал похож на Поветкина.

Стрелком он оказался первоклассным. Я не особый любитель пальбы, но смотреть на него было сплошным удовольствием. Десять, десять, десять... Хоть на олимпиаду отправляй.

Я тоже попробовал пострелять. Но лучше бы и вовсе не позорился. Хорошо, что хотя бы по своей мишени попал. Неплохо, кстати, отстрелялся Марк. Не зря он у нас оператор. Три семерки, две восьмерки и даже девятка. Саня, видимо, был настолько злой, что вообще в яблочко угодил первым же выстрелом, все остальные, правда, выше четверки не поднимались. Олег же был сама сосредоточенность. Все движения выверены, филигранны, короче говоря, заметно, что у человека талант и он не первый раз в тире. От восхищения Саня открыл рот и едва не свистнул.

— Монстр.

Марк выискивал удачные и эффектные ракурсы, показывал мне большой палец руки.

— Картинка будет зашибись.

Это был первый раз, когда он заговорил о картинке. Как тут было не поверить?

Разошлись мы вполне довольные. Не знаю, понравится ли кому-то Олег, но то, что в нем была какая-то загадка, отрицать невозможно. И где он только научился так стрелять? Но Олег ответил уклончиво:

— Тренировался, — и пожал плечами.

Дома я в первую очередь зашел на кухню. Сухо. Краны выключены. Потом еще немного поработал. Хотел лечь пораньше, но зазвонил телефон.

— Александр?

— Валентина.

Как у нас все официально.

— Хотела спросить, как вы?

— Спасибо, хорошо. А ты?

— Кажется, иду на поправку.

— Это хорошо. Поздравляю.

— Спасибо. Как твои съемки?

— Тоже неплохо. Нащупали кое-что.

— И я тебя поздравляю.

— Спасибо.

Что-то слишком вежливый я перед сном.

— Может, увидимся?

Тут уже сомнений нет. Она ко мне клеится, или у нас что-то было той ночью?

— Валентина.

— Можно просто Валя.

Валя... Ну, что за имя?

— Валя, а у нас той ночью ничего не было?

— Нет, ты позвонил, нес что-то про полицию, про то, как жесток мир и как тебе не хочется умирать, просил приютить и обогреть, а потом вы притащились втроем и тут же отрубались все на полу.

— А голубь откуда взялся?

— Это у вас надо спросить.

И тут я вспомнил, что это Саня изловил его каким-то чудом, как заправский факир, и пронес под ветровкой.

— Не помню, — решил не сознаваться я. — Как-то залетел, наверное.

— Ну, хорошо, значит, завтра в одиннадцать?

— Вечера?

— Утра. Вечером у меня эфир.

Кто ходит на свидания с утра? Или я что-то не знаю о мире?

— Хотите сходить в кино?

— В кино? Я в кинотеатре лет пять не был.

— Ну, и зря. На большом экране фильмы смотрятся гораздо эффектнее. Думаю, вам будет полезно. К тому же с утра практически никого не бывает. Несколько раз я даже одна сидела в кинотеатре. Это удивительные ощущения, когда сидишь в пустом зале и понимаешь, что этот фильм показывают тебе одной.

Да я почти каждый вечер так смотрю, только на маленьком экране ноутбука и бесплатно.

— Хорошо, — только и смог сказать я.

— Тогда до завтра.

Под утро мне снилась мама. Даже не так. Мне снилось, что я привел Валентину знакомиться с родителями, только папы почему-то не было, а была одна мама. Как всегда, она стала быстренько накрывать на стол, кудахтала, как курица, поглядывала то на меня, то на Валентину, то на ее родинку. А потом достала из духовки запеченного голубя, Валя испуганно вскрикнула и убежала, а мама меня успокаивала:

— Ничего, ничего, Сашок, это поправимо, это лечится.

— Что?

— Ну, родинка ее. Медицина давно шагнула вперед, родинки откуда угодно можно вывести.

Вот такой бред. Хотя думаю, что все так и было бы в реальности, за исключением голубя. Что-то не припомню, чтобы мама вообще когда-нибудь дичь готовила.

Как и сказала Валентина, народа было мало. У нас в зале так и вовсе сидели трое школьников, громко пили колу и ели попкорн. И я вспомнил, почему не хожу в кинотеатры. Вот из-за таких школьников, жующих у тебя над ухом, ржущих где надо и не надо и постоянно комментирующих то, что происходит на экране, я и перестал ходить в кино.

Как-то пропустил я момент, когда Валентина взяла меня за руку. Вроде бы вот мы только сели, она поставила рядом с собой пакет с каской, а тут раз, и я уже держу ее ладонь в своей. Ничего так, не холодная, не мокрая, нормальная такая женская ладонь. Ладно, смотрим дальше. Фильм, разумеется, выбирала она. «Полночь в Париже». Не скажу, что являюсь поклонником Вуди Аллена, но уважаю его безоговорочно. А эта его фишка — ездить по разным городам и снимать в них фильмы — вообще прекрасна. Вот кому точно не будет страшно встретиться с апокалипсисом. Он уже и так столько повидал. А я вот только держал Валентину за руку. Так мы с ней и просидели весь сеанс.

Она, разумеется, осталась в восторге от «Полночи».

— А фильм такой легкий и в то же время неглупый, с мыслями.

Я не стал спорить. По мне, он и вовсе не парился, а действовал по нашей схеме: что-нибудь снимем в Париже, а там история сама на что-нибудь выведет.

— Тебе не понравилось?

— Понравилось. — Пожал плечами.

— Так не хочется расходиться.

Я промолчал. Посмотрел на ее родинку. И вдруг эта самая родинка выросла у меня перед глазами. И ее пухлые и теплые губы прилипли к моим. Стоп. Это еще что такое? Ну взяла у меня интервью, ну сходили пару раз на свидание, ну переноче-

вали мы втроем у нее, что теперь целоваться сразу? Вообще-то инициатива должна исходить от мужчины. А у меня как-то не возникло желания проявлять инициативу. По крайней мере, пока.

Валя открыла глаза, удивленно посмотрела на меня и отстранилась.

Я глупо улыбался.

— Что-то не так? — спросила девушка.

Я промолчал.

— Извини.

— Да не за что извиняться, просто... — я отвел глаза.

— Я не нравлюсь тебе?

О, Господи, теперь у нее еще и из-за меня травма будет. Уволится с работы, будет ходить к психологу. Только этого не хватало.

— Да нет, не в этом дело.

— А-а-а. Это из-за моей родинки.

— Да при чем здесь родинка?

Хотя отчасти и поэтому.

— Просто я считаю, что мужчина должен делать первый шаг.

— А ты испугался родинки и решил не шагать. Все понятно.

— Да ничего я не пугался.

Но она уже ушла.

— Валя, Валя, Валентина! — кричал я ей вслед, но девушка уже выбежала из кинотеатра, а догонять я ее не решился.

Вот черт! И так было неудобно перед ней, а теперь и вовсе совесть сгрызет, я уж не говорю про карму. С другой стороны, что это за отношения такие, если один должен собой жертвовать? Хотя если, правда, забыть про родинку и всю эту историю с голубями, девушка она вполне ничего. Бывали и хуже. А тут еще и этот конец света некстати.

Нет, все. Ушла и ушла. Значит, так надо. А я смогу полностью посвятить себя фильму. В конце концов, я изначально ни о чем таком не думал, а теперь вот еще должен переживать. Никому я ничего не должен. Кроме соседей и полки. А все этот чертов ютуб. Никогда он мне не нравился, собака.

Через час встретился с пацанами. Хотели поснимать Олега дома, но он не пустил нас. Мол, не прибрано и вообще как-то стыдно. Жук.

Пришлось пойти в парк, хотя было довольно прохладно.

Олег сидел на лавочке в свитере с оленями, чертил что-то в своем блокнотике, а мы будто случайно застали его за этим занятием. Это Новиков придумал. И гордился очень этим.

— Наедь на него трансфокатором, — посоветовал он Марку.

Трансфокатор. Слово-то какое. Где он только его выучил? Наверняка готовился. Типа он непросто так помреж, а еще и в теме.

— Да ну его, не люблю эти наезды, — скривился Марк.

— Наедь, наедь издалека, типа мы за ним наблюдаем, а он не видит, а потом подойдем, он заметит и уберет. Сань, скажи же, так драматургично выйдет.

Ну, точно готовился. Студент...

— Угу, — промычал я.

Мне было все равно. У меня другая цель — донести о том, что, несмотря ни на что, настоящая любовь сильнее всего. Даже неизбежной гибели.

Так что засняли сперва издалека, как и советовал Саня. Потом подошли ближе, Олег убрал блокнот и внимательно посмотрел на нас.

— Олег, — спросил я, — а как ты познакомился с Таней?

— Познакомился? Это она вошла. Оплачивай проезд, это, говорю. А она смотрит, смотрит, это, на меня... и глаза у нее такие. — И он расплылся в мечтательной улыбке.

— А потом что?

— Что потом?

— Ну, как ты узнал ее имя? Вы общались? Ты ей нравился?

— У нее не было за проезд. Я говорю: оплачивайте или на выход. Она говорит: не пойду. Я говорю: это, нельзя так. Она: мне все равно. Тогда я сам за нее, это, заплатил. А она, ну вот, сказала же можно. Потом звонит, говорит: это Таня. Ну, я и узнал, что, это, она Таня, — и замолчал.

— Все?

— Что все?

— Узнал, и все? Значит, вы не встречались? А как ты узнал, что она в Саратове?

— Она вышла, я за ней пошел. Она не видела, это, что я тоже иду. Дошла до дома, зашла. Ну, я, это, и стал ходить. Ходил, смотрел, это, на нее. Иногда видел, иногда нет.

— А она тебя не замечала?

— Нет, я это....

— Прятался?

— И прятался, это, и переодевался.

— А поговорить не пробовал?

— Нет, это, не пробовал. Только она подходит, сердце прям стук-стук, это, чуть не вырывается оттуда.

— И долго ты так ходил?

— Четыре месяца. А потом, это, прихожу. А ее нет. И потом нет. И потом. Неделю ходил.

— Уехала?

— Уехала.

— А как узнал?

— Старушки, это, на лавочке сидели, переехали, говорят, в Саратов, энти. Таня, спрашиваю. Ага, говорят, это и Таня, и Люба, и Кирилл.

— Так, может, не та Таня вовсе.

— Та. Я спросил, это, такая Таня? — И он взмахнул рукой, словно дирижер, и начал водить ею и выписывать какие-то загогулины. — И они закивали.

— Значит, она уехала, а ты так ей ничего и не сказал. А как ты хочешь ее найти? Там же много людей. Саратов-то не маленький.

— Она в однушке живет.

— А мы Вадима Вадимовича попросим, — улыбнулся Новиков.

— Но как мы найдем Таню? — повторил я.

— Это, конец света, — только и ответил Олег.

На него было жалко смотреть. Он стал похож на бездомного щеночка, мокнущего под дождем.

— Это. Краснова Таня Валерьевна.

— О, ты и фамилию с отчеством узнал у старушек?

Но больше Олег не произнес ни слова. Уткнулся в блокнот и опять стал что-то чертить. Пришлось остановить съемку и уйти по-английски.

— Че-то я не знаю, — засомневался Саня. — Я думал, у них взаимно, а так она даже не знает.

— Так вот и не узнает, если мы ее не найдем.

— Ну, найдем, а дальше-то что?

— Как что? Он признается.

— А она скажет, ты мне никуда не стучался вообще. Аутист долбанный. И, в общем-то, будет права.

— Ну, не скажи. Да, он, конечно, не мажорик какой-нибудь, но, значит, надо парню помочь, чтобы реально покорил ее. И потом, мы же не видели эту Таню, она, судя по всему, тоже не королева, раз за проезд даже заплатить не смогла.

— Ох, не знаю. Чует мое сердце, что не светит ему ничего.

— Да тут и чуют нечего, — сказал, поправляя капюшон, Марк. — Обломится он, а тут еще и конец света.

— А мне вот кажется, у них все получится. Ну да, он странный. Но кто из нас не странный. А это все равно романтично. Тем более когда узнает, что приехал к ней из нашего Мухосранска, да еще и разыскал ее в таком большом городе, как Саратов, то оценит. Девушки любят безумные поступки. Вряд ли ради нее кто-нибудь делал что-то подобное.

Вечерком позвонил Саня.

— Видел?

— Кого?

— Ну, та, у которой мы тогда проснулись. Это же ведущая «Солянки».

— Да. Валентина. И что она?

— Назвала тебя уродом.

— Не понял.

— Ну во время эфира. Сказала, что ты урод и ублюдок.

— Вообще не понял.

— Да что тут непонятного. У вас было что-то? Сказала, что ты нетолерантный и такие, как ты, представляют угрозу обществу, тебя надо изолировать или лечить в больнице. Ты ее кинул, да?

— Да что у нас было-то? Пару раз на свидание сходили только, а потом она стала меня целовать, а я не дал.

— У-у-у. Теперь понятно, чего она так разошлась, прям расสวิрепела. Нельзя женщин обламывать. Они вообще тогда неадекватными становятся. Короче, не позавидуешь тебе. Как бы еще чего не лягнула.

— А с чего она начала-то? Я не понял.

— Ну, рассказывала о новостях, а потом вот, мол, недавно у нас был один персонаж, мы ему целый эфир «Солянки» посвятили, и с мэром он благодаря нам на встречу ходил, так вот он мразь и неадекват.

— Сама она неадекват.

— Я бы тоже с такой мутить не стал. Так-то вроде ничего, но эта родинка ее.

— Спасибо, Саня.

— Хотя и без нее она явно не Снежана.

Я почувствовал, как он сдерживает позывы расплакаться. Стойкий оловянный солдатик. Но снова успокаивать его у меня не было желания. В конце концов, это он позвонил, чтобы поддержать меня, а не наоборот. А тут как и раз и домашний зазвонил.

— Извини, Сань, звонят. Перезвоню.

— Алло.

— Сашок!

Все понятно. Мама тоже видела новости. Как же спокойно мне живется без ящика.

— Мам, это розыгрыш такой.

— Ничего себе розыгрыш. Я от стыда чуть не сгорела. Тетя Катя звонила уже и тетя Света. Папа зато не расстроился. Сказал, что он говорил, что позор один.

— Мам, да все нормально. Просто черный пиар.

— Правда?

— Ну, конечно, зачем мне врать? Все так делают. Сперва хорошие, потом гадость какая-нибудь, а потом опять хорошие. Реклама для фильма.

— Ну, не знаю, а я подумала, что это твоя невеста, а ты с ней плохо поступил, и вот теперь она решила тебе таким образом отомстить.

— Она мне не невеста.

Хотя все остальное верно.

— Ну, все равно как-то нехорошо. Что люди-то подумают?

— Да плевать, что они подумают. Они и не знают меня. Какое им дело до меня? Я же не мэр.

— Ох, Сашок, мы же переживаем за тебя, волнуемся.

— Да все хорошо, мам. Спасибо.

— Когда придешь-то?

— Я же говорил, приду. Я позвоню.

— Звони, звони. Мы всегда рады тебе, что бы ни случилось.

— Спасибо.

— Даже папа.

— Я верю.

— Сашок, ты точно с ней не встречался? Так-то она ничего. Агрессивная только, и эта родинка...

— Мам, мне работать надо.

— Ну, конечно, конечно, работай, сынок. Тоже пойду. Сериал щас мой начнется.

А тут в жизни сериал настоящий. Вот так Валентина. Не думал, что она может так подло поступить. Главное, пытаюсь помочь человеку обрести истинную любовь и в это же время порчу другому человеку жизнь, игнорируя его чувства. Странная штука любовь, всегда в ней какие-то заморочки. Понятно, что чем сложнее, тем интереснее, но иногда все так сложно, что уж и вовсе весь интерес пропадает. Зато отчаяние накрывает с головой, как волны при шторме. Вот раньше вообще люди не парились. Жили в одной деревне, особо выбора-то и не было. Марфа, Акулина да Аглая. Эта слишком полная, эта носатая, третья ничего так. Вот к Аглае и пошли. И ничего жили, не разводились, как-то по десять детей рожали. А теперь придумали любовь, так, чтоб аж внутри все замирало, и попробуй найди одну такую единственную среди полутора миллиарда девушек. Хочешь не хочешь, разведешься. Нужна-то одна, а их вон сколько. И чем я ей вообще понравиться мог? Пухлый, сутулый, невысокий, несмазливый — словом, ничего выдающегося. Не из-за ютуба же с мэром? Ее саму чуть ли не каждый день по ящику показывают, так что завидовать или восхищаться моими «достижениями» не с чего, да и как-то глупо. Любовь...

И настроение тут же испортилось. Не из-за того, что она наговорила что-то там про меня, нет. Проще выучить китайский язык, чем разобраться, что, куда и зачем в нашей жизни. Да еще и этот апокалипсис.

Кино, разумеется, я не смотрел. И лег поздно. Лежал, ворочался, мысли лезли в голову. Вот почему так? Если рубишься целый день в «Call of Duty», то мыслей вообще никаких не бывает, кроме «нажми такую кнопку, нажми другую кнопку», «получай, фашист, гранату» и «опять по новой уровень проходить?». А если что-то происходит подобное, так целая автоматная очередь накрывает мозг и штурмует, как Суворов Измаил. И свербит, свербит, свербит его. Какой тут сон? Хоть снотворное пей, но дома не было водки.

Под утро я все-таки отключился, так же неожиданно и незаметно, как это бывает во время просмотров иранского кино. Включаешь, отрубашешься и спишь до самых титров. Снилось мне снова мама. Она готовилась к свадьбе, не своей и не моей, а к свадьбе Олега. Происходило все, разумеется, в Саратове. Олег был счастлив, как

никогда, впрочем, я еще и не видел его счастливым. Теперь же он улыбался, казался таким уверенным, совсем как в тире, а костюм так и вовсе делал его красавцем. Свадебные костюмы всех делают красивее. Гостей было немного. Я, Саня, Марк и водитель троллейбуса. Батя сидел в соседней комнате, смотрел футбол. Мама благословила Олега, обняла и стиснула так, будто участвовала в чемпионате мира на самые крепкие объятия. Марк с Саней даже всплакнули. Марк, кстати, снимал все это дело на камеру, видимо, не просто так его пригласили. И вот наконец вышла невеста. В фате, в белом платье, зацокала каблуками — все как надо. «Гюльчатай, открой личико», — чуть не сказал я, и когда она действительно откинула фату, то стало понятно, что это никакая не Таня, а Валентина.

Опять Валентина? Я надеюсь, голубей хоть они запускать в небо не будут? Но это я не увидел. После поцелуя молодоженов мне стало как-то легко и спокойно, наступило настоящее облегчение, и я проснулся. Заснуть долго не мог, а проснулся быстро. Жизнь, она такая.

Но главное, я понял, что нужно обязательно, просто кровь из носу ехать в Саратов, искать эту Таню и организовать встречу с признанием Олега, а иначе все, вернее, ничего — апокалипсис. А с Валентиной, может быть, я помирюсь, и мы даже будем друзьями, в конце концов, можно даже сделать более решительный шаг, вместе мы все равно долго не будем. Но это все потом, после фильма. Сейчас, прежде всего, Олег, Саратов и Канны. Канны? И я вдруг осознал, что в Саратов мы поедем уже не столько ради Канн, сколько ради Олега. Просто это все чертов апокалипсис, перед которым нужно обязательно сделать что-то хорошее, что-то стоящее, иначе просто для чего мы здесь? Чтобы пить, курить, пялиться в ящик, материть правительство, не вылезать из соцсетей и рожать еще более зависимых от всего этого детей? Ну уж нет. Нужно делать достойные вещи. Да, я не найду лекарство от рака, не построю приют для бездомных, не нарисую картину, которой будут восхищаться миллионы поколений, не найду способ избавиться от лени, но я могу оказаться полезным и сделать что-то хорошее для одного или двух человек. А если получится кино и кто-то посмотрит и поймет, что тоже нужно успеть признаться в любви, или посадить дерево, или навестить родных и близких, пока есть еще хотя бы немного времени, то их будет уже гораздо больше, чем двое. Не бывает мелочей. Уступленное в автобусе место не подвиг, конечно, но уже и на такой поступок не все способны. А ведь это нетрудно помочь донести старикам сумки, купить буханку хлеба нуждающимся, выслушать и поддержать друга, когда ему очень плохо. Но мы стали ценить только себя и свое время.

Набрал Новикова. Он был на смене.

— Сань, я перезвоню.

Перезвонит он. У меня такие откровения. А он работает. Ну как так? Почему?

Наконец-то позвонил Новиков.

— Что там у тебя опять?

— Саня, мы едем в Саратов?

— Сегодня, что ли?

— Нет, но чем скорее, тем лучше. Я все понял. Мы обязаны это сделать! Кровь из носу.

— Угу, скажи еще во имя любви.

— А почему нет?

— Ладно, позже поговорим, мне работать надо.

А вот я не мог работать. Все мысли только о том и были, как бы скорее оказаться в Саратове и увидеть эту надменную Таню. А может, и не надменную, неважно, любую Таню, и как Олег заявится к ней с шикарным букетом роз. Вот бы медальку

еще какую-нибудь ему. Он же вон как стреляет. Или шкуру медведя как кинет к ее ногам.

Пришлось идти на остановку. Высматривать каждый троллейбус, пока не увидит нужный.

— Это, оплачиваем проезд.

— Олег, я по делу.

— Оплачиваем проезд.

Ах да, на что я только надеялся. Это же Олег. Хорошо, хоть в троллейбусах проезд дешевле.

— Надо ехать в Саратов.

— Я, это, не знаю, куда ехать. Никто не говорит.

— Мы узнаем.

Он замер и внимательно уставился на меня. На лице выросла улыбочка. Ехидная такая, страшная улыбочка. Тане бы она точно не понравилась. Надо научить его улыбаться.

— Когда? — спросил он.

— Скоро. Очень скоро, Олег. А у тебя есть телефон?

— Нет, они, это, отслеживают. Как на охоте.

Вот вам и Олег. Он, оказывается, продуман. Мы-то ходим под колпаком, а он нет.

— А как ты созваниваешься с людьми?

Он развел руками, а потом добавил:

— На работе, это, телефон есть.

— Тогда запиши мой.

Он записал в блокнот. А я отправился в мэрию. Так меня и пустили, ага. Встреча с гражданами каждый третий четверг месяца. А он уже прошел. Засада. Тут, можно сказать, каждая минута дорога, а они — третий четверг месяца. И номер, с которого звонила Ольга, я не сохранил. Да и как бы я сохранил, если она звонила на домашний?

Пришлось идти домой и работать. Правда, сначала заглянул к Новикову.

Он был серьезен и невозмутим.

— Что там с Саратовом?

— Да вот решаю. Олег не против.

— Еще бы он был против.

— А вот со встречей с мэром все непросто. Короче, думаю, как наш Олег, завтра подкараулить эту Ольгу возле мэрии и попросить, чтобы передала Вадиму Вадимовичу, что нам нужна его помощь.

— Разумно. Сань, подожди, я щас.

И пошел с видом техасского рейнджера делать обход. А вот если бы все осознали, что апокалипсис неизбежен, то и воровать не было бы смысла. Правда, зная наших людей, они скорее пустились бы во все тяжкие, решив, что можно избежать наказания. Как говорится, умирать — так с песней.

— А как мы поедем в Саратов?

— В смысле?

— Ну, это ж затратно. Дорога, там, проживание. Еще неизвестно, сколько мы там пробудем.

Точно. Я даже не думал об этом. Мне ж еще долг возвращать. Если только поднапрячься, поскрести по сусекам, то как раз пятнашку я соберу. А дальше-то что? Звонить маме? Занимать у родителей? Стыдно как-то, еще начнет напрягать, что ни черта это не был черный пиар, просто у тебя проблемы, выкладывая начистоту. Батя тяжело вздохнет и скажет: «Я же говорил». Нет, только не у родителей. И не у мэра.

Ладно, решим. Может, позже отдам долг. Главное — это Олег и его Таня.

— Ну, Сань, ты же понимаешь, что кино само по себе затратное дело. Ради Канн можно и потратиться.

— Ну, так-то да. Просто с деньгами сейчас не очень.

— А когда с ними было очень?

Опять, что ли, закрытый путь? Короче говоря, расстроил меня Саня. Поэтому дома я с небывалым рвением взялся за работу. Нарисовал три варианта логотипа нового магазина молодежной одежды «Про fashion». На одной странице мощный рогатый бык в модной толстовке и узких брюках, на второй — кепка, на которой нарисован рэпер, похожий на Тимати, а на третьей — голова манекена с галстуком, на котором нарисована голова манекена. Затем набросал два варианта дизайна сайта компании, продающей пуэр, и, наконец, плакат для социальной рекламы о вреде алкоголя. Подросток с лицом старика, бутылкой водки в руках и надписью «Третьим будешь?».

Хотел уж было взяться за последний заказ, но позвонил Новиков.

— Я увольняюсь.

— Что так?

— Не хочет мне Лысак отпуск давать, ну я и послал его.

— Во даешь.

— Да я давно уже хотел увольняться. Надоело.

— Прямо давно?

— Ну, с неделю. Так что, Саня, едем. Только у меня бабосиков нет. Я могу автостопом. Давно мечтал попробовать.

— Это интересно. Тоже никогда не ездил. А вариант, кстати, неплохой. Можно что-нибудь поснимать.

— Мне нравится твоя идея.

— Ладно, пойду работать. Мне ж еще неделю дорабатывать придется.

Вот путь чуть-чуть и приоткрылся. Уже неплохо.

Еще и идея с манекеном и галстуком ребятам понравилась. Обещали троечку перевести.

Поперло.

Теперь бы и Олю перехватить, и жизнь будет снова прекрасна, до дня икс, разумеется.

Позвонила Валентина. Вот уж кого не ожидал.

— Александр?

Я не ответил.

— Это Валентина.

— Я понял.

— Боже, мне так стыдно.

— Неужели?

— Да. Я совершила большую глупость.

Я молчал.

— Это непрофессионально. Мне уже вынесли выговор, обещали лишить премии. Но это ерунда. Я не должна была так делать, и теперь очень жалею. Очень. Я испортила вам, то есть тебе репутацию и себе.

Я молчал.

— Просто ты, то есть вы, то есть да, ты, мне нравишься.

— Спасибо. Я уже понял.

— Я не ожидала, что ты... что так... Я тебе совсем не нравлюсь?

— Не совсем. Ну, то есть нравишься немного, но я пока не знаю, достаточно ли этого для чего-то серьезного или нет. Мы снимаем кино, и мне, если честно, по-

ка не хочется разбираться во всем этом. Слишком сложно. Вернемся из Саратова, обещаю, я дам тебе конкретный ответ.

— А мне ты нравишься.

— Я уже понял.

— Дура. Вот дура... — психанула она и отключилась.

И чем вот я ей понравился? Родинка в конечном счете фигня, а вот то, что у нее не все в порядке с психикой, это уже серьезная проблема. Отношения вообще для мазохистов. И чем дольше живешь один, тем сложнее в них вступить. Хотя именно этого она, видимо, и хочет. Впрочем, тут наверняка была замешана и природа. Женщине просто необходимо пророжаться, и хоть внешне это незаметно, уверен, что внутри ее распирает от желания подарить миру розовощекого милого карапуза, а то и двух. Но разве я гожусь для отцовства? Да и о каком отцовстве может быть речь, если у всех нас осталось так мало времени? Просто ничтожно мало.

Фу, только на лишние размышления натолкнула. Жестоко рожать детей перед концом света. И мне стало так жалко всех, что я едва не расплакался. Люди, конечно, те еще сволочи, но не уверен, что без них на земле настанет мир и покой. Вон Олег, хотя с ним не столько весело, сколько удивительно и даже жутковато. Когда у него меняется взгляд или когда чертит в своем блокнотике.

И я снова стал грузиться, стоит ли вообще пытаться кому-то помочь, тем более малознакомому человеку, или лучше забить на все, построить любовь с Валентиной и пожить хоть немного счастливо? А то я прямо получаюсь сама жертвенность. Нет, к черту все размышления. Полочку я знаю давно, а Валентину, можно сказать, вообще не знаю.

Телефон затрезвонил снова, но брать я уже не решился. Пусть мучается. А сам лег спать. Снились кошмары. Одноногие драконы, за которыми охотился Олег, стрелял в них из арбалета и, разумеется, не промахивался. Его стрелы летели точно в левый глаз жертвам, пробивали его, пробивали череп и застревали, как пожилые инфантилы навечно застревают в пещере подросткового сознания. Олег шел медленно к этим драконам, отрезал их большие когти и вешал себе на шею, как бусы. Затем снилось то ли будущее, то ли прошлое, но все, абсолютно все люди ходили в том же прикиде, что и маньяк из фильма «Крик», и пытались друг в друга воткнуть огромный нож. Втыкали и втыкали, втыкали и втыкали, и по улицам текли багряные кровавые реки. Третий сон, хоть и обошелся без убийств и оружия, был не менее жутким. Мне снился хвойный лес. Просто хвойный лес, безмолвный, неподвижный и темный. Мрачный, гнетущий и безграничный. Это было так страшно, что я едва не поседел во сне. Всегда снились какие-то звуки, разговоры, а тут полная тишина, полнейшая тишина, совершенная. Думать перед сном вредно.

Утром я караулил Ольгу у здания мэрии. Группка девушек, проходящих мимо, заметили меня, помахали, я помахал им в ответ. Не то чтобы надеялся на какое-то продолжение, но мало ли. Однако они захихикали и скрылись из виду. Слава, мать ее. Почти в ту же секунду появилась Ольга, остановилась, заметив меня, не ожидала. Я улыбнулся так искренне и широко, как только смог, и пошел ей навстречу.

— Здравствуйте, Ольга!

Вадим Вадимович, конечно, не думал, что мы так обнаглеем, долго ломался, но все-таки пообещал помочь и с поисками.

— А что, в контакте этом вашем ее нет?

— Нет. И в фейсбуке тоже.

— Удивительно. Я думал, вся молодежь в этих ваших социальных сетях сидит.

— Получается, что не вся.

— Удивительно, — повторил он. — Ладно, не стог сена в иголке, поищем.

— Спасибо.

Вот это уже что-то. Вот это уже серьезный шаг. Саратов был не за горами. И мэр-то не так плох, как казалось. Целых два обещания выполнил. Почти выполнил.

Марк чуть не загрыз меня, когда узнал, что я виделся с Ольгой без него.

— Урод ты, товарищ режиссер.

— Она меня чуть не послала, двоих бы точно испугалась. Тем более тебя.

— Да пошел ты. Знаешь же, что я... что она мне, пошел ты. — И ушел сам.

Но Ольга и правда обеспокоенно спрашивала меня:

— Не будет ли этого вашего господина Никулова? Или он где-то рядом прячется?

— Нет.

— Я, вообще, замужем, — разъяснила она.

Кто бы сомневался.

На что вообще надеялся Марк? Еще наивнее, чем Саня. Может, его с Валентиной свести? Это еще куда ни шло. Но Ольга... Ольга.

Обижался, он к счастью, недолго. Видимо, умел реально оценивать свои шансы. Поэтому минут через пять вернулся, злобно посмотрел на меня, показал средний палец и молча встал рядом. Новиков, в отличие от него, был весел и невозмутим.

— Откуда столько оптимизма? Ты же уволился.

— Вот поэтому и оптимизм. Ну, и сон хороший снился.

Сон ему хороший снился. Не то что мне.

И мы пошли к Олегу. Он собирался в тир, а затем закупаться к поездке в Саратов.

— Это, узнали?

— Еще нет. Но Вадим Вадимыч обещал помочь.

И он как давай строчить из пулемета на радостях. И все в яблочко. Да ему в спецназе надо работать, а не кондуктором. Затем мы пошли на «Локомотив». Есть у нас небольшой рынок, где китайцы торгуют третьесортной дешевой одеждой и изредка, скорее в порядке исключения, чем-то более или менее с наклеенными лейблами известных фирм.

Олег купил себе черные брюки, новые боты и белую рубашку — классический набор жениха. Перед таким роскошеством Таня точно не должна была устоять. Так и видел ее млеющую и бросающуюся в объятия Олега.

С выбором подарка для Тани было все гораздо сложнее.

— Да купи ей плюшевую игрушку. Всегда прокатывает.

— Ничего банальнее не мог придумать? Плюшевую игрушку. Детский сад. Надо что-то небольшое, но солидное. Колье там, часы.

— Без подарка никак. Мы же едем в другой город, ты же должен ее покорить.

— Ага, это должно быть необычное, но приятное. То, что вас свяжет. Навеки.

— Свяжет? — оживился Олег. — Так это...

И тут мы увидели палатку с вязаными шапками, шарфами, свитерами и пуховиками.

— Свяжет, — повторил Олег. — Как свитер. Или шарф.

— Прикольные шарфы, кстати, — оценил Саня.

— Прикольные шарфы, — повторил Олег и указал на фиолетовый шарф крупной вязки. — Дайте этот. Мне нравится, как он связан. Тане тоже понравится.

Я не был уверен на сто процентов, что это именно то, что хотела Таня, но шарф был действительно милый. И для первого подарка вполне неплохо.

Затем мы зашли в «Макдональдс» отметить это дело. Тоже не самое лучшее для этого место, но так захотел Олег. Мы взяли по молочному коктейлю и бигмаку.

— Ну что, как будем по парам разбиваться? — спросил Новиков, допив коктейль.

— Это каким парам?

— А ты что, не рассказал ему? — наехал на меня Саня.
— Пока нет. Собственно, что тут рассказывать? С деньгами, как я понимаю, у всех напряженка?

Парни промолчали, и только Саня закивал, как вельможа, лебезящий перед султаном.

— Значит, самый приемлемый, пусть и не простой вариант для нас — автостоп.
— Это я придумал, — похвалился помощник режиссера. — Разобьемся по парам и поедем. Вчетвером-то нереально. Будем меняться, кто едет с Олегом, тот и снимает.
— Как это снимает? Я же оператор, — возмутился Марк.
— А я режиссер. И я должен видеть, что происходит.
— Я один не поеду, — надулся Саня.
— Но я оператор, и я снимаю.
— Побудешь немного помрежем, — улыбнулся Новиков.

Олег молча наблюдал за нами. Не то чтобы мы его бесили, скорее, был в своих мыслях, продолжая поглаживать пакет.

— А это, далеко до Саратова? — неожиданно спросил Олег.
— Тыщу сто-тыщу двести километров. Примерно, — ответил Марк.
— Это долго ехать будем, — решил Олег.
— Так давайте в каждом городе встречаться. Там и будем меняться. Ну вот, мы разбиваемся. Я с Олегом, ты с товарищем режиссером. И едем до Перми. Там, допустим, договариваемся встретиться возле думы. Если кто раньше приехал, ждет, пока не подъедут вторые.

— И ты отдашь камеру?
— Не-а. Необязательно ж все время снимать Олега. У нас тоже может что-то прикольное происходить.

Я, в общем-то, не мог не согласиться, хотя мне пришла в голову идея еще лучше.
— Либо мы можем просто снимать на две камеры и посмотрим, у кого будет круче.
— Как это на две камеры? У нас же одна.
— Так Серега выкупил свою. Ему опять поперло со ставками.
— Круто! А я с того раза его больше не видел, — сказал Саня. — А че ты сразу не сказал про камеру?

— Да я сам только сегодня после мэра к нему зашел и как-то не сразу вспомнил про камеру.

— Тогда вообще можно не меняться, — предложил Марк.
— Не-не. Так честнее будет, — возразил Новиков.
— Я за честность, — вставил Олег.

— Ну, ок. Из Перми едем в Ижевск. Оттуда в Казань.
Олег вытащил шарф и прижал к щеке. На этом и закончились наши посиделки...

Проснулся я в полшестого утра, от пришедшей эсэмэски. Номер был скрыт.
«Краснова Татьяна Валерьевна. Город Саратов улица Чапаева, 79, кв. 33». Ну Вадим Вадимович, ну молодец. И тут не подвел. Это значило, мы смело могли отправиться в путешествие.

У меня чесались руки начать обзванивать парней, но я-то не ФСБ, мне неприятно будить их чуть свет. А спать уже не хотелось. Ну что, Таня, посмотрим, что ты за птица. Кое-как дотянул до восьми часов и набрал Новикова.

— Адрес есть.
— Какой адрес?
— Ну Тани этой. Из Саратова. Так что едем, Саня. Хоть послезавтра.
— Марку я сам позвоню.

И отключился. А я пошел к Сереге. Камеру-то мы ж не забрали.

Сергея не очень-то хотел делиться камерой:

— Один раз уже не очень хорошо все закончилось.

— Ну, теперь-то все по-другому. Сергей. Ну очень надо.

— Всем надо, — философски заметил Сергей.

— Мы напишем в титрах про тебя, что очень благодарны, что без тебя вообще ничего не получилось бы.

— Вот это уже интереснее, — сказал товарищ, срезая очередную копну травы. — Ладно, берите.

— Спасибо, братан, ты настоящий. Все настоящие. На «Баварию» поставить не хочешь?

— Да как-то не знаю. Хороший кэф?

— Один и четыре. Железно.

И я поставил, и выиграл, и рассчитался с соседями. Золотой человек — Сергей Заикин.

Два дня пролетели быстро. Олег очень возбудился, сказал, что он не готов, перся в тир, стрелял там до посинения, рисовал что-то в блокнотике и снова стрелял. Марк взял отпуск за свой счет, вернее, он взял его еще три недели назад, но только сейчас сказал об этом.

И вот мы стояли на трассе в половине пятого утра. Я и Саня. Марк и Олег чуть подальше. Камера наготове, но пока я не снимал. Дул холодный пронзительный ветер, от которого даже волосы на ногах шевелились. Рассветом и не пахло. Саня пританцовывал и возмущался:

— Такая рань, такая рань. Могли бы спать да спать.

— Ты сам сказал, что надо выходить пораньше, днем сложно уехать.

— Ну, не настолько же пораньше. Темно, и ни одной машины не видно.

— Щас дальнобой пойдут.

Но они не пошли ни «щас», ни через час.

Мы уже танцевали все четверо. Небо начинало алеть, но теплее не становилось. Метр за метром мы двигались вперед, и с каждым новым шагом лицо помощника режиссера выглядело все мрачнее и мрачнее.

— Да где машины-то?

Нет, парочка все-таки проскочила мимо нас, но оптимизма это нам, естественно, не прибавило.

— Может, ну его? Автостоп этот.

— Ты ж сам предложил.

— Ну сам, да. Но я думал, что мы выйдем на трассу, тут куча машин, руку поднимешь, и кто-то сразу остановится. «Здравствуйте, прямо по трассе не подбросите?» И все мы уже едем в тепле и снимаем разговорчивого водителя.

И тут нас как зальет светом от фар. Я вскинул руку, вытянул большой палец. Вот он, долгожданный дальнобой.

— Ну остановись, ну что тебе стоит? Видишь, как мерзнем?

И он остановился, но не рядом с нами, а возле парней. Те, видимо, выглядели еще жалостнее. Мы молча смотрели, как Марк что-то объяснял водителю, активно размахивая руками, затем кивнул Олегу, и они быстро полезли в кабину. После чего КамАЗ с шумом сорвался с места. А мы лишь завистливо вздыхали.

— Везучие, — позавидовал Саня. И вдруг сорвался с места и начал бегать. — А-а-а.

— А-а-а, — подхватил я и тоже стал наматывать круги возле трассы.

Продрогли мы не слабо. На двадцатом или чуть больше круге стало жарко не только внутри нас, но и на трассе. Сперва мимо нас со свистом проехала «лада калина», затем уже синяя «субару», потом еще один дальнобой, и еще несколько

машин, пока наконец водитель серого «опелька» не сжалился и не остановился. За рулем сидел невысокий мужичок лет сорока пяти с пышными усами и маленькими, как пуговицы, быстро бегающими глазами.

— Здрасьте! — улыбнулся Саня.

Он не ответил.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Угу, — проскрипел мужичок.

— Отлично! — обрадовался Новиков и собрался уже залезать в салон.

— Только мы без денег, — добавил я.

— Чего?

— Без денег. Автостоп.

— Чего? Умные какие. Без денег. Нашли такси, — сказал усач и захлопнул перед Саней дверь.

— Облом, — заметил я.

— Вообще отстой. Он что, про стопщиков не слышал?

— Не знаю.

Но страдали мы недолго. Буквально тут же перед нами остановилась старенькая, но родненькая «шестерка», управляя, которой такой же старенький седой водитель.

Я открыл дверцу.

— Здрасьте, прямо по трассе не подбросите?

— Куда вам?

— Вообще в Пермь, но можете подкинуть, куда вам угодно.

— Запрыгивайте.

— Не-не-не, — вдруг включился Новиков, — мы без денег.

— Без денег?

— Да-да. Извините.

И захлопнул дверцу. Дед посмотрел на нас, покачал головой и тронулся с места.

— Ты чего, опух? — Набросился я на товарища.

— Саня, я лазил по форумам стопщиков, там все хвалятся, какие крутые тачки они остановили, и чмырят тех, кто всякое старье по типу этой «шестерки» стопит. А мы бы еще на камеру снимали, тогда б вообще все увидели.

— Я смотрю, жарко тебе?

— Нет, конечно. Но не хочется позориться с первой же машиной.

— А пацаны щас в тепле едут и ржут, наверное, над нами.

— Да не, не ржут. Они ж не уроды. К дальнобоям, кстати, все нормально относятся. Они вообще как санитары трассы считаются.

И только мы вспомнили про санитаров трассы, как целая колонна «санитаров» показалась на горизонте.

— Улыбайся, — скомандовал Саня, размял ладони, плечи, ноги, подошел к краю асфальта и резко выкинул руку вперед, улыбаясь, как модель на рекламной акции.

Но колонна предсказуемо проехала мимо. Дальнобои останавливаются, когда едут в одиночку, дорога длинная, и не с кем поговорить, а тут их вон сколько.

Новиков, конечно, расстроился и снова начал бегать. Впрочем, и я тоже.

— Так мы и до Перми добежим, — то ли в шутку то ли всерьез произнес Саня.

— Нечего было деда отправлять, — огрызнулся я.

— Да он на своей тарахтелке ненамного быстрее едет.

— Он хотя бы едет. И парни едут.

— Вон смотри, узик едет. Тормози.

— А че, за узик чмырить не будут?

— Нет, ты че, наоборот. Мало ж кому удастся застопить узик.

А нам удалось. Из уазика на нас смотрел здоровенный мужик, похожий на Дукалеса из сериала «Улицы разбитых фонарей».

— Здрасьте, — уже в который раз поздоровался Новиков.

«Дукалис» не отводил от меня глаз. И так было холодно, а от его взгляда меня вообще в дрожь бросило.

— Ну, — пробасил водитель.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Ну.

— Здорово. Саня, прыгай.

Ему что, вообще не страшно, что ли?

— Только мы без денег, — добавил товарищ. — Ничего?

— Ну, — ответил «Дукалис».

И мы залезли в салон. Ехали молча. Минуту, две, три. Даже радио не играло. Наконец он спросил:

— Куда едете?

— Вообще в Саратов, — ответил Новиков, — но сначала в Пермь.

— Я до Лесного.

— Круто. Оттуда явно ближе до Перми.

— Автостопщики, что ли?

— Ну да.

Говорил только Саня, я как-то опасался и поглядывал на его хмурое мощное лицо.

— Правда, раньше не ездили. Вот первый раз попробовать решили. Ну, че ты не снимаешь? — Толкнул он меня в плечо.

— Что не снимаешь? — напрягся «Дукалис».

— Да мы кино снимаем.

— Какое кино? — еще больше напрягся «Дукалис».

— «То, что нас ждет».

— Что нас ждет? — Он даже сбавил скорость.

— Ну, про апокалипсис. Сань, покажи камеру.

— Может, не надо? — усомнился я.

— Да что такого? Покажи, покажи.

Я вынул из рюкзака камеру. «Дукалис» испугался так, словно никогда не видел видеокамер или это было мощнейшее оружие на свете.

— Так вы журналюги?

— Нет. У нас кинокомпания «Сан Саньч пикчерз». Мы киношники.

— Убери камеру. Убери камеру, я сказал.

Я убрал камеру.

— Снимают они тут. Может, вы террористы.

— Да какие мы террористы, — чуть не расплакался Новиков.

— Кто ж вас знает? Вот что, — и он остановил машину, — выметайтесь подобру-поздорову.

— Чего? — удивился Саня.

— Вылезайте, говорю. Не повезу я вас.

— Но почему? — начал было возмущаться Саня, но я открыл дверцу, выпрыгнул на дорогу и потянул товарища за собой.

— Так даже лучше, Сань. — Мотор зарычал, и уазик сорвался с места. — Видел, какая у него морда. Да он сам бандюган какой-то.

— Дай мне камеру.

Я снова вытащил ее из рюкзака и протянул товарищу. Он стал снимать удаляющийся УАЗ.

— Вот этот узик мы застопили,— говорил Новиков,— неплохо для первого стопа, а? Только водила оказался неадекват. И как только увидел камеру, послал нас куда подальше и высадил. Но ничего, мы не теряем надежды. О, Сань, стопь быстрее.

Я обернулся и увидел, что к нам стремительно приближался «ауди А шесть». Так же стремительно я поднял руку, и, о чудо, автомобиль затормозил ровнехонько перед нами.

— Здравствуйте, мы без денег,— решил я сразу расставить все точки над «и».

Правда, вряд ли лысого водителя, презрительно смотрящего на нас, интересовали наши деньги.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Прыгайте.

— Нормуль, — обрадовался Саня, залезая на заднее сиденье. — Ничего, что мы с камерой?

— Ничего,— не сразу ответил лысый водитель.

Он был поменьше, чем «Дукалис», но все равно гораздо шире нас с Новиковым в плечах. Саня толкнул меня в плечо и показал большой палец, после чего протянул руку водителю и представился:

— Саша.

— Дмитрий.

— Саша. — Пришлось и мне представиться.

— Угу, — промычал Дмитрий.

Новиков стал водить камерой по салону. И что он снимал? Дмитрий не горел желанием разговаривать. Поэтому Саня взял на себя роль тамады:

— Хорошая у вас тачка.

— Угу.

— «Ауди шесть», да?

— Да.

— Я бы тоже такую хотел.

— Куда едете?

— В Пермь.

— О. У меня там брат живет. Балбес. Я до Лесного.

— Круто. Оттуда намного ближе, — во второй раз уже за полчаса произнес эту фразу Саня.

Всем в этот Лесной. У них там что, конкурс суровых мужиков на звание «Обмочи штаны при встрече»?

— Радио включу?

— Конечно.

И, конечно, он включил радио «Шансон». Саня отложил камеру.

«Гоп, мусорок, не шей мне срок», — раздалось из динамика.

— «Машина „Зингера“ иголочку сломала», — стал подпевать Дмитрий, но быстро замолчал, прибавил газу и вцепился в руль.

Приемник ловил сигнал все с большими помехами. Какое счастье. И вскоре Дмитрий выключил его совсем, вставил флешку и нажал кнопку play. Я думал, что снова раздадутся несменных три аккорда, разбавленных приклатненным голосом, но нет. Из динамиков полилась тихая, спокойная фортепианная музыка. То ли Бах, то ли Шопен, не суть. Главное, что это была классика, которая ну никак не сочеталась с видом и лицом Дмитрия.

Зрелище было жутковатое: Дмитрий, вцепившийся в руль, словно Гомер Симпсон в горло Барта, трогательная мелодия, мы с Новиковым, замерзшие и немного пришибленные, и классическая музыка. И в голове сразу замелькали кадры. В рапи-

де мы несемся на корову, внезапно выбежавшую на трассу, она мычит, поворачивает к нам голову, глаза расширяются от испуга, Дмитрий отчаянно жмет на тормоза, визг тормозов, заглушающий звук фортепиано, и вот мы уже сталкиваемся, корову слегка подбрасывает вверх, дикое мычание, брызги крови, капли, стекающие по лобовому стеклу, бешено работают дворники, мы, от испуга вжавшиеся в сиденья, тело коровы падает на асфальт, и тишина. Секунду, две, пять. Безжизненно застывают дворники, корова подергивает ногою, снова начинает играть классическая музыка, и где-то вдалеке алеет рассвет.

Пока я все это представлял, Новиков успел уткнуться головой в сиденье водителя и уснуть беззаботным сном. Да уж, автостоп не такое веселое занятие, как мне показалось вначале. Вообще не веселое, скорее страшное и морозное.

— Дмитрий, а вы верите в апокалипсис? — спросил я через пару минут, когда уже самому стало дико неловко от молчания.

— В туалет хочешь?

— Да нет. Я про конец света. Ну, слышали, наверное, предсказания майя и все такое.

— А, эти, брехня все, Сань. Пиар-ход.

— В смысле?

— Ну как с Днем святого Валентина. Ты празднуешь?

— Два раза праздновал. Когда у меня девушки были, совпадало.

— Вот я каждый год неплохо с этих валентинок и игрушек поднимаю. Догадался же кто-то когда. Спасибо ему. Так и тут. Всякую хрень продавать начали, ты зайдешь в Интернет... тихо.

— Что?

— Мой любимый момент.

Я замолчал и наслаждался вместе с Дмитрием его любимым моментом. Он оторвал руку от руля и шевелил пальцами в такт мелодии. Она была и вправду хороша. Такая светлая, динамичная, похожая на полет ласточки, борющейся с ветром и побеждающей его. Тут представились длинные тонкие пальцы пианиста, так же стремительно парящие над клавишами, как эта самая ласточка. А ведь все пару минут назад он подпевал песне «Гоп, мусорок». Просто удивительно.

— Ну как, а? — спросил Дмитрий после окончания фрагмента.

— Да, — только и смог выдать из себя я.

— Проникновенно, да?

— Да, — повторил я.

— Людовико Эйнауди, — пояснил Дмитрий.

— А-а-а, — протянул я, хотя понятия не имел, кто это.

— Обожаю его. Расслабляет, особенно в дороге. Так что я там говорил?

— В Интернете продают.

— А, ну да. Наборы всякие для апокалипсиса. Ну разве не бред?

— Бред.

— Что там? Спички, стакан водки, батарейки, еще какая-то хрень, и стоит все тыщу двести. Тыщу двести, ты прикинь? Вообще совести нет.

— Ну да, разводилово какое-то.

— А я что говорю? И берут ведь, находятся идиоты и за тыщу двести берут, и за полторы, и за две бы взяли. А ты говоришь, апокалипсис. Маркетинг, и ничего более.

— А если правда?

— Ну ты, что в сказки, что ли, веришь?

— Нет. Но просто гипотетически, вдруг наступит? В Библии ж написано.

— Тогда всем нам звезда, — сказал Дмитрий и многозначительно замолчал.

Я тоже решил не портить тишину и стал слушать музыку. А он оказался неплох, совсем неплох, это Людовико Эйнауди. Надо будет скачать себе, как вернемся домой.

Может, даже вставить пару треков в наш фильм. Под его мелодии даже мысли об апокалипсисе кажутся более светлыми.

— В туалет хотите? — прервал мои мысли Дмитрий. — Остановлюсь у заправки.

— Нет, что-то не хочется.

— Ну, кофе, там, или перекусить?

— Да мы брали с собой, и что-то не хочется.

— А Сане?

А Саня по-прежнему дрых.

— И ему не хочется.

— Ну, как хотите, — сказал Дмитрий и затормозил у заправки.

Он вышел из машины и громко хлопнул дверью. А мне всегда казалось, что чем дороже автомобиль, тем бережнее к нему относятся владельцы.

— А, что? — Проснулся Новиков. — Приехали?

— Нет. На заправке остановились. В сортир хочешь?

— Конечно, хочу. Давно уже хочу.

— Ну, иди.

Саня выскочил вслед за Дмитрием, о чем-то переговорил с ним и направился к двери магазинчика, потирая на ходу руки.

Я взял камеру, включил запись, навел глазок на себя и произнес:

— Мы на стоянке. Не знаю, как там парни, а мы едем до Лесного. С Дмитрием. — Я перевел объектив на Дмитрия и снова на себя. — Дмитрий говорит, что предсказания майя — это грамотный маркетинг, и ничего более. Ну, не знаю, сдается мне, у него день рождения летом. — И закончил запись.

Больше мы ничего не снимали до самого Лесного. Саня отрубился, как только залез в машину, а мы слушали Людовико Эйнауди, да и ехать было не так долго, учитывая, что Дмитрий топил под сто сорок и выше.

— Спасибо. — Мы пожали руку Дмитрию.

— Прямо и не сворачивайте. Выйдете на трассу. Удачно добратся.

— Спасибо, — повторили мы.

Нормальный оказался мужик. А по виду и не скажешь.

— Ну что, выспался?

— Тип того.

— Везет тебе.

До трассы мы шли молча. Солнце пригревало, и настроение уже не было таким мрачным. Мы смотрели по сторонам, но не буду ничего описывать, так как Лесной — это город ЗАТО. Город как город. Немного жуткий, поэтому шли мы в довольно быстром темпе и облегченно выдохнули, когда впереди показался знак с зачеркнутым словом Лесной. И не успел я спросить: «Как там пацаны?», как ответ появился перед нами сам собой. Парни стояли впереди и махали нам.

— Долго вы что-то, — заметил Марк.

— Долго?

— Ну мы уже минут двадцать тут пляшем.

— Мы зато на «ауди шесть» ехали, — похвастался Новиков.

— Крутые.

— Снимали что?

— Да так. Не особо.

— И мы тоже.

— А вы-то почему здесь? Вас же дальнбой вез.

— Он в Тагил свернул.

— Тагииил, — заорал Новиков.

- Это, Тагииил, — подхватил Олег и стал гладить шарф.
- Как ощущения, Олег? — спросил я у него.
- Это, к Тане едем.
- Может, уже поменяемся? — предложил Марк.
- Ну, нет, — не согласился Саня. — Договорились до Перми, значит, до Перми.
- Вон тачка едет. Стопьте, раз вы первые.
- А мы? — возмутился Новиков.
- А мы отходим.

И мы отошли. И что удивительно, парни застопили «ладу гранту», которую я заметил. Наловчились, что ли? Или просто в Лесном все такие добрые. Они снова помахали нам и уехали.

- Есть охота, — сказал Саня и вытащил из рюкзака бутер. — Будешь?

Мы ели бутеры, а я думал, что всего этого могло не быть. Вот так легко, не было бы, и все. Не планеты в смысле, и нас с Новиковым. А этих бутербродов, залитых до невозможного майонезом, встречи с Олегом, машин, автостопа, ютуба, встречи с Валентиной, Снежаной и Вадимом Вадимовичем в нашей жизни могло и не быть, если бы однажды я не решил снимать кино. То есть вот так раз, и изменил судьбы многих людей. Татьяны, например, жила она себе в Саратове и думать не думала, что мы приедем целой делегацией, что Олег откроется ей, а Марк еще и запечатлеет это для потомков. То есть, конечно, не потомков, какие потомки после конца света? Просто мы всем покажем и расскажем. Всем. Вот она готова к этому? Вряд ли. А Серега? Если бы не я, он бы не попал в КПЗ, Валентину не клюнул бы голубь, Саня не уволился бы с работы, и только батя так же бы обзывал меня позорищем и тунейдцем.

Странная, конечно, эта штука жизнь. И главное, не так сложно, оказывается, ее изменить. Просто мы привыкли делать одно и то же, а можно поменять что-то одно, самое незначительное — начать бегать или ходить в вегетарианское кафе, и вот уже все новое, как снежный ком, цепляясь друг за друга, захватит тебя, изменит расписание, подарит новые знакомства, цели, мечты. Хотя моя мечта неизменна. Ради нее, собственно, все и завертелось. Надо еще, чтобы мечты были хорошие.

Майонез капал на землю. Нет, ну кто так делает бутеры? Сам Новиков, что ли? Судя по его довольной физиономии, именно он и делал.

- Будешь еще?
- Нет, спасибо.
- А я буду.

И ведь съел. И чуть третий не достал. Если бы не старенький «форд». Я привычно уже вытянул руку, и «форд» затормозил. Ну, и кто говорил, что автостоп это сложно? Хотя новичкам везет. С этим не поспоришь.

- Здравьете, прямо по трассе не... — с набитым ртом татараторил Новиков.

— Запрыгивайте, — не дослушав его, скомандовала тетенька, давно перешагнувшая за бальзаковский возраст.

Это была весьма плотная, но неполная женщина, широкая в плечах, с прокуреным голосом и химией на голове. Не послушаться ее было невозможно. Мы запрыгнули внутрь, только теперь Саня сел спереди и хлопнул дверкой так, что я думал, что вся машина тут же и развалится. Хотя она могла развалиться в любой момент и без посторонней помощи. Поэтому я не стал хлопать дверью, но она предательски не закрылась.

— Каши, что ли, мало ел? — возмущилась водительница. — Сильнее, вон как товарищ.

Саня заулыбался, как Чеширский Кот.

Я хлопнул посильнее. Снова не закрылась.

— Тебе помочь? — раздалось с водительского кресла.

— Не надо.

Бог любит троицу, поэтому с третьего раза дверь все-таки захлопнулась. И мы тронулись.

— Куда едете, братья месяцы?

— Мы не братья, — возмутился Саня.

— В Пермь, — ответил я и незаметно вытащил камеру.

— А я до Чусового. Но там рядом.

— Да это вообще близко, — подтвердил Новиков.

«Форд» завибрировал, как телефон или массажное кресло. Может, он тоже получил эсэмэску? Вот теперь, пожалуй, точно должен был развалиться, но нет, тетенька переключила на новую скорость, и мы с ревом помчались дальше.

— Сколько лет вашей машине? — осторожно спросил я.

— Не бойсь, — ответила она, — еще сто лет проездит и нас переживет.

— Очень оптимистично, — тихо заметил я.

— На свадьбу еду, — похвалилась тетенька.

— Заметно, — сказал Саня, поглядывая на ее прическу.

— К племяннице. Сестра у меня в Чусовом, Лариска. Я Людка, а она Лариска.

— Очень приятно. — Не Новиков, а сама вежливость. — А мы Саши оба.

— Оба? Ну-ка, Сашок, поддержи руль.

Людмила (язык как-то не поворачивается назвать ее Людкой, мы ж не «Любовь и голуби» все-таки), повернулась к нам, положила ладони нам на плечи, что-то прошептала и снова схватила руль.

— Давно уже желание созрело, а загадать никак не могла, — пояснила она.

— О, можете загадывать, сколько хотите, — разрешил добряк Саня. — Тоже замуж мечтаете выйти?

— Замуж? Смешно, — закатилась Людмила и тут же начала кашлять, как заправский туберкулезник.

Я отсел подальше. На всякий случай.

— Я уже дважды вдова и трижды бабушка, — откашлявшись, сказала Людмила. — Это Лариска чумовая, и доча у нее такая же. В третий раз замуж выскакивает. А самой двадцать восемь, и двое детей от первых двух браков.

— Ого, — выдали мы оба в один голос.

Это уже «Пусть говорят» настоящее.

— И что, по любви? — спросил Новиков.

— Если бы по любви. Опять по залету. Она по-другому не умеет.

А дальше Людмила поведала нам про трудную, но богатую на события жизнь племянницы, про не менее насыщенную жизнь Лариски, про себя, свою дочь, внуков, мужей, зятя... К третьей минуте рассказа я уже запутался в именах, выключил камеру и уставился в окно.

Бас Людмилы слился с дребезжанием «форда» и превратился в какофонический оркестр. Зря я не взял с собой наушники. А Саня слушал с интересом и что-то поддакивал, даже похвалил барашки на голове Людмилы, хотя если быть откровенным, то они выглядели убого и безвкусно. Семидесятые давно кончились, вот только никто ей, видимо, не рассказал об этом. Хотя бы волосы отрастила подлиннее, что ли.

Единственное, что я запомнил из ее рассказа, — это то, что она всю жизнь проработала в такси и у одного из ее внуков слабоумие, но при этом она никогда ни на что не ропщет, и не курит сигарет, и раньше пела в хоре, но потом сорвала связки, застудила их и не смогла вылечить.

Вообще, конечно, милая тетенька, но у таких, как правило, и бывает самая тяжелая жизнь. А в апокалипсис она не верила. И в Бога не верила, понятно, по каким причинам. Она нас даже «кофа» угостила.

— Ну-ка, Сашок, пошуруди там ручкой возле себя. Нашел?

— Что?

— Термос.

— А, термос. Да, нашел.

— Ну, вот бери. Пейте на здоровье.

— А вы?

— Да я уже этого кофа опилась. Мне б че покрепче...

Я напрягся.

— Дак нельзя. За рулем же, — продолжила она. — Ну, ничего, меньше часа ехать, там нагуляемся.

— А почему вы одна, кстати, едете?

— Ты чем слушал-то? Дочка всей семьей в Германию переехала.

— Простите, как-то упустил этот момент.

Не стал спрашивать, почему она с ними не переехала, а то бы разгневал еще женщину, а нам ехать всего ничего оставалось.

Кофе, кстати, оказался очень даже ничего. Натуральный, не растворимый. Саня даже две крышки выпил.

— Очень вкусно. Спасибо. — Прямо мечта любой мамы — идеально вежливый Новиков.

— Спасибо, — вставил я, чтобы не казаться невежей.

— Пожалуйста, — ответила Людмила и неожиданно затянула: — Когда я на почте служил ямщиком, ко мне постучался косматый геолог.

Не удивился, если бы Саня стал подпевать Людмиле, но он молча слушал. Видимо, Новиков ей понравился, а я не очень, и все оставшееся время мы слушали, как тархтел и дребезжал ее «форд».

Чусовой мало чем отличался от других маленьких городов нашей Родины. Я, конечно, поснимал немного, но скорее для себя, вот, мол, мы и в Чусовом побывали.

— Весело вам отпраздновать! — пожелал на прощание Людмиле Новиков.

— И вам не хворать, и удачно добраться до Перми.

И мы потащились через весь город. Хорошо, что он небольшой. За двадцать минут мы были уже на другом конце и снова вышли на трассу.

— Ну что, где там наши? — бодро спросил Саня.

После кофе он стал чересчур активным, а вот меня, наоборот, клонило в сон.

— Не знаю. Не видно. Может, уже в Перми?

— Может, позвоним парням?

— Да не надо. Если бы че-то случилось, они бы уже сами позвонили.

— Все, звоню, — не унимался Саня. — Вне зоны действия сети. Что-то беспокоитно мне.

Я и сам не был уверен, что ничего не случилось. Но к счастью, в сторону Перми ехал большой поток машин, и мы быстро переключились на него. Правда, теперь, может, оттого, что мы уже не были новичками, никто не хотел подбирать нас.

— Что за фигня? — сокрушался Саня. — Так перло, а тут...

Конечно, меня тоже беспокоило, что Олег с Марком не выходили на связь, вернее, Марк, у Олега-то нет мобильного, но истерить зачем?

Машины застопил я, за рулем был усатый мужчина лет сорока-сорока пяти. У нашего усача была не новая, но вполне опрятная на хорошем ходу «дэу нексия».

— Здравствуйте, прямо по трассе не подбросите?

— Подброшу.

— Саня, залезаем.

Саня с кислым видом залез на переднее сиденье.

Усач оказался не таким разговорчивым, как Людмила, да и ехали мы с ним всего минут сорок. Я тоже попробовал набрать Марка, но все то же «вне зоны действия сети».

— Здесь вас высажу. Мне на села, а вам по прямой.

— Спасибо.

А есть уже и правда захотелось. Я вытащил чипсы и стал грызть. Саня посмотрел на меня, достал бутер, посмотрел еще раз и протянул второй бутер мне.

— Я тоже звонил. Вне зоны действия.

— А я о чем. Случилось же что-то.

— Если только Марк не забыл зарядить телефон.

— Маловероятно, — подумав, ответил Новиков.

— В любом случае мы ничего не можем сделать. Лучший вариант доехать до Перми и ждать их там, если они сами уже не ждут нас на улице Ленина.

Во всех городах есть что-нибудь, названное именем Ленина, поэтому, чтобы не путаться, мы договорились везде встречаться на улицах, проспектах или площадях у дома двадцать один. У дискотеки «Авария» просто есть такая песня: «Прспект Ленина, двадцать один».

До Перми мы доехали на «десятке».

Набрал Марка. Все тот же противный женский голос. Интересно, они конкурс не проводили на самый раздражающий голос? Наверняка что-то такое было.

— Так, пацаны, вам центр надо, — сказал водитель «десятки». — В центр я не повезу. Возле себя выкину на остановке, на маршрутке доберетесь. Лады?

— Угу, — замычали мы с Саней в ответ.

— Ну, давайте, счастливо добраться и пацанов своих встретить...

— Ну, вот мы и в Перми, — улыбнулся Саня, доставая телефон.

Город как город. Тоже мне культурная столица. Хотя спальные районы везде одинаковые. Но не везде же культурная столица.

— Ну что, есть гудки?

— Нет. Саня, мне не нравится это. Давай сфоткаемся. Мы ж в Перми все-таки.

— Ну, не на остановке же фоткаться.

Вот как он так может? Только что чуть не плакал из-за парней, и вот уже «давай сфоткаемся». Сфоткались. Подъехал пазик.

— До Ленина довезете?

— Мы в Москву не едем, только по городу, — ответил приколист-водитель.

— А до улицы?

— До улицы Ленина довезем, запрыгивайте.

— Нормально. — Подмигнул мне Саня и залез в маршрутку.

Мы уселись на заднее сиденье и уставились в окно. Смотреть особо было нечего, но после трассы, по крайней мере, разнообразнее.

— А проезд кто оплачивать будет? Тоже Ленин? — Сердито взглянул на нас приколист-водитель.

— Простите. У нас просто на выходе все оплачивают, — разъяснил я.

— А у нас на входе. И на выходе, — загоготал он.

— Смешно.

Я рассчитался.

— Вы же скажете, когда Ленина будет?

— Как мавзолей увидите.

Да по нему «камеди баттл» плачет.

- Скажу, конечно, — добавил он уже нормальным голосом.
 - Еще не скоро, — успокоила нас старушка в вишневом синтепоновом плаще.
- Как ехали, я не помню. Отрубился почти сразу. В сон ворвался голос Новикова:
- Саня, Саня, вставай. Наша. Выходим.

На улице уже успело стемнеть. Я щурился от фонарей, долго и смачно зевал и кутался в куртку. К вечеру подморозило и было довольно зябко.

- Щас прямо, мимо сквера, и налево, — раскрыл дальнейший маршрут мне товарищ.
- Угу, веди меня, Сусанин, только в лес не уводи.
- Говорю же, мимо сквера.

Дошли мы довольно быстро. Сквер, кстати, ничего так, красивый. Там еще внутри театр какой-то пафосный. Но театры я не люблю, особенно пафосные. А вот с домом двадцать один все вышло не так гладко. Парней, разумеется, возле него не было, но и сам дом был какой-то странный. То ли буквой Г, то ли это было несколько зданий, прилепленных друг к другу и под одним номером. Мы обошли всю букву Г. Никого.

— Обычная административка, — пожаловался Саня. — Могло быть что-то получше для места встречи. Еще и жрать охота. И пацанов нет. И что будем делать?

Если бы я знал, что делать.

- Есть, ждуть, звонить. Что еще мы можем делать?
- Еще и ночевать где, непонятно.

А вот это вообще проблема так проблема. Как-то мы даже не учли, что надо будет искать ночлег. В Саратове ладно, у Марка хотя бы тетка есть, или та же Таня на радостях (если действительно обрадуется) постелила бы нам на коврик в ванной, коридоре или на шкафу, неважно. Но до Саратова еще ехать и ехать и надо где-то спать. На гостиницу у нас денег не было, даже на хостел.

— Ладно, ты пока жди, а я схожу пожрать что-нибудь куплю.

Далеко идти не хотелось, да я и сам не знал, куда идти. По счастью, попался ларек с хот-догами. Я вспомнил про маму, но, во-первых, это не «Макдональдс», а во-вторых, куда было деваться? Я купил по хот-догу и по чаю. Продавщица, пухлая женщина лет пятидесяти в белой, но уже засаленной шапке крупной вязки, пока подогрела сосиски и наливала чай, вздохнула четыре или пять раз, посмотрела на маленький экранчик телевизора, на котором не было ни звука, ни изображения, а только рябь или, как говорят киношники, белый шум, вздохнула еще раз и спросила:

— Ты в технике не разбираешься?

— Ну так, немного. А что?

— Да вот телевизор не показывает. После дождя настройки сбились, или что? Раньше показывал, а теперь вот нет. Настроишь?

— Ну, давайте.

Она протянула мне пульт, я всунул голову и стал переключать каналы. Вернее, я-то нажимал на переключение, но ничего не происходило. Я начал тыкать на все кнопки подряд.

— Ну как? — спросила продавщица хот-догов.

— Что-то он никак не реагирует. Может, батарейки сели?

— Час назад только поменяла батарейки.

— Странно.

Я потыкал еще. Эффекта ноль. Стал разглядывать пульт. Пульт как пульт. «Шарп». Вытащил батарейки. Вроде целые. Постучал их друг об друга, вставил обратно. Нажимаю — не реагирует ящик. Он, конечно, зло, но не рассказывать же ей об этом. Не поймет. Телевизор «Супра». Стоп. Как «Супра»? Ну да, «Супра». А пульт «Шарп». Тадам. Вот мы и открыли преступление века.

— У вас пульт не тот.
— Как не тот? Тот. Всегда все работало. А дождь, проклятый, залил киоск, он и заерундил.

— Ну, он «Шарп», а надо «Супра».
— Не разбираешься, так и скажи, — ответила продавщица, забрала пульт и протянула мне пакет с хот-догами. — А то пульт не тот.

— Спасибо, — сказал я, забрал пакет и чай и отправился к Новикову.

— Вне зоны действия сети, — вздохнул Саня, отхлебывая чай.

— Хреново.

— Не то слово. Съездили в Саратов.

Да уж, обрадовались, что автостоп — это легко и круто, что мир не без добрых людей, а тут получается, что это еще и очень опасно.

Съели хот-доги. По телу разнеслось приятное тепло, снова захотелось спать, но спать было негде.

— У меня телефон уже садится, — пожаловался Новиков.

— У меня пока что нет. У тебя никого знакомых в Перми нет?

— Не-а.

— А если подумать?

— Ну, где я их возьму, если нет? У тебя у самого нет?

— У меня — точно нет. У меня только одноклассник из Перми. Но он у нас живет.

— Может, позвонишь ему? У него тогда точно есть знакомые.

— Ага, позвоню. Только мы не общаемся, и у меня его телефона нет.

И тут как затрезвонит телефон Новикова.

— Марк, твою мать, есть, да, алло, алло!

Товарищ чуть не запрыгал от радости, да я сам едва не пустился в пляс.

— Понял, понял. Ждем, — говорил и кивал головой Саня. — Мы так волновались, просто жесь. Все, давай, давай, ждем.

И товарищ улыбнулся так, что и у меня на душе стало легко и приятно, словно Боженька босиком по сердцу прошелся.

— Что случилось-то?

— Да, короче, какая-то передряга была, он не стал рассказывать, но щас они уже едут, проехали Села, и скоро будут, просили подождать.

— Тогда поперли куда-нибудь погреемся.

— Пошли в магазины.

И мы погрелись в обувном, потом в музыкальном, Саня даже на гитаре попросил побренькать. Играть он, конечно, не умеет. Выдал три простеньких аккорда, но хоть время потянул и оправдал наше присутствие, а то продавец уже с подозрением на нас поглядывал. Мы вернулись к домам двадцать один встречать парней.

Парни появились через десять минут. Оба молчаливые. Олег-то ладно, он всегда такой, хотя даже для него слишком мрачно выглядел, а вот Марк уж совсем непривычно был загадочен. Саня кинулся их обнимать, вручать остывшие хот-доги.

— Вот вы нас напугали.

— Мы, это, сами напугались, — сказал Олег, зачем-то дунув на чай.

— Так себе зданьце, — заметил Марк. — Может, пойдём отсюда?

— Там рядом парк.

— Мы заметили.

В парке было уютно и немноглюдно. Марк рассказал об их злоключениях...

— Надо с ночлегом как-то решать.

— В смысле?

— В прямом. Мы же не пойдём щас на трассу. И где нам ночевать?

Марк озадаченно посмотрел на меня.

— Может, у тебя есть кто здесь? — уточнил Саня. — У нас вообще никого.

— Есть один, Антон, только он сто пудов с обратным визитом приедет, еще и с родственниками. Нас же четверо.

— Да по фиг. Разместим, — улыбнулся Саня. Лишь бы щас к себе пустил. А то холодно уже.

Антон и правда оказался не самым добродушным хозяином. Хотя чего еще было ожидать? Любой нормальный человек прифигел бы, когда к нему под ночь заявился бы не брат, не девушка и даже не лучший друг, а просто хороший приятель из другого города, которого он черт знает сколько не видел, да еще с тремя мужиками, и, мило улыбаясь, заявил, что им негде ночевать, поэтому вся надежда на него. И тут либо он, либо вокзал, либо обезьянник. Короче говоря, смотрел на нас этот худющий лысеющий Антон, как на главных инженеров-конструкторов АвтоВАЗа, и решал: убить нас сразу или долго и мучительно, доставляя себе максимальное удовольствие.

— Кто так делает? — резонно заметил он. — У меня вообще ремонт. — Но все же нас пустил. Вернее, не всех, а Марка и Олега. А нас с Саней отправил к еще одному знакомому — Вадику — в другой подъезд. Вадик был низкий, плечистый и накачанный, с тонкими губами и агрессивным бульдогом.

— Лает и не кусает. — Представил нам своего пса Вадим. — Хотя может и укусить, — добавил он, улыгнувшись.

Мы с Новиковым неловко улыбнулись в ответ.

— Че, пацаны, путешествуете?

— Ага, в Саратов едем, — ответил Саня, стараясь не шевелиться и не злить пса.

— Вместе, пацаны, путешествуете?

— Да. — Новиков испуганно смотрел на меня, но что я мог сделать?

— Ну, ладно, че, располагайтесь. — Не стал мучить нас допросами Вадим, смачно рыгнул и пошел к себе в комнату.

Мы переглянулись. Саня тяжело вздохнул.

Вадим вышел из комнаты с матрасом, подушками и пододеяльником.

— Одеяла лишнего нет, не обессудьте. Укроетесь пододеяльником. — И вручил это все богатство мне.

— Да вообще не вопрос.

— Ладно, спать пойду. Вы тоже, пацаны, ложитесь, вам же рано вставать.

Мы закрыли дверь и лежали на матрасе.

— Саня, ты спишь? — спросил я, рассматривая в окне неполный глаз луны. Спать на самом деле хотелось, и очень. Но то ли эта проклятая луна, то ли новое место, то ли еще что-то не давали погрузиться в царство Морфея.

— Нет, — заворчал товарищ.

— Как-то странно, да?

— Что странного?

— В первый раз с тобой спим вместе, на одном матрасе.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Почему нет? Сегодня был сложный день.

— Да, непростой, — ответил товарищ и уже через минуту засопел, как пузатый еж. Я сам практически тут же отрубился.

Утром мы стояли на трассе. Я и Олег. Парни уже были в дороге, а нам все как-то не везло. Пытались стопить по очереди. Но на Олега вообще не реагировали, а я затормозил «Волгу», но без денег мужик везти не хотел. Бог ему судья. Мы прошли уже километра три. Было холодно и хотелось спать. Я в очередной

раз стал сомневаться, правильно ли, что я все это затеял, да и из Олега собеседник неважный. С Саней мы хотя бы ржали или орали. Не знаю, каково придется Тане, единственное, что он может оказаться пылким любовником и все такое. И тогда им и разговаривать не особо-то нужно будет.

И тут как остановится «бэнтли». Ну, не «бэнтли», шучу, конечно, но какая-то вполне неплохая бэха. Новиков бы в слюнях захлебнулся. А если бы еще за рулем сидела шикарная молодая блондинка... Но о таком и мечтать не приходилось. На трассе даже если девушки и ездят, останавливаться они не решатся. В общем-то, правильно.

Водитель довез нас до Воткинска. Саня непременно бы переделал его в Воткинск, сам бы посмеялся, восхитившись своим остроумием, и заявил, что от Воткинска до Ижевска гораздо ближе.

Олег же только чертил в блокноте и изредка поглядывал в окно. Я бы тоже волновался, можно сказать, судьба у человека решается. Ну, или просто он аутист. Таких сейчас тоже немало.

В Воткинске перекусили в закусочной. Олег схватил чебурек, будто лет двести не ел, и яростно кусал его, брызгая горячим соком. Сок тек по его тонкому подбородку, как капли дождя по стеклу, но Олег не обращал на него никакого внимания. Мне снова стало как-то не по себе. Чебуреки добавили нам сил, поэтому четыре километра по трассе мы прошли так же уверенно, как наши спортсмены на церемонии открытия Олимпийских игр. А вот дальше уже мы шагали, как те же спортсмены, только на соревнованиях. Олег-то еще ничего, а вот я едва-едва не развалился с непривычки. Ноги ныли от холода и усталости, спина разламывалась на части (надо больше сидеть и лежать возле ноута), голову будто Валуев руками сдавливал, проверяя вместо арбуза на спелость. Словом, ЗОЖу и не снилось.

А потом Олег застопил синюю «ладу калину», и мы под веселые и нестареющие хиты 90-х доехали до Ижевска. Водила нас даже до самого центра довез.

— Найдете, тут рядом. — И уехал, подпевая «Белые розы» Юре Шатунову.

Парни уже ждали нас на пустыре.

— А где двадцать один?

— А вот представьте себе, товарищ режиссер, есть девятнадцать и есть двадцать три, а между ними пустырь.

— Нда, что-то не очень нам везет с местом встречи.

— Вы давно тут?

— Три часа.

Ижевск, конечно, неплохой город. Хотя по сравнению с нашим любой город неплохой и даже прекрасный. Солнышко пригревало, настроение было хорошим, поэтому мы решили прогуляться по центру и снимать местных фриков. Было не очень-то многолюдно. Побольше народа, конечно, чем у нас, но не так чтобы уж очень. Не Москва, как сказал бы Саня.

На деревьях тряслись последние самые крепкие и стойкие желтые листья. Казалось бы, все: осень, хана, а они все равно боролись до последнего. Так часто лысеющие мужики стараются сохранить хотя бы три волосинки, не готовы мириться с тем, что они уже никогда не будут прежними. Хотя чего волосы-то жалеть? Они либо поседеют, либо выпадут. А вот деревьям эти островки увядшей юности вполне шли. Голые деревья выглядят устрашающе. Люди не улыбались. Страна у нас такая. Улыбчивые люди либо слишком молодые еще, либо приезжие, либо просто больные.

Город немолодой по сравнению с нашим, поэтому и посмотреть есть на что. Речка ничего такая, парки, храм какой-то, короче говоря, есть где погулять, не зря заехали. Мы сидели на набережной, ели пончики и пили лимонад «Буратино».

— Как в детстве! — радовался Саня.

— Хорошо, — вдыхая речной воздух, восхищался Марк.

Чистенько, цивилично, облагородили все, газончики, цветочки. Чайки летают, парочки, студенты прогуливаются, мужик какой-то бородатый в зеленой вязаной шапке на велосипеде. Все как надо, в общем.

— Может, не поедем никуда?

Мы с Олегом бросили испепеляющий взгляд на Новикова.

— Нет, ну а что? Красиво же. — И отхлебнул «буратинки».

— Красиво. Но в Саратове вообще красиво должно быть. Там Волга.

— И Таня, — добавил Олег.

— Ну да, да, — согласился Саня. — Поехали.

И мы поехали. До Казани было всего триста километров или даже меньше, так что к вечеру по-любому должны были добраться.

Пришла очередь ехать с Марком. Я отдал Сане камеру, он тут же принялся снимать, себя, трассу, Олега, нас с Марком, снова себя и трассу.

Мы отправились вперед, оглядываясь и угорая, Новиков кривлялся, танцевал, как моряк Папай, и махал нам рукой. Правда, уже спустя пять минут Саня махал нам из белой «девяносто девятой», промчавшейся мимо на полном ходу, затем резко затормозившей и медленно задом подъехавшей к нам.

— Запрыгивайте, — скомандовал товарищ, — Айрат не против.

Субтильный парень лет тридцати кивнул в знак согласия. Мы запрыгнули и полетели дальше по трассе. Вот так Новиков, вот так ас! Действительно крутой стопщик. Вдвоем-то не так просто затормозить машину, а он не то что вдвоем, он целый салон стопщиками забил. И я с гордостью посмотрел на Саню, который продолжал снимать нас, Айрата, дорогу, встречные тачилы.

Айрат оказался диким матерщинником, он материл все: дальнобои, не дающие себя обогнать, плохие участки трассы (а их было достаточно много), ремонтников, «ни хрена не парящихся», друзей, родственников, дождь, не к месту и не вовремя начавшийся.

— А че в Казани-то? — спросил он в перерывах между ругательствами.

— Проездом, — ответил Саня. — В Саратов едем.

— А там что?

— Да вот Олега везем. Кино снимаем.

— Кино? — Дальше снова мат. — Вам че, делать больше не хрен? — И еще немного мата.

— А ты чем занимаешься? — полюбопытствовал Новиков.

— Монтажник, — и еще совсем немного мата.

— На стройке работаешь?

— Кабло прокладываем, кондеи устанавливаем — всего понемногу.

— И много зарабатываешь?

Мат то ли из-за очередного плохого участка дороги, то ли в ответ о зарплате.

Переспрашивать никто не стал.

— А кино — ну так прикольно. У нас теперь полгорода решило кино снимать после нас, — заговорил Новиков уже на ровном асфальте. — Да, Саня?

— Да, — подтвердил я. — Кино у нас теперь полгорода снимает. Но они просто так, а мы Канны должны выиграть.

— Канны? — переспросил Айрат.

— Каннский фестиваль, — уточнил Марк.

Мат, еще мат и еще.

— Вы дикие, — закончил фразу монтажник Айрат.

Потом мы поговорили о политике, о том, как много «покемонов», долбанутых и просто дебилов на этом свете, неумелых водил, которые понакупают права, а ездить и соображать не умеют, потом из-за них еще уверенные и нормальные водители, как Айрат, попадают в аварии. Он сам три раза становился участником ДТП из-за этих криворуких. А уж девушки за рулем — это вообще швах, поэтому он свою никогда за руль не посадит и вообще на километр на подпустит к любимой машине.

— Куда вам? — спросил Айрат на въезде в Казань.

— А улица Ленина далеко?

— В центре, наверное, как и везде, — предположил Марк.

— Не, в центре нет. На окраине где-то. Че вам, на Ленина, что ли?

— Да нет. На хрена нам на Ленина, если мы все вместе. Тем более не в центре. Где-нибудь в центре тормозни, если несложно, — попросил я.

— Несложно. А че в центре?

— Погулять хотим.

— А-а-а. Ну да, у нас есть погулять. В Кремль ходите.

— Обязательно.

Как и обещал, он тормознул недалеко от центра. Мы вылезли из машины, а Саня долго жал руку Айрату и что-то втирал по-тихому. Айрат что-то ответил, Новиков что-то записал в телефон, еще раз пожал ему руку и подошел к нам.

— Телефончик, что ли, взял? — пошутил Марк.

— Почти. — Загадочно ответил Саня.

— Ну давай колись, — не унимался Марк.

— Короче, он сказал, можно у него переночевать, и дал адрес, только сказал водки взять и пораньше прийти, ему в шесть утра за руль садиться.

— Да ладно?

— Ну, серьезно. Водки и огурцы. Ночевать-то надо где-то, опять же никто не подумал.

— Кроме тебя.

— Это, я водку не буду, — осторожно предупредил нас Олег.

— Да никто не будет, — загоготал Новиков.

Если Ижевск показался прекрасным городом, то Казань была просто шикарна. К юбилею, понятное дело, ее вообще разукрасили так, что можно только завидовать. Да еще и вечером в свете фонарей она казалась какой-то волшебной.

— Обалдеть красиво! — увидев Кремль, сказал Новиков и, очарованный, застыл на месте.

— А ты в Ижевске хотел остаться, — подколот его я.

— Ну, да, да, тупанул, — согласился товарищ.

— Были б все города такие, — не унимался Саня, — а что у нас, Москва, Питер, вот Казань еще.

Поехали мы на метро. Сначала, конечно, Кремль облазили, а потом уж спустились в подземку. Не буду описывать Кремль, это ж не путеводитель для путешественников, захотите, сами съездите, оно того точно стоит. А метро, «конечно, не московское, даже не питерское». Мы выходили на каждой станции, снимали, фоткались и ехали дальше. Новиков постоянно кричал: «Мы в Казани!». Кто-то улыбался, глядя на Саню, но большинство презрительно закатывали глаза. Мы с Марком просто угорали, но что самое удивительное, так это то, что даже Олег повеселел и иногда негромко повторял вслед за Новиковым:

— Мы, это, в Казани.

Потом мы вылезли на какой-то станции.

— Здесь так красиво, что о конце света не хочется даже думать, не то что верить и ждать, — сделал очередной вывод Новиков.

— А тут никто и не верит, — усмехнулся Марк. — Здесь вообще странная атмосфера. Даже на совок всем плевать.

— Почему это? — спросил я.

— Ну, как! Везде улица Ленина в центре. Это ж вождь и все такое. А у них на окраине.

— Ага, а еще с Ленина всегда рядом Советская, — поделился своим наблюдением Новиков.

— Но здесь классно. Я бы даже сюда переехал, — сказал Марк.

— Я бы тоже, — поддержал его Саня.

Да и я бы тоже.

А Олег разглядывал свои ботинки.

— Ну что, за водкой? Нам еще к Айрату добираться.

— Как ты его так уломал?

— Да просто попросил. Нормальный мужик просто. Сказал, одна комната, но все уместится.

Мы взяли две по ноль пять, огурчиков, сок для Олега и пельмени.

— Водка и пельмени — вообще классика, — радовался Новиков.

— Да ладно? — удивился Марк. — Я два раза в жизни всего так ел.

— А мы постоянно с батей под водочку пельмени едим. Только свои, конечно.

— А я думал, вы только картошку едите.

— Не смешно, Саня.

— А че, у Айрата девушка его не будет против?

— Ну, нет, наверное.

Девушки у Айрата не было. Он стоял перед нами в семейках, зевал и почесывал живот.

— Я думал, уже не придете. — Немного мата.

— Пришли. — Улыбнулся Новиков.

— Водку взяли?

— Ага, и пельмени, — ответил я и протянул Айрату пакет.

Хата у него оказалась похуже моей. Сортир с ванной совмещенные, газовая колонка, кухня маленькая, еще и засрано не хило, и сигаретами пахло, но зато бесплатно и не на улице.

Саня принялся варить пельмени, Марк открывал огурчики, Олег ушел в туалетованную, а я решил посмотреть отснятый материал. Я же как никак был режиссером, правда, за последние два дня все меньше и меньше хотелось думать про это и просто наслаждаться нашими, может, и не самыми крутыми в мире, но вполне ничего себе приключениями. Новиков, трасса, снова Новиков, теперь Новиков пляшет, водители, Олег, мы с Марком. Как-то надо еще будет это все монтировать.

— Саня, — раздался голос товарища из кухни.

— Саня, твою мать! — Тут же подхватил эстафету Айрат.

— Все готово. Идем. — Это уже Никулов.

— Это, идем.

— Да иду, — рывкнул я, ставя батареи и телефон на зарядку.

Пельмени дымились, как люки на морозе. Их перцовый аромат (а Саня любит все перчить), щекотал ноздри и усиливал слюноотделение. Есть и так хотелось, а тут такая красота. А с водочкой и подавно.

— За знакомство! — на правах хозяина произнес тост Айрат.

Мы быстро чокнулись, выпили, закусили огурчиками, и стало так хорошо, так приятно и тепло, что можно было забыть обо всем на свете. О Тане, о Валентине, ютубе, фильме, полочке и этом чертовом апокалипсисе. Лишь бы вот так пить

водку на кухне в Казани с монтажником Айратом, есть эти божественные пельмени, а Новиков их каким-то чудесным образом сварил, так, что по-другому и не назвать, ржать, как кони, и чтобы это все никогда не кончалось.

Но сначала кончились пельмени, затем огурцы и, наконец, водка и сок Олега. Айрат раздобыл, стал материться не так агрессивно, признал, что идея с кино не такая уж и плохая, и, обняв Марка, сказал, что уважает нас. Мы хотя бы что-то интересное делаем, а он уже пять лет прокладывает этот кабель по потолкам, стенам и крышам, и никаких перспектив, и уже просто блевать хочется от этой рутины и однообразия.

Саня кинулся снимать его откровенный монолог, показывал большой палец руки и сказал, что если запикать в нужных местах, то это будет один из самых сильных моментов фильма.

— А ничего, что я режиссер?

Но Новиков не ответил.

Айрат выделил нам матрас и спальник, мы разложились возле его дивана и тут же повалились спать.

— Желательно без храпа, — сказал Марк. — Я вот не храплю.

И первым дал храпуна, вслед за ним в дуэт включился Саня, ну а громче всех храпел Олег. Вот это для меня оказалось удивительным. Он еще даже как-то подрыкивал и раскидывал руки, как сеятель. Ох, Таня, ну и принц же к тебе едет.

Спалось, кстати, неплохо. Не помню, что снилось, но проснулись мы бодрыми и в хорошем настроении. Саня даже подобие зарядки сделал и побежал жарить яичницу, Айрат почистил лук и тут же съел его, даже не поморщившись. А мы с Марком тупо валялись и обсуждали монтаж.

После завтрака Айрат отвез нас до трассы, матернулся на прощание и сказал, что если что, можем заезжать, главное — водку не самую дешевую брать. Хороший парень, побольше б таких. Да и вообще Казань оставила самые приятные о себе впечатления. Чуть-чуть пафоса убавить, и вообще красота была бы.

До Ульяновска мы снова ехали с Новиковым.

— Ну что, повторим? Ну, вчетвером поедем?

— Мечтатель.

— А что такого? Я же суперстопщик. — И начал танцевать, как Майкл Джексон. Сделал лунную походку, показал еще парочку фирменных движений, остановился и посмотрел на меня недовольно:

— Ты не снимал, что ли?

— Нет, а надо было? Ну давай еще раз. Сниму.

— Неохота уже.

Обиделся. Обидчивый какой.

Минут через двадцать перед нами остановилась старенькая «Волга». Старенький водитель предупредил, что едет только двадцать километров до Набережных Морквашей.

— Ну, и нормально, — одобрил Саня, — все ближе до Ульяновска.

Дед молчал всю дорогу, а ехали мы около получаса. Несколько раз Новиков пытался завести разговор, но он что-то бурчал в ответ и еще крепче цеплялся за руль.

— Рахмат, — сказал Саня на прощание.

Дед хмуро посмотрел на него и молча уехал.

— Суровый бабай, — сделал заключение товарищ. — Он бы нашел общий язык с Олегом. Кстати, как они?

И позвонил Марку.

— Ага, я. А вы как? Едете? Крутые. А мы уже не едем. Стоим возле Набережных Морквашей. Вы давно проехали? Ну, везет вам, че. На чем едете? На «опеле»?

Нормально. Ладно, там увидимся, на Ленина. Ага. На «опеле» едут, — сказал он уже мне.

- Да я слышал.
- Я бы тоже от «опеля» не отказался.
- Да ты бы ни от чего не отказался.
- Не, «запорожец» нам на хрен не нужен.

А ехал как раз «запорожец».

- Что, и стопить не будем?
- Нет, конечно.

И не стал поднимать руку. А зря, потому что за следующие полтора часа проехала всего одна «газелька», которой до нас, замерзших и уставших, не было никакого дела.

— Ну и чего ты не танцуешь? — спросил я у товарища.

— Это потому что ты не снимал. Заснял бы, все было по-другому. Пацаны уже, наверное, к Ульяновску подъезжают, а мы тут торчим.

- А может, надо было попробовать остановить «запорожец»?
- Застопить.
- Ну, застопить.
- Нет. На «зэпе» мы позориться не станем. Пацаны на «опеле», а мы...

И тут как появится дальнобой. Очень странно, но дальнобой практически не останавливались, хотя попадались нам, и немало. Этот остановился. Усатый такой водитель в тельняшке улыбнулся, поправил усы и сказал: «Запрыгивайте».

— Что хлопаешь так? Не дома, чай, — отругал водитель Саню, по привычке с силой закрывшего дверцу.

— Простите.

— Угу. Вы эти, как их? Автостопщики, что ли?

— Да.

— А я всегда автостопщиков беру. Че мне, не давит, и все веселее, да и хорошие дела надо делать. Сегодня я вам помог, завтра вы мне. А, верно говорю?

- Это точно, — поддакнул товарищ. — Усы у вас классные.
- Ха-ха, спасибо.
- У меня вот не растут. Точнее, растут, но как-то жидко, у вас вон какие густые.
- Ряженкой мажь, чтоб густые росли.
- Правда?
- Нет, шучу. Конечно, правда. Я сам в молодости мазал, тоже жидкие росли.
- Спасибо, попробую, — сказал довольный Саня и повторил мне: — Понял, ряженкой надо.

Как будто я не слышал или страдал от того, что у меня не растут усы, как у Боярского.

Потом водитель рассказал про лихую молодость, что носил хаера, орал под гитару «Битлов», правда, это все было до армии, там ему мозги вправили.

- Вы-то где служили? — спросил он, прищурился.
- Мы, так сказать, нигде, — прокашлявшись, ответил товарищ.
- Косили, что ли?
- Я — да, — честно признался я.
- А у меня плоскостопие и сколиоз.
- Не та молодежь пошла, — вздохнул водитель. — Одни косят, вторые больные. В наше время за человека не считали, если ты не служил, долг Родине не отдал.
- Тогда другое время было, — резонно заметил Саня.
- И армия, — добавил я.

— Время всегда одинаковое. Что тогда, что сейчас. Я уже двадцать пять лет ба-ранку кручу, президенты менялись, строй менялся, даже название поменялось, был СССР, стала Россия, а дороги ни хрена не меняются, и люди не меняются, как бы-ли дерьмо, так и остались.

— Пряма как дедушка мой, щас говорите, — сказал Саня.

— А, — отмахнулся от него водитель. — Что там говорить? Такую страну про...ли. А теперь и служить некому. Америка нас в два счета накроет.

— Не накроет, — возразил Новиков.

И зря он это сделал, потому что все оставшееся до Ульяновска время мы слу-шали лекцию о том, какие мы все ничтожества, и что нам доверить ничего нельзя, и что в древней Спарте таких, как мы, сбрасывали со скалы, а теперь не только не скидывают, так еще и такую великую страну нам оставили, а потом и спрашивать не с кого будет, потому что с таких убогих можно взять-то вообще. Короче говоря, весь этот постсоветский бред. У нас с Новиковым чуть уши в трубочку не сверну-лись. А потом я подлил масла в огонь очередным вопросом:

— Скажите, а вы верите в апокалипсис?

— Конечно, верю. Конечно. А как не верить? Он же сейчас и идет.

— Сейчас? Уже? — удивился товарищ.

— Конечно, уже. А как еще это все назвать, если не апокалипсис? Нам же скоро кирдык.

— 21 декабря 2012 года? — уточнил я.

— Да какого 21 декабря? В любой момент америкосы жажнут по нам, и кирдык. А тут еще и Северная Корея вооружаться начала, и Китай.

— Очень оптимистично.

— А мне не с чего оптимистом быть. Я реалист. Это вы живете, ни хрена не думаете, а на нашем веку столько войн было, что вам и не снилось.

— Мне иногда снится война. Ну, такая, по типу Второй мировой. И я там партиза-ню и валю всех, — стал рассказывать Новиков, но осекся.

— Валит он всех, — пробурчал водитель, — с плоскостопием и сколиозом.

— Ну, это ж сон. Во сне-то можно.

— Во сне-то можно, — передразнил его водитель. — Отправить бы вас на учения для начала, я бы посмотрел, сколько ты там в штаны навалишь.

И впервые за долгое время он засмеялся над собственной «доброй и непошлой» шуткой.

У Сани заорал мобильный.

— О, Марк. Алло. На месте уже? Ну вы молодцы. А мы едем еще. Сколько еще? — спросил он водителя.

— Килóметров сорок.

— Короче, нам еще час где-то. Так что погуляйте пока, повеселитесь. — И убрал телефон. — Пацаны наши. Мы вчетвером едем. Разбились, чтоб удобнее было, — разъяснил он водителю, хотя тому было явно по барабану.

— Не, разбиваться у нас не очень хорошая примета. — И опять давай надры-вать кишки и усы подкручивать.

— Мы по парам. — Надулся Саня.

— Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой пивовары.

Умеют же люди раздражать. Хорошо хоть до Ульяновска оставалось недолго. Потом он снова переключился на дороги, на молодежь, правительство и футбол.

Саня даже периодически поддакивал, а я потерял интерес к его тираде еще на правительстве. Если бы все были такими, то апокалипсис — это реально спасе-ние, а не наказание.

— До Ленина сами доберетесь, мне дальше ехать, — сказал он на прощание.

— Спасибо, доберемся, конечно.

— Сомневаюсь. — И укатил.

— Чтоб у тебя усы поседели, — крикнул я ему вслед, — и выпали.

— Жесткий ты, — улыбнулся товарищ. — Ну что, где тут улица Ленина?

В Ульяновске улица Ленина в центре, как и должно быть по идее.

Мы стояли напротив кирпичного двухэтажного домика, а парни махали нам с противоположной стороны дороги.

— Добрались наконец-то?

— Как видите.

— Ну, вот хоть раз нормальное здание попало.

— Ага.

— Как вам Ульяновск? — спросил Саня.

— Да норм. Особо не смотрели. На набережную сказали сходить.

— Да тут теперь везде набережные. Волга же.

— Ну да, а больше смотреть нечего.

— Не Казань. Короче, — сделал заключение Новиков.

И мы пошли искать набережную. Хотя что там ее искать? Волгу почти отовсюду видно. Только мы, разумеется, пошли не туда. Надо было вниз, а мы поперлись наверх, надо было сворачивать налево, а мы повернули направо и оказались на улице Карла Маркса.

— Улица Карла Маркса. Тут все такое совковое. И улицы убитые, — недовольно сказал Саня.

— А как ты хотел? Это ж родина Ленина.

— Да ладно? Серьезно?

— Конечно, — ответил я. — Ты думаешь, почему Ульяновск?

— Короче, Ленин был Ульянов на самом деле. Это-то хоть знаешь?

— Это-то хоть знаю, — обиделся товарищ. — Только забыл.

И мы как давай ржать на всю Карла Маркса. Даже Олег подхихикивал.

— Че вы? — возмутился Саня. — Можно подумать, ты помнишь, что Ульянов-Ленин, и Ульяновск в честь него назвали, — стал выговаривать он Марку.

— Вообще-то знаю и помню.

— Это, поесть неплохо бы.

Кафешка оказалась ничего такая, уютненькая, хоть и маленькая, и в подвале. Народа немного, середина дня все-таки, и цены невысокие. Мы взяли по пиву, Олегу чай, ну и пожарать: мясо с рисом и салаты. Саня подмигнул рыженькой официантке, но она что-то была не в духе. Наверняка ее достали этими подмигиваниями и пошлыми шутками и намеками. Но девушка и правда была симпатичная, фигуристая, розовощекая — кровь с молоком, как говорили раньше.

Пока готовился наш заказ, Новиков поднялся со стула и стал разглядывать стены и картины.

— Опа, а Гашек-то писатель, — очень скоро сделал открытие он.

— А ты и тут не знал, — подколот его Марк.

— Не-а, а ты прям знал?

— Знал.

Пришла официанточка, принесла пиво и салаты.

— Ну, за нас, — сказал Новиков и выдул чуть ли не всю кружку сразу.

Неплохое пиво, хотя и разбодяженное. Салаты тоже вполне, а вот мясо и рис не очень суховаты. Олег, правда, съел все и не поморщился даже. Мясо так вообще уплел за милую душу. Марк ковырялся зубочисткой во рту, а вот Саня не оставлял попыток завести разговор с официанткой, только она была неприступна.

— Девушка, а вы читали Гашека?

Девушка покачала головой.

— А разве можно работать в заведении «У Гашека» и не читать, — посмотрел на стену, — Ярослава Гашека.

Девушка пожала плечами.

— А вы любите кино?

— Люблю, — неожиданно ответила она.

— Ульяна, — похвалился на улице Новиков и помахал чеком.

— Это, тыща шестьсот, — прочитал Олег.

— Да не тыща шестьсот, а номер, номер. Восемь девятьсот семнадцать. Ясно вам?

— Ясно. И что тебе им делать-то?

— Как что? На обратном пути заеду, созвонимся. Сказал, что в кино ее сниму.

— Не в нашем хоть?

— Да просто на камеру, она и знать не будет.

— Ну, молодчик, че, — похвалил Марк. — Ульяна из Ульяновска, прикольно.

После еды гулять было лениво, но мы все-таки дошли до набережной.

— Не, что-то не очень. Волга, да, крутая. Но в Ижевске набережная покруче будет.

— В Ижевске зато нет Ульяны, — сострил Никулов.

На этом наше знакомство с Ульяновском закончилось. Новиков вздыхал, вспоминая рыжую Ульяну, Олег вздыхал, вспоминая Таню, Марк вздыхал за компанию и вспоминал Ольгу, а я вспоминал полочку, потому что Валентину мне вспоминать не хотелось. Вот не хотелось, и все, только все равно вспомнил. Начал думать, как там ее орнитофобия, носит ли еще каску, как ее эфиры и все в таком духе. Вот что за город? Хотя он, может быть, был и ни при чем.

Теперь на очереди была Сызрань. До нее ехать было совсем немного — почти сто пятьдесят километров, но ехать их надо было с Олегом, а это значило, что веселье мне было обеспечено на все сто процентов.

Парни утопали вперед, а мы стояли, смотрели друг на друга и молчали. Олег достал шарф, а я не отводил от него глаз. Это очень напрягало Олега, но сам не знаю почему, я пялился на него и не мог повернуть голову. Машины проезжали мимо нас, а я смотрел и смотрел. Смотрел и смотрел. Что такого было в этом шуплом, весьма странном, я бы даже сказал, ненормальном пареньке, что я вдруг решил, что его непременно нужно снимать в фильме, который ни много ни мало мечта моей жизни, да еще и что нужно свести его с этой загадочной Таней, которой, возможно, и в помине нет. А если это так, то будет очень печально, просто крайне печально. Мы как-никак уже тысячу километров проехали или около того, Саня с работы уволился, но главное, что кино обломится, а ведь сюжет и правда трогательный наклеивается, не «Достучаться до небес», конечно, но все равно неплохой. А тут такой облом, и у меня все внутри сжалось.

— Олег, а ты точно любишь Таню?

Он резко поднял голову, посмотрел на меня, снова опустил и ответил:

— Точно.

— А она точно существует? Или только у тебя в голове?

— Это, точно. Адрес-то есть.

Адрес, я и забыл. ФСБ, в отличие от Олега, не стала бы делиться адресом несуществующего человека.

— А что?

— Да нет, все нормально. Красивый шарф.

— Это, да.

— Тане обязательно понравится.

— Понравится, — повторил Олег.

— «Нива» едет.

Олег поднял руку и затормозил «ниву». За рулем сидел плотный, суровый мужик лет шестидесяти с густыми ржаными бровями и хриплым голосом.

— Здравствуйте, — вежливо улыбнулся я.

— Угу, — прохрипел он в ответ.

— Прямо по трассе не подбросите?

— Угу.

От второго угу по спине пробежал мороз, хотя она и так уже успела замерзнуть. Только отступать было некуда.

— Спасибо. Только мы без денег.

— Угу.

Как будто он сразу решил, что повезет нас в лес, а не по трассе. А вот Олег был вполне расслаблен, если так можно о нем выразиться.

Мы залезли внутрь, мне пришлось сесть на переднее сиденье. Все-таки из Олега даже Цекало в программе «ПрожекторПерисХилтон» не вышел бы, так что отдуваться нужно было мне. Раз денег не платим, то хотя бы разговором развлечь должны.

Но он не очень-то хотел слушать мой треп о Казани, и что в Ульяновске мы встретили девушку, и она оказалась Ульяной, и что удивительно, что страна у нас одна, а города выглядят так по-разному, что возникают сомнения, одна ли у нас страна, что я не думал о том, что у нас так много добрых людей, способных вот так остановиться и подобрать незнакомцев, Айрат даже ночевать у себя разрешил, и что название Сызрань очень интересное, похожее на что-то мокрое, слякотное и утреннее, и что в нее надо ехать с утра, а мы вот едем ближе к вечеру.

— Угу, — повторял каждый раз водитель с густыми бровями, а потом и вовсе вздохнул и включил Высоцкого.

И мы слушали про «Порвали парус», «Бег на месте», «Скалолазку», «Рай в шалаше» и что-то еще. И стало как-то неожиданно уютно и легко на душе и немного неудобно перед водителем за нехорошие мысли о нем. Вот так бы ехать и ехать на этой «ниве» под песни Высоцкого и никогда не останавливаться, никогда-никогда. Вот такой апокалипсис меня вполне бы устроил. Не думал даже, что у Высоцкого так много по-настоящему хороших песен.

В Сызрань мы приехали первыми. Улица Советская была в центре, недалеко от вокзала, а вот Ленина, как нам объяснил местный старичок, на другом берегу.

— Поселок Засызранский.

— Какой?

— Засызранский. Ну, чего ухмыляйся?

А я реально стал ржать. Ну и название. Засызранский. Похлеще Урюпинска. Даже Олег слегка улыбнулся.

— Речка Сызранка, а он за ней. Вот и Засызранский.

— Понятно, — ответил я и все равно не мог успокоиться.

— На маршрутку сядете, до Охотной доедете, а там недалеко, быстро найдете.

Быстро найдете. Вот угораздило нас выбрать эту чертову улицу Ленина. Только в Ульяновске нашли без проблем и здание нормальное. А тут поселки, пустыри, дома буквой «Г». Вот что нам в этом поселке делать?

Пока добрались, уже начало темнеть. Еще и блуждали по этому поселку. Строят у нас, конечно, вообще непонятно как. Такое ощущение, что по геометрии у всех, как у меня, стабильная тройка была.

— Это, вот Ленина.

— Да вижу, вижу.

Одиннадцать, тринадцать. А дальше ничего. На углу Застенный переулок, 32/19. А Ленина нет. Проходим дальше еще один угловой, а следующий Ленина, 23.

— Как так?

— Это, не знаю.

— А где дома? Пятнадцатый, семнадцатый?

Олег развел руками. Нет, дома-то есть, но туда дальше, вглубь, и у всех Застенный переулок.

— Может, дробь все-таки к Ленина относятся?

— Это, может.

— Так-то логично даже получается. Там девятнадцать, тут двадцать один, а тут уже просто двадцать три, типа не на углу же. Только Ленина почему не написано?

— Не знаю.

— Руки оторвать таким строителям и архитекторам.

И тут появились веселые сызранские парни. Ну, такие широкоплечие, суровые, с неполным набором зубов. Встали в сторонке, поглядывают. Потом еще один подошел, их стало пять.

Я сразу почувствовал неладное. Чертова улица Ленина. Один бы я еще мог дать деру. Хотя не особо-то побегаешь в незнакомом районе, а с Олегом даже и попробовать не стоило. И в подтверждение моих слов самый низкий и широкий из них негромко сказал:

— Вы че здесь третесь?

— Это, мы? — спросил Олег.

— Не мы же.

— Дебил какой-то, — усмехнулся товарищ низкого в коричневой дубленке.

Олег пропустил его слова мимо ушей и пояснил:

— Ленина, двадцать один ищем. У нас тут, это, встреча.

— Ага, с нами, — и заржали.

— Это, не с вами.

— Вы откуда такие долбанутые?

— Не местные мы.

Вот кто, кто просил тебя отвечать? То молчал, как пень, а то прорвало. Не пожар же теперь орать? Или все-таки орать?

И опять диафрагму напрягают. Затем подошли к нам спокойно, окружили, молча сняли рюкзаки, и тот, что самый говорливый, типа бугор их, начал изучать содержимое. Прекрасный город Сызрань. Лучший на свете.

— Это, — начал было возмущаться Олег, но парни жестом показали тихо, и он умолк.

— Хрень, хрень, хрень. — Стал разбрасывать мои вещи низкий и дошел до камеры. — А вот это уже поинтереснее.

— Камеру не отдам. — Я уже не мог молчать. — Мобилу берите, а камеру не отдам.

— И мобилу отдашь, куда без этого? — ухмыльнулся, блеснув золотым зубом, низкий. — И все, что скажем.

— Ну-ка погодь, Тихий, — остановил его сутулый парень в кепке. — Не ты, случаем, пацан из «зомби-домино»? — обратился он уже ко мне.

— Случаем, я.

— А я смотрю, рожа знакомая. Реально ты, что ли?

— Да, реально я.

— Знакомый твой? — спросил еще один сызранский хлопец.

— Да не с ютуба. Видос лям просмотрев набрал. Не зыпали, что ли?

— Ваще никак.

Я стал изображать пантомиму нашей драки с зомби-летчиком. Парень в кепке убедился, что это я, и заулыбался:

- Точняк ты. А к нам как?
- Да мы проездом. В Саратов едем.
- О, у меня тетка в Саратове.

У всех прям тетка в Саратове.

- Так че делать-то будем?

Повисла пауза. Олег оглядывал всех по очереди, я улыбался, как ненормальный, сызранские хлопцы пожимали плечами.

- А че, там у вас реально все было, без подставы? — спросил меня парень в кепке.
- В смысле?
- Ну, в ролике этом вашем? Типа реальная съемка или готовились, репетировали?
- А нет, не репетировали. Все реально. Так и было.
- Прикольно.
- Так че делать будем? — не унимался Тихий.
- Ладно, Толян, пацаны издалека приехали. Вы издалека?
- Ага, — подтвердил я.
- Нехорошо как-то, негостеприимно. Пусть гуляют, с кем вы там встретиться хотели?

— С ними. — Показал рукой Олег на парней, стоящих в сторонке и с испугом наблюдавших за нами.

— Ладно. Хрен с вами, — сказал Тихий. — Гуляйте. Только осторожно, смотрите. Район у нас беспокойный.

- Мы уже поняли. Спасибо, — ответил я, забирая рюкзаки.

И они скрылись так же быстро и незаметно, как появились. Парни же неторопливо подошли к нам.

- Все нормально, товарищ режиссер? — спросил Марк.
- А ты как думаешь?
- Ну вроде да.

— А мы уж в ментовку звонить хотели, — признался Саня.

При слове ментовка Олег напрягся еще больше и вновь стал тихим, как телефон Влада Сташевского, и вытащил из рюкзака шарф.

- Хвала ютубу, все обошлось.
- В смысле?
- Впервые я реально рад, что кто-то посмотрел этот долбаный ролик.
- Не понял. — Почесал репу Новиков.

— Да че тут понимать? Один из быков видел ролик, расчувствовался, что увидел меня живьем, и уболтал остальных не трогать, а так плакала бы наша камера, мобильник, да и мы бы с Олегом, чувствую, тоже недалеко ушли бы.

- Реально, что ли?
- Нет, прикалываюсь.

— Пойдемте отсюда скорее, — сказал Марк. — А то мало ли здесь еще таких веселых парней ходит.

Спорить никто не стал, и в темпе вальса мы ломанулись к остановке. Еще раз повторю, что Сызрань — отличный город, просто прекрасный. Там очень вкусную рыбу продают.

- И че вы так долго тащились? — Наехал я на парней уже в маршрутке.
- Да что-то плохо стопилось.

— Главное, что все живы-здоровы. Да ведь, Олег? — Подключил к беседе Олега находчивый товарищ.

- То, что нас не убивает, делает нас сильнее, — вставил свои пять копеек Марк.
- Ладно, все, проехали. А то и правда, нехорошо как-то ссориться, нам еще до Саратова добраться надо, а уже темно и как-то очень не хочется ночевать на трассе.
- Так, может, здесь где заночуем? — предложил Новиков.
- Не знаю, как ты, а я еще кино доснять хочу. Если здоровья много, можешь здесь остаться, завтра к нам подъедешь. Или подвезут тебя.
- Не психуй, Саня. Тебе не идет. Сегодня так сегодня. Уже тоже охота скорее до этого Саратова доехать.
- Да, — печально согласился Марк. — И жрать охота.
- Да, — вздохнул Олег. — Охота.
- Мы взяли по беляшу в придорожном кафе и вышли на трассу. В городе-то еще ничего, а тут фонарей, разумеется, не было.
- Бесплезняк, — вздохнул Марк.
- Я обратно не пойду.
- Ну, будем мерзнуть и подохнем.
- Не подохнем. Сам сказал, что это только сильнее нас сделает.
- И тут раз — и дальнобой. И еще и остановился. И водитель веселый оказался.
- До Саратова? Легко, — произнес он так, как пишется.
- Затем он пересказал, наверное, все выпуски уральских пельменей, после чего перешел на анекдоты и байки. Честно признаться, я мало что запомнил, так как сперва не особо вслушивался, а потом и вовсе уснул, как младенец. То ли из-за стресса, то ли просто меня сморило в тепле, не знаю, но за нас двоих отдувался Марк. Хотя что там отдуваться? Просто надо было ржать после каждой бородатой шутки.
- В Саратове было морозно, особенно это чувствовалось после теплой кабины с печкой.
- Я позвонил Сане.
- А мы уже в Саратове.
- Молодцы, а нас с Олегом положит.
- Беляши?
- Угу.
- А мы вроде нормально.
- Везет вам. А мой сразу горчил. Короче, мы на заправке. Водила укатил, Олег с унитазом обнимается, но ничего, скоро и мы приедем.
- Ага. Ждем у тети.
- Тетка у Марка была дикая. Невысокая, костлявая, как Баба Яга, с длинным носом и громким и резким голосом. Еще и не могла на месте сидеть.
- Здрасьте, — улыбнулся я.
- Забор покрасьте, — ответила она.
- Теть Марин, не смешно уже.
- Нет слова здрастьте. Есть хорошее русское слово здравствуйте, то есть живите в здравии долго и счастливо, — назидательно разъяснила она.
- Здравствуйтесь! — исправился я.
- Здравствуйтесь, молодой человек.
- Его зовут Саша, — представил меня Марк.
- Очень приятно, Александр. Марина Анатольевна.
- И мне.
- Что и мне?
- Тоже очень приятно.
- Так и говорите.
- Простите. Мне тоже очень приятно.

- Что за молодежь пошла.
- Извините, — попросил за всю молодежь прощения я.
- Марк, ты говорил, вас будет четверо.
- Да, тетя Марин. Они едут еще, скоро будут.
- Что это значит, скоро будут?
- Ну, то и значит, что скоро подъедут.
- Без десяти минут десять на часах.
- Ты же все равно раньше часа не ложишься.
- Есть правила этикета. Это неприлично заявляться в гости после восьми вечера.
- Ну это без предупреждения. Про нас ты же знала.
- Я взрослая одинокая женщина.

Неудивительно, что одинокая, с такими замашками.

- Ну все, соседи увидят, сплетничать начнут.
- И начнут. Начнут. Ты не знаешь эту Марью Васильевну. У нее язык без костей, распространяет слухи, что у меня подпольная организация, готовим заговор против губернатора и самогон паленый распространяем.

— Она просто тебе завидует, тетя Марин. Ты активная, к тебе вон сколько народа ходит, а она тупо на лавочке сидит.

- Что за вон, что за тупо?
- Ну, много.
- Без ну.

— Много. А сидит она правда тупо. Умно бы сидела, книжки читала, а не пургу несла про тебя.

— Может, ты и прав, Марк. Вы устали с дороги, давайте пить чай с облепиховым вареньем.

Терпеть не могу облепиху. Марк тоже скривился и жестами показал, что это просто «вешалка». Ну, тетка его то есть.

- Руки помыли?
- Ну, тетя Марин.
- Я кому сказала. С дороги. Инфекцию мне в дом занести хотите?
- Инфекцию мне занести хотите? — передразнил Марк уже в ванной.
- Я все прекрасно слышу.
- Я все прекрасно слышу, — передразнил он уже шепотом.
- И это тоже.
- И это тоже, — еще тише повторил он.

Тетка молчала.

Облепиху я трогать не стал, а мед был очень вкусный. Я его, только когда заболелю, ем, и то не всегда, а тут с удовольствием съел всю миску. Тетя Марина ничего не сказала, но явно была не в восторге от такого поступка.

- А те, твои товарищи тоже такие голодные?
- Вряд ли они что-то будут есть, — ответил я вместо Марка.
- Это почему же?
- У них с желудком не все хорошо.
- Этого мне еще не хватало. — Всплеснула руками добрая тетушка.
- Тетя Марин, не будь занудой.
- Знаешь что, Марк, в чужой монастырь, как говорится.
- Да, у тебя еще тот монастырь, — пошутил Марк. — Господу помолимся.
- Ой, ну тебя, — смягчилась тетушка. — Все у тебя шуточки. Ну-с, Александр, а вы чем занимаетесь?
- Я свободный художник. В прямом и переносном смысле.

- Не поняла. Разьясните.
- На дому работаю, я графический дизайнер. Оформление сайтов, шрифты, логотипы и прочее разрабатываю.
- И за это платят?
- Платят. Иногда совсем неплохо.
- А что же ты, Марк, не пошел в дизайнеры? Ты же хорошо рисуешь.
- Да где хорошо? Ничего особенного. И потом, мне не очень нравится это мазюкание. Вот фоткать — это да — или видео снимать.
- И что ты получаешь за свое видео?
- Пока ничего, но мы Канны выиграем. Да, Сань?
- Да, обязательно выиграем.
- Мечтатели. А я вот в университете преподаю.
- Русский язык.
- И литературу.
- И литературу, — повторил Марк.
- А вы верите в предсказания майя? — спросил я.
- О конце света?
- Да.
- Глупости это все. Раздули из ничего. Ученые давно уже доказали, что это было заблуждение. Так что не стоит тратить попусту нервы.
- Ух ты, — удивился я, — а я ничего такого не слышал. Откуда у вас такая информация?
- Из газет.
- Вы читаете газеты?
- Конечно.
- И верите тому, что в них пишут?
- Я вам так скажу. Я больше доверяю инженерам из НАСА, чем древним и непонятно на чем основанным глупым предсказаниям. И вам советую. Наука дает точные ответы.
- Но многие предсказания сбываются. У Нострадамуса, например, — возразил я.
- Так, хватит лялякать, — нахмурилась она. — Где твои товарищи, Марк?
- Щас позвоню.
- Щас. Нет такого слова. Сейчас.
- Ну, сейчас. Алло, и че, где вы?
- Че, хоть бы перед товарищем не стыдился. Как из колхоза, честное слово.
- Ага, понял, понял. Ждем. Ну, все. Едут. В такси. Через десять минут будут.
- Вот и прекрасно, надо чайник на огонь поставить. А что это вы так апокалипсисом заинтересовались?
- А мы про это фильм снимаем, — разьяснил Марк. — «То, что нас ждет».
- И что нас ждет?
- Вот это мы и пытаемся понять. Только что-то никто не верит в конец света.
- А с чего им верить? Люди нынче дикие, все хотят что-то урвать, склочничают, сплетничают, воруют, будто один раз живут. Вы, что ли, верите в апокалипсис?
- Я верю. У меня день рождения 21 декабря.
- В один день со Сталиным, — заметила тетушка.
- Кстати, в этом что-то есть, что конец света назначили на день рождения Сталина.
- Бросьте эти глупости. Никто ничего не назначал. Я уже сказала, что ученые все опровергли. Если нам и следует чего-то ждать, то только того, что однажды погаснет Солнце, но это будет еще не скоро, как минимум, через несколько миллионов лет. А Сталин тут и вовсе ни при чем.

— Да, сейчас просто модно винить его во всех бедах. Всеобщее прозрение.
И тут запела спасительная трель звонка.
— Тридцать пять минут одиннадцатого, — сказала тетушка, глядя на настенные часы. — Марья Васильевна вся изведется ждать до завтра.
— Здравьете, — растянул рот в улыбке, как Чеширский Кот, Новиков.
— Забор покрасьте.
— Теть Марин.
— Тетя Марина. Нет слова здравьете, молодой человек, вы уж если опаздываете, так хоть говорите правильно и, прежде всего, извинитесь.
— Это, извините.
— Извините, — сказал Саня и недоуменно посмотрел на меня.
Я развел руками. Что поделать? Зато мед вкусный и есть где ночевать.
— Мойте руки и на кухню. Позже будем знакомиться. Только тщательно мойте, мне зараза тут ни к чему. — И пошла, шлепая тапками.
— Вот так, — прошептал я товарищу.
— Я все слышу.

Может, и не слышит, просто преподавательская уловка. Наверняка студенты без конца болтают на лекциях, обсуждают ее и все такое, а тут врывается такое «я все слышу», и как-то уже неудобно шептаться.

Чаепитие прошло по тому же сценарию. Марина Анатольевна расспрашивала, чем занимаются парни. Удивилась, когда узнала, что Олег кондуктор, сказала, что он похож на ее студента, но еще сильнее удивилась, когда узнала, что Саня уволился с работы и отправился с нами.

— Очень необдуманно, Александр. Очень. В наше тяжелое время надо всеми силами держаться за работу. Мало того, что необходимо покупать продукты и одежду, нельзя забывать о духовном росте, труд облагораживает человека.

— Да какое там развитие? — пожаловался Новиков. — Стоишь и ходишь, стоишь и ходишь. Еще и премию не дают.

А потом он тоже съел весь мед, и это очень огорчило тетушку Марка.

— И это не очень хорошо с желудком, что было бы, если бы с желудком было все хорошо?

— Спасибо большое. Мед очень вкусный.

Хорошо хоть не отрыгнул, а то ведь мог бы.

— На здоровье.

— Это, спасибо.

— А теперь стелиться.

И без того небольшая комната была поделена перегородкой. В тетушкиной половине стояли стол, кровать и тумбочка с телевизором, на стене висели портреты Пушкина, Есенина и постер Алена Делона. В нашей только стул и шкаф, из которого Марина Анатольевна достала постельное белье и два матраса.

— Сами застелете?

— Ну, конечно, тетя Марин, — ответил Марк.

— Спокойной ночи.

— И вам тоже. Спасибо за гостеприимство. — Включил режим любезности Новиков.

— Не стоит благодарности. — И ушлепала за перегородку.

Мы быстренько расстелились и повалились на матрасы. Тетка включила телевизор, убавила громкость, но все равно было слышно.

Нам было не до сна. И совсем не из-за телевизора. Это была особенная ночь, решающая. Может, самая важная в нашей жизни. Гадание, будет или не будет этот чертов апокалипсис, отошло на второй план. Будет свидание Олега и Тани, а значит,

будет и фильм, и получается, что все это я затеял не зря. Внутри меня все бурлило и кипело от нетерпения, сердце колотилось в бешеном темпе, дыхание перехватывало, и казалось, что мозг вот-вот взорвется и разлетится на части. Мне хотелось сорваться и бежать, бежать, бежать. Прямо сейчас, в эту самую секунду, нестись во всю прыть на улицу Чапаева, найти эту загадочную Таню, схватить ее и столкнуть с Олегом лоб в лоб, глаза в глаза. И пусть только попробует отказать, глядя ему в глаза. Да я как дам ей леща. Таня. Только попробуй ему отказать.

И я взглянул на Олега. И мне показалось, что он испытывает то же самое. Он вертелся, брыкался, шептал что-то нескладное, затем застывал на месте и снова ворочался.

Что чувствовали Саня и Марк, я не знаю, но мне казалось, что они тоже ощущают всю значимость этой ночи и тоже наверняка волнуются.

И только я так подумал, как Саня захрапел, как бензопила, запрокинул руки и треснул меня прямо по лбу. Переживает он, как же.

Вскоре и Марк подключился, превратив сольную партию Новикова в синхронный дуэт. Ладно, хоть этот не распускал руки. А мы с Олегом продолжали ворочаться. Еще минут через десять нас уже развлекало трио, причем Марина Анатольевна мощно и проникновенно солировала. Если бы апокалипсис решил всех развести и наступил прямо сейчас, мы бы тупо его не услышали.

Утром солнце светило мне ровно в глаза, хотя мы не были на Кавказе.

— Проснись и пой. — Улыбнулся мне Новиков, сидящий в наушниках возле ноутбука Марка

— С вами фиг уснешь, — пожаловался я.

— Кто бы говорил. Храпел так, что концерт металлики по сравнению с тобой выглядит как детский ансамбль ручеек.

— Да иди ты. Я никогда так не храпел.

— Ну вот, научился.

— А где Марк, где Олег?

— Марк в магаз ушел с Мариной Анатольевной, Олег в ванне, прихорашивается.

А я материал скидываю. Хочешь посмотреть?

— Что?

— Марк, в отличие от некоторых, записал мою лунную походку.

И давай мне показывать и смеяться.

Олег вышел из ванны другим человеком. Реально без всяких шуток. Это был совсем другой Олег. И дело не в том, что он надел брюки и рубашку. У него изменилось выражение лица. Уверенный взгляд, решительные резкие движения, твердый размашистый шаг. У меня чуть челюсть не отвисла. Преображение века, премия Муз-ТВ и «Оскар» на блюдечке. Такому Олегу Таня не должна отказать. Таким уверенным он даже в тире не был.

— Так, это, хорошо выгляжу?

— Ваще отпад, — похвалил Саня. — Прям как этот, Ален Делон.

— Согласен. — Добавил я.

— Угу. Это, быстрее давайте.

— Так а че быстрее? Мы ж вечером все равно пойдем.

— Вечером, — подтвердил я.

— Я, это, пройтись хочу.

— С мыслями собраться? — подсказал Саня.

— Угу, с мыслями. — Резко схватился за карман Олег, как будто кольнуло в ногу или что-то едва не выпало из него.

— Так погуляй, че.

— Ну да, — согласился он. — Только, это, ключа нет.

— Ключа нет, — повторил Новиков. — Ну, терпи, как они вернуться.

Олег сел на стул и застыл, как статуя. Жутковато было смотреть на него, особенно на контрасте с довольным Новиковым.

— Олег, а ты не хочешь посмотреть? — спросил Саня, протягивая ему ухо наушника.

— Это, нет. Не хочу.

— Так ладно, я в ванну, — сказал я и ушел.

А как вышел, Олега уже не было в квартире. Марина Анатольевна разбирала сумки и убирала продукты в холодильник.

— Можно и поздороваться, — раздался ее явно не самый приятный на свете голос.

— Доброе утро, — отозвался я и зашел в комнату.

Саня теперь уже с Марком отсматривал материал, оба периодически хихикали и подталкивали друг друга плечами. Спелись, негодяи.

— Ничего, что он один ушел? — спросил Саня.

— Как-то он прям изменился, — удивился Марк.

И у меня снова как начало колотиться сердце. И внутри все замерло, и вдруг как накроешь потоком энергии. Просто нереально.

— Что с тобой, товарищ режиссер?

— Не знаю, кажется, я счастлив, — не сразу ответил я.

— А с чего? — спросил Саня.

— Ну, вот мы здесь. Черт возьми, мы добрались до Саратова, до Саратова, сечете вы?

— Сечем, — ответил Новиков.

— Мы проехали больше тысячи километров. Автостопом. А это не так-то просто.

— Да уж, — подтвердил Марк. — То менты, то психи, то быки, кого только не было.

— Но мы доехали. Бросили все и приехали. И теперь осталось совсем немного.

— Ну как немного? Еще ж монтаж, — не согласился Саня.

— Я не про это. А про то, что вот сейчас мы пойдем к Тане, и произойдет что-то такое, что-то такое... — не мог подобрать нужное слово я, — что-то великое, невероятное.

Затем мы позавтракали овсянкой — тетушка Марка за здоровые завтраки, проводили Марину Анатольевну до остановки, а сами отправились гулять.

По пути встретили Олега, он ходил вокруг клумбы в каком-то парке, что-то повторял про себя и даже не сразу нас узнал.

— Олег.

— А, что?

— Это мы. — Помахал у него перед лицом Саня.

— Это, вижу.

— Идешь с нами гулять?

— Пошли, — не сразу ответил он, не прекращая внутренний монолог.

И мы пошли. Марк был нашим гидом. Ну, как гидом, он сам особо ничего не знал. Но хоть был здесь, в отличие от нас.

— Да тут и смотреть-то нечего. Так по центру прошвырнемся, ну и тоже на набережную заскочим. Волга ж. Мост покажу вам.

— Какой?

— Крутой. До Энгельса. Он, типа, самый длинный в мире.

— Прям в мире? — не поверил Новиков.

— Ну, может, не в мире. Может, в Европе.

— А, ну в Европе не так круто.

— Или, может, только в России. Ну, все равно мощно.

Олег молчал. Долго молчал, пока не увидел в одном из магазинов корзину с искусственными цветами.

— Это, нравится, — сказал он, остановившись напротив витрины.
— Что нравится? — не понял Новиков.
— Цветы.
— Они ж ненастоящие, — удивился Марк. — В смысле не живые.
— Это, нравится, — повторил Олег.
— Дарят-то живые. Надо, чтобы они пахли, завяли потом, чтобы выбросить. Показываешь тем самым, что денег тебе не жалко ради нее на фигню всякую тратить, — разъяснил я.

— А мне эти нравятся.
— Можно еще в горшке дарить. Эти долго растут, и выбрасывать не надо, — со знанием дела стал рассказывать Саня.

— Мне нравятся эти. — И твердым шагом направился в магазин.

Мы молча переглянулись, Саня вытянул от удивления рот.

— Это точно наш Олег? — усомнился Марк.

— Вот я теперь тоже не уверен, — поддержал его Новиков.

— И все-таки искусственные дарят только покойникам.

— Не только, — возразил Саня. — Но в основном да. Ничего хорошего.

Олегу было плевать, он вышел с этой корзинкой и самодовольно улыбнулся. Шарф и корзина с искусственными цветами — не лучший набор для мачо, но этот уверенный взгляд... Черт возьми, откуда он только взялся?

Саратов и правда во многом уступает Казани. Собственно, до поездки я практически ничего о нем не знал и не слышал, разве что из школьной программы. Кто там говорил? «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Кажется, Фамусов. Главное, что это точно «Горе от ума». Короче говоря, не зря в школе учился.

А центр, ну да, симпатичный, тем более в сравнении с нашим Мухоморском, но в целом же ничего особенного. На уровне Ульяновска или чуть-чуть лучше.

Мы прошвырнулись по центру, съели по шаурме. У одного из ларьков стоял высокий толстощекий парень с огромным пузом и так аппетитно ел эту самую шаурму, что мы просто не могли не остановиться и не попробовать. Пока заказывали, он доел, продавец вручил ему вторую, и он, причмокивая, принялся за нее.

— Лучшая шаурма в городе. Берите только здесь, — сказал он, уговорив второй брикетик лаваша с начинкой всего за минуту. И ушел, мурлыча от удовольствия.

Шаурма действительно оказалась очень вкусной, сочной, объемной, сытной. Думаю, даже мама ничего не имела бы против. И соус обалденный. Олег снова накинулся на еду, как бездомный пес набрасывается на мосол, найденный на помойке. Не хватало только рыка. Пацаны не обращали внимания, а я даже слегка трухнул. Кто бы знал, что там у него в голове происходит? Не просканируешь же. Откуда-то и уверенность взялась, может, он еще что-то прячет. А мне бы как раз уверенность не помешала. То есть такая уверенность, как у остальных, что не будет этого конца света, что можно и дальше жить, причем совсем не так, как раньше, попробовать что-то замутить с Валентиной, снимать кино, делать что-то стоящее, оставить свой след в истории человечества. Не то чтобы я так за жизнь держался, просто сам факт, сам факт того, что больше не доведется никуда ехать с этими балбесами, шутить, встречать разных интересных и не очень людей, пробовать шаурму или что-то другое, смотреть хорошее кино, чувствовать себя молодым и беззаботным, сам факт не мог не расстраивать. Это, как минимум, несправедливо. Зачем тогда это все, чтобы вот так стремительно и беспросветно закончиться? То есть понятно, что все мы умрем так или иначе, но вполне нормально, когда ты знаешь и понимаешь, что смерть неизбежна, и делаешь это один, мир-то остается, а вот так, чтобы все и сразу — это ужасно несправедливо. Черт, а ведь у нас даже такую шаурму не делают. А где-то

есть еще вкуснее. А где-то можно с ума сойти от красоты природы или могущества и фантазии человека, но мы этого даже не увидим. И тут меня вдруг так проперло, я понял и суть начальных кадров «Меланхолии», и почему люди так держатся за любовь и любят поржать. Поржать — это прикольно, это отвлекает нас от мыслей о смерти, а любовь так и вовсе не дает ни о чем думать, кроме любимого человека, и, может быть, Олег самый нормальный из нас всех. Он поехал к любимой девушке за тысячу километров да еще согласился, чтобы мы это сняли, а ведь она может послать его на хрен и по-своему окажется права. Никто никому ничего не обязан. Особенно в любви. Но он поехал, поехал, потому что любит. Потому что как не поехать, если скоро нам всем каюк. И у меня защемило в груди. Если падение рубля можно как-то пережить, и мы не раз уже переживали, то падение метеорита уже не исправить. И это хорошо, если метеорит и мгновенный конец, а если все будет медленно? Все, к черту такие мысли. Сейчас у меня в руках вкуснейшая шаурма, вернее, то, что от нее осталось, мы гуляем по Саратову, снимаем крутое кино, и мы счастливы, по-настоящему счастливы.

— Еще, что ли, заказать? — задумался Новиков.

— Хочешь быть, как тот парень?

— Не, не хочу, ну на фиг, не буду заказывать. Наелся.

И мы прошвырнулись дальше по центру. Что ни говори, а Волга хороша. Невозможно хороша. Просто смотришь и радуешься. И гордость испытываешь, что у нас такая великая река есть. И мост хорош. Потому что тоже величие Родины и Волги подчеркивает. Стальной гигант и все такое. Так и патриотом недолго стать.

— Поперли обратно. У тетки лекции должны закончиться.

— Саня, сними меня, — попросил жизнерадостный Новиков. — А это я на фоне крутого моста. Он, это, самый длинный в России или даже в Европе. Здесь Саратов, там Энгельс. Вон видите, махина какая. Вон видишь, даже Олегу нравится.

От смеха Олег даже корзину выронил. Проходящие мимо старушки в малиновых беретах посмотрели на нас с недоумением и на всякий случай прибавили ход.

— И вам хорошего дня. — Помахал им товарищ.

Старушки оглянулись и затопали еще быстрее. Спать будут хорошо.

Тетя Марина была в хорошем настроении:

— Про Есенина сегодня рассказывала. Шаганэ ты моя, Шаганэ, — пропела она.

Олег стоял возле зеркала, поправлял прическу.

— Олег, что ты делаешь? — выпытывал у него Новиков с камерой в руках.

— Расчесываюсь.

— На свидание пойдешь?

— Да.

— Волнуешься?

— Это, нет.

— Совсем, что ли, не волнуешься?

— Нет. — И долго и пристально посмотрел в камеру.

— А что ты ей скажешь? — не унимался Саня.

— Я тебя... — и замолчал.

— Люблю? — подсказал Новиков.

— Люблю, — не сразу повторил Олег.

— А что еще?

Олег молчал.

— Что она самая красивая на свете?

— И что она самая красивая.

— И что ты влюбился сразу, как только увидел ее?

Олег молчал.

— Да че ты прикопался к человеку? — вступился за Олега Марк. — Не видишь, что ли, волнуется.

— Это, не волнуюсь.

— Видишь, не волнуется он. А мы репетируем. И кино снимаем. Мы же кино снимаем? Да, Саня?

— Да,— сказал я. — Саня, ты реально достал.

— Ну, и пожалуйста. — Обиделся товарищ и больше с нами не разговаривал. Впрочем, мы и сами только слушали тетку Марка, видимо решившую познакомить нас со всем творчеством Есенина:

— Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым...

В шесть мы вышли из дома. Сытые, наряженные, довольные. До улицы Чапаева ехать двадцать пять минут, но мы же не девушки, решили быть в семь, значит, придем заранее, а не с полуторачасовым опозданием. Да и Олегу уже не сиделось на месте. Он выглядел немного нелепо с этими искусственными цветами и странноватой улыбочкой. Марина Анатольевна также пыталась его разубедить, заламывала руки и твердила, что нужны живые цветы и исключительно розы, но Олег был непреклонен.

— Это, нет, и все.

С каждым метром, с каждым шагом у меня все больше перехватывало дыхание. Как будто все уже свершилось, фильм снят, его отобрали и, более того, он неожиданно для многих, но, разумеется, не для нас стал фаворитом всего фестиваля. И вот наступил самый волнительный и торжественный момент — момент объявления результатов. Еще секунда, и все узнают, кто же, кто же, черт возьми, получит долгожданную награду. Я отчетливо видел себя в новом, безупречно отглаженном смокинге, чувствовал смешение легкого перегара с дорогим парфюмом, царящие в зале, видел Ларса фон Триера, Кустурицу, любимого Квентина Тарантино, без конца что-то шепчущего на ухо Родригесу и размахивающего руками похлеще бойцов без правил или байдарочников, видел Саню, сидящего рядом и немного прифигившего от всего происходящего, милую и улыбчивую Киру Найтли, Тима Рота, произносящего со сцены «То, что нас ждет», и загремевшие вслед за его словами аплодисменты. Я видел то, как Новиков подталкивает меня к выходу, а я не сразу соображаю, что нужно встать и подняться на сцену, видел, как мы слегка неуклюже и робко идем с товарищем по залу, а Тарантино смотрит завистливо на меня, продолжая что-то рассказывать Родригесу, и тот кивает в ответ, видел, как у самого входа на сцену меня останавливает Рой Андерсен, обнимает, искренне поздравляет и долго трясет руку, видел, как Тим Рот вручает мне главный приз, а Саня пританцовывает и делает лунную походку под хохот и овации всего зала. А потом я что-то говорю, говорю на ломаном английском и не могу успокоиться. Я видел, как чертовски уместно и красиво смотрится «Пальмовая ветвь» на моей полочке и даже багря фотографируется со мной в обнимку на ее фоне. И все это было так четко и ярко, но только там, у меня в голове. У меня в голове... А на деле все было немного не так. Немного — это мягко сказано.

Мы зашли в подъезд. Дверь оказалась не заперта.

— Хороший знак, — прокомментировал Марк.

— Угу, — отозвался Олег и вошел внутрь.

Мы зашли вслед за ним, а дальше все было как в тумане. Олег нажал на дверной звонок, на пороге появилась Таня в бежевых шортиках и белой майке с надписью «Россия». Маленькая, плюгавая, угловатая, с веснушками на все лицо — настоящая замухрышка.

— Ты? — вскрикнула она, увидев Олега.

— Убью, мразь! — взревел он еще громче, швырнул в нее корзину и вытащил из куртки пистолет.

— Антон! — заголосила громче сирены Таня и попыталась захлопнуть дверь, но Олег молниеносно среагировал, подставил ногу, оттолкнул дверь обратно и схватил девушку. Нас с Новиковым словно парализовало от шока, мы не могли сдвинуться с места и молча наблюдали за происходящим. Ничего себе признаньице! Марк сжался, как пружина, но отважно продолжал съемки. Тем временем появился Антон, которого звала Таня. С криком «Ты че, дебил?» он накинулся на Олега, но прогремел выстрел, за ним новый крик Тани и громкий стон Антона: «А-а-а».

— Стоять! — заорал Олег. — Убью! И тебя убью, и ее убью!

Если раньше от его взгляда можно было наложить в штаны, то теперь, как минимум, поседеть. А у него еще, так, на секунду, был в руках пистолет, с которым он управлялся покруче персонажей вестернов.

Не знаю, откуда появились храбрость и силы, но мы с товарищем стремительно бросились на выручку девушке. Антон стонал где-то там в прихожей, Таня отчаянно верещала и выбивалась, по ее ногам стекали тонкие струйки ужаса, соседи тряслись от страха в своих квартирках, а мы с Новиковым пытались скрутить Олега. Пытались, да. Только не вышло, он раскидал нас по углам, как младенцев, и занес пистолет над головой девушки.

— Прощай, Таня!

— Не-е-ет, — закричал Марк, как кричат в голливудских фильмах, и с разбегу засадил Олегу между ног.

Тот сразу осел, как свая, и выронил ствол. Марк тут же схватил пистолет и скормандовал нам:

— Вяжите его, пацаны.

Мы с Саней набросились на Олега и скрутили его. Он отчаянно вырывался и мычал. Марк снова треснул его по шарам:

— Успокойся!

Олег взвыл, как волк. Чикатило с искусственными цветами. Теперь понятно, зачем они ему были нужны.

— Урод, псих, дебил! — Таня пнула Олега вслед за Марком. Потом еще раз и еще.

— Есть чем связать? — Остановил ее Марк.

Но девушка не хотела останавливаться, она продолжала пинать Олега в живот, в лицо, по почкам, иногда даже попадала по нам с Новиковым.

— Я сама тебя убью!

— Да тише ты. Все позади уже. Потом убьешь. С Антоном твоим что?

— Антоша! — вспомнила она, приходя в себя. — Точно, как ты, заяц? Ты живой?

Антон простонал в ответ.

Мы еле сдерживали Олега. Чтобы нам помочь, Марк уселся на него, а мы придавливали к полу руки и ноги.

— Ну и как он? — крикнул Тане Никулов.

— Он ранен. Нужно «скорую». — И давай рыдать.

— Так вызови. И принеси что-нибудь связать этого придурка, — заорал Новиков.

— Сами вы придурки. Это, я убью вас, всех убью! — не хотел успокаиваться наш маньячило.

А Марк продолжал съемку. Вот это человек! Настоящий герой. Капитан Америка и все такое. Как он выкрикнул, как выбежал, как засадил по шарам Олегу, не растерялся. Не, способ, может, и женский, но ведь действенный. Сработало же. Если бы не он, мы сейчас могли вообще не разговаривать.

Таня наконец вынесла пояс от халата и пылесос.

— Больше ничего нет, — извинилась она и только сейчас поняла, что стоит перед нами в мокрых шортах, и неловко прикрыла их рукой. — Я вызвала «скорую» и полицию.

— Молодец, — похвалил Марк. — Давно бы так. Да заткнись ты, — сказал он уже Олегу и треснул со всей силы ему по морде. Олег отрубился.

Антон же встал на ноги и вышел к нам. Это был неказистый, с угрями на все лицо парень лет тридцати. Он держал у плеча майку. Та стремительно краснела.

— А вы кто такие вообще? — спросил парень, глядя на лежавший рядом с Марком ствол.

— Мы — киношники, — сказал Саня и засмеялся нервным смехом. — «Сан Саныч пикчерз».

— Ни хрена себе кино, — ответил Антон.

И мы все засмеялись нервным смехом. Все, кроме Олега. Он уже больше не смеялся. Только плакал.

Вскоре приехала «скорая», вскоре приехала полиция, только пожарные не приехали. Соседи же так и не выглянули. Правильно, а зачем?

Мы давали показания. Десятки показаний, и все по одному кругу. И о том, что про оружие мы не знали, и про то, что Олег до двадцати лет состоял на учете в психдиспансере тоже, и вообще мы вовсе не друзья, а просто искренне хотели ему помочь и снять кино, хорошее кино. Эти полицейские тоже сказали, что у нас хрень, а не кино, но много ли они понимают в фильмах? А вот Марка похвалили за мужество и находчивость и за запись, что предельно упрощает расследование, можно даже сказать, что оно и не требуется.

Олег же, оказывается, еще со школы доставал Таню, ухаживал и все такое. Но она все равно его побрила, и тогда он чуть не изнасиловал ее и поклялся, что Таня обязательно будет с ним или вообще ни с кем. Вот как все было на самом деле. А про троллейбус и подкарауливание у подъезда он просто нам наплел.

Таня рассказала нам, что у нее нет ни отца, ни братьев, защитить ее было некому, поэтому они просто собрали вещи с матерью и уехали в Саратов. Это был самый простой вариант. С полицией, тогда еще милицией, никому связываться не хотелось. Антон — ее жених, про Олега она, разумеется, ничего не рассказывала и вообще практически забыла, а тут такое.... Ни за что пострадал парень. Хорошо, хоть пуля только задела плечо и шею, по самому краю зацепила, и все. Пара царапин, зато сколько воспоминаний..

Тетка Марка нас чуть не задушила, когда узнала, что мы привели в ее дом маньяка, но потом смягчилась, почитала Есенина и Бродского и сказала, что в жизни чего только не бывает. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

А про нас опять сняли сюжеты, в основном про Марка, но и фильму рекламу сделали. Даже по Первому каналу показали. И Малахов в «Пусть говорят» к себе звал, но мы не поехали. А «зомби-домино» больше пяти миллионов просмотров набрал. Но мы с зомби-летчиком подали в суд на этого чувака, выложившего видео. С какой стати он на нас деньги зарабатывает?

Бум на кино у нас в Мухоморске быстро прошел, хотя какой-то паренек на одном из фестивалей взял приз то ли за оригинальность, то ли за режиссуру. Но удивляться не стоит, во всем мире столько этих кинофестивалей, что даже если целых полчаса в кадре кто-то будет ковыряться в зубах и ничего больше не делать, все равно найдутся идиоты, которые увидят в этом глубокий смысл и с удовольствием отметят у себя в конкурсе и дадут приз с формулировкой «за оригинальную подачу и нестандартное мышление». А уж за режиссуру дают, когда вообще отметить нечего.

Как сложилась карьера Снежаны, не знаю, но судя по тому, что она не мелькает рядом ни со Светлаковым, ни с Козловским или на худой конец с Безруковым, сложилась не очень.

А «То, что нас ждет» мы все-таки сделали. Не совсем так, как я планировал (впрочем, что у нас получается ровным счетом так, как мы планируем?), но все же сделали. И выслали в Канны. Не прошли. Даже во внеконкурсную программу не попали. Но зато наш фильм посмотрел Сельянов. Недавно звонил, предлагал работу. А мы что? Мы не гордые. Снимем. Только не очень хочется снимать по сценарию. Я же все-таки прогрессивный режиссер.

И с батей помирились. Оказывается, у него язва. Ну, правильно, столько желчи в себе держать и на других выплескивать. Вот учится теперь не бухать и быть добрее. Получается не очень.

Мама успокоилась. Маму я познакомил с Валентиной. Как вернулись домой, я позвонил ей, встретились. И как-то похорошела она, что ли, или я по-другому на нее взглянул, но у нас все быстро завертелось, мы тут же поцеловались, уже нормально, не как в тот раз, я взял ее за руку, а дальше... ну, вы знаете. И голуби ее уже не пугают. И не клюют. Словом, все хорошо.

У Марка появились куча поклонниц. Сделали фан-группу в соцсетях, называют. Короче, превратился в настоящего героя, только до сих пор сохнет по Оле и верит, что добьется ее. Он наконец-то сменил прикид и уже не носит толстовки, правда, все еще пытается поправлять капюшон, которого больше нет. Привычка все-таки.

Саня же на обратном пути, как и обещал, заехал в Ульяновск и встретился с Ульяной — официанткой. Теперь вот не знает, переезжать самому или перевозить ее. Пока что каждый день скайпятся и сидят Вконтакте.

А Олег не сидит. Олег лежит. Его признали невменяемым. Вот лечится теперь. Ствол он спрятал у Сани в рюкзаке (когда только успел?). Так что невменяемый, но сообразительный. Не зря я каждый раз удивлялся, как по-звериному он впивался зубами в еду. Хотя списывал все на аутизм. В блокноте у него была куча портретов Тани с подписями «убью», «ненавижу», «гори в аду», «смерть», «заклание» и еще больше рисунков трупов. Вот такое веселье.

Антон из Перми — товарищ Марка — и правда приехал к нам погостить, причем с тремя друзьями, среди которых был и Вадим со своим бульдогом. Прожили они у нас две недели. Посмотрели фильм и тоже ничего не поняли.

Сергея бросил ставки — гиблое это дело, говорит, духовного роста нет, а нервов много и стабильности ни на грамм. Так и стрижет газоны и читает умные книжки. О просветлении и карме. Тут я с ним согласен, о карме заботиться надо. Не пачкать ее, чистить. Вот и чистим.

А конца света не было. Вы уже сами знаете. Я отменил день рождения, готовился, а его не было. Ну, потому что какой может быть апокалипсис, если полка так и не получила свою «Пальмовую ветвь»? Правильно, никакого. Так что еще поживем. Еще поживем!

Всё.

Женя СТАШКОВ

сцена любви

открываю корную дверь
тебя крошу в ржаную муку
на медовик

в озеро нитка
в озеро нить
ныть юнить

только чуть трону
скулим
на весь мир

какой-нибудь персонаж:

и мы мнемся за словом только
за собой чтоб его не ставить
только
нет и одно
нет другое
и чала над тем то над этим
раскидается мглой и метелью
что уже и не сбить фейерверком
от которого рожки да ножки
точнее лишь пепел в коробке
и петарды совсем макаронки
на прогорклом но сливочном масле
потемнели как воздух темнеет
и чала рассыпалась над домом
над домом
над домом
метелью и мглой
и мглой
и мглой
и сыпалась скрипом
и скрипом
и скрипом

Женя Сташков родился в 1992 году, занимается поэзией, драматургией, графикой и театральными перформансами. Проживает в Санкт-Петербурге.

скакало но только
но только
но только
не делала вещи одной
делала вещи одной
вот только вопрос
вот только вопрос
какой

*а за ним дом
очень много окон
во всех окнах **полные плавные несколько отрешенные люди**
готовят на своих кухнях
перед окнами летают **люди**
окна делятся на четверти*

читать два раза

не напря
не напря
подпорки
во лобе

каки ли
тилитакили
голуби
биполярные

длинные
штуки
две
в одни

рукутоп
рукитоп

палубы бивалентные
фигуры мужчин из труб
один выкинул
другой вырубил

сруб
с пустельгой
дымовых заслоночек

где пятки разбил
ребеночек
прыгая с печки
туда

где млечный путь
а еще не доят овечку
и не режут
а потом газовой горелкой
не сжигают щетинку
чтобы стала скотинка
в следующей жизни дрожжинкой

забавно
в следующей жизни
дрожжинки в хлебы не кладут
хлеба поднимает вечерняя роса
которую видели только беличьи глаза

фыр фыр
кэр кыр
эр эм
тити кутидика

башесть

славе георгиеву

мужики вытащили из реки на берег сома
по всей видимости у него в животе сучил лапами волк
а внутри волка увлеченно играли в салочки две пухлые девушки
они были сшиты она с другой за уши
а прямо внутри между сшитых ушных раковин
сама по себе шептала фисгармония
что именно она там шептала доподлинно неизвестно
но мужикам на берегу отчетливо было слышно следующее:

*а птичечки как мышечки по юности пушистые а в помыслах
нечистых пусть вся грязь на солнце высохнет непонятно непонятно
непонятно-то мне как как подцепил рак пак изрванный
саркофаг моих мумственных браг змееныш брак со змеями риши
ринпоче и толемеями*

сценка

дверь гаража

голос
мы снились друг другу три раза
точнее ты мне
а в обратную сторону вряд ли

*дверь гаража открывается
да там **голая рыжая баба**
с глазами-котами
и ползают в ней и по ней
ящерицы но с головами-котами*

*но все под водой
а сверху горячие сверла
кунаются в воду
шипят остужаясь*

14 34

в детстве я был очень
зашуганным ребенком
чуть почуввав опасность я
стремглав нырял в горячую
ванну и укрывался пеной
тогда пены только вошли в
моду

как-то раз три девочки-хулиганки
загнали меня в угол
и заставляли меня
но я вместо этого решил рассказать
стихотворение
а сам спел песню

у меня под веками
прохладные половички
чуть прикрою
и ну хлестать
меня мужички
я не вижу чем
то ли вички
а то ли ремни
говорят если благ
то помни нас
помяни
говорят если
выпил белого
едь
зачесался лоб
протри об земную
твердь
и смотри не сиди
если зад затек
говорят моим горлом
а рот протек
говорят рот протек
снукер
три один
как арбузовым соком
течет овощной магазин
где зира в куркуме
а под манго гриб
где сынок винрар
а отец винзип

и говорю
перед тем как искать ответы на важные вопросы
посмотрите где у вас там усто
может быть пусто

может быть может быть

РАССКАЗЫ

РУБИНШТЕЙН

«Краски, линии, объемы, тела, предметы, множества — все проходит сквозь зрительный нерв, чтобы оформиться в точное отражение вещественного мира, мира безжалостного и беспощадного к твоему существованию. Он обманывает тебя, выстраивая удобную ему схему расположений, при этом может в любой момент изменить ее так, что ты, оторопело озираясь, будешь бродить по темным комнатам в поисках потерянных ключей или носков, улепетнувших под кровать», — распахивая воображение, думал он в школьном коридоре, и тем сильнее ликовал, чем более угрюмой и безысходной рисовалась картина видимого мира. «Ведь я-то, — бормотал, сглатывая слюну, — победил!»

Он родился в канун перестройки, когда привычная для советской интеллигенции картина мира начала меняться. Все его родные и близкие являлись потомственными докторами наук, доцентами, на худой конец — школьными учителями. С молоком матери Витя впитал острую ненависть к любому проявлению тоталитарности. Советский Союз с его милитаризмом и обязаловкой считался в семье воплощением вселенского зла. Отец, рано облысевший, с пронзительными глазами, красными от постоянного чтения, часто говорил: «Жить в этой так называемой счастливой стране нельзя. Как подрастешь, поедешь в Израиль, к дяде Рувиму». Но поездка не состоялась. К тому моменту, как Витя подрос, всюду катилась перестройка, цвела организованная преступность, и дядя, средней руки бизнесмен, будучи по делам в России, погиб во время перестрелки.

Отец видел, как социализм стремительно просачивается сквозь пальцы и больше не насыщает его застарелую ненависть. Сказать, что он был растерян, — мало, он выглядел огорошенным, оглушенным. Они, бледные, часто оторопело переглядывались с матерью, ничего не понимая в надвинувшейся действительности. Если СССР был выучен назубок и брезгливо отброшен как непригодный для жизни, то новый мир по-настоящему пугал. Все в нем казалось иным, нечеловеческим, жутким: и выросший ассортимент товаров, и бывшие товарищи, которые превратились в типов с бегающими глазками и непонятными намерениями, и бессмысленная свобода слова, вылившаяся в печатание похабной порнографической гнуси. Они суетились, делали поспешные выводы, строили грандиозные планы, но выводы подводили, а планы рушились, как карточные домики. От отчаяния, от неумения справиться с валом сырой, не очищенной от посторонних примесей демократии одним прекрасным утром они умчались во Францию, оставив «взрослого, самостоятельного» ребенка пожилой нянечке.

Виталий Дамирович Аширов — поэт, прозаик. Родился в г. Перми в 1982 году. Окончил Литературный институт, семинар прозы профессора С. П. Толкачова. Работал копирайтером, рерайтером и удаленным редактором. Публиковался в журналах «Новая реальность», «Топос», «Опустошитель». Проживает в Перми.

Витя заканчивал девятый и не вылезал из школьной библиотеки, поэтому социальные изменения затронули его гораздо меньше, нежели родителей. Вечерами глядя на толпы спешащих людей, на древнюю Москву, озаренную огнями рекламных вывесок, он понимал, что никакие перестройки не способны уничтожить тоталитаризм. Уже тогда Витя осознавал, что нельзя просто взять и уничтожить его, ибо находится он не в структурах власти, не в безумных законах, составленных опьяневшими от вседозволенности диктаторами, и даже не в человеческой психике, а в устройстве самой вселенной, в непреклонности силы тяжести, в жестокости солнечных лучей, в глухом стуке дождевых капель по жестяной кровле.

Жизнь юноши, открывшего страшный закон бытия, делалась день ото дня невыносимей. Впитанная с детства ненависть к тоталитарности не позволяла любоваться закатами и рассветами, вдыхать полной грудью влажный весенний воздух, встречаться с девушками. После уроков он торопился домой и в комнате с зашторенными окнами читал что попало, лишь бы не быть «жертвой режима». Но вскоре и книги перестали спасать. Он понял, что тексты навязывают свободному воображению жестко сконструированные образы, и принялся отчаянно обороняться.

Вместо того чтобы послушно представлять то, о чем пишет автор, Витя рисовал себе совершенно иные картины. Воображение сперва не подчинялось, бунтовало, однако через несколько лет изнурительных тренировок юноша обуздал его и спокойно читал большие тома, не боясь быть захваченным чужой волей. Например, фразу «Она вошла в спальню» он визуализировал как «Ключи выпали из кармана». Дальнейшее предложение воображалось так, чтобы по смыслу совпало с отрывком про ключи. По такой схеме изменялся весь текст. Пусть в его восприятии «Портрет Дориана Грея» становился шпионским детективом, а «Война и мир» оказывались романом об инопланетном вторжении, пусть в новом прочтении «Дориан Грей» превращался в описания сифилитических язв, а толстовская эпопея кишела пустыми страницами, Витя мог смело сказать: «Я свободен».

Юноша научился по-своему представлять любую книгу, однако понял, что избавился от цепей лишь отчасти, поскольку главный враг — видимый мир — наличествовал постоянно, диктуя жестокие законы и ставя препоны воображению. Витя не сдался и направил отчаянные усилия на то, чтобы не поддаваться строгим приказам, заставляющим видеть, слышать и чувствовать объективно присутствующие предметы. Тотальность объективности обойти оказалось сложно, и дело не в том, что воображение не справлялось, напротив, тренированная фантазия смело подсовывала какие угодно образы вместо видимых вещей, но люди, послушные рабы системы, так обустроили реальность, что без взаимодействия с их представлениями о ней выжить было невозможно.

После основательного обдумывания юноша нашел способ синхронизации радикально разных миров — его и человеческого. Кассиршу в магазине он воображал елкой, на которую нужно повесить рождественские подарки (передача покупок равнялась развешиванию); открытую дверь в подъезде своего дома — промежуток между двумя тучными старушками, куда необходимо проникнуть, пока они не сдвинулись плотно, иначе слипнутся навсегда; нажатие пальца на выключатель виделось внезапным рывком стального фаллоса в толщу пламени, где колебались разноцветные окружности (то есть, помимо использования фактуры привычной действительности, обращался к абстракциям).

Пришлось поступиться основными принципами свободного духа и совмещать визуализации с объективными формами. Это, как надеялся Витя, было временным выходом до тех пор, пока не найден способ обходиться без пищи, дыхания и кры-

ши над головой. В том, что он найдется, юноша не сомневался. Самоубийство Витя считал победой диктатуры над свободной волей и отрицал его.

Итак, мир преобразился в параллельный, загадочный, удивительный. В то время как обыватели понуро брели по мокрому тротуару, он прыгал по огромным кувшинкам на озере и вместо рева машин слышал крики испуганных косуль. Он ходил не в школу, а по выбору: иногда в гигантскую корову, чьи кровавые внутренности чмокали под ботинками, порой в морской порт, где юнга в вылинявшей тельняшке радостно приветствовал его. Класс раздувался в шарообразную пещеру, полную разноцветных мячиков; рука учительницы трансформировалась в экскаватор; теоремы превращались в загнанных лошадей и хрипели под кнутом погонщика. Он научился изменять не только предметы, но и ситуации и даже абстрактные понятия. Приближение одноклассника и часть беседы с ним становились неспешным развертыванием рулона обоев; среда была грохочущей печатной машинкой; полтора часа в поликлинике делались золотой полутораметровой цепью на шее кокетливой великанши; музейные лепные ангелы ползли червями в гнилой картофелине.

Реальность больше не владела восприятием.

Когда Витя уже праздновал победу (школа окончена, второй курс инъяза), в институте прокатилась волна влюбленностей. Теряли голову все: от лидеров коллектива до забитых тихонь. Влюблялись в кого попало: от одноклассниц с модельной внешностью до сутулой тридцатилетней уборщицы. Общее поветрие не миновало и Витю, но признать наличие притягательного объекта за пределами зоны воображаемого означало полный крах защиты и торжество тоталитаризма. Поэтому он придумал девушку и, дабы создание разума обезопасить от вторжения реального, сделал ее близкой себе по духу.

Надежда, дочь русских евреев, пугливо улепетнувших в Израиль, обладала безграничным воображением и ненавидела диктатуру реального. Она прошла духовный путь, почти идентичный с путем Вити, но вместо того, чтобы произвольно изменять существующее, удвоила каждый видимый объект. Ее мир был одновременно в двух экземплярах: две руки подносили два карандаша к двум тетрадам и записывали два слова; две собаки бросались за двумя кошками (каждый зверь имел две головы и восемь лап); два солнца освещали двух постовых на перекрестках; четыре глаза, подслеповато шурясь, смотрели из-под четырех очков.

Иначе говоря, девушка была сокровищем, и Витя — он желал ее страстно, с подростковой отчаянностью — не мог представить Надю безличным потоком. Однако если воспринимать девушку как самостоятельный объект, то вокруг нее моментально возникала реальность, и годами выстраиваемая система ломалась.

Серьезно все обдумав, юноша решил вернуть миру обычные формы, но чтобы не стать его рабом, мысленно сдвинул вещи на метр. Конечно, возникли определенные трудности. В ресторане он не мог взять вилку, потому что шарил в метре от нее; бокал с шампанским проливался в метре от губ; попытки сесть заканчивались неудачей; спал на полу, потому что не мог лечь на смещенную кровать. Ему помогали, его поправляли, находились и такие, кто вызывал санитаров психиатрической клиники, но Витя всегда заблаговременно ретировался, ибо ни на минуту не забывал, по каким жестоким законам действует мир.

Они познакомились в библиотеке и тотчас сошлись. Его раздвоенность в ее восприятии совпала со смещением мира на метр: вечно ускользающего Витю встречала копия девушки. Ему было сложно приноровиться к ее манере речи: каждое слово Надя произносила дважды. Ей казалась неудобной его привычка ждать, пока она не поможет настоящему Вите взять книгу, ручку, очки.

Влюбленные занялись сексом через неделю после первой встречи. Витя лежал на полу, Надя раздвоилась в постели. Смещенный юноша яростно совокупился с дубликатом. Через пару месяцев у второй Нади начал расти живот. Витя лелеял и холлил подругу, следил за сквозняком, носился по городу в поисках редких витаминов, покорно выполнял любые прихоти порядком потяжелевшей пассии, старался поддерживать в ней бодрое настроение, ставил классическую музыку и с трепетом ощущал: ребенок слышит и толкается в матке.

Надя завистливо поглядывала на беременную копию, у самой живот не рос. Неистово мечталось испытать материнство, но дала себе твердый зарок не сходить с тоталитарным миром. Роды Витя принимал лично (не везти же в больницу воображаемую девушку воображаемой девушки). Дочь назвали Катей. Она была здоровым румяным голубоглазым младенцем и так сильно всколыхнула Витин отцовский инстинкт, что парень забросил все дела и принялся носиться по магазинам за памперсами, сосками, смесями (стал разбираться в них, как многодетный папаша), терпел длинные очереди на молочную кухню, вечерами стоял над кроватью и напевал выдуманные колыбельные, не морщился от пронзительного плача и умилялся, когда, устав реветь, кроха засыпала у него на груди.

О Наде, всецело поглощенный новыми впечатлениями, вспоминал редко и вскоре заметил, что жены (была свадебная церемония и даже довольно расплывчатое путешествие в Египет) больше не существует. Но это не смутило Витю и не заставило лихорадочно напрягать воображение в попытках вернуть бывшую — пестовать и лелеять дочь оказалось значительно интереснее.

«Легенду», что мама уехала ухаживать за далекой бабушкой, девочка приняла спокойно. Катя росла послушной, доброй, отзывчивой на чужое горе, любила белых крыс, жалела бездомных щенят, восхищалась цирковыми акробатами и гоночными машинами. Игрушек у нее завелось невообразимое количество, хотя она редко играла, предпочитая телевизор. Любимой программой были концерты классической музыки по каналу «Культура». Витя понимал, что это диковинное увлечение для пятилетней, но не удивлялся, не паниковал, напротив, гордился и прочил чаду великое будущее. Росла она без эксцессов, капризов, переломов. Переболела ветрянкой, корью, ангиной, к простудам быстро приобрела иммунитет и зимой, когда отец лежал в испарине, деловито меняла холодные тряпки на его лбу и строго говорила: «Без шапки гулял, сам виноват. Лечись, меня слушайся».

На шестилетие к ней пришли четыре воображаемые Витей подружки. В тот день дочь была особенно возбуждена и счастлива, носилась по комнатам с розовой лентой в волосах, декламировала Хармса, водила хоровод с девочками. Отец суетился на кухне, нарезал пышный торт, разливал апельсиновый сок в прозрачные бокалы. Вечером Катя отпросилась проводить подружек (жили в соседнем доме). Она не вернулась через час и через два, а когда Витя ринулся к вымышленным родителям подруг, то узнал, что дочери у них нет. Обшарил деревянные домики на площадке, заглянул в темные закоулки, обыскал соседние дворы — безрезультатно. Во внезапно охватившем ужасе стал забегать в подъезды и гулко звать ее. Девочка не вернулась и завтра, и послезавтра. Лихорадочные розыски и опрос вымышленных людей не принесли плодов. Витя поклялся отыскать дочь, чего бы это ему ни стоило, и с утра до позднего вечера бродил по городу, вглядываясь в вымышленных детей. В отчаянии подумывал о самоубийстве, но решил, что пока жив, есть возможность вернуть Катю или хотя бы узнать о судьбе пропавшей дочери. Случайно среди детских вещей обнаружился серый конверт и в нем текст следующего содержания:

Твою дочь похитил я. Выкупа не нужно. Но знай, что она у меня, и ты ее никогда не увидишь.

Антон Рубинштейн

Он перечитывал записку тысячи раз, искал скрытый смысл, глядел на просвет, проверяя на зашифрованное послание, мучительно раздумывал над тем, кто такой этот Рубинштейн, но все старания были напрасны. Девочка пропала бесследно.

Через два года тщетных поисков Витя впал в глубочайшую депрессию и, дабы не сойти с ума от одиночества и любви, снова изменил видение реальности. Он помыслил весь мир и себя с перспективы воображения исчезнувшей воображаемой дочери. Пусть она проникнет в каждую молекулу действительности и таким образом постоянно будет рядом. Не столь важно, где Катя находится, главное, что видение ее дарит рассветы, и закаты, и промельки небесных огней, и биение сердец, и затейливую игру разума.

В странной эйфории забвения прошло несколько месяцев, и Витя с тревогой понял: тоталитаризм мира настиг его через его же воображение. Если он сам не свободен в опыте мышления, а марионеткой проступает сквозь разум придуманного существа, значит, битва безоговорочно проиграна. Со страшным усилием Витя освободился от наложенных на себя ограничений и заново пересобрал реальность. Отказавшись от полета фантазии и даже от смещений, он установил каждую вещь на надлежащее ей место (как он помнил). Юноша полностью согласился с изначальной схемой материального мира и теперь видел, слышал и чувствовал так же, как другие люди. Разница между восприятием Вити и остальных заключалась в том, что для всех мир был дан свыше и тоталитарен, а он выстроил его сам, по памяти, и стоял над ним, великодушно позволяя явлениям течь и событиям происходить.

Отменив дочь, он сумел сохранить подлинное «я», свой дух, свое достоинство перед лицом неумолимой непреложности сущего и надолго обрел твердую уверенность в собственной правоте. Прошли годы. Витя достиг места старшего управляющего переводческой компанией и вел комфортную холостяцкую жизнь, периодически бывая во Франции у отца (мать скончалась от сердечного приступа).

Во время одной из таких поездок он шел по бульвару Осман, ярко освещенному солнцем. День стоял замечательный. Перистые облака скользили по нестерпимой голубизне; тройка воробьев вырывала друг у друга кусок хрустящей булки; вдалеке мчались золоченые кареты; нарядные господа в бархатных фраках и дамы в бальных платьях важно вышагивали по мостовой. Разноцветная афиша на заборе гласила:

Спешите! Спешите! Спешите! Только
в субботу в 6 часов и только 18 октября
уникальный концерт
гениального русского пианиста
Антон Рубинштейна!

Фамилия показалась смутно знакомой, он перебрал в голове все возможные места, где мог встречать или слышать этого музыканта, но ничего не вспомнил и механически решил завернуть и послушать (может быть, его рекомендовала знакомая меломанка).

Ложи были полны, зал бешено рукоплескал. Когда невысокого роста, пухлый человек вальяжно поклонился и сел перед инструментом, установилась мертвая тишина. Его руки, как бабочки, запорхали над клавишами, и полилась бодрая, чистая мелодия. С удовольствием послушав шопеновский полонез, Витя похлопал и приготовился к новой вещи. Однако ничего не происходило. Музыкант сидел непод-

видно, безвольно свесив руки вдоль туловища и пустыми глазами смотрел прямо перед собой. Так продолжалось пять минут, десять, пятнадцать. Когда нетерпеливый Витя готов был покинуть заведение, Рубинштейн резко повернулся и уставился на него. Мужчина увидел странно засасывающие и зловеще пустые глаза, он впал в оцепенение и на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя, перед ним распахнулся зрительный зал, полный благородных господ. «Играй!» — прошептал в голове чей-то голос, и он заиграл так, как никогда не играл в жизни.

НАБОКОВЩИНА

«Набоков, свет моей жизни, огонь моих мыслей. На-бо-ков: кончик языка совершает шагок вниз по небу, чтобы толкнуться о десну», — такими приблизительно словами начиналась бы биография одного из тех представителей русской интеллигенции, которые настолько зарпортовались в своем внутреннем мире, в его призрачной сердцевине, что не могут и дня прожить без того, чтобы не разыграть на темной стороне снулого бытия, бытия подспудного, но ведь снулого, драматический конфликт в лице единственной, зато чрезвычайно мыслящей стороны: пока мыслится, пока берется в расчет полумгла пыльной кухни, где расквакался рукомойник и, с налету пересекая строгую границу тени, об ажурную вуаль абажура бьется тупенькая мушка — мушка ли или левая мыслишка, запутанная в плотный тулуп баснословных слов, пока, грандиозно вышагивая, измеряя квадратуру тоски, он мечется, как то же насекомое, но с пытливым, с горделивым, с палеонтологической (антология полетов) душой, изъязвленной не сомнением уже, не воздушными ямами жизни, откуда выцарапать невозможно, а только единственным острием нечаянного счастья, бессмысленного отчаяния: постановка драмы по требованию, неотвратимый конец пути, и тяжелая обложка книги бытия прихлопывает возбужденного бога: влажное пятно на обоях. Я все тебе прощу, Зина! — вышептывал он в кухне, когда шелестел листопад, он, возбужденный куда более шелестящими бдениями, открывал наобум роман и наотмашь читал: как бил (брезгливо счищал беличьей кисточкой, но пятно мрачнело) и гугнивое эхо пускало паутины на потолке, так гасло невнятное озарение и призрачность существования кичилась голым из широких прорех мероздания, ибо мира не обнаружено там, где война личин и наличностей; а то брался за лаковый корешок и вытанцовывал книгу в ладонь из дикой тьмы сгустившихся времен: набрать полную грудь драгоценного и дрожащего, такого прозрачного и со светлой слезой, не выпускать зарницу, преображенным лепетать о тайне, только ему отпертой единожды и навсегда, сквозь наслоения мразоты и казарм; были и другие: Гоголь с неуловимым носом, медлительный Тургенев, стремительный Белый, никто, никто; свет бил, словно из окна безжалостно возлюбленной, из ночного фонаря у гниlostной каталажки, такой свет, которым хотелось дышать и наливать, и без усталости хохотать, так, увидев жирную саранчу, хохочет кузнечик, так хохочет (на самом деле — плачет) палач в раю, так бледные новостройки хохочут перед лепниной облачных дворцов; нелепица, с другой стороны, — но какая тоска! Скотившись с человеяника, расправить крылья, и вот эту строчку пронести на трепещущих ладонях в серое, и опять наобум читать названия на лаковых корешках. Когда же началось... помнится, витало в воздухе, сухая дева с ледяными глазами, куцая роспись, розоватый томик Лолиты с бесстыдно оборванным предисловием, но об этом не знал, и страница, тайком прочитанная на уроке, и тонкие намеки товарища, комната, постель, вздох, законная синева не знает, а он уже знал все: свершилось; закончив буквально за день, ринулся перечитывать, другие

книги не разочаровали, напротив, Лолита была тенью того, что алым цветом раскрывалось в «Даре» или «Лужине»; и бормоча вызубренное начало второй главы, брести по переулкам осенним, там и сям картины пошлые, банальные — белиберда замусоренных строк, коренастые кретины подворотен, булжные аллитерации; под расписку о невылете отпущен на поруки дубков и лиственниц; но, в сущности, совершенно нечего делать, читать прочитанное, бродить в библиотечных коридорах, вздрагивая от волнения, если знакомое имя на обложке или в оглавлении, не то в именном указателе; и все кончалось моментально; приходилось ворошить вороха старых журналов, но какое это было чудовищное счастье выудить из пустоты переписку с X. или Y., хвостик лекций, абракадабру филологических разборов, словно написанную парнокопытным в гомерическом приступе любви к людям, а всего страшнее — новые публикации. Волшебника одолел в один присест, присев между партой и полкой, покамест стучатала на машинке мышиная девица, и солнечный ветер играл с блестящими поверхностями; вырвать у остолопа газету с топорными причастиями и выдавшими виды эпитетами — читай! Да куда там, в мертвенном равнодушии поведут секунду зрячим носом над строчками, и в сторону; удивительно глухи к Набокову оказались не только близкие, но и дальние: триллион отговорок, кипа оправданий, сытый улиточный сумрак, когда прямо в глаза сияет; и это нестерпимое, разрывающее поверх заскорузлого, привычного; он решительно не мог взять в толк, отчего все в нем дрожит от слепых наплываний бессмертной музыки, отчего беспорядочные комбинации черного и белого сплетаются в невыносимый рай, отчего он захлебывается слезами, отчего сестра — дебелая, старая — и брезгует, и сучает; но больше всего поражало несоответствие реальности и подлинной красоты. Если невозможно свести два мира (в первом эльфы и демоны, лунные пятна на садовых скамейках, прелестные махаоны, стальные стрелки башенных часов, и шулерство пожилых арлекинов, и поджарые псы, и апельсиновая корка заката, и большой яркий рот, и гениальные нищие, и каждая, каждая деталь достойна славы, и пальбы из тысячи «катюш»; во втором — клошары и калоши, газеты и газеты, хриплый кашель, сильный ветер, бесчестие тяжелой работы, бессонница, волос в супе, невидимый разврат, серые сумерки, смешки, хмурые разговоры, и каждая минута приближает последнее унижение), если нельзя совместить, то выбирать и нечего, решил он и, упоенный слогом, насыщенный фантастическими арками и цветниками стиля, отказал миру филистеров в полноценном существовании: поблекли самодовольные хамы, подернулся пленкой убогий язык подворотен, оцепенели в замершем времени истерические студентки (медленно, с третьего раза подбирался к пятому курсу), и над всем — выше и плотнее всего, бездарно выдающего себя за реальность, — Набоков, то молодой в щегольском кашне, то зрелый с легкой улыбкой и усталыми всезнающими глазами, то пожилой: и тут дробление — молодецватый с сачком и глянцевоый в пенсне (отдаленные раскаты невралгии). Так уютно было карабкаться по переводам Барабтарло, на салазках вдохновения скатываться по томам Носика, улепетывать от зловещих призраков Александра; а вот начались ночные бдения с чужим языком (впрочем, оный так и остался чужим, но ведь было!), когда голова пухла, как бумажный сверток в гастрономии, куда опускали еще, еще конфет; непостижимость оригинала в редкие, но от этого необыкновенно ценные минуты интонационно совпадала с грубоватым пересказом толмача, и, хохоча от восторга, он пересекал пустой холл до черного прямоугольника двери, за которым пестрела влажная, душная, вороватая ночь, и, все тем же потрясенный, возвращался на узкий диванчик и вслух читал наобумные места, с надрывом нежности, растворяясь в певучей неясности. Особое наслаждение давали рецензии хрестоматийных болванов, отзывы эмигрантских завистников, неспособных оценить, понять... вот

это небо с птицей у блеклой последней пелены, за которой мрачно и грозно блещит звездная изморось; россыпь алмазов в сказочной пещере, веселый сон великана — везде заводным болваничкам мерещились пустословие и циничная игра, ах, как уморительно смешны, восклицал и хватал наугад и снова вслух, наслаждаясь каждой цезурой.

Десять лет обычной человеческой жизни испещряли кошмары сбывшихся сновидений, бойко катилась речевая тарабарщина, ширились и сужались неудачи, то вспыхивали дешевые откровения в продуктивном, то невероятной ясностью сквозили обещания очередного угрюмого правителя; а там, а там, в зачарованном дворце, не было ничего, никого, кроме великой музыки, заглушившей и грохот моторов, и звон стаканов, и бешеные вопли передовиц. Сверстники стремглав переженились, обзавелись воющими детьми и отчаянно рвали жилы на дядю, пока он один, не узнанный в толпе таких же точно красновыинных молодцев, оказался подвластен тайне, искусства ли, колдовства, не все ли равно; сердобольная матушка первые годы упрямо посылала работать, но вскоре отстала, сдалась, ибо, редко выходя из сияющего дворца, все-таки выходил и, разрывая каменное молчание, произносил все те же непонятные, но убедительные речи (какими орудовал часто после отчисления).

И вот каждый вершок биографии Набокова исследован досконально, до оскомины, каждая строчка не раз прочтена, отдельные стихотворные строфы еще плавают в полусне воображения, разжигая конфликт между болью и молью, между ослепительной яркостью чистого творчества и крошечной тьмой грязного быта, — но той остроты, альпийской свежести, больше не существует; не в один день, но исподволь, спрехвала, так, может быть, оглох Бетховен, так учатся умирать старики; и беспощадно лезли на ум измышления клеветников, и он видел в парче гниль и уродливые проплешины в роскошной шевелюре короля, и ужас состоял не в том, что видел, а в том, с каким безразличием, не умея, не желая поймать ту самую мелодию, какая еще недавно быстрой ижицей взрезала взволнованную душу, листал потрепанные томики. Опустел старый двор, бог-иллюзионист вынес за кулисы ненужный реквизит: золотые звезды, дурацкий колпак, спящего ребенка; по-новому оглядев вот эту восставшую от сладостного обморока жизнь, он решил, что, «в сущности, одинок» и «меняться поздно», ибо стена, которую с помощью Набокова возводил вокруг себя всю жизнь, получилась на славу.

ТРАФАРЕТ

Памяти Эрнестаса Карникласа

Очевидцы свидетельствуют, что 18 ноября 1993 года семнадцатилетний Алик Алуханов вышел из ресторана «История» в самом довольном расположении духа. Юноша решил «прогуляться» по осенним бульварам, «подышать свежим воздухом», «полюбоваться закатными красками», и вот тут-то все и началось. На перекрестке Бумазейной и Таврической молодого человека угораздило посмотреть на новенький плакат, где утром находилась реклама сотовой связи билайна — загорелая девица натягивала на глаза полосатую спортивную шапку, справа сияла крупная надпись: «Всегда с тобой». Теперь вместо привычного слогана значилось: «Смерть Смерть Смерть». Он пожал плечами и перевел взгляд на бетонный забор, обклеенный цветными афишами, анонсами цирковых выступлений. Изображения по-прежнему ярко пестрели, но вместо броских лозунгов было жирно набрано: «смерть смерть смерть смерть...»

Подумав о веселом пранке, Алик растерянно огляделся в поисках скрытой камеры или подозрительных личностей, но улица была пуста, не считая тучной старухи с тележкой и большой лохматой черной собаки. Взволнованный юноша пошел дальше.

«Отовсюду, с каждого рекламного стенда, с огромных полотен на торцах домов, со стеклянных витрин тарашилось: „смерть“. Вместо названий магазинов и киосков, почтовых отделений и автобусных остановок, единожды набранное крупным шрифтом или многократно оттиснутое мелким — везде выступало мрачное и бессмысленное: „смерть“».

«Я привлек внимание постового, надеясь, что служитель порядка объяснит, почему все городские надписи заменили одной нелепой, но тот посчитал меня чокнутым и в грубых выражениях посоветовал обратиться в Кашенко».

Мать Алика, Надежда Константиновна, так описывает его возвращение в тот злополучный день:

«Я смотрела телевизор. Алик пришел внезапно, не поздоровался и убежал в свою комнату. Я зашла туда вечером, сын плакал, на коленях у него лежал роман Сологуба „Мелкий бес“. Он попросил: мама, прочти. Я недоуменно прочла вслух отрывок. У Алика началась истерика. Сын кричал: „Перестань меня дурить, признайся, тут написано «смерть смерть смерть»“».

Температуры у мальчика не было, однако он казался таким странным, что я встревожилась и вызвала терапевта. Тот поговорил с Аликом пять минут и порекомендовал положить ребенка в больницу».

Местный психиатр, всесторонне исследовав больного, отбросил мысль о шизофрении или помрачении рассудка, напротив, он был убежден, что Алик действительно видит слово «смерть» там, где остальные замечают бодрые слоганы, вывески и объявления. Доктор связался со столичными коллегами, и выяснилось, что за последние полгода зафиксировано несколько подобных случаев. Больные наблюдаются в особой питерской клинике, чьи специалисты глубоко изучили это заболевание и знают, как его лечить.

Так молодой человек попал в Областную психоневрологическую клинику имени Товстоногова.

Мы, обеспокоенные состоянием Алика, встретились с заведующим клиники, доктором медицинских наук профессором Александром Лукьяненко и попросили дать пояснения по поводу произошедшего.

— *Здравствуйте, Александр Иванович! Многие наши читатели интересуются здоровьем Алуханова. Галина Тимофеевна Вязова, пенсионерка из села Малые Кукушки, написала в редакцию письмо, в котором слезно умоляет сообщить, «жив Алик или не жив».*

— Жив! Так и передайте. На днях поправится. Трепанация черепа прошла без осложнений, трафарет извлечен лично мной.

— *Не все знают, что такое «трафарет». Расскажите, пожалуйста.*

— Конкретный механизм работы этого новообразования пока не поддается инструментарию современных исследователей. Медицина впервые столкнулась с чем-то подобным. Может быть, в будущем удастся проникнуть глубже в его природу, пока скажу только, что это микроскопический клочок бумаги с вырезанными буквами С М Е Р Т Ь. Он был у всех больных в мозговых долях, ответственных за распознавание текстовой информации, и накладывался на видимые слова, скрывая исходное сообщение.

— *Сергей Федотов из города Тюмень спрашивает: «А этот трафарет самозарождается в мозгу или вносится извне?»*

— Хороший вопрос. Предполагаю, вносятся злоумышленниками через ухо. Есть косвенные признаки, указывающие на искусственное происхождение.

— *Имеются ли негативные последствия у прооперированных?*

— После всех процедур восприятие нормализуется. Головных болей, потери памяти у пациентов нет.

— *Большое спасибо за уделенное время!*

И мы отправились дальше. Путь вел через тенистые аллеи и залитые солнцем людные площади. Мы спускались по узким лестницам, пересекали пустынные переулки и шумные шоссе, мы отчаянно торопились, потому что капитан милиции Анатолий Валерьевич Брызгалов, любезно согласившийся прояснить ситуацию, ждать бы не стал.

Остроносый, спокойный, как скала, капитан сидел в кабинете и внимательно изучал протоколы. Убийцы, воры, насильники, правонарушители всех мастей были у него как на ладони. При нашем появлении он коротко поздоровался и безотлагательно приступил к делу.

— Вокруг трафаретов творится форменное безобразие! Домыслы, сплетни, досужие байки растут лавиной. Нужно немедленно развеять ложь! Диктофоны включены?

Получив утвердительный ответ, Анатолий Валерьевич повел рассказ:

— Жизнь у меня, прямо скажу, не сладкая. Убийцы, воры, насильники, правонарушители всех мастей — вот с кем приходится сталкиваться ежечасно. Они врут, изворачиваются, изобретают тысячи уловок, но в конце концов к самому хитроумному негодяю находится ключик. Однако банда трафаретчиков стала сложнейшим случаем в моей практике. В этой папке пятнадцать уголовных дел, — трясет увесистой папкой, — и только тщательно изучив каждое, я увидел между ними связь. На первый взгляд кажется, в беду попали совсем разные люди. Вот Братчикова Людмила, пятьдесят восемь лет, санитарка из Брянска. А вот Артем Стариков, одиннадцать лет, московский пятиклассник. Вот Илья Горохов, известный в Тюмени диджей, девятнадцать лет. Вот Аннабель Дэй, двадцатилетняя английская студентка, приехавшая по обмену в Екатеринбург. Казалось бы, ничего их не связывает. Однако читаю дальше: «18 ноября 1993 года Алик Алуханов вышел из ресторана „История“ в отличном расположении духа и обнаружил изменения в текстах, расклеенных по городу». «31 марта Илья Горохов, плотно отобедав в бистро „Фрейя“, обнаружил изменения в текстах, расклеенных по городу». «15 июня Аннабель Дэй вышла из кафетерия „Карамель“, где ужинала с молодым человеком, и обнаружила изменения в текстах, расклеенных по городу». Продолжать? Думаю, не надо. Восприятие изменилось у граждан после посещения ими забегаловок. Скорей всего, преступники там и поджидают жертв, подумал я и отправил запросы в администрацию заведений. Записи с видеокамер дали потрясающие результаты. Выяснилось, что к заражению причастны официанты. В замедленном воспроизведении хорошо видно, как подавальщик, проходя мимо жертвы, делает рукой быстрое волнообразное движение. Клиент впадает в нечто вроде краткого транса, и злоумышленник проводит ладонью над его ухом.

Схожие инциденты в остальных заведениях со всей неопровержимостью доказали правоту моей рабочей гипотезы. Дело осталось за малым — поймать преступников с поличным. Мы установили наблюдение за «Историей». В результате операции под кодовым названием «половой» удалось схватить официанта на месте преступления. Мужчина, по документам Григорьев Сергей Геннадьевич, сотрудничать со следствием отказался. Он вызывающе молчал и вел себя совершенно невозмутимо, даже когда к нему применялись жесткие методы допроса. Медик, осмотревший обвиняемого, обескуражил сотрудников следственного отдела утверждением,

что говорить Сергей не может по причине врожденного отсутствия голосовых связок. И совсем невероятным стало открытие дежурного лейтенанта, который потребовал, чтобы заключенный облачился в тюремную робу. Тот принялся одеваться, не сняв предварительно форменной одежды, на замечание не отреагировал. Полицейский попытался стянуть с заключенного перчатки и дернул их с такой силой, что они слегка разошлись по шву. «Григорьев изменился в лице, будто испытывал острые болевые ощущения. На месте разрыва обильно выступила кровь, — докладывал дежурный, — врачебный осмотр показал, что парадное облачение является его своеобразной кожей».

Заинтригованный до крайности, я лично навел Григорьева и ряд других пойманных к тому времени официантов. Подтвердились все фантастические допущения: кожный покров заключенных расслаивался на плотное сукно коричневого цвета, напомилавшее фракный пиджак, и внутреннюю белую шкуру в виде жилета, с костяными наростами — пуговицами. Из горла официантов торчал упругий хрящ — галстук-бабочка. Говорить арестанты не могли, более того, за пределами ресторанов теряли ориентацию в пространстве и не обнаруживали признаков разумных существ. Следственный эксперимент продемонстрировал, что стоит вернуть их в привычное окружение, как они автоматически возвращаются к своим обязанностям. Сведений об их близких и родственниках не найдено, ночевали твари на работе, в подсобном помещении.

Я навел администратора ресторана «История» и попросил дать пояснения по поводу Григорьева.

— Сергей пришел по объявлению. На нем был идеальный фрак. Соискатель подкупал внешним видом и целеустремленностью. Я понял, что он отлично подойдет для должности и, не перемолвившись с ним ни единым словом, взял. Он безукоризненно выполнял работу. Кто бы мог подумать, что вот так обернется... Когда разгорелась истерия по поводу официантов, я лично перепроверил наших. Большинство были нормальными людьми, могли нахамить посетителю, плюнуть в блюдо, соблазнить красавицу. Трое спали в подсобке и отличались невероятной собранностью. Никогда не болели, не опаздывали, не роняли заказы. Я заметил, что Павел Р. постоянно ходит с подносом. Уже тогда это вызывало вопросы. Сейчас очевидно, что поднос был частью его ладоней и состоял из тонких сплюснутых костей, обтянутых кожей. В результате секретной операции под кодовым названием «Половой» удалось выяснить, что треть официантов в большинстве заведений Российской Федерации не являются людьми, а представляют собой странных существ, словно сотворенных для того, чтобы выполнять обязанности подавальщиков. Было неясно, откуда создания приходят, как устроены на физиологическом уровне, нуждаются ли в пище и отдыхе, несомненно одно: они кардинально отличаются от людей. Профессор питерского университета биолог Игорь Долгих написал пространную статью о том, что «Дарвин, безусловно, был прав, когда возводил генезис человечества к эволюции обезьян. Однако он не учел того ныне достоверного факта, что наряду с нашей обезьяноподобной расой на планете развивалось другое человечество, ведущее род от иного предка. Теперь можно с уверенностью сказать, что этой загадочной расой были официанты, древним предком — пингвины. В самом деле, даже неофит заметит несомненное сходство между официантом в долгополом фраке и элегантной морской птицей. Эта близость сделалась общим местом в массовой культуре. Известные литераторы нередко прибегали к морским метафорам в описании официантов. Гоголь в «Мертвых душах» косвенно намекал на старинного пращура:

«Половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу».

Мы не знаем, что происходит у них в голове, нам недоступны их цели и тайные побуждения. Неизвестно, обладают ли они разумом. И если обладают, то, во всяком случае, он кардинально отличается от нашего.

Зачем они помещают в мозг человека микроскопические трафареты? Хотят выйти на контакт? Предостеречь? Наказать? Ответ на эти вопросы был невозможен, пока литовский исследователь Эрнестас Карпиклас не совершил знаменитое путешествие в Антарктику в обществе официанта и пары расторопных помощников. Он всего лишь хотел реализовать «идею, явившуюся мне ранним утром на границе между явью и сновидением: столкнуть нос к носу прародителя и потомка. <...> ...Корабль застыл в безграничном сверкании. Я спустился по трапу и вдалеке, у кромки океана, заметил неподвижные черные точки пингвинов. Официант во время путешествия выглядел разбитым и вялым, но вдохнул ледяной воздух полюса и преобразился: глаза горели, фигура выражала готовность действовать, кулаки сжимались и разжимались. Я переглянулся со старпомом и решил выпустить нашего спутника. Он тотчас помчался к пингвинам, мы едва успевали за ним. Достигнув назначения, официант буквально врезался в стаю птиц, весь подергивался, совершал волнообразные движения руками, ногами и всем телом и, главное, молниеносно проводил ладонью над их слуховыми отверстиями <...> Эксперимент Карпикласа показал, что пингвины, инфицированные трафаретами, становятся единообразными в действиях и уверенно перемещаются в направлении некоей цели, словно «только сейчас научились ориентироваться в пространстве, а прежде, как слепые, копошились во мраке».

Американский зоолог Феликс Найман считает, что слово «смерть», компульсивно внедряемое официантами, изначально предназначалось для пингвинов. Строение птичьего мозга на глубинном уровне отличается от человеческого. «Смерть» не воспринималась птицами с содержательной стороны, сами очертания слова достраивали пространственное восприятие, неполное от природы. Они постоянно видели в небе, в море, в телах друг друга дыры: «С», «М», «Е», «Р», «Т» «Ь». Подавальщики, дополняя изображение реальности введением трафарета, образовывали вместе с ними своеобразный симбиотический организм. Карпиклас пишет: «Как только официант закончил, он рухнул в сверкающую ледяную пыль и больше не подавал признаков жизни. Пингвины сгруппировались и быстро вертели головками, жадно разглядывая бесконечные дали. У меня возникло впечатление, будто они только что прозрели и воспринимают мир таким, каким он по-настоящему является. Но вот кажется, они уверенно шагают в направлении некоей цели.

Добавлено пять минут спустя:

Они движутся в нашу сторону.

РАССКАЗЫ

ГОГОЛЕВСКИЙ ПАРК

Возвращаясь летним вечером с работы, Адам Иванович Козлов обнаружил, что неподалеку от его дома устроили Гоголевский парк. Прежде композиции в парке были зачехлены — и Адам Иванович не мог разобрать, что именно здесь появилось. Теперь же их открыли, а над воротами повесили огромный транспарант с названием. Козлову стало любопытно, и он решил зайти.

У входа была установлена красно-белая полосатая будка, словно предназначенная для часового, с надписью «Нехай». При приближении Адама Ивановича из нее, тяжело отдуваясь, вылез похожий на моржа усатый мужчина. Сходство усиливалось еще и его необычно крупными клыками, которые не помещались во рту и торчали у верхней губы.

«Простите, пожалуйста, а что значит „Нехай“? — поинтересовался у незнакомца Козлов. «Это не что, а кто, — недовольно сопя, поправил тот Адама Ивановича. — Это я. Меня зовут Степан Нехай, и я смотритель парка». — «Ах вот как! — сконфуженно воскликнул Козлов, которому заданный вопрос теперь показался бестактным. — Очень интересно! Прежде тут этого парка не было». — «А теперь есть, — сказал Нехай уверенным тоном, словно этот факт нуждался в его подтверждении. — И у нас здесь собраны уникальные экспонаты, имеющие отношение к Гоголю. Вы можете пройти и посмотреть, а я отвечу на ваши вопросы».

Адам Иванович поблагодарил смотрителя и двинулся вперед. Ему было неприятно, что Нехай пошел по пятам за ним, чуть ли не наступая на ноги. «Он, что, считает, что я могу украсть отсюда что-нибудь?» — обиженно подумал Козлов, но вслух возражать не решился.

Первой на его пути встретилась выполненная из металла композиция высотой метра в три, представляющая руку с пером и под ним — лист бумаги. «Что это такое?» — спросил Козлов. «Это рука Гоголя, та самая, которой он писал свои бессмертные произведения», — с каким-то странным оттенком торжественности сказал Нехай. «Но откуда посетители могут узнать, что эта рука принадлежит именно Гоголю? — с недоумением спросил Козлов. — Она точно так же могла бы быть рукой Пушкина, Тургенева или Достоевского. В ней нет ничего лично от Гоголя». — «Ну, знаете, — обиженно сказал Нехай. — Вы же пришли в Гоголевский парк, а не парк Пушкина. Рука — это важная часть Гоголя, поскольку писала, создавала тексты именно она, и этого достаточно, чтобы увековечить ее в таком памятнике. Для тугодумов, которые не могут понять, кому принадлежит рука, под ней стоит табличка, где написано, что она — Гоголя. А для тех, кто поленился прочитать табличку, есть еще и я — я всегда готов дать необходимые пояснения». — «Ну хорошо», —

Дмитрий Никитин родился в 1985 году в Москве. Окончил Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). Основная специальность — редактор в информационных агентствах. В 2011 году вышла книга «Жизнь Иринина», включающая два небольших романа, в 2015 году — книга «Трещина» с повестями и рассказами.

сказал Козлов, которому не хотелось спорить с Нехаем, хотя выдумка с рукой и показалась ему глупой.

Следующим экспонатом был горбатый нос — примерно такого же размера, как рука. «А это, наверное, нос Гоголя», — предположил Козлов. «Разумеется, нет, — буркнул Нехай. — Это нос из его одноименной повести». — «Да, я должен был догадаться, — сказал Адам Иванович, который почувствовал почему-то необходимость оправдываться. — Просто он горбатый и похож на гоголевский». На это Нехай ничего не ответил.

За носом была установлено на вешалке нечто вроде пальто. «Это, видимо, шинель», — сказал Адам Иванович. «Да, — удовлетворенно кивнул Нехай. — Хоть здесь вы угадали. Если хотите, вы можете надеть ее и снять». — «Зачем?» — спросил Адам Иванович. «Таким образом вы сможете в буквальном смысле выйти из гоголевской шинели», — объяснил Нехай. «Нет, спасибо. Пожалуй, я обойдусь».

Чтобы меньше обращаться к Нехаю, к которому Козлов чувствовал уже сильную неприязнь, Адам Иванович решил читать таблички перед экспонатами. Он перешел к композиции из металла, представляющей группу людей, пустых внутри и обведенных только контурами. Под ней было написано: «Мертвые души». «И почему же именно вот это — мертвые души?» — не удержался от вопроса Козлов, скептически осмотрев композицию. «Разве не видно? Они пустые внутри, — почти с каким-то озлоблением сказал Нехай. — Станный вы, право слово, как маленький, все приходится вам объяснять».

Эта неожиданно грубая реплика удивила Адама Ивановича; он обернулся и смерил взглядом всю крупную, заплывшую жиром фигуру Нехая, который в свою очередь уставился на него своими маленькими темными глазенками. «Пьян он, что ли? — подумал Козлов. — Или намеренно хочет затеять скандал?» У Адама Ивановича не было желания вступать в перепалку с Нехаем, и он, промолчав, отвернулся.

Дальнейший осмотр парка все больше повергал Адама Ивановича в уныние. Среди выставленных экспонатов был огромный глаз, у которого можно было поднимать и опускать веко, названный «глазом Вия»; фигуры доверительно беседующих Хлестакова и Пушкина, представляющих выдумку о том, что Хлестаков был «с Пушкиным на дружеской ноге». Затем шли несколько небольших домиков, внутри которых были обустроены жилища персонажей «Мертвых душ». Один из них, представляющий дом Собакевича, был в форме самого Собакевича, и все предметы внутри — стол, кресла, стулья, ореховое бюро — также имели подобную форму. На одной из стен была вывешена цитата: «Каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич!» Кроме того, в этом доме находился сам Собакевич, наступающий на ногу Чичикову. Роли обоих играли загримированные живые люди, которые обязаны были оставаться в одном положении. Следующий дом был жилищем Манилова, внутри его семейство сидело за обедом в окружении слуг, один из которых вытирал нос Фемистоклосу — сыну Манилова. В этой сцене были зачем-то задействованы несколько слуг, вовсе не упомянутых в тексте «Мертвых душ», и общее число ее участников составляло десять человек. Все участники, опять же, были живыми людьми, застывшими в одной позе. «Что за дурацкая выдумка! — с возмущением подумал Козлов. — Ведь для всех этих людей так стоять — мучение, и всем им, очевидно, надо платить за то, что они здесь находятся». Выглядело все это так нелепо, что Адам Иванович, не удержавшись, ткнул одного из слуг пальцем в бок, от чего тот нервно дернулся. «Действительно живой», — с неприятным удивлением подумал Козлов.

Еще в одном домике помещалось жилище Плюшкина. Там посетителям предлагалось выбрасывать мусор — «пожертвовать его Плюшкину». Единственный участ-

ник этой сцены — сам Плюшкин — должен был собирать мусор, раскладывать и сортировать его. Поскольку в помещении накопилось много гниющих пищевых отходов, там стояла омерзительная вонь, и Адам Иванович поспешно вышел.

За домиками стояли актеры, изображающие Бобчинского и Добчинского; рядом с ними был установлен стол с письменными принадлежностями, над ним висел почтовый ящик. Как прочитал Козлов, здесь можно было написать письмо президенту и «рассказать ему о себе». На табличке рядом была установлена цитата: «Скажите государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский». «Что за глупости! — не сдержавшись, воскликнул Козлов. — Зачем мне писать письмо президенту?» — «Как это? Может, он ответит или подарит вам что-нибудь», — сказал из-за его спины Нехай, который все это время продолжал следовать за Козловым.

Наконец, в дальнем участке парка, в густой тени деревьев, была вырыта глубокая узкая яма, в которой стоял гроб. Никакой поясняющей таблички здесь не было. «А это что такое?» — решил все-таки обратиться за разъяснениями к Нехаю Козлов. «Эта композиция представляет легенду о том, что Гоголь был похоронен заживо. В гробу действительно есть живой человек, похожий на Гоголя, — в гробу проделана дырочка, через которую он может дышать. А за небольшую плату вы можете попробовать и себя в этой роли». — «А сколько это стоит?» — зачем-то спросил Козлов. «Сто рублей», — сказал Нехай. Адам Иванович сам не знал, что с ним творилось, но почему-то ему захотелось непременно попробовать этот аттракцион и залезть в гроб; не успев опомниться, он протянул Нехаю сто рублей, и тот дернул за большой рычаг, с помощью которого гроб поднимался на поверхность. Нехай снял крышку, и из гроба действительно вылез человек, загримированный под Гоголя; он был растрепан и выглядел сонным. «Вы что, спите там?» — спросил Адам Иванович. «Да, а что еще делать? Хорошая у меня работа: сплю и получаю деньги!» — сказал, расхохотавшись, двойник Гоголя. «Вы не подумайте, что этот аттракцион такой скучный, — вступил в разговор, забеспокоившись, Нехай. — Он просто уже давно привык, а вам сильных впечатлений хватит. Вы пробудете в гробу ровно две минуты, но, поверьте, этот опыт вам запомнится надолго». Адам Иванович, которому не хотелось больше разговаривать с Нехаем, вместо ответа молча лег в гроб и сложил руки на груди. Он обратил внимание, что на крышке с внутренней ее стороны были большие свежие царапины, и решил, что они сделаны специально, для дополнения общего эффекта.

Крышка захлопнулась, Козлов остался в полной темноте. Он почувствовал, как гроб плавно спустился в яму, а затем на нее начало что-то со стуком сыпаться. «Они что, зарывают меня? — с беспокойством подумал Адам Иванович. — Разве это было предусмотрено? Ведь двойник Гоголя лежал здесь незакопанным!»

Козлову пришла вдруг в голову безумная мысль, что Нехай решил убить его и заманил его в ловушку. В самом деле: удары о крышку гроба, очень обильные, становились все глуше, словно гроб уже был засыпан и сверху накапливались все новые слои земли. При этом темнота внутри была полной — значит, дырочки для дыхания, о которой говорил Нехай, в действительности не было — либо ее заткнули.

Козлова охватил ужас; ему показалось, что он задыхается. Слегка повернувшись, он несколько раз ударился головой и плечами в стенки гроба — и только сейчас как-то особенно остро почувствовал, как мало пространства ему отведено внутри. «Откройте! — крикнул Адам Иванович. — Идиоты, дурачье, откройте!!» Вместо ответа слышались все более глухие удары комьев земли. Испуганный, Козлов принялся колотить в крышку гроба, царапать ее ногтями, потом, отталкиваясь от дна локтями, уперся в нее грудью и пытался выдавить — но никакого эффекта не было:

Адаму Ивановичу было слишком тесно, и он не мог размахнуться для сколько-нибудь сильного удара. Тщетность усилий только больше его напугала. Козлов кричал, ворочался, извивался всем телом, как змея, стал даже дубасить в древесину лбом. У него началась истерика, и боли он не чувствовал. Наконец, когда Адам Иванович начал уже терять сознание от ужаса, гроб дернулся и поднялся наверх.

Когда крышка отворилась, Нехаю и двойнику Гоголя пришлось вытаскивать Адама Ивановича из гроба: руки и ноги у него были как ватные, перед глазами все плыло. Он жадно, глубоко дышал. Когда Козлова положили на траву — его стошнило, и у него даже не было сил вытереть с себя рвоту. «Ну, что вы так, — с беспокойством говорил Нехай, осторожно переворачивая Козлова на бок и вытирая его большой салфеткой — видимо, у него специально были припасены такие для подобных случаев. — Уж и испугались! Пришлось даже доставать вас раньше времени. Вы что, думали, мы вас там действительно зароем, что ли? Это мы просто включаем такой звук, как будто земля падает. Зато теперь почувствуете, как хорошо, радостно жить!»

Адам Иванович, дождавшись, когда к нему вернулась чувствительность, осторожно поднялся и, оттолкнув руки Нехая и двойника Гоголя, которые хотели поддержать его, побрел из парка прочь. Чувствовал он себя омерзительно, во рту задержался гадкий кислый вкус рвоты, и Козлову представлялось, что все вокруг — земля, трава, деревья, солнце — такое же кислое на вкус, липкое, вязкое и гнусное. Козлову казалось, что его испачкали, вымазали в грязи, в которой он чуть было не задохнулся; произошедшее было безобразно, возмутительно, но вместе с тем так нелепо и странно, что Адам Иванович никак не мог прийти в себя.

Выходя из парка, он заметил книгу жалоб и предложений, размещенную на специальной полочке у будки Нехая, и, не зная, как выразить свою злость, швырнул книгу на землю и несколько раз наступил на нее.

ИЗГНАНИЕ

Владимира Воронова преследовала в последнее время странная, как будто ничем не обоснованная мысль: ему казалось, что он утратил право на существование. Думая об этом, Воронов с удивлением оглядывался на своих сослуживцев, родственников и знакомых, просто встречных прохожих на улице и восклицал: «А они! Разве они лучше меня? Чем можно оправдать их присутствие в жизни? Почему они достойны того, чтобы жить, а я — нет?»

Ответа на этот вопрос Воронов не находил. Лица окружающих казались ему непроницаемыми; они сияли непостижимым самодовольством и не допускали даже и тени сомнения в том, что существование этих людей необходимо, что они по праву занимают свое место в жизни, приносят пользу, являются хотя бы крохотными, но нужными винтиками в механизме мироустройства. И только Воронов усомнился в собственной полезности — и вместе с этим как будто и вправду выпал из общего целого, сделался отщепенцем, отверженным.

Пытаясь себя оправдать, Воронов восстанавливал мысленно ход своей пока еще недолгой жизни. Детство казалось Владимиру благополучным и ничем не примечательным, оно прошло не хуже, чем у других; единственной характерной особенностью, обуславливавшей его не совсем обычный взгляд на мир, была сильная близорукость. Воронов практически не видел без очков — мир для него превращался в набор расплывающихся пятен, в нечто далекое и нереальное. Ему требовалось связующее звено, нечто встраивающее его в мир, делающее его полноцен-

ным, — и этим инструментом были большие тяжелые очки, похожие по форме на авиаторские. Владимир привык уже вооружаться этими очками и даже как-то гордился ими — но в то же время и несколько побаивался их утраты: без них он делался не таким человеком, как все, беспомощным и уязвимым. Возможно, именно в этой особенности Владимира коренилось его смутное чувство отделенности от мира, поскольку очки, будучи связью, в некотором роде являлись и преградой, перегородкой между ним и миром, — и сейчас это ощущение особенно усилилось. Во Владимире было нарушено сложившееся годами внутреннее равновесие; он искал своего места в жизни и не находил.

Без успеха отучившись в школе, Воронов благодаря своей близорукости избежал армии и устроился работать продавцом в салон сотовой связи. Работа не нравилась Владимиру и даже вызывала у него некоторое чувство вины: ему казалось, что он не делает ничего полезного, паразитирует на благополучии других людей, стараясь навязать ненужные им предметы. Судя по всему, именно это занятие и вызвало у Воронова чувство собственной ненужности; однако бросить его он не мог, поскольку родители отказывались содержать его, а поступить в институт ленивому и пассивному Владимиру не удавалось. В результате ему казалось, что он живет ничемно, просто коптит небо.

Для Воронова наступили тяжелые дни. Стояла мучительная, одуряющая жара, и он подчас переставал понимать, где он находится и что с ним происходит. Двенадцатичасовые смены в салоне связи доводили его практически до невменяемости; к вечеру он совсем переставал соображать, двигался и выдавливал из себя слова механически, с большим трудом.

Окружающий мир день ото дня казался ему все более странным и враждебным. Лица сослуживцев и посетителей сделались словно бы более изменчивыми, чем прежде, и расплывались в безобразные и страшные гримасы, от которых Владимир буквально отшатывался. Сами его коллеги стали более глупыми и злыми, беспричинно раздражались и кричали, чуть не дрались при дележе выручки. Посетители салона словно бы не намеревались больше ничего покупать, а заходили как будто с целью выкинуть дикую шутку или разыграть отвратительную сцену. Один из них, когда Воронов подошел к нему, неожиданно снял очки с Владимира и принялся их примерять. Когда Воронов выхватил их, пришедший разозлился, вызвал администратора салона и стал жаловаться на Владимира, утверждая, что тот ему нахамил. Другой посетитель принялся принимать странные позы: рассматривая ассортимент салона, он садился на корточки, потом, наоборот, поднимался на цыпочки и раскачивался на носках, лег на пол, затем встал на одной ноге, вытянувшись всем корпусом вперед. Еще один, с советским флагом, долго и навязчиво уговаривал Владимира голосовать на выборах за коммунистов. Потом какая-то старуха, судя по виду приехавшая из деревни, привела с собой грязную свинью, которая прямо в помещении нагадила. Вслед за ней пришел человек с непропорционально крупной головой — из-за ее величины ему трудно было удерживать равновесие, так что он покачивался при ходьбе — и, улучив момент, когда Воронов отвернулся, слопал пирожок, который тот заготовил себе на обед. Затем в салон залетел огромный ярко-красный попугай и стал с оглушительными воплями долбить клювом по стеклам, так, что едва не побил витрины. После всего произошедшего Воронов уже не удивился бы, если бы в салоне появился слон, крокодил или вырос бы баобаб.

Другие приходящие плевали на пол, хамили Владимиру, приставали к нему с не относящимися к делу вопросами, а иногда просто молча стояли на месте по полчаса, по часу, по два часа и отказывались уходить. При этом коллеги Воронова вели се-

бя невозмутимо, словно так и нужно было; казалось, они готовы были спокойно сносить самые грубые и безобразные выходки посетителей — но при этом становились все более придирчивы и жестоки к самому Владимиру. Ему постоянно указывали на недостатки в работе, говорили, что он спит на ходу, мямлит, отвечает невпопад и в результате отпугивает клиентов; наконец, просто ставили ему в вину его очки, заявляя, что он в них похож на «пугало огородное». Более старшие и сильные коллеги начали исподтишка тыкать его кулаками, щипать, дергать за волосы и за уши; Воронов старался отвечать им, но не мог справиться с общей ожесточенностью против него. Судя по всему, Владимира возненавидели: как-то раз в начале рабочего дня он нашел на столе тряпичную куклу, изображающую его самого и исколотую булавками. Видимо, окружающие поняли, что он больше не считает себя достойным жизни, и, как хищники, набросились на него, чтобы действительно его выдавить, затравить, сожрать и занять его место.

Владимир не находил себе оправдания, не понимал, за что он мог бы зацепиться, чтобы почувствовать себя сильнее и увереннее. Он был рядовым, обыкновенным человеком, который ел, спал, продавал телефоны — и не делал ничего важного или нужного. Он ничем не выделялся и не обладал никакими значительными способностями, буквально любой из окружающих мог бы заменить его. Воронова отличало только осознание собственного ничтожества, отсутствие какого-то естественного инстинкта самосохранения, заставляющего с животным упорством бороться за свой кусок мяса. Но Владимир даже и не мог понять, зачем ему это делать. Происходящее осточертело ему — и было непонятно, как ход событий можно изменить.

Когда в очередной понедельник Владимир явился в свой салон, его рассчитали и сказали ему, что в его услугах больше не нуждаются. С ним кратко поговорил только дежурный администратор; остальные коллеги даже не подали ему руки, не сказали ни одного слова, как будто Воронов уже перестал для них существовать. На него даже как-то невольно наталкивались, словно он сделался невидимкой. Стоя в растерянности посреди салона, Владимир, хотя его никто и не гнал, чувствовал, что он теперь здесь лишний, что его дальнейшее присутствие бессмысленно, — и ему вдруг показалось даже, словно он никогда и не работал в этом салоне, словно его вообще здесь не было, его никто не видел и не знал. Это ощущение вызвало у Воронова внутренний протест; ему мучительно захотелось, чтобы его заметили. Для этого он решил пусть и потратить последние деньги, но выступить в роли клиента — хотя бы на минуту почувствовать, что он существует и что-то представляет из себя. Он обратился к одному из своих бывших коллег-продавцов, но тот не стал слушать Воронова и, слегка приобняв его за плечо, подтолкнул к двери. Владимир почувствовал, что ему лучше поскорее уйти.

Жара в этот день особенно усилилась. Не зная, куда деваться, Воронов принялся бродить по городу и пить пиво, покупая новое по мере того, как пустели бутылки. Ему было грустно и страшно, хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил с ним — но прохожие демонстрировали такое же отношение к нему, как и сотрудники салона связи: от Владимира прятали глаза, не отвечали на его реплики, не оборачивались, а если он приближался к кому-то — перли напролом, отталкивая его, словно Воронова просто не было. Владимир попытался было подсесть к девушке, которая со скучающим видом сидела на лавке в сквере, но она моментально вскочила с места и ушла. Какой-то подросток, которого Владимир схватил за плечо, решив предложить ему пива, кинулся прочь со всех ног; пьяный мужчина, тянувший пиво, как и Воронов, при приближении Владимира сам двинулся на него и сбил его с ног. Наконец, разозлившись, Владимир вышел на тротуар, удерживая одной рукой свое пиво, расстегнул ширинку и принялся демонстративно мочиться прямо на асфальт.

Он был уверен, что теперь на него обратят внимание, хотя бы выругают, но прохожие только молча, отворачиваясь, на большом расстоянии обходили его.

Усталый, расстроенный и пьяный, Воронов наконец отправился домой. Он жил в пригороде, в небольшом коттедже с огороженным участком. К удивлению Владимира, его калитка была заперта; он пробовал кричать и звать родителей, но никто не отзывался. Тогда Воронов принялся дергать калитку — и с неожиданной даже для себя силой рванул ее так, что с мясом выдрал плохо закрепленный засов. Однако и дверь дома тоже была закрыта. Владимир, стоя на пороге, кричал, барабанил в дверь кулаками, затем стал дубасить ногами — но никакого ответа не было. Он уже чувствовал, что происходит нечто неладное, но не мог понять, что случилось. Ему казалось, словно он вычеркнут из жизни, перестал существовать — и Воронова охватило тяжелое чувство обреченности. Судя по всему, бороться с этим было бесполезно.

Владимир в изнеможении опустился на крыльцо, какое-то время ждал, а затем задремал. Разбудили его скрип и толчок двери, ударившей его в спину. Наконец-то ему отворили. Воронов радостно вскочил с места и вошел — но остолбенел от удивления: его родители стояли недалеко от двери с испуганными и злыми выражениями лиц, мать была вооружена скалкой, а отец — шваброй, которую выставил перед собой наперевес. Они явно намеревались не пустить сына в дом. За их спинами виднелась маленькая сестра Владимира, которая с ужасом витаращилась на него и, видимо, готова была заплакать.

«Чего пришел? Иди отсюда!» — со злобой сказал Воронову отец. Владимир пытался было сделать шаг в дом, но тут отец сильно ткнул его шваброй в бок, а затем размахнулся, явно готовясь ударить по голове; мать тоже держала наготове свою скалку. «Я же ваш сын! Я пришел домой! Почему вы меня не пускаете?» — спросил Владимир. «Иди, иди, нечего тут!» — сказал отец, подталкивая Воронова шваброй и потихоньку надвигаясь на него, вытесняя из дома. «Но куда я пойду?» — спросил Воронов. Отец не стал больше с ним разговаривать, а молча указал шваброй куда-то за спину сына.

Владимир, обернувшись, увидел собачью конуру, которой прежде у них во дворе не было; рядом с ней стояли миска, полная куриных костей и объедков, и небольшая кастрюлька с водой. По жесту отца Владимир понял, что все это было приготовлено для него. Видимо, члены его семьи почувствовали состояние Владимира и согласились с его собственным мнением — что он больше не имеет права жить как человек. Собственно, если посмотреть объективно, он ничем не заслуживал и этой конуры: видимо, она была для него поставлена из жалости или из чувства долга.

Владимира еще раз больно ткнули в спину шваброй, чтобы он подвинулся и полностью вышел из дома, — и дверь за его спиной с треском захлопнулась. Вздыхнув, он подошел к конуре, встал на четвереньки и принялся, тяжело кряхтя, протискиваться в ее узкое круглое отверстие. Ему было приятно увидеть, что будка для него была выполнена даже с некоторой заботливостью: у нее был дощатый пол, на который постелили новенький коврик, а над входом на счастье висела подкова. Воронов был огорчен произошедшим, но чувствовал, что, в сущности, его изгнание закономерно, и радовался тому, что у него все-таки есть еда.

Александр РЫБИН

ЭТО ПРОСТО НАША РАБОТА

ЧАСТЬ 1. БЕЖЕНЦЫ

Надо быть честным, хотя бы перед самим собой: я — журналист, поэтому я зарабатываю на этой войне точно так же, как эти улыбчивые и смелые ребята из американского спецназа, русской морской пехоты, иранской военной разведки, турецкие танкисты, французские артиллеристы... Нас тут много: целый Вавилон наций скопился на куске земли под названием Сирия. Официально — тут идет война «цивилизованного мира против международного терроризма». Вот мы и зарабатываем — «цивилизованный мир» начисляет нам зарплаты и премии.

Миша — оператор основного российского телеканала. Прежде чем взять видеокамеру, он натягивает на себя бронежилет, каску, закидывает за спину автомат АК-74, сбоку навешивает пистолет ТТ. Даже гранату РГД с вкрученным запалом бережно укладывает в боковой карман камуфлированных штанов. Я говорю ему: «Миш, раз тебе так нравится таскать на себе военную амуницию, попросись у кого-нибудь из полковников или генерала (я называю фамилию командующего российским экспедиционным корпусом в Сирии), пусть тебя оформят контрактником-вожак. Будешь валить „бармалеев“». Миша смотрит на меня с подозрением: «Ты чё, я же журналист — я не могу участвовать в боевых действиях, этика не позволяет». Ну да, а кроме этики, ведь военному надо соблюдать дисциплину, никаких ежедневных попоек, надо выполнять приказы тех командиров, которых мы за глаза называем крысами, потому что они приехали сюда ради звезд и новых званий.

С другой стороны — может, я и не прав со своим сарказмом. Миша собирается на эксклюзив — со взводом разведки он должен зайти на пять километров в глубь территории «бармалеев». Конечно же, как честный оператор он обязан будет защищать свою камеру с отснятым материалом до последнего патрона и последней капли крови, если нарвутся на засаду. Это журналистский долг.

С точки зрения крутых военкоров, ежедневно или хотя бы раз в неделю выезжающих на линию фронта, на самый «передок», я — лентяй. Ведь я предпочитаю собирать материал для своих текстов на «освобожденных» территориях либо в районах, которые за все шесть лет конфликта боевые действия вообще ни разу не за-

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

тронули. Я выезжаю на «передок» обычно не чаще одного раза в месяц. Нет, напрямую мне не говорят: «Сань, ты — лентяй». Во время очередной попойки мне отчетливо намекают на это: «Завтра поедешь с нами на „передок“?», «А чего не хочешь? Скучно тут по тылам сидеть. Смотри, разжиреешь и писать разучишься среди тыловой расслабухи».

Если прямо спросить солдата или офицера: «Зачем вы участвуете в этой войне?» — то в ответ они будут нести заученные мантры про борьбу с террором, гуманизм, общечеловеческие ценности... Поэтому обычно спрашиваю: «Что вы будете делать с деньгами, заработанными во время сирийской командировки? Ведь вы же рисковали жизнью, чтобы заработать их? Наверное, их надо потратить на что-то важное?» И они раскрываются. Разумеется, они все строят планы, на что потратят деньги, заработанные на «защите цивилизованного мира».

Капитан Моррис, командир взвода американского спецназа, им восхищаются все девочки-журналистки, аккредитованные в нашем пресс-центре, — высокий, мускулистый, голубоглазый, участник самых лихих операций в тылу «бармалеев». Я точно знаю, что, по меньшей мере, трем из девочек-журналисток удавалось пробраться в его постель: Софья из Украины, Берфин из Турции и француженка Люси (с ней совокупаются все журналисты, кто торчит в Сирии больше месяца безвылазно) — они гордятся этим как трофеем, как высокой наградой.

Моррис ответил мне: «Я наконец дострою свое ранчо. У меня есть земля в Айдахо. Наш дед, приплывший из Англии в Штаты, построил там огромный дом — он был настоящий ковбой, защищал свою землю от индейцев. Отец пристроил к дому еще несколько помещений — для хозяйственных нужд, летнюю спальню, летнюю кухню. Но когда мне было пятнадцать лет, случился страшный пожар, ужасный. Сгорели дом и все постройки. Чудом никто из членов нашей семьи не пострадал. Двадцать лет мы по новой отстраиваем ранчо. Отец сейчас болеет, брат живет в Нью-Йорке. Брат забрал отца к себе. Я один занимаюсь домом и хозяйством. Я прикидывал уже, за три командировки в Сирии заработаю достаточно, чтобы как раз довести до ума дом, хозяйственные постройки и кой-чего по мелочи достроить».

Над центром Дамаска разворачивается военно-воздушный штурмовик — заходит для атаки на пригород Джобар, где засели «бармалеи». Наверное, это французы — они анонсировали, что сегодня «будут наносить массированные авиаудары» (цитата из пресс-релиза Генерального штаба Французской Республики). От Старого города, торгово-исторического сердца Дамаска, до Джобара пятнадцать минут быстрой ходьбы. Трехлетняя Лиля спрашивает русскую маму Татьяну: «Мама, этот самолет заберет нас в Россию?» Гул боя в Джобаре отчетливо слышен в Старом городе, где мы сидим на веранде маленького кафе. Татьяна отвечает: «Да, но он ждет, когда мы оформим все документы, поэтому летает над нами кругами».

У Татьяны четверо детей. Муж — сириец. Они поженились еще в советское время, почти 26 лет назад. Татьяна переехала в сирийский город Ракку — к родителям мужа. Жили, однако, на две страны. Двое детей родились в России, двое — в Ракке. Имена у детей тоже двойные: арабское и обязательно эквивалентное ему русское.

Ракка — административный центр одноименной области, ничем не выдающийся, небогатый, почти без культурно-исторических объектов. От былых времен там сохранились лишь четырехсотлетние каменные Багдадские ворота — высокая стрельчатая арка и фигурно выложенные бурые кирпичи поверх нее. Хотя подобные развалины путеводители по Сирии даже не упоминают — слишком незначительны, —

местные власти оградили ворота металлическим забором как единственную достопримечательность. В оставшемся от французских колонистов здании расположили музей. Через город проходит Евфрат, но в том течении он мелкий, узкий, совсем не похож на великую реку, возле которой зародилась одна из древнейших цивилизаций.

В общем, турист забрести в Ракку мог лишь по недоразумению. Тем не менее постепенно в городе увеличивалось количество «русских жен» («русскими» в Сирии называют всех выходцев из бывшего СССР, а замуж за сирийцев выходили в основном уроженки Украины или Средней Азии) и русскоговорящих детей. В 2010 году даже открылся Русский культурный центр. О том, с каким радушием жители Ракки и окрестных деревень относились к русским, знаю по себе. За год до войны я провёл там несколько дней.

Когда в Сирии началась война, Ракка — и город, и область — долгое время оставалась тихим и спокойным местом. Без боя правительственная армия Сирии весной 2013-го покинула город, и контроль над ним перешел к «бармалеям». «Как-то утром просыпаемся, а город весь увешан черными флагами „бородачей“ и ни одного государственного», — рассказывает Татьяна. (Несколько подряд таких малопонятных отступлений правительственной армии стали причиной, почему в сирийскую войну вмешались «ведущие государства цивилизованного мира».)

Женщинам, привыкшим ходить, в чем захочется, пришлось одеться в традиционные для консервативного мусульманского общества наряды — наподобие тех, которые носят в Саудовской Аравии: все черное, только глаза открыты, черные перчатки, черная обувь. Мужчинам, кто не исповедовал «бармалейскую» версию ислама, предлагался выбор: сменить религию либо платить специальный «налог за веру». В случае отказа казнили, отрубали головы.

В январе 2014-го у «бармалеев» в Ракке происходили разборки между разными отрядами. Десять дней шли бои с применением тяжелой техники: танки, БМП, самодельные броневики, тачанки (пикапы с установленными в кузове крупнокалиберными пулеметами). «Цивилизованный мир» в эти разборки не вмешивался: пусть «бородатые» сами себя перестреляют, а мы потом подтянемся и перебьем оставшихся, — рассуждали старшие офицеры в Координационном центре многонациональной коалиции по борьбе с террором. «Бармалеи», правда, больше, чем своих чужих, перебили мирных жителей, которые не понимали кто, где и за кого, а за продуктами на базар ходить надо было. Базар пустовал лишь первые пару дней боев, затем перешел на обычный режим работы. Несколько минометных зарядов залетели и в торговые ряды — сколько именно было погибших, Татьяна не знает. «Никто их не считал. Приехали „бородачи“ на трех пикапах и приказали стоявшим поблизости людям грузить трупы по их кузовам. И куда-то увезли», — рассказывает Татьяна. Пока продолжались бои, в городе не было ни центрального водоснабжения, ни электричества. Гражданские гибли от случайных и преднамеренных выстрелов, когда шли за водой на Евфрат. Гибли, когда ходили, чтобы купить сольярку для генератора.

Среди «бармалеев» в Ракке было много таджиков, азербайджанцев и чеченцев. «Были уйгуры из Китая, европейцы, алжирцы, американцы. А сирийцев почти не было, совсем мало», — добавляет старший сын Татьяны шестнадцатилетний Саша. Три дня он просидел в тюрьме. Патруль «бармалеев» увидел, как Саша во дворе школы разговаривает с девочкой. Родственницей она ему не приходилась. За это — тюрьма. Родителям не сообщили. «У нас в городе голодали после того, как „бородатые“ пришли: заработков нет, еду у крестьян они для себя отбирали. Нам есть нечего, а они недоеденные куски выбрасывали в мусор. Я видел, как охранники смахивали недоеденное со столов прямо в мусорные баки», — рассказывает Саша. Через три дня

его отпустили. Пообещали, что в следующий раз при «нарушении мусульманских правил» ему придется сидеть в тюрьме гораздо дольше.

Школы еще некоторое время работали, но дочери Татьяны отказывались туда ходить, потому что не хотели следовать «бармалейскому» дресс-коду. Позже все старые школы закрыли, открыв вместо них религиозные. Христианские церкви сожгли, огромную шиитскую мечеть, построенную на деньги Ирана, взорвали. Православной Татьяне пришлось формально принять ислам: в семье денег на уплату «налога за веру» не было.

На улицах «бармалеи» проводили публичные казни. Головы рубили виновным в тяжких преступлениях и заподозренным в сотрудничестве с «цивилизованным миром». Специально жителей города смотреть на казни не созывали. На одной из площадей, обычно поближе к базару, собирались «бармалеи», быстро вершили суд, объявляли приговор и тут же его исполняли. Если поблизости оказывались дети, их не отгоняли. Никто из местных в происходящее не вмешивался — стал бы следующей жертвой.

Сирийские лиры в городе больше не ходили — вместо них доллары США. В автобусах, в магазинах, на базаре расплачивались только американской валютой.

Вслед за боевиками в городе появились их семьи. Своим детям и женам «бармалеи» раздали стрелковое оружие. Обряженные в черные одежды женщины расхаживали с автоматами Калашникова через плечо. Сирийцам, пожелавшим покинуть город, не мешали. Между Раккой и территорией, подконтрольной правительственной армии и другим вооруженным силам «цивилизованного мира», продолжали курсировать рейсовые автобусы. Можно было, например, без пересадок доехать до Дамаска — за восемьдесят долларов. «Хочешь жить в Ракке — следуй их законам. Не хочешь — уезжай. Но под их законами невозможно жить, они создают такие условия, чтобы сирийцы уезжали. „Бармалеи“ зачищают нашу землю для себя, для своего государства», — рассуждает Саша.

Те, кто выезжал на территорию, подконтрольную «цивилизованному миру», и возвращался, рассказывали, что солдаты обещают: вот-вот пойдут в наступление, освободят город. Татьяна и ее муж, как и многие другие жители Ракки, надеялись на это и ждали. Международная авиация бомбила Ракку — и «бармалеев», и гражданских. Во время налетов трехлетняя Лиля кричала от страха. Но освободители не шли. Отец семейства отправился на заработки в Турцию. Высылал оттуда деньги. Татьяна решила бежать из Ракки, когда узнала, что «бармалеи» могут забрать себе в жены ее тринадцатилетнюю дочь без согласия родителей. Сели в автобус и без каких-либо проблем уехали.

Пятый месяц Татьяна с детьми живет в гостинице в Дамаске. За исключением, пожалуй, трех известнейших и самых дорогих гостиниц сирийской столицы — «Шам», «Четыре сезона» и «Дама Роуз», где селятся обычно иностранные журналисты, старшие иностранные офицеры и делегации, — остальные забиты беженцами из разных районов страны. Некоторые из пригородов Дамаска; ни одежды, ни других необходимых вещей с собой не взяли, рассчитывая, что их район, захваченный «бармалеями», «цивилизованный мир» быстро освободит. Но проводят в гостиницах не первый месяц.

Татьяна уже не верит, что когда-нибудь вернется в Ракку. Она видела парад «бармалеев». Они согнали захваченную у наземных сил «цивилизованного мира» технику: танки, броневики, артиллерию, ракетные установки. Победить армию с таким арсеналом невозможно, уверена Татьяна.

Сейчас она занята оформлением документов, чтобы увезти детей в Россию. Ожидание и бюрократическая морока с российским посольством в Дамаске. Семья, ли-

шившаяся всего имущества, вынуждена платить десятки тысяч сирийских лир (сотни долларов) за каждую справку. Никаких скидок от чиновников МИДа не добиться — те сухо ссылаются на правила и инструкции.

Я слушаю Татьяну и ее детей несколько часов, до поздней ночи. Параллельно с разговором мы пьем крепчайший кофе «мырра», едим местные сладости. С наступлением темноты усиливается гул боя в Джобаре. Саше пора идти смотреть футбол: сегодня играет «Реал» против «Ливерпуля» — матч транслируют на большом мониторе на первом этаже гостиницы, в которой живет его семья. «Когда мы приедем в Россию, я хочу стать игроком московского ЦСКА», — говорит Саша. Другие дети Татьяны еще не знают, чем займутся в России. Но они уверены, что там им будет лучше, чем в Сирии.

Калаат-Маркаб — самая впечатляющая из крепостей крестоносцев на всем Ближнем Востоке. Сложена из тесаных блоков черного базальта, скрепленных между собой толстыми слоями белоснежного раствора. Это сочетание делает крепость издали похожей на странное шахматное поле, поставленное на ребро. По конструкции Калаат-Маркаб словно продолжение горы, в вершину которой вмурован. Он стоит на высоте в четыре сотни метров над уровнем моря. До моря, оно к западу, — пара километров. На восток гряда Антиливанских гор. Эта крепость была последним оплотом крестоносцев на Ближнем Востоке. Когда она пала, мусульмане стали полновластными хозяевами всего сирийско-ливанско-палестинского побережья Средиземного моря.

Вместе с итальянкой Анджелой — она репортер самого известного еженедельного журнала в Риме — я поднимаюсь к черно-белым стенам Маркаба. К нему от моря ведет единственная асфальтовая дорога. На обочинах заросли высоких кактусов. Я рассказываю итальянке историю крепости, которую обустраивали и обороняли ее, а не мои предки.

«Крепость построили арабы в середине XI века, — рассказываю я Анджеле, она держит меня за локоть длинными пальцами, заканчивающимися ярко-красным лаком на ногтях. — В начале XII века ее ненадолго, на пятнадцать лет, захватили византийцы. Возвели православную часовню, расписали стены фресками. В 1118 году византийцы продали крепость крестоносцам из Антиохийского герцогства, а те через пятьдесят лет передали недвижимость Ордену госпитальеров. Госпитальеры возвели свои оборонительные сооружения, обустроили внутренние помещения. Выложенные из черных блоков внешние стены и круглые башни производили сильное и в то же время мрачное впечатление на местные племена, не привыкшие к таким крепостям. В Сирии до того крепости строили чаще всего из красного камня. — На дороге, по которой мы поднимаемся, ни одного автомобиля. Я рассчитывал, что мы доедем на попутке, обещал это Анджеле. Дорога достаточно круто серпантинном взбегаем вверх. С других сторон от крепости вообще отвесные склоны. Вижу, итальянке тяжело подниматься. Она даже закусилла нижнюю губу от напряжения и сильнее стискивает пальцами мой локоть. Я рассказываю, чтобы отвлечь ее от трудностей подъема. — Многократный победитель крестоносцев султан Египта и Сирии Салах-ад-Дин в 1188 году подошел к Маркабу. Однако не решился отправлять свое войско на штурм и отступил. В 1285 году после пятидневной осады Маркаб взяли мамлюки. В начале нынешней войны крепость, она тогда была музеем, захватили „бармалей“ и пару месяцев обстреливали отсюда окрестные деревни, пока их не выбил правительственный спецназ. Вообще это объект стратегического значения — отсюда при наличии тяжелой артиллерии можно бомбить порты Баньяса и Тартуса. Поэтому сейчас Маркаб охраняет рота немецких десантников».

Мы дошли до блокпоста. На блокпосту четверо солдат сирийской армии. Таковы правила — места дислокации иностранных войск по внешнему периметру охраняют местные солдаты или полиция. Объясняю старшему по званию из сирийцев, что у нас договоренность с немцами на посещение, показываю аккредитации от Министерства информации Сирии. Другие солдаты поглядывают и улыбаются Анджеле — ей было бы приятно это внимание, но она слишком устала. Все, что она может, изобразить губами и глазами нечто среднее между извинением и желанием заснуть.

Приходит немецкий офицер. Узнав, что я — русский, он предлагает первым делом взглянуть на византийские фрески. «Мамлюки, захватив Калаат-Маркаб, переделали католический храм (к нему примыкала скромная византийская часовня) в мечеть — в восточной стене устроили михраб, — рассказывает немец, его зовут Георг. — Фрески закрыли толстым слоем штукатурки. Их случайно обнаружили в 1970-х, когда кусок штукатурки отвалился. Даже в мирное время церковь-мечеть и часовня были недоступны для туристов — в них велись затяжные исследовательские и реставрационные работы», — Георг говорит это с особой гордостью. Вот она, польза войны. Благодаря ей, у меня и у уставшей итальянки есть уникальная возможность поглазеть на византийские средневековые фрески в сопровождении немецкого офицера.

Мы входим в сумрачное прохладное помещение. Фрески с ликами святых открыты лишь на сводах, на стенах пока все та же штукатурка. У святых, по обычаю мусульман-фанатиков, затерты глаза. «В средние века, да и позднее, если мусульмане ленились полностью уничтожить христианские изображения людей, они просто выковыривали или замазывали им глаза», — со значением объясняет Георг. Ему явно нравится роль экскурсовода. «Вы могли бы стать замечательным экскурсоводом в Маркабе в мирное время», — замечаю ему. Он улыбается той типичной немецкой улыбкой, за которой можно скрыть даже преступления против человечности, газовые камеры и сапоги из кожи неарийских детей. Анджела берет его под руку — теперь она ведет под руки нас обоих. Наверное, итальянцы лучше разбираются в значении немецких улыбок — они их столько перевидали в первой половине XX века.

Солдаты перемещаются внутри замка обязательно с оружием. И на рядовых, и на офицерах — разгрузки, набитые магазинами, обязательно пристегнуты пистолеты, некоторые с автоматами. На донжоне — самой мощной башне крепости — разметка вертолетной площадки. У бойниц донжона двое снайперов — дежурят, разглядывая в оптику окрестности. Мы подходим к краю башни и смотрим на море — оно спокойно, солнечные блики и серые остроносые туши военных кораблей у горизонта. «О, как бы я хотела сейчас отправиться в море, в открытое море — искупаться, позагорать, — томно мечтает итальянка. Она раскидывает руки в стороны, будто пытается обнять море. — Эта дорога от шоссе к крепости была невыносима. Море излечило бы мою усталость». Немец: «Я могу организовать вам это удовольствие, если вы не против, если не сочтете мое предложение за наглость. Один из кораблей на рейде — наш, немецкий. Скоро сюда должен прибыть дежурный вертолет. Он заберет нас на корабль, и мы немного поплаваем на шлюпке. Удобства, конечно, не пятизвездочного отеля...» — «Георг, вы великолепны. Вы — настоящий немецкий мужчина, — восхищенно затараторила итальянка. — Если вы сделаете это, то я готова выполнить любое ваше желание» («любое ваше желание» она произносит с таким кокетством, что я чувствую, как в воздухе появляется легкий аромат афродизиаков знаменитых античных гетер). Мне с ними делать больше нечего: «Если вы не против, я продолжу осмотр крепости». Немец кивает, итальянка широко улыбается — в этой улыбке ни малейшей тени усталости.

Пока я прогуливаюсь по крепостной стене, ко мне обращается капитан. Он отлично говорит по-английски. Оказывается, он узнал меня — видел мое лицо среди присутствовавших на брифингах немецких генералов в Дамаске. «Идемте пить кофе. Самый разгар дня, вас может хватить солнечный удар», — приглашает он.

Офицерская часть гарнизона крепости живет в султанской диванхане-канцелярии. В некогда роскошно обставленном помещении теперь железные койки, штабеля деревянных ящиков с боеприпасами, сейф с оружием, на полу компактная газовая горелка с чайником. Обедают за каменным столом крестоносцев. Из большого арочного окна вид на город-порт Баньяс и автодорогу, идущую вдоль всего средиземноморского побережья Сирии.

«Как вам эта чертова война?» — спрашивает меня капитан. «По-моему, она слишком затянулась. Пора бы раздолбать „бармалеев“ и разъезжаться по своим странам, пусть сирийцы сами выбирают свое будущее. Они уже несколько тысяч лет с завидной регулярностью поднимают свою страну из руин», — отвечаю я, в уме прикидывая, тот ли ответ ждет от меня капитан. «Раздолбать», — повторяет он. — Легко сказать. Ваше русское командование преследует в этой войне свои цели, американцы свои, иранцы, турки... черт возьми, даже наши генералы, которые до войны вряд ли могли найти Сирию на глобусе, теперь рассуждают о каких-то „внешнеполитических интересах в регионе“. Мы же говорим на весь мир, что воюем здесь во имя глобальной стабильности, во имя человечности. Тогда какого же черта нам нужен „внешнеполитический интерес в регионе“?! Вот вы мне можете ответить?» — капитан заметно раздражен. Видимо, он выловил меня на крепостной стене, потому что увидел во мне свежего собеседника. «Поверьте, не вы один задаетесь подобным вопросом. Среди собравшихся в Сирии со всех концов планеты людей хватает разумных и действительно гуманных. И они терзаются схожими вопросами», — отвечаю я.

Для человека, пусть и отслужившего срочную в армии, знакомого с войной лишь по фильмам и компьютерным играм, реальная война представляется чем-то чудовищным, близким к Концу Света. Выпивая, гражданские, никогда не участвовавшие в настоящих боях, поднимают тосты за «вечное мирное небо над головой», за то, чтобы их никогда не коснулся ужас войны. Наивные ребята не представляют, для скольких людей в мире это действие является профессиональным заработком. Они не представляют, сколько людей на нашей планете лишатся привилегий, зарплата и карьеры, если небо над головой действительно станет «вечно мирным».

Политики, профессиональные солдаты, журналисты, контрабандисты, торговцы оружием, разработчики новых вооружений, директора заводов, производящих военные самолеты, танки и автоматы, даже профессиональные пацифисты, живущие исключительно на гранты, — что прикажете делать нам (а я один из них), если войны больше никогда не будет? Боевые действия — это наши кузницы, где мы куем свое личное счастье и благополучие. Наши жены, любовницы, родители, дети — неужели вы думаете, что они подвергаются угрозе попасть под случайный снаряд, под авиабомбежку, что им придется перебежать улицу под снайперским огнем? Разумеется, они в самых безопасных местах. Когда ты точно знаешь, где и почему функционирует войны, ты так же точно знаешь, где и как функционирует мир.

Война в Сирии для нас идеальный вариант — лучше, пожалуй, была бы только война на другой планете. Сирия достаточно далека от наших домов, банков и бухгалтерий. Подавляющее большинство из нас до войны ни разу не имело дело с живыми сирийцами. Поэтому сегодня мертвые сирийцы для нас — лишь статистика. Совсем немногие из нас имеют представление, что это за народ, из-за чего на самом деле

началась война. Совсем немногие из нас вообще задумываются над подобными вещами. У нас есть готовые формулы по поводу причин происходящей войны. И мало кто в Европе, Америке и других частях «цивилизованного мира» может их опровергнуть, ведь они понятия не имеют, чем была Сирия раньше — в мирное время, сто лет назад, тысячу. Сейчас эта страна — поле битвы «цивилизованного мира против международного террора». Здесь мир перекрашен в черно-белый. Черные, ужас и тьма — враги, «бармалеи», ублюдки, отрубавшие головы и сжигающие заживо своих врагов. Белые, добро и свет — вооруженные силы, подчиняющиеся Координационному центру многонациональной коалиции по борьбе с террором, и мы, обслуживающие эти силы. Не имеют значения сопутствующие потери из числа мирных сирийцев. Не имеют значения деньги, которые мы высасываем из бюджетов собственных стран (чтобы получить эти деньги, правительство России, например, закрывает очередные больницы и фельдшерско-акушерские пункты в малонаселенных районах Сибири и Дальнего Востока). Не имеют значения опасные для экологии боеприпасы, которые используют «силы света и добра». Не имеет значения и то, что к «бармалеям» примыкают тысячи или даже десятки, сотни тысяч (реальные цифры, к сожалению, достоверно неизвестны) мусульман-суннитов, загнанных в своих родных странах до крайней степени нищеты, до состояния, которое трудно назвать человеческим. Черно-белая — такой война в Сирии должна быть в сознании миллиардов жителей Земли, такой она должна остаться в мировой истории.

«Ты понимаешь, если я буду честно тебе рассказывать, то меня правительственная полиция или ваши же русские военные объявят пособником „бармалеев“, — говорит мне Саид-Ахмед, сириец, уроженец Ракки, беженец, он бежал из родного города в Дамаск три месяца назад.

Торжественный прием у командующего турецким экспедиционным корпусом в Сирии генерала Сельджука Акташа. Прием проходит во внутреннем дворе Дамасской крепости. Перед парадными воротами крепости (Баб-Шариф) памятник главному герою арабской военной истории — султану Египта и Сирии Салах-ад-Дину: металлический султан, на металлическом коне и в окружении своих металлических воинов. Рядом с памятником пост сирийских солдат — они проверяют документы следующих на прием. Под сводом Баб-Шариф пост турецких солдат — та же проверка документов. Охранники радушны и приветливы — светский раут военной поры отличается от светских раутов мирного времени лишь большим количеством военных на внешнем периметре. Внутри — никаких различий: угощения, официанты с подносами, дамы в роскошных нарядах и блеске ювелирных украшений, фраки, мундиры, сигары, правила этикета и негромкая музыка lounge.

Встречаю знакомого турецкого радиожурналиста Джема: «Мархаба, Джем». — «Мархаба, дорогой Искандер. Как ты? Как ваша великая Россия?» Пару минут обмениваемся любезностями. «Искандер, я бывал в Дамаске до войны раз двадцать. Не меньше, — у Джема возбужденный и радостный тон. — И очень хотел посетить эту прекрасную цитадель. Представь себе, ни разу мне это не удалось. Причина? Крепость была закрыта для посещения по реставрационным или археологическим причинам. Несколько раз правительство анонсировало ее открытие для туристов, но ничего не происходило. Понадобилась целая всемирная компания против террора». — «И ввод турецкой армии». — «Да, дорогой Искандер. Но что наша армия без наших генералов? Поверь мне, это всецело заслуга генерала Акташа в том, что прием проводится в Дамасской крепости. Наши генералы — эстеты, знатоки исто-

рии, культур, традиций». — «Достойные сыны Османской империи». — «Именно, — несколько понизив голос и приблизив свое лицо к моему, продолжает Джем. — Ты как потомок не менее великой империи должен меня понимать. Имперское мышление порождает великую эстетику, культуру. Великие эпохи творятся империями, а не крикливыми республиками или крошечными диктатурами, возмнившими черт знает что о себе». Джем перехватывает с подноса проходящего мимо официанта два бокала красного вина, один вручает мне и продолжает: «Что такое культура Ближнего Востока? Наследие двух империй: Османской и Персидской. Арабы, дорогой мой аркадаш, будем честны, не сделали ровным счетом ничего. Посмотри, к примеру, крепость, внутри которой мы с тобой имеем честь общаться, — построена в XI веке по приказу султана Тутуша I из рода турок-сельджуков. Перед входом в крепость стоит памятник Салах-ад-Дину — самому известному полководцу и правителю арабского мира. Но он не араб, он этнический курд, который завоевал власть, опираясь на армию, состоявшую из турок-сельджуков. Поэтому я и говорю, арабы во все века привносили только варварство. И лично меня нисколько не удивляет, что „бармалейские“ банды нашли себе место в одной из арабских стран. Между прочим, пока арабы были под властью турок — миру они не грозили. Когда европейцы, англичане и французы вырвали их у нас и дали им свободу, арабы принялись за свое привычное дело: сеять хаос и разруху. Заметь, как только после Второй мировой появились независимые арабские государства, ни одного мирного года на Ближнем Востоке не было». — «Джем, ты неутомимый певец османского величия». Турок жестом предлагает мне пройти. Мы идем через зал под сводчатыми потолками, мимо арочных высоких окон и колонн. Джем продолжает: «Турки и русские всегда могут понять друг друга. Я не представляю, чтобы то же, что тебе, я говорил бы Анджеле, Ричарду, Пьеру, Пабло или Густаву — всем этим европейским ребятам. Европейцы всегда старались сравнить русских и турок. К сожалению, им это удавалось. Но между нами все равно гораздо больше общего, чем у каждого из нас в отдельности с любой из европейских наций. Вкус, вкус истории, Искандер, вот что есть у имперских народов. И именно этот вкус истории свел нас вместе в Сирии сегодня. В войне против „бармалеев“ победят ни сирийское правительство, ни европейцы и ни Америка. Победят турки, русские и иранцы. Мы выиграем эту войну, поверь мне».

Мы поднимаемся по винтовой лестнице на башню в восточной части крепости. Попивая красное вино, смотрим на кишки черного дыма, вываливающиеся из пригорода Джобар. Гул перестрелок в Джобаре здесь заглушают голоса и смех сотен торжественно разодетых людей, пришедших на прием генерала Акташа. «Вот он — арабский мир, — Джем показывает на черный дым. — Взорвать, обстрелять, уничтожить. Вспомни, как османы и русские вели войны в XVIII и XIX веках. О-о-о, это были поэмы, а не просто баталии. Это были сражения, полные рыцарского достоинства и отваги. Сегодня что это за война? „Бармалеи“, как крысы, копают тоннели, чтобы выскочить из-под земли где-то у нас в тылу.словно исчадья ада, словно обитатели подземных мертвых миров. Взрывают автомобили на людных площадях, стреляют в спины наших солдат — низко, мелко, грязно». — «Джем, ведь ты не хуже меня знаешь, что среди „бармалеев“ большинство — иностранцы». — «Послушай, я уверен, тут больше болтовни, чем правды. И если уж говорить об иностранцах среди „бармалеев“, заметь, они влились в ряды арабов, они стали варварами, объединившись с арабами. Они почему-то не поехали в Индонезию — хотя и там хватает религиозных фанатиков. Они не поехали в Нигерию или на крайний юг Таиланда, где почти пятнадцать лет сепаратисты-мусульмане воюют против буддистского тайского правительства. Потому что

там нет настолько вопиющей жестокости, дикости, как в Арабистане. Не забывай об этом, дорогой мой аркадаш».

«Надо быть более политкорректным в своих текстах», — пишет мне редактор моего отдела. Она никогда не бывала в «горячих точках». Ненависть — для нее всего лишь один из эпитетов, необходимых для придания нужной окраски предложению.

«Если снова допустишь такие резкие выражения по поводу многонациональной коалиции, будем штрафовать», — новое письмо от редактора моего отдела. Стопроцентный аргумент. Значит, я не буду описывать в деталях историю семьи Аль-Исрави. Уникальная семья — ей повезло, что артиллерия многонациональной коалиции разбила в пыль именно их дом. Они жили в деревне на территории, подконтрольной «бармалеям». До фронта 10 километров. Командование коалиции вдруг решило провести на том участке фронта очередное наступление. Две недели его анонсировали. Наконец приступили к артподготовке. «Бармалеи» пришли в дом Аль-Исрави, потому что кто-то донес, что у них прячется наводчик правительственной армии. Всех членов семьи выгнали во двор и приступили к обыску. В деревне не было ни базы «бармалеев», ни их постов, ни их складов. Однако многонациональные снаряды методично сносили одну постройку за другой. Два попадания снесли дом Аль-Исрави полностью, вместе с «бармалеями». Чудом уцелевшая семья укрылись в подвале у соседей.

Через пять дней наступление, которое не привело ни к каким результатам, кроме 500 убитых солдат и «бармалеев» и 63 (по самым минимальным оценкам) убитых среди гражданских, семья Аль-Исрави села в рейсовый автобус и поехала в Дамаск. Соседи посоветовали. Кто-то им рассказал, что в Дамаске полно гуманитарных организаций, которые помогают беженцам. Два месяца семья живет в палаточном лагере для беженцев на окраине столицы, организованном под эгидой Организации Объединенных Наций. У них нет возможностей начать новое хозяйство, заняться строительством нового дома, потому что единственное, что им обещают многонациональные организации: когда будет одержана победа над «бармалеями», вы сможете вернуться к привычной жизни, вам помогут восстановить жилье и возобновить свое сельское хозяйство.

ЧАСТЬ 2. БЛАГОТВОРИТЕЛИ

«Не надо бояться разрушений. Трагична гибель человека. Разрушение дома нашей многонациональной авиацией, артиллерией, танками или атакой террористов — лишь досадная оплошность, которую легко исправить, которую мы обязательно исправим», — рассуждает второй помощник посла Китая в Сирии товарищ Си. Как и подобает любому китайцу, работающему за границей, у товарища Си есть маленькие европейские слабости. По утрам он предпочитает черный чай с молоком, по-английски (хотя для китайской культуры употребление молока — с древних времен варварская привычка, привычка врагов-кочевников, живущих на севере за Великой стеной), и во время приятной беседы он курит сигары. На столике между товарищем Си и мной две чашечки недопитого чая с молоком и коробка с сигарами. Одна из сигар уже дымится в пальцах дипломата. «Мы реализуем в настоящее время два проекта по восстановлению жилья и инфраструктуры в освобожденных районах Хомса. Три проекта на стадии согласования с сирийским правительством», — рассказывает китаец.

Старый город Хомса правительственная армия осаждала три года. «Барма-леи» засели там в самом начале войны и капитально обустроили оборонительные рубежи. В итоге при посредничестве коалиции, Красного Полумесяца и ООН после двух месяцев переговоров их убедили покинуть Старый город: им гарантировали безопасную эвакуацию в «бармалейский» район области Ракка, разрешили вывезти с собой семьи, все накопленное оружие, кроме бронетехники, да еще обеспечили гуманитарными грузами — продуктами и медикаментами. У «бармалеев» были серьезные проблемы с боеприпасами — главное, что способствовало успеху переговоров. Это произошло полтора года назад. Китай включился в войну год назад. Их военный контингент насчитывает около тысячи человек. Зато их гражданские структуры здесь разрослись за год до 20 тысяч человек.

Китайцы первыми смекнули, что пора бы заняться восстановлением страны — все равно точных сроков окончания конфликта никто спрогнозировать не может, а разрушенную инфраструктуру восстанавливать надо. Они очень хитро предоставили кредит сирийскому правительству: четко оговорено, на что правительство должно потратить полученные деньги (на строительство новых домов, больниц и школ в пострадавшей части Хомса). Так же было заключено соглашение между Китаем и Сирией, что восстановлением будут заниматься китайские строительные компании, которые будут нанимать рабочих по собственному усмотрению. Компании, разумеется, наняли на работу сограждан. Китайцы-строители в Хомсе получают в три-четыре раза большие зарплаты, чем получали бы за ту же работу на родине.

«Товарищ Си, почему ваши компании не наймут сирийских рабочих, ведь тогда затраты на рабочую силу можно будет значительно сократить?» — спрашиваю я. «Квалификация — главная причина. Невозможно найти среди сирийцев сотрудников с необходимой нашим компаниям квалификацией. Второй момент — языковой барьер. До войны в Сирии китайский язык изучался исключительно на факультете иностранных языков Алеппского государственного университета. В год факультет выпускал от двух до пяти переводчиков с китайского. — Товарищ Си вставляет клубы ароматного дыма между предложениями. — У нас есть отработанные, международно сертифицированные технологии строительства. Они используются сегодня в Хомсе. Мы же хотим быстрее обеспечить беженцев жильем, поэтому лучше применять уже подготовленные кадры, а не готовить их. В будущем, когда война закончится, мы, конечно, можем заняться подготовкой профессиональных строителей из сирийцев. Если пожелает правительство страны. Сегодня же нас больше интересует благотворительность — в нынешних условиях это лучшее, что мы можем сделать для сирийских граждан». Отпив немного совсем остывшего чая, я говорю: «Однако ваша благотворительность экономически рациональна». Товарищ Си позволяет себе снисходительный смешок — будто учитель над неразумным учеником. «У нас есть поговорка. Если сосед голодает и просит у тебя горсть риса, дай ему две горсти, но попроси его шляпу, — говорит китаец. — Смысл в том, что необходимо быть великодушным, то есть дать просящему больше, чем он просит. И достаточно практичным: шляпой голодающий сыт не будет, а тебе она поможет в следующем сезоне, когда ты снова будешь сажать рис, чтобы не напечь голову под жарким солнцем». Товарищ Си нажимает кнопку на нижней плоскости столика. Мгновенно появляется его секретарь — молодая китаянка в ярко-красных туфлях на высоких шпильках. Он дает ей несколько коротких указаний, сделав строгое лицо. Когда второй помощник посла поворачивается ко мне, его лицо снова излучает мягкую улыбку.

«Должен вам сказать, господин Ли-бин, война — не столь уж и плохая штука, — неожиданно выдает товарищ Си. — Война дает возможность делать добро. Вижу,

вас несколько не удивила моя мысль». Не успеваю ответить. Входит прислужник, сириец, с подносом. На подносе две чашечки с чаем по-английски. Прислужник ставит чашечки перед нами, а остывший чай забирает. Когда дверь за ним закрывается, отвечаю: «Меня ваша мысль не удивляет, потому что я сам о чем-то подобном много раз думал. Если бы не было войн, то вряд ли человечество ценило бы мир. Если бы не было зла, вряд ли мы понимали, что есть добро». — «Да, совершенно верно. Вы в душе настоящий конфуцианец, господин Ли-бин».

Звонит итальянка Анджела, она просит рассказать ей про «каменные развалины некоего Угарита». Для меня это повод пригласить ее на свидание. Вечером — стемнело, и горят уличные фонари — мы прогуливаемся по Старому городу Дамаска. «Как прошла прогулка с Георгом?» — спрашиваю первым делом я. «С Георгом? О ком ты?» — «Тот немецкий офицер, с которым мы познакомились в Калаат-Маркаб, который обещал тебе морскую прогулку». — «Ах, это. Мне, по правде говоря, неудобно перед ним. Когда мы прилетели на корабль, я познакомилась с их командующим, адмиралом Вайнцем. Он был такой настойчивый, напористый. Алессандро, он взял меня в плен! Мы, итальянцы, не умеем сопротивляться немцам, — она покачала головой и закатила глаза. — Однако адмирал Вайнц несколько стар для меня. Поэтому не могу сказать, что я наслаждалась в его плену».

Мы пересекаем площадь Марджет. Здесь стоит единственный в мире памятник телеграфу — трехметровая чугунная колонна, опутанная рельефными изображениями телеграфных столбов и увенчанная миниатюрной мечетью. Под памятником сидят десятки сирийцев — преимущественно мужчин и подростков. Это — беженцы. Они собираются здесь, чтобы поделиться новостями, найти родных, близких либо передать сообщения для родных и близких. Сообщения обычно передаются устно — письменное сообщение может быть использовано и на правительственной территории, и на территории «бармалеев» в качестве доказательства, что ты шпион врага. После нескольких коротких бесед беженец находит человека, который скоро отправляется в нужное село или город, сообщает ему необходимую информацию и добавляет к ней две-три сотни сирийских лир. Схожим образом работал «базарный телеграф» в Сирии до начала XX века. До сих пор подобным образом работает «бедуинский телеграф» в пустынях Ближнего Востока.

На тротуаре возле мечети Мохи ад-Дина стоят пластмассовые столики и стулья. Это импровизированное кафе, где беженцы пьют крепкий, очень сладкий чай и курят сигареты. Коренные горожане предпочитают сидеть в традиционных кафе: под крышей или на веранде. «Давай посидим здесь», — предлагаю Анджеле. «Здесь?» — «Слушай, я же никогда не предлагаю тривиальных мест». — «Только недолго. Здесь не очень-то уютно, среди этих потрепанных синьоров». Я оставляю ее за столиком и иду к огромному электрическому самовару, возле которого колдует сухощавый вислоусый сириец. Беженцы улыбаются мне, один из них хлопает меня по плечу и показывает, чтобы я подходил первым. «Чай?» — спрашивает вислоусый. Показываю «два». Он разливает чай, подает мне чашечки на блюдцах, добавляет на блюдца по три кусочка сахара. Когда я протягиваю деньги, чтобы расплатиться, один из беженцев, пожилой мужчина с красно-белыми платком, намотанным вокруг шеи, в старом выцветшем пиджаке и черных шароварах, задерживает мою руку и платит вместо меня. «Шукран джазелян», — благодарю его. Стоящие рядом сирийцы одобритительно кивают ему и мне.

«Алессандро, расскажи мне все-таки про Угарит», — просит Анджела. «Что именно ты хочешь знать о нем?» — я поднимаю голову, чтобы посмотреть на восьмигранный минарет над нами. Он построен из светлых и черных каменных

блоков в 1618 году османским султаном Селимом I. Внутри мечети Мохи ад-Дина хранятся кости известного в XIII веке андалусского суфия Мохи ад-Дина ибн аль-Араби. «Это тоже крепость вроде Маркаба?» — спрашивает итальянка. «Не совсем. Это город. Очень древний город. Финикийский, — говорю я. — Первое поселение на месте Угарита появилось восемь тысяч лет назад». — «Он же на берегу моря?» — «Точно. Благодаря своему приморскому положению поселение превратилось в крупный порт, когда его населяли финикийцы. Расцвет Угарита приходится на второе тысячелетие до нашей эры. Раскопки на его развалинах велись с 1929 года вплоть до начала нынешней войны. Откопаны были громадный царский дворец, царская и жреческая библиотеки, жилые дома, главная улица, крепостные стены. Площадь города — 25 гектаров. Своеобразная архитектура — конусовидный тоннель, ведущий в царский дворец, фундаменты зданий из плитняка, стены из обтесанных до идеальной гладкости огромных блоков (наподобие блоков этой мечети, но несколько больших размеров), — показываю на мечеть Мохи ад-Дина, — подвалы в жилых домах, прямые улицы. В дома, дворец и храмы обязательно вели каменные ступени. Угарит был роскошным городом. Близостью к нему, к его истории гордится Латакия, родиной город сирийского президента. От Латакии до Угарита 12 километров вдоль морского берега. Местные школьники на факультативных занятиях изучают угаритский язык, угаритскую письменность, мастерят различные поделки с надписями на угаритском». Анджела допила чай. По ее выразительной мимике ясно, что она порядком устала от пристальных взглядов мужчин-беженцев. Мы идем дальше — в сторону Дамасской крепости.

«А мне звонят тут вчера знакомые албанцы, — рассказывает Анджела. — Они владеют огромным холдингом в Албании. Половина зданий в центре Тираны принадлежит их холдингу. Спрашивают, что я думаю, если они займутся гуманитарным проектом — сохранение и электрификация развалин Угарита. Уловили, понимаешь, глобальный тренд — надо заниматься хоть каким-то делом в Сирии, чтобы конкуренты и партнеры решили, что ты связан с мировыми державами, ведущими мировыми политиками, вообще... Понимаешь, какие жуки?» Итальянка очень довольна собой, что раскрыла замысел хитрых албанцев. Она щелкает пальцами и пританцовывает от удовольствия: гибкие движения ногами и бедрами, Анджела — умелая танцовщица. Это мгновенно вызывает реакцию сирийских мужчин и женщин — они одобрительно восклицают и показывают поднятый вверх большой палец. Итальянка делает им поклон и прибавляет шагу. «Ох, албанцы, хитрющие. У нас в Италии они вроде цыган. С ними лучше не ссориться. — поучает она. — Могут и порчу навести. В албанских горах до сих пор живут очень сильные колдуны, их услугами пользуются итальянские политики. Я знаю пять депутатов и двух наших министров, которые регулярно ездят к колдунам в горах возле Шкодера. Но даже когда дружишь с албанцами, надо, как говорится, держать ухо востро. Они могут обделать с твоей помощью какое-нибудь сомнительное дельце, а ты ничего не поймешь — пока к тебе домой не ворвется спецназ карабинеров».

Южная окраина городка Тель-Тамар. Здание бывшей больницы. Сейчас тут позиции и казарма солдат правительственной армии. Вдоль стены бывшей больницы земляная насыпь высотой в человеческий рост. Солдат Ахмат через переводчика объясняет, что из-за насыпи лучше не высовываться: может обстрелять снайпер «бармалеев». За насыпью бывший ресторан — бетонный одноэтажный куб с крышей из листового железа. Крыша разодрана взрывом, по стенам выбоины от осколков. Ахмат говорит: «Мина двадцатимиллиметровая попала. Два дня назад». Дальше 200 метров открытого пространства — поле и речка Хабур. За речкой де-

ревня Тель-Шамиран. В Тель-Шамиране позиции «бармалеев». Из деревни и позади нее поднимаются шлейфы черного дыма. «Час назад по ним отбомбились англичане, русские и суданцы», — показывает Ахмат на дымы.

Соседнее здание занимает местное ассирийское ополчение. Бетонные блоки и земляная насыпь ограждают здание со стороны Тель-Шамираана. Всего в 50 метрах от этих позиций в глубь города — пекарня. У окна раздачи собрались немногочисленные неухавшие жители Тель-Тамар, десятка два человек, — получают хлеб, стопки тонких круглых лепешек.

Редакция настаивает, чтобы я прислал материал с «передка». Я выбрал тот участок фронта, куда реже всего ездят другие журналисты. Тель-Тамар и три десятка окрестных деревень вдоль Хабур до войны населяли ассирийцы — древний месопотамский народ, исповедующий разные версии христианства.

Бои в районе Тель-Тамар начались около года назад. В городке на тот момент проживали до 10 тысяч человек — местные жители и беженцы. Деревня Тель-Шамиран была полностью под контролем правительственной армии. Там же располагались взвод английского спецназа и два взвода иракского элитного подразделения «Золотая дивизия». Территория «бармалеев» начиналась в соседней деревне Тель-Насри. 23 февраля прошлого года «бармалеи» атаковали окрестности Тель-Тамар, убили и похитили 335 ассирийцев. Город и окрестные деревни спешно покинули почти все жители. Причем, как рассказывают правительственные солдаты и ассирийские ополченцы, часть из них — преимущественно ассирийцы и курды — уехали в другие районы, подконтрольные «цивилизованному миру». Часть — преимущественно арабы — отправились на территорию, контролируемую «бармалеями». Городок пуст. На многих столбах развешена символика правительства и многонациональных сил по борьбе с террором. По улицам, пыля, иногда проносятся армейские пикапы и бронетехника. Одинокая забытая курица неспешно прогуливается во дворе покинутого дома. Если не приглядываться к домам, не замечать отдельных выбоин от осколков и пуль, то это обычный ближневосточный городок с низкоэтажной застройкой. Но он пуст. Он слишком пуст для ближневосточного городка. Магазины и мастерские, которые должны шуметь, впускать и выпускать людей, закрыты, занавешены металлическими жалюзи. На мотоцикле проезжает один из местных жителей, получивший хлеб в пекарне, — его черный длиннополый халат развеивается по ветру.

Позиционные бои тянутся с прошлого февраля. Вялые перестрелки, периодические бомбардировки авиации. Но активных атак не предпринимает ни одна из сторон — речка Хабур стала своеобразной границей.

Солдаты рассказывают, что среди убитых исламистов много «китайцев». Они наглядно показывают — растягивают пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, который работает неподалеку в госпитале Красного Полумесяца, объясняет мне, что это — узбеки, или киргизы, или казахи, а может туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой Республике Молдова, он лучше разбирается в национальностях. Правительственные солдаты и ополченцы, те, с кем я успел пообщаться, дальше Сирии не выезжали, их знания в этнологии весьма посредственны. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — рассказывает доктор Хасан. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы».

Британские спецназовцы, увешанные самыми современными средствами коммуникации и наблюдения, как елки, рассказывают, что неоднократно слышали, как «бармалеи» переговариваются в радиозэфире на английском. «Но те из убитых,

кого я видел, — говорит один из британцев, лицо его закрывает черная маска, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак, может быть, Саудовская Аравия. Южные арабы. В любом случае правительственные солдаты и ассирийцы видели больше убитых, чем я».

Северная окраина Тель-Тамар — тыл. Сюда пригоняют с передовой танк Т-55 правительственных сил. На башне затертые надписи. «У „бармалеев“ отбили», — гордо говорит солдат по имени Мехмет. По его словам, у противника в этом районе 45–50 единиц различной бронетехники. У правительственных сил и ополчения тоже есть «броня». Американские «хамви», советские МТЛБ, обвешанные толстыми листами железа бульдозеры, к которым сверху приварены башни, в башнях пулеметы ДШК. Больше всего пикапов с установленными в кузовах ДШК или КПВТ — тачанок.

Сидим с бойцами ассирийского ополчения возле трофейного танка и пьем чай. Они полагают, что «бармалеи» идут в атаку, наевшись наркотиков. «Кричат „Аллах акбар“ и прут вперед, как ненормальные», — говорит Марьям. Марьям командует подразделением из 20 человек. Все ее подчиненные, кроме одной девушки, мужчины разного возраста. «Но если „бородатые“ видят, что по ним стреляют женщины, — продолжает Марьям, — они начинают более разумно себя вести: прячутся, передвигаются перебежками. У них включаются мозги сразу. Они очень боятся быть убитыми женщинами. Ведь они же тогда в свой рай не попадут. И против женщин «бармалеи» более жестоко и настырно воюют, чем против мужчин. Наверное, хотят всех женщин перебить, чтобы потом спокойно умирать, воюя против мужчин».

Над нами прокатывается гул от пролетающего самолета. «Англичане», — комментируют ассирийцы. Со стороны Тель-Шамиран долбит в небо зенитная установка. В ответ со своих позиций по «бармалеям» открывают огонь правительственные солдаты. Самолет улетает, не отбомбившись. Стрельба замолкает. Снова затишье.

Ко мне подходит один из командиров ассирийского ополчения. С ним человек приблизительно моего возраста — он в черной рясе, с большим серебряным крестом на груди и маленьких очках в тонкой оправе. «Епископ Мар Апрем. Он служил в местной церкви, — представляет мне командир своего спутника, — не могли бы вы его выслушать? Может быть, вам удастся помочь».

Мар Апрем служил в сиро-яковитской церкви Мар Муса, Святого Моисея. Теперь у нее разрушена колокольня и пробит купол. «Террористы специально метили по церкви, когда обстреливали город из тяжелых минометов», — уверен Мар Апрем. Он рассказывает о событиях, произошедших 23 февраля прошлого года. «Нас не смогли защитить ни иностранцы, ни наша правительственная армия. Поэтому позже нам пришлось сформировать свое ополчение. Террористы целенаправленно нападали в тот день только на ассирийские церкви, монастыри и дома ассирийцев. Ни местные арабы, ни курды не пострадали. Среди них не было даже раненых. Среди ассирийцев, — Мар Апрем поднимает указательный палец вверх, — 23 погибших. 312 были похищены. Полсотни человек были ранены».

За год пленных освободить не удалось ни правительству, ни многонациональным силам, хотя представители тех и других несколько раз встречались с ассирийской общиной Хабура и обещали освободить захваченных 23 февраля любыми методами.

«Мы по своим каналам вышли на террористов, связались с их командирами, — говорит епископ. — Нам удалось это сделать через родственников арабов, живущих на территориях, подконтрольных террористам. Выяснилось, что все 312 похищенных живы. Террористы готовы их вернуть за выкуп. По 50 тысяч долларов за каждого. Что делать? Мы обратились вначале к правительству. Я встречался с замес-

тителем губернатора нашей области. Он пообещал помочь и добавил: „Букра иншалла“. Если вы достаточно долго в Сирии, то должны знать, когда человек говорит „букра иншалла“, то он никогда не сделает обещанного. Наш патриарх обратился к состоятельным прихожанам, чтобы они помогли собрать необходимую сумму».

Через полгода удалось собрать 11 миллионов долларов. «Бармалеи» согласились за эти деньги отпустить 226 заложников. Ассирийская община продолжила собирать выкуп за оставшихся в плену. «Я ездил в Канаду. Нам очень помогла тамошняя ассирийская диаспора, некоторые из ее членов довольно влиятельны в местной политической среде и состоятельны, — продолжает рассказ Мар Апрем. — Пару недель назад я вернулся из Канады с достаточной суммой, чтобы выкупить оставшихся заложников. У ассирийцев нет регулярной профессиональной армии, нет специальных подразделений по освобождению заложников, поэтому единственный наш рычаг давления — деньги. Загвоздка в том, что полтора месяца назад ООН приняла резолюцию, запрещающую какие бы то ни было финансовые отношения с террористами, воюющими в Сирии». Да, я помню эту резолюцию. В медиа она подавалась как очередная грандиозная победа «цивилизованного мира над международным террором». Даже есть прецедент исполнения резолюции — троих сирийцев судили за то, что их уличили в оплате «налога за веру». Все трое получили по два года тюрьмы.

«Чем же я могу вам помочь? Нужна статья в российской прессе?» — спрашиваю я. «Не думаю, что сейчас стоит устраивать публичную шумиху по поводу оставшихся заложников, — говорит Мар Апрем. — Если бы вы смогли организовать мне встречу с кем-то из русского командования... Мы такие же православные люди, как и русские. Русские всегда помогали нам. Надеюсь, что вашим военным удастся оказать нам содействие».

Когда я и сопровождающие меня переводчик и офицер правительственной армии возвращаемся из Тель-Тамар в Дамаск, возле Хомса наша машина обгоняет колонну самоходных артиллерийских установок М109 американского производства. «Вот и бразильцы теперь в игре, — комментирует офицер, он свободно говорит по-русски. — Они вчера должны были прибыть в Баньяс». Полмесяца назад парламент Бразилии принял единогласное решение об отправке «ограниченного контингента для борьбы с международным терроризмом в Сирию» (цитата из пресс-релиза бразильского правительства). Следующую неделю чиновники обсуждали, какие именно части должны составить контингент. Решили, что 12 САУ и батальон охранения.

«Их дислоцируют на горе Касьон над Дамаском, — рассказывает офицер. — Отвели им участок совсем рядом с пещерой Магарат ад-Дамм, в которой Каин убил Авеля. Будут оттуда бомбить „бармалеев“ в Джобаре, Джисрине, Кфар-Батна, Харасте, Акрама и Бейт-Сахме». Я уточняю: «На Касьоне уже французская артиллерия, иорданские САУ, установки „град“ пакистанцев. Разве хватит места для бразильцев?» Ухмыляясь, он отвечает: «Вот я и говорю, что им место возле самой Магарат ад-Дамм отвели. Свободного места на Касьоне почти не осталось. Если кто-то еще решит туда заехать, то придется размещать их в пещере».

«Как же мы позволили разрушить нашу страну? — риторически, ни на кого не глядя, спрашивает Саид-Али. — Как же вовремя недоглядели?» Я, немецкий радиожурналист Густав, его коллега из Лондона Джозеф, Анджела со своими подружками украинкой Софьей и француженкой Люси и старый рыбак из Латакии Саид-Али сидим на берегу Средиземного моря. В двух километрах за нашими спинами раз-

вашины Угарита. Великолепный солнечный день, спокойное море, почти безлюдный берег, у нас с собой три бутылки ливанского, посредственного качества красного вина — кажется, что большего для счастливой жизни и не надо.

Саид-Али не поймал ни одной рыбешки. Он толком не знает, сколько часов тут рыбачит. «Я достаточно стар, чтобы не заботиться о времени», — сказал он нам, когда мы подошли к нему со своим любопытством «клюет, не клюет». Он угостил нас сигаретами, мы предложили ему выпить. «Один стаканчик», на который согласился рыбак, до сих пор стоит нетронутый. А мы успели опорожнить одну бутылку (Густав убрал ее в рюкзак: «Не смейте мусорить»).

«У нас была прекрасная страна, великолепная страна, — говорит Саид-Али, отложив удочку и закуривая. — Лучшая страна Ближнего Востока. До войны мы жили все вместе: арабы, курды, туркоманы, ассирийцы, мусульмане, христиане, езиды. Никто не спрашивал тебя про твою веру, твою национальность. Это — правда. Скажу откровенно, то, что государство у нас было авторитарное, — совершенно оправданно. При таком разнообразии конфессиональном, этническом, при том, что народ у нас очень „горячий“, нами надо управлять „железной рукой“. И если правитель справедлив, если он правит справедливо, то какая разница, как называется его государственный строй — авторитарный или демократический?» — сириец глядит на нас по очереди, ждет реакции. Джозеф, прямая спина, корявое лицо вырожденца из старинного знатного рода, отвечает первым: «Вы очень мудро рассуждаете. Однако авторитаризм не может быть справедливым в корне. Он не гарантирует равенства прав и возможностей граждан. Это заложено в самой его сути. Авторитаризм — это пирамида. И тот, кто внизу, не может оказаться выше или на равных с тем, кто выше него. Конструкция авторитарного государственного строя не позволяет». Густав, он единственный из нас хорошо владеет арабским, переводит. Саид-Али будто не замечает слов англичанина, продолжает: «Мы жили хорошо. Мы жили даже лучше, чем наши соседи: турки, израильтяне, арабы Залива. Это их спецслужбы, турецкие, израильские, саудовские и катарские, организовали войну. Завезли к нам оружие, боевиков, взбаламутили наше население, сколотили из сирийских бандитов военные отряды. Они заварили эту кашу. И они больше всего мешают, чтобы „бармалеев“ наконец разгромили. Разве возможно такое: пятьдесят сильнейших стран мира воюют против нескольких тысяч сумасшедших террористов и не могут их победить? Нет, только если война идет нечисто». Теперь отвечаю я: «Ваша страна должна гордиться нынешней войной, уважаемый Саид-Али. Сирия должна гордиться, что именно она стала полем великой миссии „цивилизованного мира“. Если бы не было этой войны, то ее надо было бы придумать. Весь „цивилизованный мир“ объединился ради борьбы с силами зла, тьмы, варварства. Это как реинкарнация Второй мировой — тогда врагом человечества был нацизм, сегодня „бармалей“. Борьба с нацистами объединила коммунистов с капиталистами, европейцев с американцами, негров с белыми — великолепный интернационал. Вторая мировая на самом деле стала спасением разваливавшегося в 1930-х годах мира. Человечество в тридцатых захлебывалось в отчаянных попытках понять, куда ему надо двигаться. Происходили десятки локальных войн по всей планете. Капиталисты называли себя коммунистами, коммунисты защищали националистов и рабовладельцев, рабы-негры убивали таких же рабов в Азии, чтобы защитить своих белых господ. Мир переживал грандиозную ломку. Он мог погибнуть. Но появился нацизм — он показал ужас, который постигнет мир, и таким образом он спас мир. Угроза нацизма объединила человечество. Сегодня угроза нового средневековья, „бармалейского“ варварства объединила мир». Густав говорит мне: «Что ты несешь? Ты хочешь сказать, что угроза международного терроризма

спасает мир? Я не буду переводить». Софья говорит мне по-русски, лишь я и она из нашей компании понимаем русский: «Ты хочешь обидеть дедулю? Как можно говорить человеку, что он должен гордиться войной, которая сгубила пол-миллиона его сограждан». Отвечаю на русском: «Ты, Софья, как ваша днепропетровская аэромобильная бригада, которая окружила Аз-Забадани, обстреливает его потихоньку третий год и не двигается ни взад, ни вперед. Ты за все время, проведенное в Сирии, не продвинулась в понимании этой войны — ни взад, ни вперед». Она машет рукой в мою сторону, будто отгоняет назойливую муху или комара. «Каким образом, по-вашему, — говорю теперь на английском, — надо объяснять эту войну сирийцам? Весь мир воюет здесь, чтобы защитить их правительство и президента, как рассказывают сирийские телеканалы? Это чушь, бред. Даже сирийские дети не верят в такой бред. Хорошо, скажите им честно: ну, мы тут деньги зарабатываем, наши военные тоже, еще куча организаций и разных иностранных авантюристов, у нас и у них проста такая работа — зарабатывать на войнах...» Меня перебивает Анджела: «Алессандро, ты не в себе. Я тебя не узнаю. Верно, ты перегрелся на солнце». Люси: «Месье Рюбин, успокойтесь».

Мы снова дружны и веселы через несколько часов и три литра отвратительной араки, турецкой анисовой водки (из крепких напитков только араку нам удалось найти в Латакии, в городе дислоцированы 13 тысяч иностранных военных и 65 тысяч иностранцев, обслуживающих их, — для полумиллионного города это причина перманентного дефицита алкоголя). Мы заваливаемся в крошечную гостиницу в центре, построенную колониальными французскими властями в 1920-х. Долго, мешая друг другу, шутя, громко смеясь, мы поднимаемся на второй этаж по узкой деревянной лестнице — гостиница на втором этаже, на первом — магазины. Над деревянной стойкой ресепшн — с колониальных времен висит предупреждение на арабском: арабам запрещено селиться в одних номерах с женщинами, даже с собственными женами. На европейцев ограничение не распространяется. Мы выбираем четырехместный номер (самый большой), потому что намерены провести эту ночь все вместе. Из окон — рамы деревянные, заметно, что крашенные множество раз — виден памятник предыдущему президенту Сирии, отцу нынешнего, и здание местной госбезопасности. Администратор-сириец обещает принести в номер две раскладушки — нас устраивает. «Ребята, вслед за бразильскими военными должны приехать их тележурналистки. Они — настоящий огонь, ребята. Я веселился с ними во время Олимпиады в Рио-де-Жанейро. С ними...» — Густав не успевает договорить и засыпает, заваливается на одну из кроватей.

На следующий день в Латакии происходит Парад культур. Представители военных контингентов, воюющих в Сирии, представляют свои национальные культуры.

До ввода коалиционных сил в Сирию в Латакии, помимо местных жителей, было не меньше двухсот тысяч беженцев из разных районов страны. С тех пор как коалиционное командование приняло решение, что именно тут будет размещаться главный штаб и прочие командные структуры, в городе запрещено проживание сирийцев, не имеющих местной прописки. Столица правительства и президента Сирии — Дамаск. Столица иностранных сил, явившихся «защищать цивилизацию от дикости» (цитата из коммюнике индийского Министерства обороны), — Латакия.

Сюда привезли, конечно, несколько автобусов с детьми-беженцами, лучшими учениками школ Дамаска, Хомса и Алеппо, чтобы они посмотрели Парад культур, но свободно попасть на мероприятие обычным сирийским гражданам невозможно. Вокруг города усиленные блокпосты. В небе снуют туда-сюда военные вертолеты, штурмовики и беспилотные аппараты наблюдения. На рейде караулят американский

авианосец, мексиканский фрегат, российский большой противолодочный корабль, английский эсминец, китайская субмарина и несколько индонезийских патрульных катеров.

«Когда же закончится эта проклятая война?» — спрашивает меня англоговорящий таксист-сириец в Алеппо. «Эта война позволяет „цивилизованному миру“ совершать благие дела, творить добро во имя всего человечества, — отвечаю, глядя на дома, разрушенные во время ожесточенных боев полгода назад. — Добро „цивилизованного мира“ не имеет границ — и во времени тоже. Поэтому не надейтесь, что мир наступит скоро».

«Помнишь, кто был до „бармалеев“?» — спрашивает меня редактор белградского еженедельника Слободан. «Не помню, сейчас складывается впечатление, что „бармалеи“ были всегда. Что эта война идет из века в век. Война добра и зла», — отвечаю на его родном сербском. Слободан смеется: «Православный славянин всегда поймет православного славянина. Со мной твои шутки не пройдут. Немцам, китайцам и хорватам рассказывай. Я серьезно». — «Хорошо, и я серьезно. Я действительно не помню, кто исполнял роль „бармалеев“, пока они не вылезли на сцену». — «Наверное, потому что ты еще очень молод, брате Александар. До „бармалеев“ были сомалийские пираты. Вспоминаешь?» — «Слобо, как же ты прав. Точно».

Это было в середине нулевых. Гражданская война в Сомали продолжалась к тому моменту полтора десятка лет. Беженцев из этой страны не принимала даже соседняя Эфиопия — одна из беднейших стран в мире. Несчастные сомалийские рыбаки и морские контрабандисты придумали себе промысел. Они купили автоматы и гранатометы у враждовавших между собой вооруженных группировок. Оседлали деревянные — длинные и остроносые — рыбацкие лодки хорошими японскими моторами и отправились промысливать. Они захватывали контейнеровозы и рыболовные сейнеры, проходившие мимо сомалийского побережья. Пригоняли суда к своим приморским деревням и требовали выкуп у компаний, владевших судами и грузами. «В 2008-м сомалийцы угнали 42 контейнеровоза и получили на выкупах за них 80 миллионов долларов США. До появления пиратов иностранные браконьеры, пользуясь полным отсутствием какого-либо морского контроля у побережья Сомали, ловили лобстеров, креветок и тунца на 300 миллионов долларов в год в ее территориальных водах», — рассказывает сербский редактор. В конце нулевых, если судить по основным мировым медиа, главной угрозой в мире были «сомалийские пираты». Правда, на фото выглядели они совсем не впечатляюще: худющие, длинные, в каких-то потрепанных обносках, закрывающих их тела, со старыми модификациями автоматов Калашникова и гранатометами РПГ не первой свежести. Тем не менее «цивилизованный мир» приступил к борьбе с «международной угрозой». Нет, не вводили международные наземные силы в страну, не утихомиривали воюющие за власть местные кланы, не пытались восстанавливать экономику и инфраструктуру, не предлагали бывшим сомалийским рыбакам более мирную альтернативу. «Цивилизованный мир» отправил к сомалийскому побережью самые современные военные корабли. Территориальные воды Сомали патрулировали английские, голландские и датские фрегаты, российские большие противолодочные корабли, флагманы норвежского, португальского и украинского флотов, американский ударный атомный авианосец «Энтерпрайз» вместе с ракетными эминцами, военные корабли Ирана, Японии, Саудовской Аравии, Малайзии, Индии, Южной Кореи, Китая и Швеции. Иностранная авиация бомбила рыбацкие деревни, пафосно названные «пиратскими базами». За пять лет международные силы добра и света

загнали сомалийских пиратов-рыбаков обратно на берег. Война внутри Сомали продолжалась. Она до сего дня не закончилась.

«А в 1990-х главными „бармалями“ в мире были мы, сербы», — добавляет Слободан. Говорю ему: «С вами „цивилизованный мир“ разобрался за три года. С сомалийскими пиратами — за пять лет. Полагаю, нынче „цивилизованный мир“ будет гораздо благоразумнее и не будет так торопиться с победой. Все-таки стабильность вида и местоположения „мирового зла“ важна для стратегического планирования. Когда ты точно знаешь, где именно и в какой конкретно форме „международная угроза“ будет существовать ближайшие лет десять, значительно легче заниматься долгосрочными планами, обеспечивать рабочими местами своих граждан, родственников, друзей и оптимизировать траты на имиджевые услуги».

«Да вы чертов революционер, мистер Райбин!» — сытым тоном абсолютно уверенного в себе человека говорит Джек. Он смеется — выкидывает из себя громкие смешки, чтобы подчеркнуть мою наглость и свою абсолютную уверенность и сытость.

Джек — культовый ведущий американского телеканала, вещающего из Нью-Йорка на весь говорящий и совершенно не говорящий на английском свет. Если бы не женщина, если бы не черноглазая, одевающаяся всегда со вкусом и умеющая вовремя показывать нужные эмоции итальянка Анджела, я бы не стал настолько откровенно разговаривать с Джеком. Ведь он изначально показался мне недостойным моих искренних мыслей. Наоборот, он показался мне слишком пропитанным заученными истинами «цивилизованного мира», чтобы говорить с ним начистоту. Он такой и есть, каким казался мне. Коварные итальянки... впрочем, они подставляли королей и герцогов старины, философов и талантливейших писателей, поэтому не стоит сильно расстраиваться из-за профессиональной их женственности.

Знакомство завязалось на приеме генерала Касима, командующего иранским экспедиционным корпусом в Сирии. Величайший иранец нашего времени — говорят о генерале Касиме. Он не дает официальных интервью. Но возможность встретиться с ним, поговорить хотя бы несколько минут считается редкой удачей среди журналистов, работающих в Сирии.

О том, что генерал Касим устраивает прием, стало известно за пару дней до приема. Никаких пресс-релизов, никаких официальных заявлений. Информация распространялась через друзей, через близких, через людей, которым доверяешь не меньше, чем себе. Мне рассказал о предстоящем приеме турок Джем. Я же рассказал о нем только редактору белградского издания Слободану и Анджеле из Рима. «Как я должна одеться на этот прием, по твоему мнению?» — отреагировала итальянка на мое сообщение. «Иранцы что-то замышляют», — отреагировал серб. Итальянка оделась, как школьница-старшеклассница, намеренная соблазнить самого строгого учителя, и заплела две хулиганские косички (тотально противоположно моему предложению). Серб подготовил список вопросов на три страницы печатного текста.

Прием происходил вечером на базе «Корпуса стражей Исламской революции», расположенной в пустынных горах восточнее автотрассы Дамаск—Хомс, в древнем, заброшенном 800 лет назад христианском монастыре Мар Муса. «Стражи» — элитное военно-политическое подразделение иранской армии, иранского государства вообще («политическое подразделение» подразумевает очень широкие функции). Генерал Касим — глава «стражей». Его еще называют «серым кардиналом» Ирана. По данным самых разных журналистов, идейным вдохновителем войны в Сирии в ее нынешнем виде, войны «цивилизованного мира против международного террора», является именно генерал Касим. Перед тем как вооруженный конфликт правительства Сирии против радикальных религиозных группировок при-

обрел масштабы «глобального конфликта», «столкновения света и тьмы», глава «стражей» посетил Москву, Вашингтон, Пекин, Стамбул и Берлин. Именно в том порядке, в каком я перечислил.

По легенде, генерал Касим родился в крестьянской семье в маленькой деревне (тогда в ней жило не больше ста человек, сегодня — не больше четырех сотен) в пустынной провинции Керман. Ему рано пришлось заняться зарабатыванием денег — семейные интересы того требовали. Он работал в строительной бригаде с 15 лет. Когда он проходил срочную военную службу, началась война Ирана с Ираком. Сержант Касим прославился своими смелыми рейдами по тылам врага. Получил офицерское звание, и вся дальнейшая его карьера была связана с военной службой. Неофициальная версия его родословной гласит, что он принадлежит к роду последнего иранского шейха Пехлеви. Благодаря связям семьи получил великолепное домашнее образование и войну против Ирака начал в чине подполковника, командира батальона специального назначения военно-десантных войск.

Иранцы встречали гостей в городке Ан-Небек на автотрассе Дамаск—Хомс. Отсюда в Мар Муса они доставляли своим транспортом. Я с Анджелой и Слободаном ехал среди красно-рыжих гор в лучах гаснущего солнца на огромном японском внедорожнике. Впереди, кроме водителя, сидел англоговорящий иранский офицер. «Ты видел фото Касима? — шепотом спросила меня итальянка. — Как мужчина он — о-го-го выглядит. Сколько ему лет? Около шестидесяти? Он гранд мачо. Заметь, на его фото ни грамма корректировки изображения. По-моему, такой мужчина может сводить с ума женщин одним взглядом». И тому подобное шептала мне итальянка, крепко держась за мое колено. Слободан всю дорогу курил трубку с глубокомысленным видом.

Монастырь сложен из дикого камня, плотно пригнанного друг к другу, в горной трещине. К нему ведет каменная лестница длиной метров в триста. В начале лестницы стояли иранские солдаты (причем безоружные), проверявшие прибывших металлоискателями. На парковке не более десятка однотипных японских внедорожников.

Наверху иранские солдаты (также безоружные) показали, куда идти. Мы — Анджела держала меня и Слободана под руки — вышли на открытую террасу, с которой открывался вид на серо-рыжую пустыню. Здесь уже собралось десятка два гостей. Среди них я увидел Джема. Он помахал мне рукой и подошел: «Искандер, Слобо, Ангела, рад вас видеть. Я был уверен, что Искандер сообщит вам о приеме», — он раскланялся с сербом и пожал двумя руками паучью ручку итальянки.

На террасе стоял стол с традиционными иранскими кушаньями и горячим чаем. Мы подошли к столу и накидывали один из видов пахлавы на маленькие блюдца, когда Анджела вдруг восторженно объявила: «О, да это же Джек. Я хочу привести к вам кое-кого очень и очень интересного, мальчики. Подождите немного». Глядя ей вслед, Джем прокомментировал: «Вертихвостка снова отправилась собирать главные призы дня», — и он положил на мое блюдце кусочек фисташковой пахлавы.

Большинство из гостей были отлично знакомы между собой — известные журналисты популярных в своих странах медиа. Мы дежурно здоровались, кратко обменивались последними новостями с фронтов и из штаба многонациональных сил.

Анджела действительно вернулась к нам, ведя за руку американца Джека...

Во-первых, у американца была литровая бутылка виски. Поэтому мы отошли к краю террасы, чтобы, словно подростки, украдкой заливать американским алко-голем. Во-вторых, Джек сказал: «О, русский, уважаю. Но ваши военные мешают нам добить „бармалеев“ и спасти наконец Сирию и весь мир от варваров». В-третьих, Анджела прижалась ко мне, обняв мою руку, и сказала тоном обиженного ребенка: «Алессандро очень искренний мальчик. Не путайте его с грязными делишками во-

енных — русских, нерусских, любых». Поэтому я вскипел и стал говорить Джеку то, что действительно думаю об этой паршивой войне: «Дружище, если бы не эта война, ты бы сдох от скуки, разговаривая в своих прямых эфирах с очередными „кинозвездами“, накачанными ботексом, а не интеллектом. Ваш гребаный западный мир сходит с ума, пытаясь найти достойного противника, с тех пор, как рухнул наш Советский Союз. Вам на самом-то деле нечего предложить миру — всему огромному в сотни наций и культур миру, поэтому вы ищете „глобального врага“, чтобы оправдывать, что вам можно иметь то, что нельзя неграм в Африке, русским, пакистанцам, жителям Гренландии и так далее. Дружище, один очень умный и хитрый иранец воспользовался амбициями вашего наглого правительства точно так же, как он воспользовался глупыми иллюзиями третьесортных правительств России, Турции и тому подобных, чтобы наши потомки убедились — иранцев нельзя недооценивать». И тогда этот уверенный в себе американец сказал: «Да вы чертов революционер, мистер Райбин!» Отхохотав как следует мою речь, Джек продолжил: «Это наивные идейки левых революционеров слишком глубоко засели в вашем разуме, мистер Райбин. Вы продолжаете искать врагов среди буржуа, капиталистов, олигархов, хотя их уже 25 лет как нет. Вы, будучи очередным леваком-революционером, отказываетесь принимать то, что в мире действительно существуют глобальные вызовы, на которые „цивилизованному миру“ пора реагировать всеми силами одновременно, а не усилиями отдельно взятых стран. Мир изменился. Перестаньте рассуждать догмами, которые были актуальны в начале XX века. Прошло сто лет. Очнитесь и попытайтесь понять современное состояние глобальной ситуации».

Было бы нелепо закончить горячую дискуссию между наглым американцем и всплывшим русским улыбками и рукопожатиями... Понятия не имею, кто меня оттаскивал от Джека, но это были крепкие руки нескольких человек, говоривших на непонятном мне языке.

Я так и не увидел в тот вечер генерала Касима.

Юлия ЩЕРБИНИНА

«ОЩУЩАЕМ И НЕВЕРУЮЩИМ В НЕГО»

Заметки о богохульстве

Бог всегда пребудет Бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением Всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст.

Александр Радищев.

Путешествие из Петербурга в Москву

Богохульство — обширнейший и до сих пор очень неоднозначный феномен, с длинной историей и богатой «поэтикой». Это понятие одновременно и лингвистическое (речевой акт), и религиозное (грех), и юридическое (правонарушение), и социальное (протест). Обобщенно богохульство понимается как оскорбительное и непочтительное использование имени Бога (богов), поношение и поругание объектов религиозного поклонения. В широком смысле это не только крайнее неуважение к святыням, но вообще любое преступление против веры.

Близки, но не полностью тождественны богохульству понятия *кощунство* и *святотатство*. Основные отличия — в объекте и в словесной форме. Под богохульством надо понимать прежде всего надругательство над самой верой, под кощунством — неуважение к церковным правилам, предметам культа, ритуалам, обрядам. Богохульство — это главным образом оскорбления, нападки; кощунство — язвительные насмешки, злые шутки, уничижительное пародирование. Слово «святотатство», происходящее от древнерусского «татьба» (воровство), первоначально означало посягательство на церковную собственность. Святотатственными считались и воровство в церковные праздники, и поругание домашних святынь. Сейчас святотатство имеет более общий смысл: преступное ограбление и осквернение сакральных мест (храмов, кладбищ) и священных предметов (икон, церковной утвари).

Сегодняшние споры о богохульстве — это в основном полемика о критериях, рамках, границах допустимого в высказываниях о сакральном. Нынешние секулярные аналоги богохульства — *оскорбление религиозных чувств, унижение обрядов, разжигание розни*. Современное европейское право соотносит бого-

Юлия Владимировна Щербинина — филолог, доктор педагогических наук, специалист в области книговедения и коммуникативных дисциплин. Автор ряда научных, научно-популярных, учебных книг и многочисленных статей в журнальной периодике. Лауреат премий журнала «Нева» (2014), журнала «Октябрь» (2015).

хульство с *непристойностью*. Законодательства многих европейских стран (например, Италии, Ирландии, Греции, Германии, Норвегии) еще предусматривают те или иные наказания за оскорбление святынь, но их практическое правоприменение сведено к минимуму либо вообще прекращено. Понятие богохульства, с одной стороны, заметно размывается, с другой — замещается криминальными терминами *хулиганство*, *вандализм* либо социальным определением *свободомыслие*. Богохульство становится неподсудным, но превращается в инструмент социальной борьбы. Прежде мучеников за веру объявляли богохульниками — сейчас богохульников называют мучениками за свободу.

Нынешняя борьба на религиозном поле, порой доходящая до пределов ожесточения и абсурда, всевозможные терминологические ошибки и явные спекуляции в вопросах веры, непрекращающиеся споры о предметах и объектах богохульства — все это заставляет вспомнить исторический контекст и по-новому осмыслить причины данной проблемы.

Богохульство в античности

В афинском праве существовало перешедшее затем в христианское богословие понятие *асебиа* (греч. «безбожие»), которое означало совокупность действий, несовместимых с почитанием богов и соблюдением религиозных обрядов: осквернение святынь, воровство из храмов; отрицание, забвение, высмеивание божеств. Асебиа считалась государственным преступлением и каралась изгнанием или смертной казнью. Хрестоматийный пример — судьба Сократа, обвиненного в асебии и казненного через самопринятие чаши с ядом цикуты. Согласно Платону, обвинялся Сократ непосредственно в том, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что развращает юношество». За этой формулировкой, как известно, скрывались чисто политические претензии. Сам философ категорически отверг все обвинения как клеветнические, отказался от спасительного бегства из Афин и достойно принял смерть.

В римском праве богохульство первоначально не каралось. Римляне считали богов достаточно могущественными и самостоятельно способными покарать своих обидчиков. Император Тиберий провозгласил: «Оскорбление богов — дело самих богов» (лат. *Deorum injuriae diis curae*). Почитание культа сводилось в основном к соблюдению внешней обрядности. Насмешки над богами в театральных постановках могли вызвать бурные овации, особенно если это были трагедии Энния и комедии Плавта.

При этом, завоеывая другие народы, римляне достаточно лояльно относились к их божествам, не уничтожая и не изгоняя. «Всякому государству принадлежит своя религия, нам — наша», — провозгласил Цицерон. Впрочем, такое отношение заключалось в самой природе политеизма: для многобожия по определению нет богов «ложных» или «плохих». Боги могут быть более и менее могущественны, но все одинаково истинны. Потому римляне воздавали дань уважения египетской богине Изиде, сирийской Астарте, каппадокийской Ма, некоторым финикийским и фригийским божествам.

В античной литературе — что греческой, что римской — если и встретишь богохульника, то скорее не как ругателя богов, а как соперника, оспаривающего власть и могущество. Взять, например, царя Капанея — героя древнегреческих мифов и одноименной трагедии Тимесифея. Во время осады Фив, пытаясь взобраться на городскую стену по приставной лестнице, Капаней выкрикнул дерзкую

клятву: во что бы то ни стало захватить город, даже если это будет против воли богов. Разгневанный Зевс поразил его молнией — и Капаней упал со стены. Другой мифологический персонаж и действующее лицо трагедий Эсхила, Софокла, Сенеки — царь Тантал — тоже прогневил богов непомерной гордыней и нанесенным оскорблением, за которое его низвергли в Аид. Зевс поступил с Танталом еще хуже, чем с Капанеем: навалил на голову гору и обрек на невыносимые мучения от голода и жажды. Отсюда известный фразеологизм «танталовы муки» — то есть ужасные нескончаемые страдания.

«Принцип Тиберия» пошатнулся в отношениях с христианами, которые веровали в единого Бога и не желали признавать никаких иных божеств. К тому же с укреплением имперской власти цезари получили статус сакральных особ (лат. *august et divus*), непризнание которых считалось богохульством, что стало официальным основанием для преследования христиан. И сама идея единобожия, и присущий христианам прозелитизм оказались настолько чужды римлянам, что первые христиане подверглись ярым гонениям и обвинениям в богохульстве, под которым подразумевались как непочитание римских богов, так и «оскорбление величества» императора.

Первым же и опаснейшим из богохульников был объявлен, как известно, сам Иисус Христос. Согласно Евангелию от Матфея, Иисус говорил: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Тогда первосвященник Каиафа в ярости разодрал свои одежды и возопил: «Он богохульствует! На что еще нам свидетели? Вот, теперь вы слышали богохульство Его!..»

«Кораблекрушение в вере»

Далее происходит важнейший аксиологический поворот, точнее, переворот: вначале глумились над Христом — потом карали его хулителей. Римское законодательство христианской эпохи установило уголовное наказание за богохульство. Преследование поношений божества вводится императором Юстинианом Великим в 77-й новелле (*Novellae Constitutiones*) и содержит прямые указания относительно богохульников. Юридический состав богохульства здесь еще не определен, оно названо обобщенно «непристойностью», однако Римская империя — фактически первое государство, принявшее закон о защите чувств верующих.

В византийском законодательстве под богохульством также понимался весьма широкий и размытый круг деяний, оскорбляющих христианство. Это открывало поистине неограниченные возможности для обвинений в ереси и богоотступничестве, что мы и наблюдаем на протяжении многих столетий в слиянии церковного понятия *grex* и юридического термина *преступление*. Однако при всех расхождениях в трактовке богословских понятий христиане сходились в одном: предельное, крайнее богохульство есть поругание Святого Духа — сознательное и упорное отвержение спасительной божественной благодати, которое, в отличие от любой другой хулы, не прощается никогда (Мф. 12: 31–32).

Проявления богохульства разделялись в христианстве на «неправильные», то есть инакомысленные (высказывания вроде «Бог жесток, несправедлив») и вызывающие божий гнев (вроде «Долой Бога!»). Различалось еще богохульство намеренное (с целью оскорбления) и непреднамеренное (в порыве гнева, минуту отчаяния). Классическое же определение сути богохульства дано Фомой Аквинским, считавшим его тягчайшим из грехов: «Мы или лишаем Бога того, что принадлежит Ему, или, напротив, приписываем Ему то, что Ему не принадлежит».

Наряду с теологическими, известны и метафорические определения богохульства. Апостол Павел говорил о богохульниках как о «потерпевших кораблекрушение в вере». По Иоанну Златоусту, «богохульник — тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший». Сам же Фома Аквинат уподоблял неправильно говорящего о Боге фальшивомонетчику.

Наконец, в ранней юридической практике различались прямые, непосредственные акты богохульства (оскорбительные нападки, порочащие высказывания) и опосредованные преступления против Бога. К последним относились *лжеприсяга* (присяга с упоминанием божественного имени и намеренное ее неисполнение); *божба* (клятвы именем Бога, Его страданиями, таинствами, властью или частями Его существа — например, головой); религиозное *суесловие* (упоминание Бога, святых всуе — то есть напрасно, легкомысленно, небрежно, без должного почтения и благоговения).

Позднее лжеприсяга выводится из компетенции церковного суда большинства европейских стран, однако еще некоторое время рассматривается как преступление. В данном случае богохульство трактуется как вероломство, нарушение клятвы. Божба и суесловие впоследствии совсем исключаются из проявлений богохульства, хотя в ряде стран тоже еще какое-то время продолжают считаться религиозными преступлениями. Сейчас подобные высказывания обобщенно именуется *профанизмами*¹ (лат. *pro fano* — букв. «снаружи храма», «не допущенный в храм»), то есть употреблением религиозных понятий в профанном (сниженном, но не оскорбительном) смысле.

Заграждать уста

Интересно, что средневековые обвинения именно в богохульстве не столь уж часты, тогда как обличения в ереси носили тогда массовый характер. Однако *еретик* автоматически считался *богохульником*. Инквизиторы виртуозно жонглировали этими понятиями, хотя нередко — в абсолютной искренности и твердой убежденности, являя образец религиозного фанатизма.

Инквизиция возомнила, что она-то и есть Тело Церкви, что несовершенные и бранные тела окормляемых ею духовных чад можно жечь, резать, рвать, складывая в троеперстие натруженные пытками ладони. Лучшим средством «заграждать уста» считалось терзание плоти, а высшим проявлением любви — подношение креста к устам осужденных на казнь. В инквизиторском дискурсе, равно как и в народном средневековом сознании, искусственно конструировался злоедейский опасный образ еретика как социального жупела и как словесного ярлыка, навешивание которого исторгало человека из общества, из публичного пространства, из коммуникации.

Что же касается наказаний за богохульство, то эта практика поначалу шла путем ужесточения. Если, скажем, Второй Равеннский собор (1311) всего лишь отлучал на месяц впервые уличенных в богохульстве, а злостным ругателям отказывал в церковном погребении, то Пятый Латеранский собор (1514) уже установил целую карательную систему, где были и «штрафное» посещение месс, и покаянное паломничество, и тюрьма, и галеры, и суточное позорное стояние перед городским собором в «митре бесславия». Начиная с XV столетия богохульников в Европе все чаще стали карать лютой смертью, преимущественно через сожжение на костре,

¹ Термин российского филолога Владимира Жельвиса. См., например: Жельвис В. И. Богохульство как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 90–95.

а в Русском Царстве XVI века сожжением в срубе — заполненном паклей и смолой сооружении из бревен.

Наказания за богохульство долгое время строились на *метонимической* логике: каралась часть человеческого естества, «виновная» в поругании божества. Лжеприсяжникам отсекали руки или отдельные пальцы, которыми клялись именем Господа. За непристойную божбу верхнюю губу прижигали раскаленным железом, нижнюю рассекали бритвой или ножом. Хулителям Бога и святых протыкали либо вообще отрезали язык. Свидетели лжеприсяги и божбы должны были заставить преступников пасть на колени и поцеловать землю, оскверненную богохульством. Ну а «продавших душу» дьяволу (то есть полностью оказавшихся в бесовской власти) «ведьм» в лучшем случае погружали в воду — дабы «смыть» скверну, а в худшем — подвергали «очищению огнем».

Богохульство в Европе Нового времени

Постепенно смертная казнь за богохульство, не связанное с ведовством и отрицанием христианских догм, начинает заменяться в Европе телесными наказаниями. Вместо членовредительства чаще применяется бичевание, из других наказаний — заключение в «смирительный дом», денежные штрафы, публичное покаяние. Сужается и объем данного преступления (например, к XVII веку отменяется судебное преследование божбы), распространяются идеи веротерпимости, последовательно проводившиеся Мильтоном, Спинозой, Локком, Монтескье, Вольтером, Гельвецием...

Европейские кодексы XVIII столетия по-прежнему включают преступления против Бога, но постепенно криминальная практика переходит от понятия посягательства на *божество* к понятию посягательства на *права верующих*. При этом богохульство отходит в область оскорблений, а покушения на свободу вероисповедания — в группу посягательств на свободу в целом. Таким образом, пресечению подлежит лишь то, что направлено на оскорбление религиозных чувств, подстрекательство к смуте или наносит материальный ущерб религиозным учреждениям.

Хотя до окончательной замены морального понятия *богохульство* правовым термином *оскорбление религиозных чувств* еще очень далеко, это переосмысление уже отражается в законодательствах большинства европейских стран. Например, французское право не предусматривало случаев богохуления, если они не сопровождалась надругательством над священными предметами. Таковые надругательства наказывались штрафом от 16 до 500 франков или тюремным заключением от шести дней до шести месяцев.

Параллельно шел встречный процесс: постепенное отделение церкви от государства, распространение оккультных идей и анархических веяний настойчиво взывали к протестному, а подчас и откровенно эпатажному «антиповедению». Наиболее ярко это отразилось в литературе и живописи позапрошлого столетия, достаточно упомянуть «проклятых поэтов» — Бодлера, Верлена, Рембо, Лотреамона — и близких к ним художников, например Ропса с его циничными карикатурами и откровенными до непристойности иллюстрациями.

«Цветы зла» Бодлера публично признают богохульными, издание запрещает цензура, поэта привлекают к суду. Рембо пишет на заборе «Смерть богу!», вместе с Верленом витийствует в литературном кружке с говорящим названием «Чертыхатели», рассказывает в дружеской переписке о верленовских четках из клешней рака и о том, как они «отвергли Бога и заново распяли Спасителя». Публикатор скандальных «Песен Мальдорора» графа Лотреамона отказывается распространять

их по книжным магазинам, опасаясь преследований за богохульство. Правда, порой все это искусственная демонизация деятелей искусства или мистификация наивных читателей. Скажем, тому же Рембо приписывали «Омегу богохульника» Лорана Тайада.

Отношение к богохульству в России

Древнерусское языческое право, не выделяя богохульство в специальное понятие, рассматривало всякий религиозный проступок как нарушение воли богов и ритуально-обрядовых установлений волхвов. Самый памятный пример кары такого проступка — в славянском мифе о вещем Олеге, известном в поэтическом переложении Пушкина. Великий князь новгородский и киевский «рече глумяся» над предсказанием кудесников о «смерти от коня своего» и был наказан богами. Наказание здесь свершилось по древнеримскому принципу «*Deorum injuriae diis curae*»².

В древнерусских памятниках христианского периода богохульство как таковое все еще не получает специального определения, обобщенно упоминаясь только в связи с другими религиозными преступлениями — чаще всего ересями и языческими суевериями. Например, Никоновская летопись содержит датированную 1371 годом характеристику: «Стригольники... злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами...»³

Эпоха обрядового мышления, приверженности «старине» опасалась любого светского, «профанного» слова, заведомо подозревая в нем хулу божественного, искажение священного. Во многом отсюда начетничество богословов и буквализм летописцев, минимизация персональных оценок. Оскорбительной (в подтексте — богохульной) была любая критика традиций. Богохульством считалось все, что не относилось к «господствующему исповеданию».

Законодательное определение богохульства как религиозного преступления впервые фиксируется Соборным уложением Алексея Михайловича (1649) в первой же статье под названием «О богохульниках и о церковных мятежниках»: «Хула на господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников». Богохульников приговаривали к сожжению.

Краеугольным понятием случившегося затем церковного раскола и одним из его жупелов становится все то же богохульство. По-прежнему не имея точного юридического определения, это слово громыхало в отчаянных спорах расколоучителей и никониан, застило взор книжным «справщикам», просачивалось сквозь самые толстые монастырские стены. «Здесьние книги все лживы, а здесьние правила — кривила, а не правила; до Максима мы по тем книгам Бога хулили, а не славили», — горячо настаивал инок Вассиан, соавтор Максима Грека и ученик Нила Сорского.

Победа никониан задала четкие критерии оценки: все «неисправное» априори считалось богохульным, старообрядцы причислялись к богохульникам, критика церкви расценивалась как богохульство. Риторика раскола не признавала словесных полутонов. Точно так же не признавала их европейская Реформация: католик считал богохульником протестанта, протестант — католика.

² Лукьянов С. А. Богохульство как вид религиозного преступления в древнерусском и российском законодательстве в X — начале XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 5—11.

³ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI, гл. IV. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. С. 216.

Объекты и разновидности богохульства впервые разграничиваются в Воинском уставе Петра I (1715): поругание и презрение имени Божия, поношение Божией службы, Слова Божия и Святых Таинств; поношение Богородицы и Святых ругательными словами. Первое преступление каралось прожжением языка с последующим отсечением головы, второе — «отсечением сустава» либо «лишением живота». Богохуление по легкомыслию, без злого умысла каралось «заключением в железо», вычетом жалованья за месяц или гонением шпицрутенами. За явное и особо серьезное поругание святой православной веры Духовный регламент (1721) предусматривал анафему — церковное проклятие.

Однако же в гневе или душевной слабости, из гордыни или по невежеству люди не переставали богохульствовать. И если в петровскую эпоху по «богохульным делам» в суде проходили в основном раскольники и сектанты, то позднее участились случаи бытового богохульства — учиненного вне каких-либо еретических убеждений. Вот лишь несколько выразительных образчиков 1730—1755 годов⁴.

Дворовый Иван Гурьев, бранясь на плохую погоду, поносил Господа такими словами: «Нельзя за мокротою в конюшню ходить. Я бы взял Бога и бил его в три плети и высек бы впроводку кнутом». Солдат Филипп Мандыхин, воротясь из караула, сказал в досаде: «Вчера было у Бога сухо, а ныне мокро, я бы взял Бога да кнутом и рассек». Крестьянин Петр Иванов в пылу спора со сборщиком податей горделиво изрек: «Я лучше Бога, Бог денег не платит, стоит на стене, а деньги платят они, крестьяне». Благочинный Иван Гурьев, пьянствуя в кабаке, «поучал народ не веровать Богу, называя Христа разбойником, Богородицу блудницей, а святых апостолов есаулами»...

Здесь в пору остановиться и задаться нериторическим вопросом: почему сами же христиане (не иноверцы, не атеисты), иные из которых были весьма богобоязненными людьми, творили подобные бесчинства? Советская наука списывала это на неприятие «опиума» религии и якобы уже тогда зарождавшееся в народной среде свободомыслие. На поверку же все было куда проще. Объяснения обнаруживаются в самих следственных делах о преступлениях против веры. Вот что было сказано, например, при вынесении приговора крестьянину Евтихию Петрову, матерно костерившему святую Церковь: «Такое сквернословие учинено им... единственно яко от простолюдина по непросвещению крестьянского его состояния и по закоренелой грубости в бранной злобе от невоздержности и лехкомысленности»⁵.

На основании анализа 133 дел о богохульстве и кощунстве в России XVIII столетия известный историк Елена Смилянская заключает: большинство подобных преступлений состояло в пьяной или аффективной брани с поношением святынь. Эмоциональная распущенность, «преизлишнее пьянство», униженность несправедливостью, а порою просто невыносимое отчаяние от жизненных невзгод — вот главные причины богохульных речей. Выражаясь современным языком, основа богохульства — низкий уровень религиозной культуры. А тот факт, что богохульники изрыгали брань всерьез, обращаясь к святыням как абсолютно реальным и притом одушевленным объектам, лишь «от противного» подтверждал наличие веры, а отнюдь не безверия.

Как верно заметил в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев, «отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты [атеисты]. Таковых у нас мало; ибо мало у нас еще думают о метафизике». Богохульство нередко проистекало как раз из твердой

⁴ Цит. по: Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII века. М.: Индрик, 2003. С. 211—213, 216, 218, 219, 224.

⁵ Смилянская Е. Б. Указ. соч. С. 212.

веры в одухотворенность крестов, икон, богослужебных книг. Согласно мирской логике, они подлежали осуждению и наказанию, подобно живым людям.

Так было в допетровской Руси, так было при Петре, так же в целом продолжалось и при Екатерине. Хотя российское законодательство екатерининской эпохи испытало заметное влияние европейского Просвещения, и сама императрица, состоявшая в переписке с Дидро и Вольтером, ратовала за смягчение наказаний за религиозные преступления. Устав благочиния, или Полицейский устав (1782), уже не предусматривал неперемного сожжения богохульников (после 1738 года этот вид казни за религиозные преступления у нас вообще не применялся). Казнь все чаще заменяли ссылкой в «труды» или на «увещевание» в монастыри.

«Попов ругать — и слов не подобрать»

Особое место в ряду богохульных (в современном представлении — скорее кощунственных) речений занимают «смеховые» тексты. Ритуально-комедийное богохульство — это шутовские сцены *дьяблерий* (европейских средневековых спектаклей в составе мистерий) и пародирование религиозных текстов в поэзии *вагантов*, немецкие средневековые анекдотические рассказы *шванки* и *глумы* (насмешки) скоморохов над христианскими обрядами, народные святочные «беснования» и «срамные» частушки, «сумнительные» вирши-сатиры на Церковь и «непотребные писмишки» с поношением священников...

В России распространилось стихотворное сочинительство, бичевавшее пороки и злоупотребления духовенства: мздоимство, лживость, распутство. Правда, иные выходки духовных лиц в XVIII веке были похлеще перформансов акционистов. В 1734 году иеромонах Федор Чернышев загремел под суд за то, что на Пасху явился с крестом в дом воеводы Кочергина и пел там праздничный ирмос «Светися, светися» с громогласным завыванием: «Ты, воевода, в новой шубе обновися, половина ииацкая, а другая посацкая». Ошарашенный воевода воспринял «спектакль» исключительно как богохульство.

Не менее впечатляют «сумнительные» пословицы и прибаутки. Прежде всего, это пословицы явно богохульные, но их было все же не так много. *Грех такой стался, что сам бог усрался. Взял бы боженьку за ноженьку, да и об пол. Из одного дерева икона и лопата.* Бытовали также поговорки, выражавшие фамильярно-насмешливое отношение к обрядности — молитвам, постам, церковным службам. *Среда да пятница в доме не указчица. Пост не мост, можно и объехать. Бес и хлеб не ест, а не свят.* Наконец, самыми многочисленными были сатирические пословицы, из которых можно составить полное собрание пороков духовенства. *Поп что клоп — людскую кровь пьет. Поп захочет, саму правду опорочит. Язык поповский как день петровский.* Короче, *попов ругать — и слов не подобрать.*

Еще в XVII—XVIII веках распространялись в списках, «шалберных тетратях», а при поимке копиистов включались в следственные дела сатирические повести и шутовские сказания с нападками на духовенство⁶. Известное «Сказание о куры и лисице» осмеивает стяжательство и лицемерие священнослужителей. «Сказание о попе Саве и о великой его славе» в рифмованной форме обличает жадность попов. «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») — злая пародия на ритуал всеобщей службы. «Повесть о бражнике» — высмеивание проповедей. «Калязинская челобитная» — разоблачение порочных монастырских порядков. «Сказание о попе

⁶ См., например: Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX века // ТОДРЛ. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 335—366.

Савве» — стихотворная сатира на алчность священников. «Повесть о Карпе Сутулове» — ирония над их развращенностью.

Аналогичные мотивы широко известны и русской классике XIX века, вспомнить хотя бы пушкинскую «Сказку о попе и работнике его Балде», не говоря уже о крамольной «Гавриилиаде», где уже не комичный «поп — толоконный лоб», но сам Господь выведен действующим лицом, а в главной роли Дева Мария. Пушкину также приписывали злую эпиграмму на архимандрита Фотия, в числе прочих вольнодумных текстов послужившую поводом для южной ссылки поэта. Словно бы в память о грозном Бенкендорфе совсем недавно в Армавире издали вариант «Сказки о попе и работнике его Балде» с заменой попа на купца — как было до 1917 года в редакции Василия Жуковского.

Антиклерикальные мотивы, помещение сакральных текстов в профанные контексты, комическое цитирование Священного Писания присущи творчеству едва ли не всех поэтов XVIII — начала XIX века: Ломоносова, Державина, Дельвига, Вяземского, Горчакова, Батюшкова, Дмитриева, Гнедича...⁷ Критика церкви — и в сочинениях Фонвизина, Чулкова, Новикова, Радищева. А вспомнить знаменитый литературный кружок «Арзамас» — что это как не пародия устройства христианской общины и чем не аналог петровского Всешутейного собора?

Основные жанры «литературного кощунства» — эпиграммы, сатиры, дружеские послания, пародийные оды. Здесь архаические представления и цензурные запреты вступали в конфликт с идеей поэта-демиурга — выразителя высших истин, обладателя права свободного диалога с Богом — равного и одновременно противопоставленного священнослужителю. Иначе говоря, кощунства в литературе позапрошлого столетия не политические, не антиклерикальные и тем более не магические, а травестийные, «маскарадные», карнавальные (по Михаилу Бахтину).

Почему все смеховые тексты, связанные с религией и верой, даже в «просвещенном» XIX веке автоматически попадали в разряд богохульных? Потому что изображаемые в них предметы и понятия были сакральными, и здесь любой смех есть покушение на норму, нарушение культурного запрета. С позиции современности — это неоправданное обобщение, с позиции традиционного общества — непреложная данность. Отсюда же и непонятные современным людям цензурные запреты на употребление в светских текстах слов «небесный», «ангельский», «благодарить» и прочих, наделенных исключительно религиозными смыслами. Смешение сакральных и профанных понятий тоже считалось кощунством. Показательный пример — запрет баллады Василия Жуковского «Иванов вечер», в которой ревнители лингвистического благочестия усмотрели кощунственное употребление слова «знамень» в значении «знак».

Что же до профессиональных оценок «смеховых» текстов, то они заметно расходятся. Одни ученые относят подобные сочинения к «демократической сатире», проявлениям антиклерикальных настроений, творческим формам социального протеста или ко внутрицеховому «самоувеселению». Другие исследователи рассматривают смехотворчество как развлекательное сочинительство, «затейный народный обман». Третьи специалисты все же считают такие тексты пародийным кощунством «для разсеяния в народ непотребства». Аналогично нет и однозначной оценки сочинений Петра I для его «Сумасброднейшего, Всешутейшего и Всепьянейшего собора» — не то злоумышленной пародии на церковь и жестоко-лукавой игры с духовенством, не то экзотического русского варианта либертинажа, не то эпатажной практики разрушения стереотипов старорусского быта, не то про-

⁷ Живов В. М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века / Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература: Сб. ст. М.: Ладомир, 1996. С. 189–231.

стого дурачества «гуляк у власти». Впрочем, здесь просматривается историческая логика: в дополнение к шокирующим экспонатам Кунсткамеры русскому барокко хотелось еще и словесных выкрутасов.

«Отреченные писания» и «богоотметные письма»

Особым родом хулы на Бога считались так называемые *отреченные писания* — колдовские заговоры с упоминанием христианских святынь наравне с бесовскими силами. Сюда же относили апокрифы и сочинения раскольников. В «доношениях», следственных делах и судебных протоколах подобные тексты часто так и назывались — «богохульные речи», а их авторы и чтецы — «богохульные чародеи». Заговоры были порой устрашающими, а порою и комичными. Так, известный в 1760-е годы серпуховский крестьянин-знахарь Петр Яковлев, «когда у кого зделаетца у тайного уда невстаниха», наливал в тазик водички и произносил над нею волшебные слова: «Далече, далече в чистом поле стоит Христов престол, а в том престоле госпожа пречистая Богородица». Говорят, помогало.

Об отношении к «отреченным писаниям» красноречиво свидетельствует практика их сжигания и замена рукописными копиями в следственных делах. Поступали так не только потому, что заговор был вещественным доказательством вины. Негласно считалось, что подлинник, даже не будучи в употреблении, порочит Господа и способен оморочить судей, посему как можно скорее должен быть уничтожен. Оставленный же по каким-либо причинам оригинал хранили с особой осторожностью, руководствуясь строгим предписанием: «Касающееся до волшебства писмо хранить в судейской каморе з печатью, дабы не подать к дальнейшему соблазну поводу».

Не менее экзотическим видом богохульства были «своеручные» *богоотметные письма* — договоры-сделки с дьяволом ради получения богатства, благоволения начальства, стяжания славы, успехов в любовных делах и прочих мирских благ. Авторов таких текстов именовали «богоотметными хулителями» и попросту «отметниками», «отречниками». Иные истории настолько драматургичны, что тянут на приключенческие романы.

Так, в 1733 году в московскую Синодальную контору явился молодой монах Саровской пустыни Георгий Зварыкин с повинной в преступном отречении от веры и прошением «милостиваго разсуждения, чтобы повелено было окончить жизнь в покаянии». Некий слепой старик якобы направил Зварыкина к странному «немчину» Вейцу, который, дескать, мог сделать так, чтоб люди «были добры». Для этого дьявол-Вейц сорвал со Зварыкина нательный крест и приказал проговорить страшные слова: «Отрицаюсь Христа и покаяния и готов последовать сатане и творить волю его». Затем велел начертать то же самое на бумаге и подписать собственной кровью.

«Отреченные писания» и «богоотметные письма» — наглядные примеры того, что хула может вести не к богоотрицанию, а лишь к противоположному полюсу сакрального — обращению к обитателям ада. Сакральное никуда не исчезает, как не исчезает икона при развороте обратной стороной — просто человек теряет ориентир в сакральном пространстве. Здесь и зоркое око клирика, и придирчивый прищур дознавателя, и неоткалиброванный наивный взгляд простолудина — всего лишь разные позиции внутри одной метафизической системы. Богохульство лишь иллюзия *трансгрессии*, выхода за пределы сакральности. По той же причине и европейская инквизиция причисляла богохульников к одержимым бесами еретикам, а не к богоборцам.

Что в итоге? И мистериальные дьяблерии, и скоморошеские глумы, и сатирические сказания — весь этот причудливый сплав кощунства с комизмом демонстрирует неоднозначность, амбивалентность отношения к религиозным догматам: между литургией и лубком, ритуалом и ругательством, почтением и попирательством, злым умыслом и творческим вымыслом. Богохульство — это осмысление границ и масштабов сакрального, своеобразное «испытание на прочность» и «проверка подлинности» святых. И почти всегда это трансгрессивный опыт, *выход за пределы* — нравственные (мораль), правовые (закон), психологические (терпение), личностные (персональные страхи).

Борьба с призраком методом рассечения

Призрак богохульства, доселе не пойманный в тенета терминов, попыталось рассеять российское «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» редакции 1845 года, где было сформулировано уже довольно четкое юридическое определение: «Богохульство — публичное посягательство на все, признанное священным православной церковью и христианской верой в целом». Борьбу с призраком решили «методом рассечения»: виды религиозных преступлений составили 81 статью — столько не было ни в одном европейском юридическом кодексе той эпохи. Из общего понятия богохульства вычленили случаи оскорбления святых, оскорбления духовных лиц и нарушения благочиния в церквях. Разглашение ложных чудес и религиозное самозванство уже не относили к богохульству, но по-прежнему наказывали, соответственно, заключением в «смирительный дом» и лишением всех прав состояния и ссылкой в отдаленнейшие места Сибири.

В Уголовном уложении 1885 года богохульству — «публичному поношению Бога, соединенному с соблазном» — посвящены шесть статей, в целом сохранивших прежние положения. Основу богохульства составляют «поносительные выражения», каковыми считались высказывания, содержащие уничижительные нападки на святых. Таким образом, из сферы преступлений окончательно выводились профанные высказывания (божба, легкие насмешки, пародии). Наказанию подлежали как умышленные речи с целью «поколебать веру присутствующих или произвести соблазн», так и неумышленные — по неразумению, невежеству, пьянству. Самая серьезная кара — лишение всех прав состояния, ссылка на каторжные работы от 12 до 15 лет, а также наказание плетью и нанесение клейма — полагалось за богохульство или порицание веры в храме.

Уголовное уложение 1903 года в общих чертах сохранило все эти позиции, изменив лишь некоторые формулировки и смягчив меры пресечения. За богохульство в церкви — срочная каторга или ссылка на поселение. За богохульство с целью соблазна присутствующих в публичном месте — уже не более трех лет «в исправительном доме или в крепости».

Однако, как видим, все позапрошое столетие богохульство считалось у нас серьезным преступлением и оставалось в ведении уголовного права. Неуважение к религии как основе гражданского союза подрывает основы государственного порядка — этой идеи твердо придерживались такие известные правоведы, как Богдан Кистяковский, Николай Таганцев, Николай Сергеевский, Леонид Белогриц-Котляревский⁸. При этом объектом правонарушения считались не божество и не религия, а церковь как признанная государством особая форма общения граждан. Ина-

⁸ Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904.

че говоря, богохульник оскорблял не само божество (оно, как поняли еще древние, недосыгаемо для нападения) и даже не столько отдельных верующих, сколько государство в целом.

«Угодников уничтожай, умножай урожай»

Власть советская пришла — жизнь по-новому пошла. Полетели кресты с колоколен, посыпались ризы с икон, покатались клубуки с голов. В СССР богохульство как юридическое понятие отрицалось напрочь, поскольку сам Бог считался «выдумкой церковников». Кошунством же считались оскорбление вождей мирового пролетариата и критика коммунистической идеологии.

Богохульство фактически поощрялось атеистической политикой государства, побраталось с массовым искусством и обзавелось новыми жанровыми формами. Провокативные эпиграммы сменились глумливыми фельетонами для рассеивания «опиума для народа» и бичевания попов как «враждебного класса». В 1925 году возник «Союз воинствующих безбожников», под эгидой которого журналы «Безбожник», «Атеист», «Крокодил» исправно штамповали издевательские карикатуры и пафосные агитки. Появились новые антицерковные и антипоповские пословицы. *Икона для духа что сивуха для брюха. Чем к попу идти, лучше в клуб зайти. Не будет дела там, где поп за агронома правит...*

Не менее ярко богохульство отразилось в поэзии этого периода. По словам Ивана Бунина, сложно измыслить что-либо гнуснее и гаже стихотворения Анатолия Мариенгофа, в котором «хилое тело Христа на дыбе вздыбливают в Чрезвычайке». Хуже, по Бунину, разве что проза Исаака Бабеля. Правда, у Бабеля богохульные речи не от первого лица, вложены в уста персонажей: «Честным стервам игуменье благословень!»; «Сашка-святитель у богородицы сифилис захватил»; «Я вижу раны твоего бога, сочащиеся семенем, благоуханным ядом, опьяняющим девственниц».

В 1933 году выходит «Антирелигиозная азбука», предлагавшая учить буквы с помощью циничных картинок и нехитрых изречений вроде: «Угодников уничтожай, умножай урожай». Почетные полки библиотек в период воинствующего атеизма занимали научно-популярные книги антирелигиозной направленности. Здесь и примитивные «просветительские» брошюры, и бойкая пропагандистская беллетристика, и вальжные псевдофилософские опусы, и сочинения для детско-юношеской аудитории чуть ли не в приключенческом духе.

Однако вот ведь что интересно. С одной стороны, сочиняли богомерзкие тексты, громили «поповщину», превращали храмы в отхожие места. С другой стороны, согласно переписи населения 1937 года, среди грамотного населения страны 45 % (более 30 млн) назвали себя верующими, а из неграмотных граждан — вообще 84 % (25 млн)⁹. И это в самый разгар сталинизма!

В устных повествовательных практиках лютовало «срамословие», но теплилось и его же осуждение. Сквозной мотив преданий — слепота как кара за поношение святынь: ослепленный неверием человек теряет зрение в прямом смысле, физически. Выразительные примеры этого назидательного параллелизма — в книге протоиерея Валентина Бирюкова «На земле мы только учимся жить». Один такой случай произошел в 1933 году в Нарымском крае Томской области: иконе завязали глаза — «чтоб боженька не увидел», как работники едят мясо в пост, а наутро самый упорный безбожник «света белого не взвидел», на сорок дней лишился зрения.

⁹ Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5 (1). С. 48.

Не менее любопытно, что в этих историях и вообще во многих ситуациях непочтительного отношения к святыням просматривается парадоксальная взаимосвязь богохульства с богобоязненностью. Поругание священного и одновременно трепет перед ним. Вспомним здесь одну из ключевых сцен «Братьев Карамазовых»: Смердяков, вешаясь, показывает иконе кукиш — то есть явно богохульствует. Но именно этим же самым признает Бога, отрицая лишь Его власть над собой.

В итоге выстраивается троичная система представлений. Богохульство, исходящее от верующего человека, — это своеобразная «антимолитва», крик отчаяния или бравада пред ликом смерти. Порой оно может переходить в *богоборчество* — ропот на Всевышнего, ниспровержение Его авторитета либо в протест против духовенства, служителей религиозного культа. Если же хула исходит от человека разочарованного, разуверившегося, ее можно определить как выражение *богоотступничества*, отпадения от веры. Ну а нападки атеистов в настоящее время расцениваются как *оскорбление религиозных чувств*, или оскорбление *верующих*.

Искусство или богохульство?

Новые возможности в XX веке и для религиозных рефлексий, и для религиозных перверсий дал кинематограф. И уже один из первых французских голосовых фильмов «Золотой век» (1930) Луиса Бунюэля вызвал шквал ярости: в зрительном зале распыляли слезоточивый газ, экран заливали тухлыми яйцами, у кинотеатра проходили акции протеста, а продюсеру картины церковь пригрозила отлучением. Но это было только начало «кинокошунств» — затем последовали не менее провокационные: бразильский фильм «Бог и дьявол на земле Солнца», французский «Монахиня», британский «Житие Брайана по Монти Пайтону», австрийский «Любовный собор»...

На этом колоритном фоне комедийный мультсериал «Папский городок» 2003 года выглядит вполне себе беззлобной пародией, однако возмущенные католики все равно закидали кинокомпанию гневными письмами — и мультик не вышел в широкий прокат. Жирную, но явно не финальную точку в этой киноэпопее ставит документальный фильм «Religulous»¹⁰ (2008), в котором ведущий общается с представителями разных религий, а в конце выражает «скромное сомнение».

Всю мощь художественной фантазии демонстрируют и писатели. Вот лишь несколько самых резонансных романов: «Последнее искушение Христа» Никоса Казандакиса — о схождении Иисуса с креста и женитьбе на Марии Магдалине; «Танцы в канун Иванова дня» Ханну Саламы — история с пьяной проповедью героя; «Ближе к тебе» Герарда Реве — со сценой совокупления с Богом в облике осла; «Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамаго — о скучающем божь-отце и сыне-игрушке в его руках. Из произведений нынешнего века достаточно упомянуть знаменитый «Код да Винчи» Дэна Брауна с идеями нового гностицизма, за что автор неоднократно обвинялся в богохульстве. Промежуточный, но явно не окончательный итог подводит триллер Дугласа Престона под знаковым названием «Богохульство».

В ряду творческих феноменов особняком стоит *пародийная религиозность* — мировоззренческая провокация и духовный вызов, основанные на использовании гротеска, абсурда, черного юмора и нередко связанные с популярными произведениями литературы и кинематографа. В былые времена это уже само по себе сочли

¹⁰ Название образовано контаминацией английских слов *religious* («религиозный») и *ridiculous* («смехотворный»). В русском переводе фильм представлен под названиями «Религиотизм» и «Верующие».

бы явным богохульством, а сейчас такие движения плодятся с завидной регулярностью и имеют множество приверженцев: *дискордианство, пастафарянство, дудаизм, церковь субгеня, или НедоМудреца...* К настоящему моменту наплодилось столько неорелигий, альтернативных культов, нетеистических движений и прочих внеконфессиональных верований, что уже все сложнее понять, где феномены искусства и творческие практики, а где реальные факты богохульства. И если языческие *родноверие* или *неошаманизм* еще как-то соотносятся с традициями, то новейшие технократические культы выглядят совсем уж экзотически. Из последних наиболее известны *джедаизм* и *ситхизм* (основанные на идеях фантастической киноэпопеи «Звездные войны»), *матриксизм* (инициированный фильмом «Матрица»), *копимизм* (киберрелигия, обожествляющая информацию).

Подобные псевдоверования способны вызывать разве что усмешку, но официальное признание — то есть регистрация таких групп как политических партий, общественных организаций — дает потенциальное право их участникам инициировать судебные разбирательства за оскорбление религиозных чувств. Хитро, не правда ли? Так, в Швеции с 2012 года официально признана Миссионерская церковь копимизма, а шестью годами ранее связанная с ней Пиратская партия Швеции получила два места в Европарламенте.

Особняком стоит *декларативное* — намеренно акцентированное и публично «саморазоблачаемое» — богохульство. Показное поругание святынь как бравада, эпатаж, публичная поза. Яркая иллюстрация — скандальный цикл плакатов Авдея Тер-Оганьяна «Радикальный абстракционизм». Одна из работ представляет собой изображение двух черных кружков на розовом фоне и подпись: «Это произведение публично оскорбляет Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II». Здесь значимо не изображение, а сопроводительный текст. Аналогичный пример — созданный американской радикальной атеистической группой сайт «Вызов кощунства», предлагавший всем желающим произносить всего одну фразу: «Я отрицаю Святой Дух».

Подобные арт-практики обнаруживают неявный, но очень значимый момент: богохульство — это прежде всего вербальные и лишь затем физические действия. По-настоящему оскорбительны не вещи, а слова. Визуальный объект (картина, карикатура, фотография) не способен оскорбить сам по себе, чтобы стать кощунственным — ему нужны комментарии. Та же самая «словесная кунсткамера», только в декорациях постиндустриальной эпохи. Точно так же и живопись позапрошлого века (например, Василия Перова), обличавшая пороки духовенства и маловерие паствы, кощунственна лишь в дискурсе своей эпохи, где ее «озвучивают» цензурные циркуляры, судебные постановления и прочие разъясняющие тексты.

«Создатель сотворил мир — придите полюбуйтесь»

Сегодняшние публичные дискуссии об оскорблении чувств верующих строятся на оппозиции богохульства и свободы слова, которая нередко подменяется словесным произволом. Вспомним лишь самые резонансные случаи последних лет. Французский еженедельник «Charlie Hebdo» публикует шокирующие тексты и карикатуры вроде обнаженного Христа с презервативом. На станциях нью-йоркского метрополитена красуются граффити «Бог — бесплодный мечтатель»; «Создатель сотворил мир — придите полюбуйтесь»; «Человек сотворил Бога по своему подобию». Испанские феминистки пародируют крестный ход: вместо святынь несут муляжи

женских половых органов, исполняют пародии на католические молитвы, выкрикивают оскорбления в адрес верующих. Российская команда «Pussy Riot» выступает со скандальным «панк-молебном» в храме Христа Спасителя. Интернет-портал «Рамблер» представляет уличную рекламу, стилизованную под «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи: собравшиеся играют в карты в сопровождении слогана «Найти себя. Ты ищешь — мы находим!». В соцсетях множатся глумливые посты против религии и веры, авторы которых получили прозвище «боганетки»...

При этом произведения актуального искусства, рекламные продукты, публичные акции обнаруживают неожиданный парадокс: их концептуальная основа логически близка — да-да! — теории иконописи. Святой образ представляет не прижизненного, но воскресшего Христа. Сравним два известных изображения Стефана Первомученика. На иллюстрации к Библии Гюстава Доре «Стефан Первомученик побит камнями за проповедь» (1864) показан истязаемый *человек* — в разодранной одежде, с искаженным болью лицом. А на картине Хуана де Хуанеса «Обвинение святого Стефана в богохульстве» (1562) мы видим прославленного *святого* — в священническом облачении, с просветленным ликом. Аналогично и современные практики обеспечивают себе «моральное алиби», оскорбляя не собственно святыню, а некое подобие, метапредмет. Манипулируют условными и вторичными объектами — *копиями сакрального*. Как если бы бранили не самого человека, а его тень или отражение в зеркале. Любой писатель, художник, режиссер, создатель рекламы может заявить: я не оскорбил Христа, а *изобразил факт* Его оскорбления современным обществом. Именно поэтому споры новейшего времени о богохульстве — бесконечны, а их рассуживание — бесполезно.

И пока некоторые священники призывают не относиться к святыням «пуритански», а ряд социологов вообще предлагают рассматривать богохульство как способ противостояния религиозному экстремизму, Брендан Пауэлл Смит мастерит библейские притчи из конструктора «Lego», Боб Саймон сооружает из того же «Lego» макет Ватикана, прихожане одной из шведских католических церквей воздвигают «лего-статую» Христа. Верующие носят майки с изображениями святых и отмечают крестиками-эмотиконами позиции интернет-переписки, в которых осеняют себя крестным знаменем. Вселенский Всешутейный собор эпохи глобализма.

В 2011 году Архиерейский собор обнародовал программный документ¹¹, дающий моральную оценку богохульства и разъясняющий его отличия от религиозной критики. Богохульством здесь названо «оскорбительное или непочтительное действие, слово или намерение в отношении Бога и церкви». Собор акцентирует «противоправность богохульного или кощунственного высказывания» и предлагает «обращаться в правоохранительные органы с просьбой возбудить уголовное дело». Некоторые поправки были внесены и в российское законодательство. Если прежде Уголовный кодекс РФ не включал богохульство в перечень преступлений, за исключением отдельных случаев разжигания религиозной вражды, актов вандализма, препятствования санкционированным богослужениям, то в 2013 году ответственность была увеличена. Согласно статье 148, «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, наказываются штрафом в размере до 300 тысяч рублей».

Между тем ни догматические уточнения, ни юридические коррективы ожидаемо не привели к единообразию мнений. Спорит и мир, и клир. Богохульство по-прежнему остается предметом неутихающих баталий — от архаичных обличений вроде «креста на вас нет!» до новомодных ярлыков типа «православие головного

¹¹ Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 4 февраля.

мозга». Однако сама проблематизация современным обществом спорных вопросов религии и веры все-таки внушает некоторый оптимизм. И неважно, какова основная причина: усиление религиозной вражды или все-таки постепенное осознание того, что неуважение к святыням превращает социум в «дикое поле». Что всякое поношение сакрального — это искажение человеческой природы, важнейшее свойство которой — сострадание, а одно из ключевых понятий — понятие нормы.

Выходит, любой спор о богохульстве — апологетический или агонистический — это *проблематизация нормы*, причем не в противопоставлении ее наличия или отсутствия (норма существует априори), а в оппозиции соблюдения или нарушения. Богохульник насмехается над наивной верой «простаков» в несуществующего Бога, обличает Его бездействие в трудные моменты жизни либо упрекает в равнодушии к людским страданиям. Богохульство — своеобразный *метаязык* для описания человеческих страхов и сомнений в минуту опасности, отчаяния, смятения чувств. Как Распятие — нечто гораздо большее, чем тело на кресте, так и богохульство отнюдь не просто оскорбление святынь. Это перевернутое, искаженное отображение того, как Человек постигает Бога. «Антиспособ» познания священного и одновременно апофатическое доказательство его существования.

Дмитрий ХРЕНКОВ

СОВЕТСКО- ФИНСКАЯ ВОЙНА

Из записных книжек

В 2019 году исполнится сто лет со дня рождения моего отца, Хренкова Дмитрия Терентьевича (1919–2002). Всю жизнь в нижнем ящике его письменного стола лежали записные книжки, к которым он не давал притрагиваться. Видно было, что он ими очень дорожил. Поскольку последние двадцать лет я не жила в Петербурге, то как-то позабыла про них непосредственно после смерти отца. А когда вспомнила, то подумала, что сын мог их выбросить во время переезда на другую квартиру. К счастью, он этого не сделал, и в прошлом году я нашла их во времянке на даче в Комарово — четырнадцать штук. Первая записная книжка содержит записи, относящиеся к войне с Финляндией 1939–1940 годов. В своей автобиографии отец писал, что после окончания Коммунистического института журналистики в 1939 году он был послан на работу в «Правду», но «когда начался освободительный поход Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, совесть не позволила остаться в тылу и добровольно пошел в армию, однако попал уже на финский фронт. Работал в газете 8-й армии „Ленинский путь“. В составе этой армии прошел всю Великую Отечественную Войну с первого ее дня» (ЦГАИПД, фонд 24, опись 202, дело 99, с. 9).

В армейской печати отец проработал до 1960 года. Демобилизовавшись, он сначала был заведующим отделом литературы и искусства газеты «Вечерний Ленинград», потом два года директором Академического драматического театра им. Пушкина, заведующим Ленинградского корпункта «Литературной газеты», с 1965-го по 1979 год — главным редактором издательства Ленинградского обкома КПСС Лениздат. В 1979 году он попросил обком (лично Г. В. Романова) об уходе на пенсию, так как хотел осуществить многие из своих творческих планов. Однако ему предложили стать главным редактором журнала «Нева», где он и проработал до 1984 года. Вплоть до 1998 года отец продолжал публиковать заметки в ленинградских и петербургских газетах, в основном на темы, связанные с Великой Отечественной войной.

29/XI-39 г.

Летом здесь болото, а сейчас оно замерзло, и люди спокойно ходят по котловану. Кругом лес. На скатах устроены землянки, прочные и теплые. Казалось, их делали те, кто собираются здесь зимовать. Вечером началось оживление. Получен боевой приказ.

Я пришел сюда ночью. В одной из землянок шло партийное собрание, последнее перед боем. Оно кончилось, и мы вышли на улицу. Здесь раздавали патроны и гранаты. Смех и шутки. А звезды большие и веселые. Люди сейчас готовятся к бою. А в штабе на этот раз народу было мало. Комиссар давал последние указания.

Мл. политрук Н. назначен комиссаром батальона. В другой раз это было бы событием. Но сейчас все воспринимается как должное. Я иду вместе с Н. в его батальон. Он идет в авангарде — первый переходит государственную границу.

Люди ждут сигнала. Вот они двинулись. Разговоры запрещены. Курить можно только в рукав. Так я курил, когда учился в 36—39 гг. Курил и смотрел по сторонам, не увидит ли кто из знакомых. Здесь не думаешь о страхе.

Ночной марш продолжался около часа. В низине устроили привал. В лесу в нескольких метрах от дороги расположился полк. Зажгли костры. Политруки объявили, что здесь будем ждать приказа. Кто-то сказал, что в 24 часа было выступление Молотова. Каждая новость встречается приподнято. Такое настроение. Все думы о боевом приказе. Быстро летит время. Ночь кончается. В 5 часов получили завтрак. Только сейчас я заметил, что я и все другие не спали. Наверное, никто не подумал о сне. Еще бы! Война бывает не каждый день!

Небо заметно сереет. В 7 часов прибыл приказ совещания военного совета. Значит, через час в бой. Я ждал этого часа много лет. Вот почему я очень волнуюсь. Да и не только я. Все. Первый раз в жизни я переступаю порог своей родины. Мне не улыбнутся при встрече хозяева. Они могут встретить свинцом. А как держать себя под огнем? Наверное, никто не скажет. Да я и не спрашиваю. Жизнь покажет.

30/XI-39 г.

Ровно в 8.00 началась артиллерийская подготовка. Мы стояли в лесу в нескольких метрах от границы. Над нами со свистом летели снаряды. Полета не было видно. Слышались разноголосый гром и пение снарядов. Жуткая картина! Жуткая и бодрящая. Если бы было видно, как летят эти подарки, было бы замечательное зрелище. Наверное, такие были фейерверки на карнавалах.

Гром продолжался 10 минут. Наконец смолкло тысячеголосое эхо. Стало тихо. Пригнувшись, мы стояли на коротких митингах. Люди говорили вполголоса, и речи были пламенные и страстные. Но митинги прошли без аплодисментов и криков...

Вот на темном небе описала кровавую дугу ракета. Это сигнал к наступлению, и сотни людей двинулись вперед.

Я полз с командиром взвода, рядом стам (старший майор) — представитель ПУРККА. Он бывалый — был в Монголии. Я копировал его движения. Вот кончился лес. Мы на черной земле. В километре от нас деревня — Хацтавара. Каждую секунду ждем засады. Рука сжимает наган. Кажется, что он жжет руку.

Почему-то я не думаю о финнах. Я смотрю, как ползут бойцы. Они в снегу. Снег забивается за воротник, в сапоги. Должно быть, холодно. Но никто ничего не чувствует.

Мы наткнулись на стог сена. Осторожно осматриваем, пока ничего нет. Подходим к деревне. За все время произведен только один выстрел... Вдруг около меня раздался второй. Мы припали к земле.

Кто стрелял? Оказывается, опять свои. Со стамом захожу в первый дом. В доме тихо. Кругом разбросаны вещи. Люди бежали быстро, оставив добро.

В одном доме мы нашли группу женщин. Они сидели на скамьях и крестились. Плакали дети.

Бойцы осмотрели дом и ушли, никого и ничего не тронув. Переводчик сказал им: — Вас никто не тронет.

Хацтавара — большая деревня. Здесь расположена погранзаства. Я отправился искать ее вместе с пограничником — начальником заставы.

Мы вошли в дом финских пограничников. Люди бежали в суматохе, бросая все: бумаги, оружие, деньги, даже парадные мундиры. В комнате стоят телефонная станция, рация, стойка с винтовками. Винтовки русские 1902 года. Вместо ремня на них веревки, в середине узлы, чтобы удобней было носить. Кровати двухъярусные.

Я зашел в соседнюю комнату. Видно, здесь была столовая. На столе стоят чашки кофе, чайник, аккуратно нарезанные куски черного хлеба, смазанные маслом. Масла мало, оно чуть покрывает хлеб. Финнам не удалось позавтракать, бежали. На улице я увидел следы. Они вели в сарай. Подошел пограничник. Мы отправились по следам. Едва дошли до сарая, как нам навстречу вышел финн. Он держал руки вверх, и было видно, как сильно тряслись они. Он шофер машины офицера, начальника заставы, нам сказал, что все бежали в панике. Офицер тоже. Поспешность была настолько велика, что шофер въехал в канаву, и офицер, не дожидаясь, бросился удирать пешком.

Мы подошли к машине. Патроны и белье, сливочное масло и галеты, сапоги и шкатулка — все было в беспорядке накидано в машину.

Пограничники рылись в бумагах. Они дают им многое, больше, чем годы наблюдения. Я нашел склад продовольствия — сухие черные галеты, которые даже трудно разбить молотком — основа финского НЗ.

В деревне много красных домов с белыми окнами и карнизами. В них жили шюцкеры. Это их стиль. Здесь жили богато. Здесь готовились к войне с нами: оружие и патроны говорят об этом. Но трусость дана богом, а финны почитают бога.

1/XII-39 г.

Пока не встречаем сопротивления. Редко прозвучит финский выстрел. На привале один боец отошел в лес по собственной надобности. Он был убит финским ножом. Финны рыскают рядом. Они в белых халатах и на лыжах.

— Нужно быть настороже, — то и дело говорят командиры...

Каждое дерево, каждый куст может скрыть противника. Да и не только может, сколько раз мы потом могли убедиться в этом.

Сегодня у меня первое боевое крещение. Я, новобранец, шел с авангардным батальоном авангардного полка. Шли по дороге. Ночь. Впереди по карте лежала переправа через реку Шуя. Днем я узнал подробности взятия переправы и офицерского кордона. Люди действовали, как в кино: быстро, стремительно и удачно.

Бой был недолго. В этом бою был первый убитый — ст. лейтенант Семашенко. Здесь же ему вырыли могилу. Состоялся короткий митинг. Заботливой рукой написали на фанере немало слов. А кто из нас втайне не мечтал об этой фанерке и этих словах!

Перешли Шую. Отойдя от нее несколько километров, мы встретили финнов. Это было первое сопротивление врагов. Наш путь лежал через речушку. Мост через нее был взорван.

Ночью мы подошли к реке. Нас встретили ураганным пулеметным огнем. Противника не было видно. Решили навести мост. Но подобраться к нему не было возможности. Мы залегли и начали отстреливаться. Потом открыли пулеметный и орудийный огонь.

Я был впервые в бою. Вокруг меня свистели пули. Они сбивали кору на деревьях, сбивали с веток снег, и он летел за шиворот. Тело то ли от напряжения, то ли от холода дрожало.

Вдруг около меня треснула ветка, я повернул голову, и мне стало немного страшно. Я увидел человека в белом, который вылез из куста.

Дрогнувшим голосом я крикнул бойцам об опасности и выстрелил несколько раз из нагана. Пулемет дал очередь. Мы услышали стон. Бой все разгорался. Самое страшное для меня были стоны раненых и их душераздирающие и истошные крики. Мороз пробегал по коже. Было много раненых и мало санитаров.

Танки меняли огонь. Снаряды начали рваться в нескольких метрах от нас. Один снаряд разорвался так близко, что дерево полетело в меня.

Я услышал дикий крик:

— Товарищи, помогите!

Я был рядом. Подполз к раненому, перевернул его, и мне на шинель выпали кишки. Это был сгусток человеческой крови. Резкий запах ударил в нос. У меня закружилась голова. Тошнило. Я не знал, чем помочь бойцу, и решил искать санитаров. Вылез на дорогу и увидел, как несли раненых. Их были десятки. Запах теплой крови висел в воздухе.

Утром я смотрел на то место, где лежал. Это было место взрыва мины. Два трупа были без ног.

2/ХІІ-39 г.

Утром мы заняли деревню Пуакило. Это была первая горящая деревня. Финны решили, наверное, следовать кутузовской тактике: отступая, сжигать на своем пути все. Все чаще дорога была минирована. На ней находились брошенные автомобили, шикарные щегольские велосипеды. Вечером входили в станцию Суоярви. Еще день назад мы видели зарево. Это горела Суоярви. Как только мы вошли в огонь, нам стало жарко. Горели дома и склады, горело добро, которое накоплялось годами труда.

Когда мы были в середине городка, нас начала обстреливать артиллерия. Но эффекта она не производила. Пожар затмил все. Однако ненадолго. Только вышли из города, как попали под пулеметный огонь. Пули ложились рядом. Я лежал в канаве. Одна из пуль упала около моей головы. Лицо обрызгала грязная вода. Под таким обстрелом мы были десять-двадцать минут. Он повторялся до утра. А утром мы снова двинулись вперед и вспоминали со смехом то, что пережили. Особенно отличился я: пуля хлопнулась в канаву около самого моего носа. В нос зашла вода, и я стал отчаянно чихать...

3/ХІІ-39 г.

Я читал и часто слышал рассказы о мужестве и храбрости. Теперь приходится делать переоценку ценностей. Если теперь мне кто-нибудь будет говорить, что он под пулями щелкал семечки, что он не боится пуль, я буду смеяться. Знаю по себе. Еще со школьной скамьи у меня сложилась мечта побывать в боях. Она осуществилась. Но в первые дни я не только не сделал ничего героического, наоборот, слишком много, наверное, думал о ценности своей жизни. Я спрашивал десятки людей, и они говорили так, как думал я.

Когда я попал второй раз под ураганный пулеметный огонь, я стал проклинать себя: зачем пошел? Но назавтра я снова шел в бой, и каждый бой учил меня. Я перестал бояться выстрелов, перестал нервничать.

На фронте снова выплыла назойливая и нужная мысль о месте корреспондента на фронте. Этот вопрос я решал с тех пор, как пришел в военную газету. Где

быть? Я спрашивал бывалых людей, но никто не мог ответить на этот вопрос. Здесь, в Финляндии, особые условия: они труднее всех тех, в каких уже побывали советские журналисты. Я решил попробовать все, что советовали и что писали. Я пошел с передовыми частями, вернее, даже с целым подразделением авангарда. Четыре дня я был оторван от штаба дивизии. Я шел так, как все. Приходилось быть бойцом и журналистом. Я был с винтовкой, когда это было нужно, и писал у костра заметки, когда бойцы отдыхали.

Когда фронт расширился, я ушел в штаб полка. Здесь был два дня. Затем я решил остаться при штабе дивизии. Здесь можно получить разносторонние сведения. Работники политотдела ежедневно бывают в частях, они поставщики новостей. Здесь же в политдонесениях можно найти то, что интересует корреспондента.

Но с первых же дней я убедился, что этот материал, помимо того, что требует большой доработки, обязательно должен быть проверен. Значит, ежедневно нужно самому бывать в частях, особенно на передовых позициях. Это дает не только хороший материал, но повышает уважение к корреспонденту и к газете. Бойцы видят рядом с собой, под огнем, журналиста, значит, он свой, а поэтому с ним легко говорить.

4/ХІІ-39 г.

Финны любят жить с комфортом. Это обычный мещанский уют, такой, наверное, который промыл Маяковский.

Пока нам встречаются хутора. Трудно судить, как живут крестьяне. Хутора же обитель кулаков и шюцкоров. Богатые дома, но они разграблены. Сначала я думал, что хаос и беспорядок в домах — дело рук красноармейцев. Но я сам входил первым в дома и убедился, что грабеж производили финские солдаты.

Пока идем по одной дороге. Она ровная и гладкая. По ней с успехом можно развивать большую скорость. Но финны безжалостно испортили ее минами. Мин столько, что часто жертвами их становятся те, кто засеивал их. Куски тел — красноречивые тому свидетельства.

Дорога содержалась в образцовом состоянии. Указатели черно-белые, но деревянные. Видно, железа-то небогато у финнов. Его даже на гранаты не хватает. Они наполовину сделаны из дерева. Пока, кроме спичек, я не видел ничего, сделанного финнами. Даже консервные банки и их содержимое привозное. На одной из банок я содрал одну наклейку с надписью «Хельсинки». Под ней была вторая — шведского происхождения...

5/ХІІ-39 г.

Сегодня знаменательный день. Узнал о блестящей победе, давшей нам полустанок Пайеро. Капитан Кулешов со своим батальоном встретился с равным по численности противником. Тот был в обороне. Выбить его из укреплений лобовой атакой было бессмысленно. Тогда Кулешов отважился на хитрость: он подполз на 30 метров к финским блиндажам и приказал бойцам лежа кричать «ура». Хитрость удалась, противник подумал, что его атакует чуть ли не полк, и позорно бежал.

Второй случай. Впервые в жизни попал под бомбардировку. Я был на командном пункте. Вдруг из леса вылетел финский самолет. Он летел брющим полетом, и казалось, что полозья задевают деревья. Он дал по нам очередь из пулемета и сбросил пять бомб. Взорвалось три. Две оказались набитыми песком. Такие слу-

чай нередки. Я уже видел десятки артиллерийских снарядов, начиненных песком. Видно, наши друзья стараются.

10/ХІІ-39 г.

Время делает свое дело. В книгах я читал о том, что у фронтовиков постепенно черствеет сердце. Не знаю, черствеет ли оно у меня. Во всяком случае, все, что раньше было происшествием, теперь я встречаю как обыденное. Летит финский снаряд, «чужой» — мелькнет мысль, и подсознательно втягиваешь голову в плечи, падаешь на землю. Появляется вражеский самолет — нет уже растерянности.

Я уже думал, что пуля для меня не страшна, но вчера попал под обстрел — и все-таки страшно. Нет трусости, нет боязни выстрелов. А боязнь за свою жизнь живет. Особенно не хочется умереть глупой смертью, от шальной пули.

А их много. Я шел вчера ночью в штаб.

— Стой, кто идет? — останавливает меня окрик часового. Но где он? Я осмотрелся. Красноармеец стоял от меня в 50 метрах.

— Свой, — отвечаю я.

— Пропуск?

Я не решился кричать.

— Знаю, — сказал я часовому и пошел на него.

Слышу, он щелкнул затвором.

— Ложись! — кричит.

Делать нечего, пришлось лечь, пролежал я несколько минут, и часового, наверное, стали брать сомнения.

— Слушай, — кричит он мне, — может быть, ты действительно свой?

— Свой, — сказал я и подошел к нему.

15/ХІІ-39 г.

Когда часть наступает, работа журналиста интересна. Бойцы возбуждены, рады, и это чувство передается мне. Тогда легко организовать материал. Но стоит только части остановиться, как теряются связи. Сколько потом на дню ни ходи на передовые, а толку много не будет. Сегодня ко мне приехал Бакалов¹. Здесь же был Сырцов. Нужно было за несколько часов организовать материал на срочный номер. Пошли мы на передовые. Вышли в 6 часов утра. Темно. Идем лесом. На дороге тишина и пустынно. Немного страшно. Чувствую, что ребята бодрятся, шутят, бодрюсь и я.

А ночь гоголевская! Звезды большие и яркие, веселые и зеленые. Небо светлое. Вообще природа влюбленных. А здесь, на фронте, хочется любви. Чистой и товарищеской, верной и беззаветной. И пусть любимая будет далеко от фронта. Пусть, но вечером она ходит в театры, крепко спит и часто смеется. Пусть она вовремя кушает и читает новые книги. Достаточно, чтобы она помнила меня, чтобы писала, и я ежедневно ощущал ее присутствие в сердце, чувствовал, что она внимательно следит за моей жизнью. И очень жалко, что нет любимой. Впрочем, может, это и не нужно.

Мы втроем подошли к передовым. Их близость чувствуется сразу. Над головой пролетают снаряды. Строчат пулеметы. Здесь их хватает. Здесь не ходят спокойно.

¹ Бакалов Александр Петрович — близкий друг Хренкова Д. Т. После войны одно время был собственным корреспондентом АПН в Латвии. Проживал в Риге.

Люди, втянув головы в плечи, бегают. На опушке нас начали обстреливать. Видно, какой-то финн, засевший на дереве, заметил нас. Когда мы пошли по болоту, пули стали свистеть над головой. Побежали, болото длинное, дорожка покрыта льдом. Бежать трудно, но пули подгоняют. Вдруг я упал. Поднявшись, я увидел бледное и испуганное лицо Сырцова, он думал, что меня подстрелили.

20/ХІІ-39 г.

Время идет, и все становится на свое место. Уже для многих я старый вояка. Меньше думаю о газете и материалах. Чувствую, что главное для корреспондента не только газета, но и фронт. Приходится становиться работником политотдела. Расчищаешь дорогу, наблюдаешь, как кормят бойцов, как доставляют письма и газеты. Часто сам забираешь пачки писем от бойцов с передовых и везешь их на почту.

В сотне таких житейских дел проходит время. Темнеет быстро, и не замечаешь, как проходит день. Ночью, усталый, но довольный, валишься где-нибудь у костра и сладко спишь. Просыпаешься. Тот бок, которым лежал на земле, ноет. Значит, замерз. Переворачиваешься на другой. Но уже чаще ворочаешься. Первый сон прошел. Засыпаешь урывками и только к утру.

Разве я когда-нибудь мечтал об этом? Даже подумать не мог, что придется когда-нибудь так жить. Но я рад, что пришлось мне вкусить такой жизни. Она многому учит.

22/ХІІ-39 г.

Ночью ехал в редакцию. Впервые за месяц отсутствия ждал писем. Они приносят много бодрости, и ждешь их как праздник. Здесь, в редакции, собрались тыловики. Типичные обозники. Рассказы о самых обычных вещах приводят их в удивление или страшат.

Неужели я так изменился? По-моему, не может быть хорошего сотрудника фронтальной газеты без того, чтобы он не был на фронте. Тыл делает из него труса и сказочника. Он блестяще вооружен: гранаты, пулемет, личное оружие. Но как стрелять из них — никто не знает.

Сегодня видел Штерна, прославленного полководца и героя. Штерн — красивый, обаятельный человек, когда он говорит, нельзя отвлечься. Слушаешь его и веришь ему. Он прост и резок. Видно, что он привык, чтобы люди были такими же, как он. И очень хочется быть именно таким.

Сегодня нас бомбил вражеский самолет. Летчик ошибся на долю секунды. Иначе снаряд упал бы в дом редакции. В двадцати метрах от нее разорвалось две бомбы. Грохот страшный! Дом после качался, как карточный.

23/ХІІ-39 г.

Кто-то, кажется Пастернак, сказал: «Придается все, лишь тебе не дано примелькаться». Мне кажется, что будут большие бури, изменения в моей жизни, но я вечно буду идти по жизни мечтателем. И снова буду видеть кровь. Снова буду месяцами не мыться, буду жить у костров, но мечты будут вместе со мной.

Иногда мне становится страшно. На фронте мне хочется снова очутиться среди любимых друзей и научить их тому, что научили меня. Мы часто любим

говорить о том, что готовы пойти на фронт, под пули, готовы к лишениям и трудностям.

Но кому это нужно? По-моему, необходимо много и тщательно готовиться к этому серьезному шагу во время жизни. Ведь только нам, и больше никому, предстоит участвовать в грядущих боях. Нам, и только нам, нужно быть такими, чтобы никто не смог нас сломать. Потому нужно не болтать, а учиться, много и настойчиво учиться. Часто вместо знания военного дела у нас хвастовство. Вот почему мне хочется быть с друзьями и рассказать им обо всем этом. Но часто мне хочется просто побыть в кругу друзей, поспорить о хорошей книге, побывать в театре. Это разбалтывающие мечты. Но они существуют. И много труда стоит подавить в себе их. Очень много.

А часто ночью, у костра, когда полудремлешь, приходит образ, знакомый и милый, образ любимой девушки. Той девушки, которой, может быть, нет на свете, которая выдумана, создана в стихах. Но хочется, чтобы была эта девушка рядом, чтобы я чувствовал ее близость. И от этой близости мне было бы весело и радостно.

25/ХІІ-39 г.

Люди шли на передовые позиции. Что думали они? Может быть, даже о смерти, может быть, о славе. А в это время радиоло разносила звуки печального танго. И было странно слушать в лесу, в километре от жаркого боя такую музыку. И становилось радостно и грустно...

26/ХІІ-39 г.

Мне рассказал один боевой командир. Шла колонна. Саперы, бывшие впереди, передали по цепочке:

— Осторожно, мины!

И когда эта весть дошла до конца, там уже кричали:

— Финны!

Началась беспорядочная стрельба. Первые дни беспорядочной стрельбы было больше, чем необходимой. Кто-нибудь выстрелит случайно или с испуга, и начнут стрелять — палить в небо. Я несколько раз видел, как лежит боец, уткнув голову в снег, а винтовка торчит дулом вниз. Человек испуганно, не глядя, лихорадочно передергивает затвор и расстреливает обойму.

29/ХІІ-39 г.

Сейчас поздняя ночь. Мы приготовились расположиться на сон. И вдруг невдалеке от нас вспыхнуло зарево. Финны рыщут по тылам...

И вот мы сидим и ждем. Нас мало — всего около взвода. Стоит финнам напасть, и мы будем вырезаны. Люди усталые. Я вижу, как бодрятся они, готовятся ко всему. Но вот голова падает, глаза закрываются сами, и люди начинают тихо похрапывать. Потом встрепенутся, откроют глаза, посмотрят, что все в порядке, и снова начинают настороженно спать.

31/ХІІ-39 г.

Сегодня новогодняя ночь. Она пришла неожиданно и, по-гоголевски прекрасная, нависла над позициями. Я сижу у репродуктора и слушаю тихую чарующую музыку, идущую от радиолы. Родина! Как часто мы произносим это слово и плохо понимаем его смысл. И только вдали от нее, когда она требовательно тянет к себе, тогда познаешь великую силу отчизны.

А музыка льется. Я знаю, что друзья мои танцуют сейчас, веселятся и, наверное, даже не думают, что я сижу у приемника и завидую им. Артиллерия наша посылает новогодние подарки. Через ровные промежутки на бумагу сыплется земля с потолка. А в это время стрелки на Спасской башне Кремля подходят к цифре 12. Через несколько минут она подойдет и, как мне кажется, на секунду остановится, словно взвешивая: а все ли было хорошо в году и стоит ли переходить в новый?

Стоит! Стоит, смелей! Смело начинай год, мы выросли и окрепли в прошлом году, мы закалимся в будущем.

Вот часы начинают свою игру. Миллионы людей сейчас на несколько минут остановили вихрь танцев. Они поднимут бокалы, они встречают новый год, они ждут счастья, они будут добиваться его и добьются.

Я выхожу из землянки. Ночь — сказочная. Тихо потрескивают от мороза ветви, слабо мерцают звезды, и месяц ходит по небу именинником. Ночь исключительной красоты. Кажется, что не хватает только черноокой Ганны, веселого Вакулы и прекрасной Параськи. А больше всего сейчас не хватает друзей, старых и милых хороших друзей. Хочется, чтобы они стояли рядом со мной в этот час...

6/І-40 г.

Впервые в жизни я выдерживаю 34-градусный мороз. На родине таких морозов нет. Я шел по лесной дороге, и звонко хрустел под ногами снег.

Лес, в котором рыскает смерть, сейчас безумно красивый. Сегодня страшный день. Беспреданно летят снаряды, строчит пулемет, сея смерть. И кажется, что лес специально вырядился. Он стоит, одетый в узорный белый наряд. Розовое солнце красит верхушки сосен и обливает яркими красками.

9/І-40 г.

Все чаще встречаются небольшие холмики. Это могилы. Заботливой рукой на свежеструганных досках или просто на дереве цветным карандашом выведено: «Пал смертью героев».

Связист Евстигнеев один пошел в лесу по проводу. Нужно было найти разрыв. И когда он нашел его, попал под обстрел. Он начал отстреливаться. Один против десяти. И пал в неравном бою.

Теперь на месте боя стоит танковая часть. Танкисты выбрали товарища, вырыли ему могилу. И каждый раз, идя в бой, они смотрят на небольшой холмик, словно вспоминая образ отважного связиста. Им хочется быть такими, как он.

В боях зреет дружба. По-настоящему человеческая дружба, о которой я только читал, но видел которую мало. Я смотрю, как создаются прочные узы, соединяющие людей. Разве не лучшим выражением ее является такой факт. Орудие поддержи-

вало пехоту. И вдруг налетел вражеский самолет. Сбросил бомбу. Весь орудейный расчет был выведен из строя. В живых остался только наводчик Волков, и, зная, что пехота ждет огня, он один заменил весь расчет и вел огонь.

Связист Васильев шел починять линию. По пути встретил двух бойцов, несущих завтрак на передовые. Когда вышли на открытое место, финны открыли сильный огонь. Васильев побежал. Но товарищи с котелками не могли быстро бежать — могли разлить суп. И Васильев уменьшил темп. Ведь нельзя же бросить товарищей. И когда почти кончалась поляна, Васильев был ранен.

12/1-40 г.

Понаехало писателей в редакцию — уйма. Все они в большинстве орденоносцы. А значит, много анекдотов, разговоров и басен.

«Фишем² едешь, орден получишь».

«Два притурковатых брата» — Братья Тур.

«Д. Автиль» — Дедушка русского аванса.

Наши поговорки и пословицы:

О Шевнине (цензор) — шевнини мозгами.

Огин и Сапуго (лит. сотр.) — Два сапига — пара.

Тебе сапиги шить.

У меня нет сапигов.

Молчанов («Красная звезда») — Не занимайся молчанством.

Фиш (писатель) — Фише травы, фише воды.

Ходоков и Коробов (корр.) — Послали ходоков, наврали они с три коробова, и получилось хренково.

Бакалов (корр.), Глизерман (нач. издат.) — Смотри во все глизерманы, а то дам по бакалам.

23/1-40 г.

Бойцы вели пленного. Обычный финн. Его маленькие бесцветные глазки испуганно бегали по сторонам. То и дело навстречу этой процессии попадались группы красноармейцев. Каждая из них останавливала конвоиров и спрашивала:

— Где поймали?

— Елочник это. С елки сняли.

— Кокнуть эту сволочь! — советовали одни.

— Что церемониться с ним, расстреляйте.

И так на протяжении всего пути финн встречал озлобленные лица, взгляды, исполненные ненавистью. Он слушал слова бойцов, и голова его все больше втягивалась в плечи. Но вот привели его в штаб. Он осторожно сел на кончик стула. Немного успокоился. Все командиры стали смотреть в его сторону. И каждый, проходивший

² Геннадий Семенович Фиш (1903—1971) — писатель, переводчик, киносценарист. Повести о Карелии: «Падение Кимас-озера» (1932), «Третий поезд» (1935), «Мы вернемся, Суоми!» (1933—1934), «Ялгуба» (1936) и другие. По его сценарию снят фильм «Девушка с характером».

мимо, считал своим долгом сказать что-нибудь по адресу пленного, подкрепляя свои слова матом.

Мешок пленного лежал рядом с ним. Я заинтересовался содержимым его. Но когда я протянул за мешком руку, меня остановил спокойный голос:

— Трогать нельзя!

Я отошел. В это время в комнату вошел комдив.

— Ага, попался елочник! — сказал он. — Ведите его ко мне, — приказал бойцам.

Я вошел в комнату комдива.

— Шюцкор? — спросил командир у пленного.

— Нет!

— Что делал, когда тебя поймали?

— Сидел на дереве и передавал...

— А, передавал, значит, шюцкор! — решил комдив.

— Нет, я не шюцкор.

В это время я рассматривал содержимое мешка. Там были запасные части к разной технике и предметы солдатского обихода.

— Офицер? — снова спросили пленного.

— Я не офицер, — последовал спокойный ответ.

Спокойствие и наглость пленного стали возмутительны.

— Да кто же ты?

— Я член ВКП(б).

Мы ахнули.

— Но почему в тылу у финнов? Почему на дереве?

— Я не могу ответить на эти вопросы.

Через час мы узнали, что этот человек пятнадцать дней сидел у белофиннов в тылу и выполнял большую и ответственную работу, это смелый товарищ.

6/II-40 г.

Приехал корреспондент «Известий» Осипов. Он рассказывает:

— Для ленинградцев наступила тяжелая жизнь. Из театра идешь — темень страшная. А батарейки для карманного фонаря достать трудно.

А мы сегодня шли в политотдел по деревне. Здесь нет, как в Ленинграде, ни улиц, ни тесно прижатых друг к другу домов. Была страшная метель. Я никогда не видел такой. В двух шагах не было видно человека. Несколько раз мы натыкались на забор дома, по пояс проваливались в снег. Ветер наметал сугробы, метр чистого места, а потом большие глубокие сугробы. Крикнешь, и ветер подхватит голос и понесет его со свистом и воем. Мы сбились с дороги и шли, крепко взявшись за руки. Рубаха стала мокрой от пота, прилипла к телу, а руки свело от мороза, в лицо, за шиворот намело колючего снега. А в такую ночь люди стояли в дозорах, одни в лесу. Ветер хлестал им в лицо, и мне было стыдно за то, что я шел в тепло.

А потом было совещание орденоносцев. Собрались простые люди. У них еще не блестели на груди ордена. У них были потрепанные шинели и не совсем чистые руки. Зато душа была чистой у них. Они поправу заслужили сидеть за уставленными закусками столами, петь веселые песни. Они имеют право на песни, еще не написанные для них песни. Они должны быть такими же как они, простыми и красивыми, такими же смелыми, грустными и веселыми.

Я видел, как вдруг среди общего веселья с лица улыбка и слезы текли из глаз. Они вспоминали своих товарищей, погибших в боях.

7/II-40 г.

Я привык, что здания редакции — лучшие в городе, что люди в модных костюмах, с яркими галстуками на шеях снуют по коридорам, сдав машинистке материал, отправляются в кино и театры.

Я никогда не думал о том, что мне придется собирать материал без карандаша, блокнота, напрягая память, запоминать. Я никогда не думал, что мне придется писать на 45-градусном морозе, когда пальцы сводятся и стоит большого труда заставить взять ими карандаш, а часто это не удается.

Сегодня я смотрел, как наборщики работали. Рядом с домиком, где помещаются редакция и типография, стояла батарея. От выстрелов содрогались стены, из верстаков сыпался набор. Но они снова собирали его, обвязывали эти несколько строк шпагатом и продолжали свою кропотливую работу. Кропотливую, но благодарную. Как рады ей бойцы. На фронте газетчики пользуются самой большой популярностью...

8/II-40 г.

Мне рассказывал шофер, простой и хороший парень. Я ехал в кабине. Ночь. Жутко ехать ночью по безлюдной дороге. На штаб, куда приехал мой водитель, ночью напали белофинны. Началась паника. Начальник штаба сказал шоферу:

— Придется отступить. Сломай или взорви машину. Врагу не достанется.

Но Смирнову (шоферу) было жалко расставаться с машиной, и он решил выбираться на ней. Поехал. Поручили вести раненых. Когда он вырвался из деревни, финны стали обстреливать машину. Пули пробили кабину. Одна мина ударилась об радиатор, полетели стекла. Другая разорвала баллоны. Но Смирнов доехал на ободьях.

Шофера творят героические дела. Они питают и снабжают армию. Они ездят в мороз, и в метель. Стоит остановить машину, и она замерзает — 50 градусов мороза. Ежедневно они подвергаются обстрелу и налету врага.

Я знаю одного шофера, у которого остановилась машина, кончился бензин. Он пять суток в ней ожидал, пока ему привезут горючее. Водители не спят по несколько суток, а если спят, то прямо в машине, часто не едят и не пьют.

12/II-40 г.

Один отчаянный головорез — командир взвода в разгаре боя подал команду:

— По обманутым братьям огонь!

А потом после боя, когда финны были разбиты, он объяснил свою команду:

— Мы протягиваем финнам руку, а они простреливают ее.

Отделение шло по лесу. Впереди был младший политрук. Вдруг он увидел, что ему навстречу идет большая группа белофиннов. Командир стал пятиться, финны его заметили и двинулись за ним. Бегут и кричат:

— Русский, стой! Сахар дам! Хлеб дам! Женщин дам!

А потом, когда убили преследователей, один добродушный украинец, который только пять минут назад бежал от финнов впереди рассказчика, нашелся спросить только одно!

— А где він ее возмэ?

18/II-40 г.

Между нашими частями и финнами большое озеро — нейтральная зона. Днем неожиданно выскочил на озеро лось. Он бежал в нашу сторону. Достигнув середины ледяного поля, он остановился, осмотрелся и повернул обратно. Красноармейцы не хотели отпустить этого гостя. Шелкнул выстрел снайпера, и лось упал на середине озера. Обе стороны ждали. Затем три финна отправились за добычей. Но наш снайпер убил их. Снова передышка. Потом полезли за лосем наши — ради спорта. Видя это, с противоположной стороны выскочил большой отряд финнов. Голодные, они бросились к лосю. Но заработали наши артиллерия и пулеметы, дело дошло до того, что стал бить КАП. Из-за лося погибло очень много финнов и ни одного красноармейца.

4/II-40 г.

Штурм высоты «Огурец».

Подступы к озеру с трех сторон. А на высоте пулеметы, фланговый огонь пулеметов. Три дня бились за нее. Бесполезно. Люди ползли в снегу, мокли, огонь их останавливал, они замирали на месте, мороз сковывал одежду, руки, тело. И все равно ползли вперед. Ползли под крики раненых, разрывы мин, снарядов, гром выстрелов. А впереди проволочные заграждения. И вот комсомол объявил себя мобилизованным. 600 человек пошли на штурм. Они висели на проволоке, и ни один не вернулся назад.

КОНЕЦ ЗАПИСЕЙ

Предисловие и подготовка текста к печати
Ю. Д. МИХАЙЛОВОЙ

ЭПОХА И ОБРАЗЫ

Ольга АНИКИНА

СЕРДЦЕ КУХАРКИ

...Даже обидно: на карте маленький черный кружочек поставлен, вроде как муха погуляла и памятку свою поставила, а название обозначено такими крохотными буквами, что и прочесть невозможно. Географии эти про самое главное забывают: про человека, про венец творения божьего.

Е. Н. Чириков. Городок

«Десять лучших фильмов и десять лучших книг. Все эти провозглашенные списки. Для кого они? На кого рассчитаны? <...> Они, наконец, узнают о том, что Модии гениален. Но Сутина вряд ли поймут. Какой такой Сутин? Ведь его нет в списке! Он одиннадцатый, его нет в обязательной программе» — это слова из блога Каринэ Арутюновой, русской писательницы с армянскими корнями. Списки из десяти (вариант — из пяти, семи...) книг, необходимых к прочтению, короткие картотеки, которыми пестрит Интернет, якобы расширяющие наш кругозор, на самом деле сужают его до уровня туннельного мышления. Нам не надо вспоминать одиннадцатого. И двенадцатого тоже. Их можно спокойно забыть. А между тем новые хорошие писатели не прибывают в литературу с той скоростью, с какой забываются прежние. Их весьма немного, несмотря на кажущуюся переполненность книжных магазинов.

Ольга Николаевна Аникина родилась в 1976 году в Новосибирске. Окончила Новосибирский государственный медицинский университет. Кандидат медицинских наук. Закончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей Санкт-Петербурга с 2016 года. Печаталась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Москва», «Волга», «Сибирские огни», «Аврора», «Бельские просторы», «Дети Ра», «Зинзивер», и других. Автор четырех сборников стихов и романа «Тело ниоткуда», награжденного дипломом премии им. Гоголя в 2015 г. Лауреат Международного поэтического конкурса им. Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2013, 2015), Международного фестиваля русской поэзии «Пушкин в Британии» (2013). Живет в Санкт-Петербурге.

Об этом я размышляла, когда мои друзья, живущие в поселке Комарово, показали мне один старый заброшенный участок. Она находится на Лесной стороне, на углу 1-й Дачной улицы и Косого переулка. За покосившимся забором стоит зеленовато-серый дом с легкой трехъярусной башенкой, почти полностью заслоненной разросшимися на участке елями. Согласно данным архивных материалов, этот участок принадлежал Валентине Чириковой, жене писателя Евгения Чирикова. Говорили еще, что писатель дружил с художником Репиным и не раз гостил у того в Куоккале. И это все. Книг Чирикова в местной комаровской библиотеке не было, да и сама библиотека на тот момент оказалась расформированной.

Действительно, современному читателю Евгений Чириков известен нешироко. Детские произведения Чирикова в Советском Союзе издавались в 20-е и 30-е годы, единичные образцы прозы были опубликованы в двухтомнике «Русские повести 19 века» в 1957 году, а когда в 1961 году отдельной книгой вышли «Повести и рассказы», по иронии судьбы в этот сборник цензура отобрала только остросоциальную прозу, рассказы об интеллигентах и разночинцах, о народниках, чье существование так бесславно прекратилось под давлением суровой российской действительности (рассказы «Инвалиды», «Студенты приехали», «Капитуляция»). И только в последнее время литературоведы заново заговорили о Чирикове как о самобытном русском писателе. Изнутри эпохи не всегда видна сама эпоха, и в этом мы убеждаемся неоднократно. Как раз миниатюры, сказы и детские истории Чирикова, в пух и прах раскритикованные в свое время М. Кузминым¹, оказались написанными «вне времени», их притчевость завораживает современного читателя, а знание детской психологии ставит их в один ряд с художественным наследием А. И. Куприна, А. П. Чехова и И. С. Шмелева.

Бытует мнение, что причиной срочного отъезда Чирикова за границу было письмо, написанное в 1920 году В. И. Лениным своему бывшему однокашнику; в письме Ленин предупреждал писателя: «Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я буду вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете»². Чириков уехал. У него были давние разногласия с властями: еще до революции он зарекомендовал себя как писатель, сочувствовавший народникам, и потому считался политически неблагонадежным. Но чем дальше — тем отчетливее к писателю приходило понимание того, что революция не принесла стране тех свобод, о которых мечтали «последние русские романтики». Он писал: *«Всего более меня оттолкнула от профессиональных революционеров демагогическая ложь и неразборчивость в средствах и безжалостность по отношению к трудовым массам, которые они толкают на смерть, в жертву своим фанатическим идеям»*³.

«Волжские сказки» Чирикова, вышедшие в 1916 году, представляют собой сборник народных преданий. Это был один из первых русских сборников сказов, увидевший свет. Только в 1924 году издаст свои «старины» Б. Шергин, которые он назовет «У архангельского города, у корабельного пристанища». В том же 1924 году выйдет первая книга П. Бажова «Уральские были» и первая публикация С. Писахова в сборнике «На Северной Двине». Но если сказы Шергина, Бажова и Писахова универсальны — это и детская литература, и истории для взрослых, то «Волжские сказки» Чирикова — истории, неотделимые от рассказчика, они далеки от стилизаций, и, несмотря на это, в них бережно сохранен дух русской старины. Писатель собрал в книге архетипические образы (Лесачиха, Русалка, Белая Роза), пре-

¹ М. Кузмин. Заметки о русской беллетристике. Аполлонъ, 1910, № 9.

² А. Люсьи. Е. Н. Чириков. Зверь из бездны. Знамя, 2001, № 8.

³ Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 367.

образованные в народную легенду исторические события («Стенькина казна», «Бич Божий», Невесты Христовы), и сами старые предания («Святая Гора»). Это — истории для взрослых, до которых Чириков пытался «достучаться», разбудить в них чувство родины. Именно о них он потом скажет: *«Люди в очках и с книгами <...>. Они прогнали нас с родины... Это чародеи, перед которыми пропадают все тайны гор, лесов и морей» («Зверь из бездны»).*

Работая с притчей, Чириков не подчеркивает сказочную ее составляющую, наоборот, он скорее отчетливей описывает бытовые фрагменты, делая выдумку абсолютно реалистичной. В сказке «Белая роза» писатель композиционно решает проблему, смещая окуляр авторского взгляда с людей на предметы, растения и прочую «мелочь». М. В. Михайлова считает эту сказку вариантом сказки Оскара Уайльда⁴, однако от Уайльда здесь нет ничего, кроме героев, да и те пришли к нам из бродячего сюжета о соловье и розе, рожденного задолго до Уайльда (вспомним Андерсена, а из русских — Кольцова и Пушкина). Даже, может быть, сказка Чирикова — скорее зеркальный парафраз на восточные мотивы (Хафиз), но парафраз пронзительно, неоспоримо русский.

Детские рассказы Чирикова занимают особое место в русской литературе. Чириков пишет о том, как трудно ребенку разобраться с устройством общества, в котором взрослые установили непонятные, зачастую нелогичные законы. Ребенок в рассказах Чирикова воспринимает мир исключительно эмоционально, он не рефлексировать, не отягощен чувством вины, он отражает окружающий мир и, «считывая», вбирает его в себя. Писатель говорит о том, какими маленькими и второстепенными бывают взрослые люди («Моя жизнь», «Белая роза»).

Бродячие сюжеты — еще одна особенность, в которой Чирикова упрекали его современники. Во времена Аристотеля считалось, что в писательском арсенале присутствуют 36 сюжетов, и такое мнение держалось до позапрошлого века, в том числе его придерживался Виктор Гюго. Однако всего лишь полвека спустя один из родоначальников магического реализма Хорхе Луис Борхес скажет, что в литературе существуют всего лишь четыре сюжета, а Кристофер Букер расширит их количество до семи, и не более. При таком раскладе почти любой сюжет становится бродячим, а значит — «вечным». И тем не менее именно умение работать с популярным бродячим сюжетом говорит об уровне писательского профессионализма, точно так же как любовная лирика (апофеоз «вечных тем») считается высшим поэтическим мастерством. И в руках мастера бродячий сюжет не теряет смысл, а, наоборот, «добывает» его, разворачивает. И можно проследить, как это происходит. Например, в рассказе «Хаврюшка», где поросенок, любимец детей и их живая игрушка, попадает все-таки на хозяйский стол, между мальчиком и кухаркой возникает такой диалог:

— Скверный ты пес, гадкий! Володя! Он ест Хаврюшу... Все вы гадкие, все, и ты, кухарка!

— А мне, думаешь, самой не жалко?

— Скажешь — не ела?

— Ела... Чего уж... А как жарила, так поплакала...

Вот оно, беспамятство взрослых, которые сумели забыть и обесценить все то, что когда-то доставило им счастье, но и неисцелимую боль. Все то, что невозможно было ни пережить, ни принять, ни объяснить. Утрата и вина — страшные испы-

⁴ М. В. Михайлова Люди и звери Евгения Чирикова. Портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru>

тания, которые не выдержало сердце ребенка — и оно медленно и постепенно превратилось в сердце кухарки. Единственно для того, чтобы выжить.

Первое столкновение маленького человека с несправедливостью мира взрослых — всегда болезненно. Дорогие подарки на елке достаются только детям богатых родителей, близкого человека безжалостно вырывают из твоей жизни, а домашнее животное, предназначенное на убой, рано или поздно все равно зарежут. И Бог, ласковыми глазами глядящий со стены, ничего не может с этим сделать.

Хорошо, очень удобно было молиться в таком положении — головой в подушку...

— Милый Иисус Христос! Пусть я скорей вырасту большой и сделаюсь очень сильным... Сильнее дворникова Васьки!.. И очень храбрым, как богатырь... Тогда я им задам... Помилуй маму, и меня, и Алешу, дай пап царство небесное, а им пусть... пусть они — в ад... Пусть там живут вместе с чортом... Пусть в огне мучаются, а пить им пусть не дают... (*«На пороге жизни, 1906»*).

Конечно, эти рассказы кажутся в наше время немного наивными. Некоторые из них («Лошадка», «На пороге жизни») имеют традиционный для XIX века морализаторский финал, и мораль в них выведена слишком отчетливо. Кстати, об этой особенности своего стиля 1909—1911 годов писатель, кажется, догадывался. Об этом говорит история публикаций рассказа «Дуняшка». В окончательном варианте этого рассказа автор просто отрезал финал, где уже взрослая Дуня, которую вдруг кто-то окликнул «мадам», так трогательно печалится об ушедшем деревенском детстве. После удаления фрагмента в рассказе появилось «место для воздуха», сместились акценты, и на передний план выплыло то, что впоследствии окажется основной стилистической особенностью чириковской прозы: умение огорошить читателя «миссией первого свидетеля». Описанные человеческие чувства возникают перед читателем мгновенно, во всей простоте и наивности, чувства абсолютно знакомые, обнаженные до стыдобы. Я не упомянула еще тему радости у Чирикова: разговор о радости у Чирикова таков, что сам по себе способен вызывать свет, производить ликование из воздуха.

На утре жизни душа раскрыта только для радости... Детская печаль, как мимолетная тучка в голубой летний день: спряталось солнышко, нахмурилось небо и земля, а вот уже опять засверкали и речка, и луга, и тесовая крыша новой избы, и опять радость полилась в душу и от земли и от неба (*«Дуняшка», 1911»*).

В эмиграции Е. Н. Чириков создаст крупное полотно, роман «Отчий дом», который будет опубликован в 1921—1922 годах. Это семейная история аристократов, бывших князей Кудышевых, попавших в немилость и еще при Павле I потерявших титул и влияние, — это сага о семье и об эпохе. В романе есть сцена, когда «блудные дети» возвращаются домой и, казалось бы, обретают долгожданный покой. Но покой этот оказывается мнимым, уютный уклад превращается в проходной двор, дом разворачивается и разрушается. «Дети одной семьи, рожденные на протяжении менее одного десятилетия, братья казались людьми трех взаимно отрицающих друг друга поколений». Так гибнет семья, пропадает дом, исчезают традиции.

С чем же тогда остается человек? Он тоже пропадает, растворяется, остается только оболочка, потому что невозможно жить, не сохранив в себе самого ценного. Такова действительность, и очень мало в ней от «Царства сказок».

«Говорят, что самый вредный и страшный человек — это человек, прочитавший только одну „умную книгу“», — писал Е. Н. Чириков в романе «Зверь из бездны».

Но и человек, прочитавший «Десять главных книг русской литературы», мало чем отличается от человека, прочитавшего только одну. Достижение регламентированного кем-то предела дает ему право быть «довольным» по Ибсену, а следовательно — право решать судьбу наследия, в том числе того, которое не вписалось в регламент. Вычеркивать из школьной программы книги Куприна и Бунина. Сносить дома в Печатниковом переулке. Жечь старые комаровские дачи. Именовывать провинцию — провинцией, вешая на географическую территорию ярлык второстепенности. А после — сетовать на то, что современная русская литература так не похожа на ту, что существовала полтора века назад, что в ней царят эпигонство и местечковость. На то, что у нее — «сердце кухарки».

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр СЕРГЕЕВ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА

Миф и его проявление в современной культуре не утратили своего значения. Мифология, по признанию многих современных исследователей, — это не удел архаического мировоззрения первобытных людей. Мирча Элиаде, религиовед, отмечал в своем труде «Аспекты мифа», что «мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно»¹. Русский философ и филолог А. Ф. Лосев писал: «всякая живая личность есть миф»². Поэтому не исключено то, что в большинстве литературных произведений имеется отпечаток мифа, если не в эксплицитной, то в имплицитной форме, через репрезентацию архетипических аспектов в характере, образе и функциях литературного персонажа. Такой отпечаток мифического коснулся и бурсацкой художественной прозы³, в одном из произ-

Александр Александрович Сергеев родился в 1993 году. Студент магистратуры кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии, бакалавр теологии. Публикации: «Бурсацкая проза как особое направление в русской литературе // Филологические науки. 2016. №4; «Расширительное определение термина «религия» в трудах русских богословов XX в.: П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и В. Ф. Войно-Ясенецкого // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. Екатеринбург: Макс-Инфо, 2017; «Проблема классификации неязыческих атрибутов в славянском фэнтези // Сайт «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5268980.html> и др.

¹ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 175.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 99.

³ См. статью: Сергеев А. А. Бурсацкая проза как особое направление в русской литературе // Филологические науки. 2016. № 4. С. 87–95.

ведений которой, а именно в «Alma Matrix, или Служение игумена Траяна» А. Кукушкина и М. Гурова, наблюдается мифологический архетип Трикстера, фигурирующий на протяжении всего сюжета книги.

Образ Трикстера — явление, для мировой культуры распространенное. Трикстера можно обнаружить во многих литературных героях как зарубежного, так и отечественного происхождения: это и Тиль Уленшпигель из одноименного романа Шарля Де Костера, и Остап Бендер из произведений И. Ильфа и Е. Петрова, бравый солдат Швейк Ярослава Гашека и др. Говоря об определении термина «трикстер», возникают определенные сложности: как отмечает Губская, «литературный трикстер... отличается от мифологического, однако существуют определенные черты, которые подчеркивают общую природу образа»⁴. Действительно, при попытке обозначить систему атрибутов Трикстера возникают определенные сложности: из-за архаичности, архетип прошел всю историю и видоизменился. Каждую эпоху Трикстер имеет своеобразные признаки, которые, однако, пересекаются между собой.

Наиболее гибкую и универсальную систему атрибутов предлагают Ахметшин А. Р. и Горбатов А. В. в своей публикации «Атрибутивные признаки архетипа трикстера»⁵. Данное исследование более ориентировано на литературное бытие Трикстера: авторы в качестве демонстрации репрезентации архетипа Трикстера опираются на текст романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом». Что касается остальных авторов, занимавшихся этим вопросом, то большинство из них, — П. Радин, К.-Г. Юнг, К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, Е. С. Новик — осветили атрибуты мифологического Трикстера. Такие черты, как, например, зооморфность, оборотничество и животное начало, вряд ли имеют какое-либо отношение к таким литературным трикстерам, как Остап Бендер, Воланд или Тиль Уленшпигель.

А. В. Ахметшин и А. В. Горбатов предлагают следующую систему атрибутов: «Игровой характер действий; Невозможность вписаться в известные рамки (хаос), непредсказуемость; Гиперсексуальность; Склонность к трансформации; Трансляция каких-либо идей; Юмор»⁶. Из данного перечня следует исключить атрибут «гиперсексуальность», поскольку в интересующем нас произведении А. Кукушкина и М. Гурова данная черта отсутствует. Вместо него следует включить иной атрибут, который следует обозначить так: наличие трюка, имеющего своей целью обмануть антагониста ради какой-то цели. На их основании можно выявить репрезентацию архетипа трикстера в тексте произведения «Alma Matrix, или Служение игумена Траяна». Следует пояснить, что в данном произведении персонажи не воплощают Трикстера, а лишь репрезентируют его, поскольку авторы наделили их не всеми качествами, которые свойственны именно этой мифологической фигуре: например, мы не можем назвать персонажей мошенниками, хотя это и неотъемлемая черта многих трикстеров, как мифологических, так и литературных. Также должно отметить, что вышеперечисленные атрибуты можно считать универсальными и объединяющими архетип Трикстера в разных культурах и литературных произведениях, поскольку они соответствуют основному смыслу распространенного определения данного архетипа. К примеру, Е. М. Мелетинский дает такую дефиницию: «Демонически-комический дублер культурного героя наделяется чертами плута-озорника (трикстера). Культурные герои часто прибегают к хитрым трюкам для достижения успеха в самых серьезных деяниях <...> В типе трикстера как бы заключен некий уни-

⁴ Губская О. Н. Актуализация архетипа трикстера в романе М. Горького «Виленские коммунары» // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. Wrocław, 2016. С. 188.

⁵ См.: Ахметшин А. Р., Горбатов А. В. Атрибутивные признаки архетипа трикстера // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 81–85.

⁶ Там же. С. 85.

версальный комизм, распространяющийся и на одуроченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута»⁷.

Репрезентируют архетип Трикстера в «Alma Matrix» два главных персонажа — Александр Настоящий и Михаил Гайда, по сюжету являющиеся семинаристами-четверокурсниками Московской духовной академии. Их антагонистом выступает игумен Траян (Введенский), проректор по воспитательной работе и воплощение всей воспитательной системы Московской духовной академии, реагирующий на трюки Гайды и Настоящего контртрюком.

Первые четыре атрибута, обозначенные как игровой характер действий, невозможность вписаться в известные рамки, хаос, непредсказуемость, можно объединить в одно целое, поскольку они взаимосвязаны между собой. Гайда и Настоящий почти постоянно творят вокруг себя игру, при этом эти игровые действия зачастую хаотичны, непредсказуемы и не могут вписаться в известные рамки Бурсы — духовной семинарии, в которой эти два персонажа учатся. Например, в самом начале встречается сюжет, в котором Гайда и Настоящий устраивают по ночам диспут еретиков для того, чтобы позабавить публику и при этом помочь разобраться в богословии: «Зачем Гайда с Настоящим придумывали новые ереси, никто однозначно ответить не мог. Но каждый понимал, зачем лично ему необходимо с очередной ересью ознакомиться — это был лучший способ понять и выучить православную догматику. Обычно ночные лекции состояли из выступления Гайды, который предлагал „ересь номер один“, и ответа Настоящего, который, вставая на защиту веры отцов и опровергая заблуждения товарища, создавал „ересь номер два“, всячески уверяя, что именно его концепция и есть истинное учение Церкви. Потом начинались дебаты»⁸. В этом сюжетном моменте, относящемся напрямую к интересующим нас персонажам, явным образом реализуется игровой характер действий, так как для интеллектуалов Гайды и Настоящего такие еретические «мастер-классы» — именно игра, которую они скорее устраивают для того, чтобы потешить себя и внести в общий установившийся порядок определенную долю хаоса. Эти ночные лекции, противоречащие как православному богословию, так и порядкам, заведенным в духовном учебном заведении, являют собой конкретный пример хаотичности поступка Гайды и Настоящего, их непредсказуемого поведения, их невозможности вписаться в рамки заданного проректором Траяном — главным антагонистом этих двух «трикстеров» — устава для учащихся. Вместо того чтобы спать после положенного для всех студентов отбоя, данные персонажи нарушают распорядок и берут на себя роль еретиков (здесь можно проследить и склонность к трансформации, и это — не единственный случай, где Гайда и Настоящий меняют маски), творят беспорядок в атмосфере порядка, собирая вокруг себя других семинаристов.

Также четко выделяется игра и в сюжете главы «Обет игумена Траяна»⁹, где Гайда и Настоящий устраивают свадьбу своему сокурснику — Алексею Сковороде. Вместо мальчишника они устраивают продолжающуюся всю ночь молитву с монахами, причем с весьма необычной причиной: «Чтобы, вступая в брак, ты знал, какой духовной радости лишаешься, отказавшись от монашества»¹⁰. Выкуп невесты в затее Гайды и Настоящего заменяется высвобождением невестой жениха: для этого будущей жене Сковороды приходится лезть по приставленной к окну лест-

⁷ Мелетинский Е. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 26–27.

⁸ Кукушкин А., Гулов М. Alma Matrix, или Служение игумена Траяна // Нева. 2012. № 1. С. 19.

⁹ Там же. С. 36–42.

¹⁰ Там же. С. 37

нице, дабы освободить из пут горе-жениха. На эту выходку также находится свое объяснение: «...мы знаем, что священники в массе своей идут в ад... Единственный шанс для священника не попасть после смерти на огненную сковородку — его жена <...> Если жена священника готова ради него на все, то у него появляется шанс спастись. Поэтому всякая девушка, желающая стать матушкой, должна быть готова на подвиг самоотречения, самопожертвования»¹¹. Наконец, во время свадебного торжества Гайда и Настоящий хитростью завозят Сковороду в исправительное учреждение, дабы он прочитал лекцию о смысле и значении православного брака заключенным. И в этот раз игра не обходится без других атрибутов: действия «бурсацких трикстеров» никоим образом не вписываются в рамки нормального свадебного торжества, а также являются хаотичными и непредсказуемыми как для Сковороды, так и для других гостей свадьбы.

Наконец, хорошим примером игры служит случай в Третьяковской галерее: «Настоящий стоял напротив „Девочки с персиками“ и жевал персик, а Гайда убеждал смотрительницу, что его друг — известный молодой художник, ищущий в персике и Серове вдохновения»¹². И в этом случае игра Гайды и Настоящего сопряжена с другими атрибутами, характеризующими персонажей как трикстеров, способных на хаотичные поступки, которые во всех случаях сюжета произведения являются непредсказуемыми и не соответствующими общепринятым нормам.

Обращаясь к упомянутым нами ранее атрибутам (хаотичности, непредсказуемости, невозможности вписаться в заданные рамки), можно привести еще два примера, удачно раскрывающие эти черты в образах героев. Например, Гайда и Настоящий могли, видя отчаявшихся первокурсников перед дверьми кабинета проректора, «уничтожать остатки их надежды жуткими историями о кровавых расправах Траяна»¹³. Либо Настоящий мог торговаться с таксистом, который требовал четыреста рублей, до меньшей суммы — трехсот пятидесяти рублей, но в итоге заплатить водителю изначально требуемую им сумму¹⁴. Даже окружающие их семинаристы признают их хаотичность, инаковость: «„Чтобы в открытую пойти на проректора, нужно быть просто сумасшедшим“, — сказал очередной отказывающийся, и Никиту осенило — он вспомнил о пятикурсниках Гайде и Настоящем»¹⁵.

Идейно продолжает эти четыре атрибута введенная нами черта: наличие трюка, цель которого — обмануть антагониста ради достижения чего-либо. Соответственно, эти трюки (мы выделим из всего текста произведения два) также имеют игровой характер, непредсказуемы, хаотичны и вряд ли могут вписаться в заданные рамки семинарского общества. Например, в сюжете главы «Безумие игумена Траяна» Гайда и Настоящий, обманывая распорядок своей alma mater и в таком случае самого игумена Траяна, под покровом ночи пробираются к Соборной площади Троицкой лавры, дабы забросать снежками стелу с солнечными часами, причем с определенной целью: с желанием залепить снегом изображенные на пластине знаки зодиака, являющиеся в понимании Гайды и Настоящего нехристианскими и оскорбительными. Данный трюк мог удасться, но игумен Траян, будучи антагонистом, в ответ на него производит контртрюк: встречает за этим делом семинаристов и своей хит-

¹¹ Там же.

¹² Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 87

¹³ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Нева. 2012. № 1. С. 23.

¹⁴ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 53–54

¹⁵ Там же. С. 86.

ростью, через загадки, вынуждает Гайду и Настоящего все-таки написать объяснительные и получить в дальнейшем строгий выговор.

В четвертой и пятой частях главы «Красноречие игумена Траяна» также имеется трюк, в котором Гайда и Настоящий посредством обмана Траяна — через создание управляемой аудитории семинаристов на публичном отчислении из числа студентов, которая по плану должна была всячески поддерживать только Гайду и Настоящего, — попытались спасти семинариста Егора Утлова и поддержать свободомыслие в стенах учебного заведения. Трюк, однако, и в этом случае оканчивается поражением: несмотря на то, что Егор Утлов был спасен от отчисления, игумен Траян, организовав в ответ свою группу поддержки (контртрюк), лишает студенческий совет Московской духовной академии возможности проявить очередную свободу.

Итак, первые четыре атрибута, являясь взаимосвязанным целым, показывают нам нестандартность, необычность, плутовство Гайды и Настоящего. Но, помимо этих черт, имеются и другие три атрибута: склонность к трансформации, трансляция идеи и юмор. Трикстерам свойственно менять личину, облик, поэтому главные персонажи Гурова и Кукушкина имеют способность к некоторому перевоплощению. Правда, оно непостоянно, однако каждый из них на протяжении всего сюжета так или иначе примерял на себя другую маску. Например, Настоящий при разговоре с Траяном мгновенно становится не только человеком с плохим зрением, но и с плохими слухом: «Настоящий отложил в сторону платок и очки в роговой оправе, встал, поморгал близоруко, нашарил изящные очки в оправе позолоченной, напялил их на себя, увидел игумена и молодого монаха и спросил: — Что вы сказали? — Настоящий плохо слышал без очков»¹⁶.

Гайда также имел склонность к трансформации, применяя на себя образ Тургенева: «Это был один из тех дней, отцы, которые случаются только тогда, когда погода установилась уже надолго. С самого раннего утра небо было ясно... Даже подслеповатый Настоящий оценит мягкое алое сияние на месте закатившегося солнца и увидит, как, тихо мигая, словно бережно несомая свечка, затеплится на темнеющем небосклоне вечерняя звезда... — Тургенев! — закричал Скворода. — „Записки охотника“, конечно! Этот отрывок про звезду, которая затеплится словно свечка, нас заставляли в школе учить наизусть»¹⁷. Вообще, Гайда и Настоящий в нужные моменты доказывают этот атрибут и другими методами: например, когда лгут или когда прикидываются больными либо когда Настоящий прикидывается известным художником, для них, как для художественной репрезентации архетипа Трикстера, смена масок — обычное дело.

Также в соответствии с репрезентацией заданного архетипа Гайда и Настоящий вносят философские мысли, которые, несмотря на игру, весьма интересны и глубоки. Например, вышеупомянутые объяснения Сквороде на необычные свадебные мероприятия являются хорошим примером такой трансляции идеи. Причем по содержанию они относительно христианской теологии и философии верны и затрагивают весьма непростую тему христианского брака и монашества. На шутку о плохом зрении со стороны сокурсников Настоящий начинает отвечать в духе Людвига Витгенштейна: «— Человек смотрит на мир не глазами, мой недалекий друг... Человек смотрит на мир языком. „Граница моего мира — это граница моего языка“, — сказал Витгенштейн, слышал о таком? Мы видим только то, для чего у нас есть слова»¹⁸.

¹⁶ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix*, или Служение игумена Траяна // Нева. 2012. № 1. С. 23.

¹⁷ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix*, или Служение игумена Траяна // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 22.

Порой эти идеи могут быть провокационными и нестандартными, но при этом они не лишены смысла: «В нашей Церкви женщина окончательно победила мужчину, окончательно и бесповоротно... Карьера священника начинается со свадьбы, карьеру священника начинает его жена. Нет жены — нет священника. Священнослужителей в нашу Церковь поставляют женщины, это их привилегия и даже обязанность»¹⁹.

Последний, но немаловажный атрибут — юмор, завершающий образ трикстера в данном художественном произведении. Гайда и Настоящий — персонажи-юмористы, они постоянно шутят, играют, передают окружающим позитивный настрой. Пожалуй, нельзя мыслить этот атрибут без семи других: все их действия сопряжены с юмором. А юмор, в свою очередь, напрямую связан с игрой. Он хаотичен, непредсказуем, неординарен: многих шутки Гайды и Настоящего вводят в ступор. Два бурсацких трикстера иронизируют всю жизнь, развернувшуюся в стенах Московской духовной академии. В качестве яркого примера можно привести действия, случившиеся после открытия грандиозного спортзала для студентов в главе «Тучность игумена Траяна»: «Гайда сделал золотую табличку с надписью: „Вначале была мерзость запустения. Потом был Анатолий Голот. А потом появился этот зал. Слава герою! Благодарные потомки не забудут тебя, Анатолий. Спи спокойным сном, пусть земля будет тебе пухом, а на Страшном суде пусть оправдаешься ты четырехсторонней силовой мультистанцией, грифами, дисками и гантелями. Аминь“... Настоящий создал специальный „Чин освящения фитнес-зала“ с сомнительными ссылками на ветхозаветного судью Самсона и его подвиги по избиванию филистимлян ослиной челюстью и всё просил Голота подать чин на рассмотрение владыке ректору, чтобы использовать его при открытии-освящении комплекса»²⁰. Как мы видим, иронически обыгрываются даже вещи, относящиеся к религиозной сфере. Юмор Гайды и Настоящего безграничен и распространяется на все их действия в сюжете.

Подводя итоги, следует отметить, во-первых, реальное наличие репрезентации архетипа Трикстера в «Alma Matrix» М. Гурова и А. Кукушкина: Гайда и Настоящий полностью соответствуют выделенным нами атрибутам, характеризующим персонажа как Трикстера. Авторам удалось создать образы, которые маргинальны относительно установленной особым порядком, уставом обстановки Московской духовной академии. Они никоим образом не вписываются в заданные системой рамки, держась всегда особняком своих идей и поступков. Их поведение хаотично, непредсказуемо. Гайда и Настоящий постоянно играют с окружающими их людьми и иронизируют над любой ситуацией. Поэтому данных персонажей можно считать репрезентацией Трикстера. Во-вторых, произведение М. Гурова и А. Кукушкина в связи с наличием образа Трикстера приобретает особое культурное значение в отечественной литературе и, конечно же, в таком текстовом единстве, как бурсацкая художественная проза.

Литература:

Ахметшин А. Р., Горбатов А. В. Атрибутивные признаки архетипа трикстера // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 81—85.

Губская О. Н. Актуализация архетипа трикстера в романе М. Горещкого «Виленские коммунары» // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2016. С. 183—200.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 56.

Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 103–106.

Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Нева. 2012. № 1. С. 6–77.

Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Мысль, 2001. 559 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.

Элиаде М. *Аспекты мифа*. М: Академический проект, 2010. 251 с.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Никита Питерский. Последний игрок: Роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с. – (Азбука-бестселлер. Русская проза).

Красивая жизнь главного героя романа. Двойная. С одной стороны — преуспевающий топ-менеджер в крупной фирме, доросший до руководителя департамента продаж элитной недвижимости. Мечта миллионов молодых людей: командировки в любую страну, огромная зарплата, роскошный кабинет, своя секретарша. Другая жизнь, где он — азартный игрок, охотник за самыми безумными нелегальными играми. И работа для него только средство, чтобы иметь деньги для игр. Герой и его друзья-игроки находятся в водовороте головокружительных и опасных приключений. Петербург, вьетнамский Нячанг, Ницца, Монако, Лас-Вегас. Бои человека с псом, петушинные бои, акульки, бои девушек на ножах, охота за эмигрантами в пустыне Невады. Ставки разные — от нескольких сотен долларов в подпольном питерском казино до десятков тысяч долларов в зрелищах для избранных. Экзотика! Кинорежиссер Никита Питерский убедительно живописует обе действительности: антураж, психологическую атмосферу, действующих лиц, среди которых офисные работники и сверхбогатые клиенты в одной, игроки, авантюристы, темные личности и бесправные жертвы в другой. Он успешно соединяет экшн и социальные драмы, ситуации комичные и трагичные, динамичное действие и достоверный психологизм. Запутанный сюжет завершается неожиданной развязкой. В занимательную форму «упаковано» серьезное содержание. На поверхности — пагубность азартных игр, а по сути — размышление о современном поколении, о смысле жизни, об ответственности за жизнь свою и других. Главный герой — человек рефлектирующий, у него высокая самооценка, хотя он уже давно живет в квартирах и домах, которые продает. Он презирает и офисный «планктон», и руководство своей фирмы, и ее клиентов, карьерой не озабочен. Его не устраивает и жизнь обывателя: прогулки в парке по выходным, ужин с друзьями, телевизор по будням, походы в магазин. Он особый, он — игрок с точно продуманной стратегией. Игра важнее нравящейся ему женщины, которая может изменить его привычный образ жизни, важнее сына, который живет во Франции с матерью и ее временными бой-френдами и просится к нему в Россию. Он так мотивирует свой выбор: «Я отношусь к поколению, которое уже ни во что не верит, поколению без идеалов, рожденному на обломках великой страны и великой идеи, вместо которых не возникло ничего, кроме лозунгов: „Хватай все, что плохо лежит!“, „Продавай все, что можно и нельзя продать!“ ... «Для меня азартные игры — своеобразный протест, вызов новому миру. С помощью азартных игр я пытаюсь заменить бессмысленность своего существования

на настоящие эмоции и возможность чувствовать себя по-настоящему живым и свободным». На протяжении романа, от эпизода к эпизоду, когда на потребу пресыщенной публики гибнут или восстают участники боев, происходит сложная духовная трансформация героя. Приходит понимание: «Игроков — нужно лечить, лечить их и то общество, которое их воспитывало». Он переживает серьезный внутренний конфликт, не раз пытается «завязать» с игрой. Ускоряется ритм действия, сжимается круг. Гибнут друзья-игроки: У каждого — свой великолепно прописанный характер, свои мотивации, своя судьба. Прозрение и переосмысление приходят к герою, но предстоит еще одно испытание: русская рулетка, где невольной жертвой, на которую делают ставки, становится он сам. «„Итак, продолжим!“ — кричит Бернад. Он вставляет в револьвер новый патрон и прокручивает барабан. Затем передает его мне. Я беру в руку липкую от крови рукоятку. Все мое тело трясет от страха, который я уже не могу контролировать. „Тридцать секунд! — кричит Бернад. — Время пошло!“ Я оглядываюсь назад. Прорезиненный халат стоящего за мной мужчины испачкан кровью вперемешку с кусочками мозгов. Подношу револьвер к виску и зажмуриваюсь. Он еще горячий после последнего выстрела. Ну вот и все. Я ощущаю, как с сорокового этажа лечу вниз. Ветер бьет по вискам. Голову разрывает от перегрузки. Я пролетаю мимо этажей, в которых трудятся сотни людей, работающих практически без выходных, чтобы оплачивать счета по кредитам и иметь возможность набирать раз в неделю в супермаркете тележки со жратвой. Эти люди живут той жизнью, которую я всегда презирал, но теперь она мне кажется чем-то вполне приемлемым. Теперь я точно знаю, что мог бы прожить такую жизнь и быть вполне счастливым человеком». Эта книга о поколении, где одни, что в России, что в других странах, утратили смыслы жизни, другие, те, «кому просто не повезло родиться в правильной точке земного шара», — утратили и право на жизнь. Это книга о том, что можно стать по-настоящему нужным на этой планете, что в конце концов удалось герою.

Александра Голицына. Когда с нами Бог. Воспоминания. Авт. предисл., сост. примеч., имен. указ. и прил. А. К. Голицын. М.: Никея: Редакция «Встреча», 2017. — 480 с., ил. — (Семейный архив).

Александра Николаевна Голицына, урожденная Мещерская (1864—1940), внучка русского писателя и историка Н. Карамзина. Ее предок по материнской линии знаменитый екатерининский вельможа, граф Н. Панин. Ее детство прошло в атмосфере любви и счастья в уютном особняке в центре Москвы и среди аллей родового смоленского имения. А. Голицына рисует идиллические картины уклада большой русской аристократической семьи: неторопливое течение жизни, множество бытовых подробностей, учеба и игры, отношения в семье и — всегда дружеские — со слугами, разговоры взрослых, к которым допускались и дети: — о русско-турецкой войне, об убийстве Александра II. А среди этих взрослых были М. Катков, И. Аксаков, близкая подруга матери, дочь Тютчева, Екатерина Федоровна. Последовательно и убежденно детей воспитывали в православной вере, в преданности России, прививали нравственные устои. Отец внушал детям: «...с того, кому много дано, много и взыщется. И что те, кто пользуется по рождению преимуществом своего происхождения, ответственны за свои поступки не только перед собственной совестью, предъявляющей к ним повышенные требования, но, прежде всего, перед своими предками и потомками». И дети не только играли и учились, но мастерили поделки для Екатерининской больницы в Москве, кроили бинты и треугольники

из особой материи — из крапивы — и отправляли на Кавказский фронт. Автору мемуаров было тогда восемь лет. У А. Голицыной был счастливый брак, семеро детей. Ее муж, Павел Павлович Голицын (1856—1914), принадлежал к не менее родовитому семейству, в 1901 году был избран новгородским губернским предводителем и оставался им до конца жизни. После его смерти семья из Новгородской губернии в конце 1915 года переехала в Царское Село, там и началась их жизнь в новой стране Совдепии. А. Голицына рассказывает о том, как выживали те, кто на многие десятилетия оказался выброшен из нашей истории. Голодали, не имели самого необходимого, сталкивались с хамством и наглым неуважением ко всему, что когда-то уважалось. Она вынесла заключение в Царскосельском ЧК, после освобождения и попытки бегства в Финляндию ее ждала очередная тюрьма, затем следование по этапу в Москву, а там — Новопесковский лагерь. Понимание, что дворянство просто уничтожали как класс, как «вредный элемент», пришло очень скоро, Самым страшным, самым мучительным было то, что семью разбросало по России, мучила неизвестность, что происходит с детьми. Старшей дочери в 1917 году было 24, младшей — 12. У каждого из детей — своя история, узнать которую иногда мать смогла только после того, как в 1922 году ей и одному из сыновей удалось выехать за границу. В эмиграции оказались все ее дети, кроме Сергея: он погиб в 1938 году в России, где был расстрелян за «шпионаж». В этой книге много поразительных подробностей, и не только о частной жизни одной семьи, но и множества родных, знакомых, близких и не очень, большинство из которых достойно уходило из жизни. Аристократический класс оказался сплоченным: не только друзья и родные, но и незнакомые в «прежней жизни» люди, как могли, поддерживали друг друга. Помогла престарелым, обессиленным, потерявшим надежду по возможности и сама А. Голицына. В том числе и тем, кто когда-то принадлежал или был близок к трону. Этот ставший ненужным стране класс терял многое: приходилось уничтожать дорогие сердцу письма близких, у них «реквизировали» семейные реликвии: портреты предков, дары императоров предкам, драгоценности, их просто обворовывали, отнимая шубы, одежду, в которых потом щеголяли чекисты, их дети и жены. Многие вещи были особо дороги по воспоминаниям. После переворота большевики сожгли усадьбу Дугино, родовое смоленское имение Мещерских, а прах родителей был выброшен из церкви. Книга помогает расстаться со многими устоявшимися мифами. Так, помощь «бывшим» оказывали их слуги, конвоиры, солдаты, сокамерники. «Я еще раз вернулась к прежним мыслям по поводу „классовой вражды“, о которой так много говорили большевики, а в самом-то деле которой не было и в помине, а заключение в общих лагерях приводило, как правило, за редкими исключениями, к единению и братству перед лицом общих мытарств. ...Если вначале и была некоторая враждебность и напряженность, то потом они исчезали». Как глубоко верующий человек А. Голицына хорошо знала церковную жизнь того времени: и как заботились священники о своей пастве, о заключенных и то, как прихожане пытались отстоять свои храмы от разграбления, что часто заканчивалось расстрелом защитников на месте. Свои воспоминания о детских годах, о жизни в СССР и в эмиграции А. Голицына писала за границей, когда все испытания были уже позади и все дети, кроме старшего сына, князя Сергея Павловича, благополучно обосновались вдали от родины. Что помогло им выжить? Система ценностей, отточенная поколениями и основанная на христианском мирозерцании. Любовь и забота друг о друге даже в условиях смертельной опасности для тебя лично, умение сохранять спокойствие и — главное — непоколебимая вера в Бога, молитва, мысль «о том, что все мы в руках Божьих, неизменно помогала в ужасные минуты тревоги и страха». В любых,

самых страшных испытаниях устоит человек, если пребудет с ним Бог, — вот лейтмотив книги мемуаров Александры Николаевны Голицыной. «Слава Богу за все! Хотя мы еще рассеяны по лицу Земли», — заключительные слова воспоминаний. А. Голицына умерла в Будапеште в 1940 году.

Роман Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. Под ред. Д. С. Буневича, Г. В. Холодова. СПб.: Алетей, 2017. — 208 с.

Программная работа выдающегося польского политика-националиста, одного из создателей Второй Речи Посполитой Романа Дмовского (1864—1939). Парадоксально, но лидер польской национал-демократической партии в начале прошлого века отстаивал идею польско-русского исторического союза! Этот труд (1909 год), одно из ключевых политико-философских сочинений, посвященных судьбе разделенного польского народа, не переиздавался ни в социалистической Польше, ни у нас. На изучение наследия Р. Дмовского было фактически наложено табу: он считался радикальным националистом и антисемитом, симпатизировал Российской империи, был убежденным врагом большевизма. Сам он считал себя политическим реалистом, руководствующимся здравым смыслом. Логично, четко Р. Дмовский анализирует проблему упадка и расчленения Первой Речи Посполитой, дальнейшие разделы Польши, ее современное (на начало XX века) положение, «польский вопрос» в Европе и международную политику на разных исторических этапах. Центральная тема — поляки, разделенная нация, ее настоящее в России, Германии и Австро-Венгрии, ее будущее. Некую автономию поляки имели только в Австрии — элементы самоуправления, официальное употребление польского языка в правительственных учреждениях, чего не было ни в России, ни в Германии. Но самая большая угроза полякам и «польскости», считал Дмовский, исходит все-таки из Берлина, ибо немецкие власти проводят на исторических польских землях жесткую политику германизации, которая грозит исчезновением польского народа на территориях под контролем Германской империи. Россия же как покровительница славян заинтересована в сохранении польской нации и объединении всех поляков под скипетром Романовых. Р. Дмовский дает нелицеприятные характеристики европейским державам. Так, по его мнению, Германия по духу своему — держава, склонная к захватам, по образу действий — агрессивная, и остальным европейским государствам приходится чаще занимать оборонительные против нее позиции и определять направление своей политики все более и более в зависимости от своих отношений к Германии и германским планам. Будучи депутатом II и III созывов Государственной думы Российской империи, из имперской столицы Дмовский в глобальном масштабе взглянул на проблему отношений России и Польши. И почувствовал главные «русские болезни», такие, как территориальное расширение при внутреннем застое, всевластие бюрократии и ее бесконтрольность, чрезмерный централизм, слабость, а то и вовсе отсутствие общественных организаций. Он пришел к мысли, что русское государство существует и расширяется с целью создания возможно большего количества чиновничьих мест для русских. А еще указывал на зависимость политики, способа управления, характера экспериментов от конкретного лица на вершине власти, по-своему спасавшего Россию и выведившего ее на новый путь. И все-таки... Размышляя о том, как полякам сохранить национальную самобытность и идентичность в мире, раздираемом противоречиями и интересами великих держав, взвешивая все «за и против», Дмовский пришел к нетривиальному (тем более для польского националиста!) выводу, что интересы русских и поля-

ков имеют много общего и добрососедские отношения принесут двум народам только благо. Он выступал против вооруженной борьбы с Российской империей и организации новых восстаний против власти Петербурга, не принимал ни анархию, ни социалистических теорий. Придерживался идеи национального возрождения через народ, а первоначальной задачей считал экономический и культурный прогресс народных масс, народное просвещение, развитие национального самосознания. В Думе выступал за автономию Царства Польского в составе России, за введение в Царстве Польском преподавания на польском языке в школах всех ступеней, за право национального развития поляков в русском государстве, в перспективе видел восстановление польского государства. В современной Польше интерес к личности Дмовского и его взглядам огромен, в первую очередь среди молодежи, указывают редакторы: многие из «евроскептиков считают, что Польша попала в слишком сильную зависимость от Евросоюза и продвигаемых им ценностей. Склоняясь к концепции Дмовского: реальная угроза не „российский империализм“, а размывание польской идентичности под давлением крупных европейских стран, и прежде всего под давлением Германии, молодое поколение польских правых видит в Дмовском своего идейного вдохновителя и предшественника». И продолжают: «Возможно, эта книга позволит по-другому посмотреть на историю идеологии польских националистов и задаться вопросом — а правы ли публицисты и аналитики, кто говорит о польских патриотах как о самых ярких русофобах в Европе?»

**Макс Гофман. Война упущенных возможностей. СПб.:
ООО «Издательство К. Тублина», 2016. — 240 с.**

Германский генерал и дипломат Макс Гофман (1869—1927) считался одним из основных специалистов по России: еще в конце XIX века он полгода был военным атташе в Санкт-Петербурге, затем работал в русском отделе германского Генерального штаба, в русско-японскую кампанию состоял при японской армии, что давало ему основание заявлять: «Русскую армию знал я теоретически и практически». Его мемуары — ценный документ и русской истории: русско-японская война; Восточный фронт (на протяжении всей войны Гофман занимал высшие должности в немецком командовании фронтом); Брестский мир, когда Гофман сыграл основную роль в заключении договора с большевиками; послеоктябрьская Россия. В центре книги — анализ причин поражения Германии в Первой мировой войне. Среди упущений, с точки зрения автора, и сумбур и противоречия в высшем эшелоне, и бестолковое командование, несвоевременное доведение информации об изменении приказов, и невыполнение приказов низшими командирами, неправильно выполненные операции, нехватка дивизий, несостоятельность австрийской армии, погода, дурные дороги в России. М. Гофман, подробно освещая военные операции и на Восточном, и на Западном фронтах, точен в изложении фактов, но не в оценках. Все могло бы сложиться иначе, уверен он, если бы верховное командование Германии следовало его, Гофмана, благим советам. Основные победы немецкого оружия на Восточном фронте он приписывает себе, отодвигая на задний план других военачальников. Он расписывает достоинства и изъяны начатых немцами газовой и подводной войн и сетует лишь на недостаточную подготовленность Германии для их ведения. «Смешно говорить о бесчеловечности и тому подобном, — считает он, — когда Англия начала с того, что объявила голодную блокаду против немецких женщин и детей... я безусловно придерживаюсь мнения, что Германия, во-первых, несомненно имела право вести подводную войну в неограниченных

размерах и, во-вторых, что она была обязана использовать для победы все виды оружия, которые только были в ее распоряжении. Вина в том, что война затронула женщин, детей и мирных жителей, падает на инициатора — Англию». Впечатляюще? Естественно, дается оценка и противникам: русские слабее немцев, но сильнее австрийцев, кроме того, русская армия не выдвинула крупного вождя, а решение царя принять звание Верховного главнокомандующего — ошибка. Среди упущений Германии Гофман называет и не использованную в немецких интересах русскую революцию — и все из-за обманчивой надежды, что удастся вступить в отдельные переговоры с новым правителем Керенским. И очень откровенно пишет об участии Германии и Великобритании в подготовке революции в России: действия английского посла в Петербурге Бьюкенена, перевозка Ленина в Петербург через Германию. Наиболее интересные страницы посвящены Брестскому миру, где на переговорах Гофман представлял германское командование: яркие характеристики участников конференции, стратегические цели делегаций и трения между ними; раздоры в определении судеб Польши, Курляндии, Литвы, Буковины и Восточной Галиции. Под свое особое покровительство Гофман принял посланцев украинской Рады, в расчете использовать их в игре против петербургской делегации. Карты спутал Троцкий, привезя с собой двух украинцев, представителей большевистского правительства, образовавшегося в Харькове. «Представители Центральной Рады протестовали против этого шахматного хода, и дело дошло до довольно энергичных столкновений между украинской и русской делегациями. В превосходной речи Любинский перечислил большевикам все их грехи. Троцкий в своем ответе ограничился указанием, что власть Центральной Рады кончилась и что единственное место, где еще могут распоряжаться ее представители, — это их комнаты в Брест-Литовске. По имевшимся у меня сведениям о положении дел на Украине, я, к сожалению, не имел оснований считать слова Троцкого несправедливыми». В итоге уполномоченные Центральной Рады обратились к Германии с просьбой о поддержке, вследствие чего немецкие войска вступили на Украину. Наиболее интересной личностью на переговорах Гофман считал Троцкого, умного, разносторонне образованного, очень энергичного и красноречивого, точно знающего, чего он хочет. Постепенно участникам переговоров стало ясно, что главная цель Троцкого — провозглашение большевистского учения, что он обращался через голову конференции ко всему миру, не придавая никакого значения работе по существу, а цель большевиков — мировая революция и в первую очередь революционизирование Германии. Большевистская пропаганда оказывала, несомненно, влияние на армию, свидетельствует Гофман, с нее началось разложение и немецкой армии, сначала на Восточном фронте, а затем после переброски войск на Западном. Вот она, недооцененная нами сила пропаганды! В России мемуары Гофмана выходили ограниченным тиражом в 1925 году, впоследствии книга была изъята из библиотек и помещена в спецхран. С тех пор переиздается впервые. Предисловие к книге, отражающее дух своего времени, написал известный советский историк Владимир Гурко-Кряжин.

Рудольф Баландин. Карл Маркс и «Капитал» в XXI веке. В чем ошибался родоначальник марксизма? М.: Вече, 2016. — 320 с. — (Мифы и тайны современной науки).

В Советском Союзе попытки развивать теорию Маркса с учетом изменяющихся экономических и социальных явлений пресекались, и казалось, марксизм исчерпал себя. Но историк науки Рудольф Баландин констатирует: в XXI веке ин-

терес к учению Маркса возрождается, об этом свидетельствует и количество ссылок на данного автора в научных и философских трудах последних десятилетий, и новые исследования, посвященные его учению. А книга профессора парижской школы экономики Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (2014 год) обрела едва ли не всемирную популярность. И это закономерно: учение Карла Маркса выходит из тесных пределов экономики или текущей политики и как синтез разных наук и философии претендует на познание и объяснение основных закономерностей развития общества, дает прогнозы на будущее и остается классикой политэкономии. И хотя некоторые выводы и предположения Маркса устарели, что естественно: его основные труды появились полтора столетия назад, во многом они сохранили свою актуальность, а многие его прогнозы подтвердились. Например, предугадал Маркс установление диктатуры пролетариата сначала в одной стране, затем во многих, дважды подтвердилась его идея о смене капитализма более высокой общественной формацией. Р. Баландин, опираясь на статистические данные, доказывает верность выводов теоретиков марксизма о преимуществах социализма: так, стремительно произошло становление СССР после разрухи Гражданской войны и подъем экономики после победы в Великой Отечественной войне; так, уровень жизни в СССР был примерно среднеевропейский, несмотря на огромные разрушения и людские потери во время войны. А после развала СССР буржуазная РФ за 20 лет не достигла уровня РСФСР, и это, по мнению автора, доказывает, что социализм прогрессивней капитализма. Социализм у нас был реальным, хотя и не идеальным, а во главе задач ставилась не прибыль, а гармоничное развитие техники во благо государства, общества, человека. С перестройки государство трудящихся (при всех недостатках было именно так) деградировало в давно пройденную стадию господства капитала, правления олигархов. Факторы распада СССР, считает автор, были исключительно психологические. Критически анализируя современный капитализм, Р. Баландин обращается не только к трудам Маркса, но и к работам экономистов, социологов, футуристов прошлого и настоящего: Гоббс, Смит, Хаксли, Достоевский, Замятин, Оруэлл, Станислав Лем... Определяя, чем болен современный капитализм, он полемизирует с Т. Пикетти. Пикетти считает, что возможности отдельного индивида подняться на вершину имущественной иерархии все в большей степени зависят от унаследованного семейного состояния, а концентрация богатства в руках крошечной доли населения и сокращение «среднего класса» в большинстве «развитых стран» есть следствие законов рыночной экономики. У Р. Баландина другой диагноз: реальный смертельный недуг современной цивилизации — в финансовых пирамидах, в том, что бумажная валюта стала мировой, не имея материального эквивалента, а экономика отделена от финансов. Ни Карл Маркс, ни его последователи не могли вообразить, что эксплуатация трудящихся (учитывая и «пролетариев умственного труда») владельцами реальных капиталов и средств производства дополнится откровенным ограблением фиктивным капиталом долларов США. На конкретном материале Р. Баландин показывает, почему и как доходы менеджеров высшего звена непомерно растут и у нас, и на Западе, почему богатеет небольшая группа частных, а беднеет и влезает в неоплатные долги государство. Спасет ли положение пролетарская революция? А где нынче отыщешь пролетариев, готовых идти на штурм буржуазии? Да и пролетарии ли делали революцию? Многие из того, что произошло в XX веке, констатирует Р. Баландин, раскрыло по-новому, в других аспектах законы развития цивилизации. Так, капитализм доказал свою устойчивость, не предвиденную классиками марксизма, недооценена Марксом была духовная жизнь общества, но духовная культура важна не менее, чем материальная: не экономика определяет сознание, а сложившаяся система ценностей,

установок, идеологий духовные, нравственные, интеллектуальные факторы определяют общественное бытие. Не учли классики марксизма негативные последствия технического прогресса, воздействия на общество и духовный мир человека измененной искусственной среды. Как создатель концепций техносферы, психоэкологии, эволюции и деградации цивилизаций в связи с состоянием природы и духовной культуры Р. Баландин особое внимание уделяет биосфере, с которой современная цивилизация вступает во все более острые противоречия. Учение Карла Маркса Р. Баландин повергает историей XX века, историей нашей страны, современностью, устремлениями Homo techniques, ненасытного потребителя материальных благ. И, апеллируя к определяющему бытие сознанию Homo techniques, задает вопрос: «Жить, чтобы как можно больше потреблять и сгинуть, оставив после себя груды отходов... неужели таков смысл бытия не только обывателя, но и всего рода человеческого, всей истории Земли и Жизни?»

Петр Толочко. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетей, 2017. — 160 с.

Авары, болгары, венгры, хазары, печенеги, половцы, торки, монголо-татары... Начиная с V века кочевые народы, вытесняя друг друга, вступая в противоборство с оседлыми славянорусами, пытались закрепиться в причерноморских степях и лесостепных районах, занятых земледельцами. По объективным причинам огромные массы кочевников бежали из Азии в степи Восточной Европы: избыток населения, природные катаклизмы, невозможность прокормиться в родных местах. На новых местах возникали многоэтнические государственные образования: Великая Болгария, Хазарский каганат, венгерская Леведия, земля печенегов — Ателькуза, Поросье в южнорусском пограничье, где под покровительством Руси проживали ее беспокойные подданные, «свои поганые», торки, непременные участники и антиполовецких походов русских дружин, и княжеских междоусобиц. Местоположение не всех этих «стран» удастся ныне установить. В условиях, когда очередной завоеватель не упускал возможности поживиться за счет оседлого населения, рождалась и укреплялась Киевская Русь. Летописи сохранили свидетельства о победах Святослава над хазарами. О битвах Владимира Красное Солнышко, Ильи Муромца и Добрыни Никитича с печенегами народ слагал песни. В результате блестящих походов объединенных русских полков на половцев Мономах «пил золотым шоломом Дон» и «приемшю землю их (половцев) всю и загнавшю окаянныя агоряны» «за Дон, за Волгу, за Яик». Были и сокрушительные поражения, как, например, поход дружин Игоря Святославича в 1185 году. Регион являлся ареной военной и дипломатической борьбы Хазарии, Византии и Руси, чем пользовались печенеги, поочередно выступая союзниками каждой из названных стран и получая за это от них богатые дары. Славяне и Русь не только воевали с кочевниками. Были годы и даже десятилетия мирных взаимоотношений, когда торговые люди обменивались товарами, заключались династические браки, шло оседание кочевников на землях Руси и их интеграция в славяно-русский этнос. Протвостоявшие миры заимствовали друг у друга культурные достижения. Так случалось и в эпоху монголо-татарского нашествия, которое и половцы, и Русь встретили в состоянии внутренней раздробленности, что роковым образом сказалось на их судьбах. Петр Толочко, историк и археолог, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук, сторонник украинско-российской дружбы, последовательно раскрывает страницы древней истории. Кто, где, когда: войны, союзы, торговля, дипломатия,

топография, верования, культура. Он опирается на источники письменные (русские летописи, зарубежные хроники, свидетельства современников) и археологические (раскопы, могильники, клады). Обозначает вопросы, по которым у исследователей и историков нет единодушия, приводит их мнения, их аргументы. Спорит с ними, обосновывая свою собственную точку зрения. Выступает против версии «хазарского Киева», доказывая, что Киев изначально формировался как восточнославянский поселенческий центр, а государство Русь развивалось и крепло не столько под патронатом Хазарского каганата, сколько в постоянном противоборстве с ним. Суммируя приобретения и потери от тысячелетнего взаимодействия славян и Руси со своими степными соседями, он утверждает, что потери были неизмеримо большими. Современниками половецкой агрессии она однозначно воспринималась как зло, что запечатлено в былинах и сказках, где Змей Горыныч. лютей враг древнерусских богатырей, — собирательный образ половцев. П. Толочко выступает против попытки ряда историков изменить хрестоматийное представление о характере нашествия монголо-татар на Русь. Археологические раскопки свидетельствуют о разрушительности монголо-татарского нашествия для Руси: мощные слои пожарищ на территориях городов того времени, следы увечий на черепках и костях человеческих останков, в том числе женских и детских, покоящихся под крепостными стенами, во рвах, на улицах и площадях, в храмах и церквях. И хотя монголы не смогли уничтожить все население или смести его в целых регионах, но, подвергнув террору княжеско-боярские и высшие церковные круги русского общества и фактически уничтожив их, монголы, по существу, народ обезглавили. Объективно, считает историк, славяне и Русь действительно заслонили собой европейские народы от опустошительных вторжений кочевников, и «образующееся европейское просвещение было спасено от монгольских варваров растерзанной Русью». И все же, утверждает исследователь, историческая перспектива практически всегда оставалась за земледельцами, органично связанными со своей землей. Грозные властители степей, покорявшие хлебопашцев, в конечном итоге оказывались жертвами своих жертв: сгорали в ассимиляционном котле аборигенов, расселялись на их землях, перенимали их язык, культуру и веру, растворялись в массе оседлого населения. Истории было угодно, чтобы тюрко-болгары превратились в славяно-болгар. Со времени монголо-татарского нашествия потеряли не только свою независимость, но, по существу, и собственную историю половцы. Удалось сохранить на новых землях свой язык и свой этнос только венграм. Но авары, хазары, печенеги, торки, половцы не исчезли бесследно. Длившееся более тысячи лет соседство двух миров, кочевых народов степей с восточными славянами и Русью оставило взаимный и неизгладимый след: в топонимике, в значительном количестве тюркизмов в древнерусском языке, в украинских песнях — «Чорни брови, карі очі», но больше всего — в области этногенеза кочевого и оседлого населения. И никуда мы не денемся от своей истории.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

СВЯТЫНИ ЕЛЕОНА

(по запискам русских паломников)

Часть 7

**Спасо-Вознесенский монастырь в записках Александры Гавриловой
(1945–1947 гг.)**

Гаврилова Александра Михайловна окончила гимназию во время Первой мировой войны. Преподавала в женских гимназиях. Покинула Россию после революции. 35 лет жила в Египте и путешествовала по странам Ближнего Востока. Переехала на жительство в Испанию.

Русский храм Вознесения находится на самой вершине и его колокольня доминирует над всеми окрестностями Иерусалима. Нет ни одной фотографии или карточки Елеонской горы, где бы вы не увидели колокольни Русского Елеонского храма. В куполе удивительный образ Возносящегося Христа, как будто рельеф, но он рисованный. По дороге на гору Елеонскую издали видна голубая лента Иордана и полоска Мертвого моря.

<...> На Елеонской горе побывали всюду и кроме того в той часовне, что, по преданию, на месте дачи Ирода. Здесь небольшое огороженное место, покрытое мозаикой, где нашли главу Иоанна Предтечи. Это место было отмечено уже со времен свв. Константина и Елены. Осмотрели небольшой, но хороший музей древностей — собственность Елеонского монастыря. Просто с горы хорошо видно Мертвое море. Видели фундамент и нижнюю церковь нового храма, так и оставшегося недостроенным. Храм должен был быть во имя Страшного Суда, т. к. на Елеонской горе будет Второе Пришествие — в виду Иосафатовой долины, что видно из Писания.

<...> На Вербное я Крестным Путем отправилась к горе Елеонской. По дороге помолилась у Гробницы Богоматери и мимо Марии Магдалины тяжелой, крутой и узкой тропкой (в стороне есть и широкая современная дорога) пошла на Елеонскую Гору. Где проходил Христос? По верху горы или где-нибудь более покатой дорогой? Ведь от Елеона до Вифании — рукой подать — с вершины, совсем рядом. Но есть внизу и другая дорога, взглянуть на которую меня так тянуло вчера у всенощной. Но я все равно срывала траву, цветы, ветви и бросала на тропу. Обедню отстояла в русском Елеонском храме. Как он чудно расписан! Здесь работали и г-н А. А. (он бывший гвардейский офицер и художник Божией милостью),

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монастыше митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

мать Таисия, м. Зосима и др. Как подходят к этому храму картины-иконы в куполе: справа Иисус Христос учит молитве «Отче наш» (и в самом деле, это место близко от храма — справа); а слева — Вход Господа в Иерусалим (там слева где-то и проходило шествие, спускаясь к Гефсимании). Над входными дверьми в куполе — Воскрешение Лазаря — это работы А. А., он чудно все реализовал, когда храм подновляли и расписывали вновь. А чудный образ в среднем куполе — Возносящийся Христос в венце херувимов, парящий и как бы рельефный, еще старой работы. Он так хорош, что его не решились переделывать, а только подправили. Трудно оторвать глаза от этого образа-видения.

Наконец-то, побывала на самом верху Елеонской колокольни! В два первые приезда хватало силы добираться только до половины. Сверху город весь, как на картине! Совсем близко Иордан, Мертвое море, Савва Освященный, Вифлеем, некоторые неизвестные мне обитатели. Между прочим, русские матушки Средиземное море называют Яффским морем, может быть, это пошло от русской яффской колокольни, которую все они видели еще с парохода. Обходим мы по верху Елеонской колокольни с матушкой Дарьей — звонаршей. Она одна из немногих неграмотных нестарых матушек. Но философ, получше всемирно прославленных лжефилософов нашего времени; и золотые руки. Осмотрела я далекие окрестности; Св. Гроб и другие ближние места и глаз не могла оторвать от долины Иосафатовой: вся она покрыта многим множеством могил и памятников.

Вслух пораздумала: «Второе Пришествие на Елеонской горе; «вся языки» внизу на юдоли Иосафатовой пред лицом Бога. Здесь воздастся каждому по делам его. Где будут стоять агнцы и где козлища?» — «Не спрашивайте и не думайте», — говорит м. Дарья. «Стараемся жить по закону Божьему, но... плоть слаба: и съесть чего сладкого не откажешься; и чайком побаловаться любим; а то, бывает, и службу Божию пропустишь. Плоть грешна. Уж Бог рассудит, по какую сторону каждый из нас стоять будет...»

Ночь с Вербного на Благовещение ночевала на горе Елеонской. Чудная, спокойная ночь. Не только криков, шумов, но и голосов-то не слышно. Днем, правда, звенят птицы в деревьях под окнами. Не ушла бы отсюда, может быть, и душа перестала бы метаться.

<...> 16.4.1947. Светлая Среда. Четвертый день Св. Пасхи. Торжественная служба в русском Елеонском храме. Опять не могла глаз отвести от образа Возносящегося Христа в купол, и благословляющего с высоты. Образ почти в натуральную величину. И какое исполнение! Смотришь, знаешь, что образ нарисован и все таки видишь, что Христос рельефно выделяется, возносится на золотом фоне дня. т. е. купола. Ходили Крестным ходом вокруг храма. Потом была общая трапеза в чудесной чисто-русской монастырской зале: с фикусами. С вязаными салфетками, иконами, портретами духовенства и государей. Просто, но хорошо сервированный стол; простое, но вкусное подкрепление к чаю. Недаром елеонская мать игуменья из высокопоставленных лиц.

Матушка игуменья Тамара — дочь Вел. Кн. Константина Константиновича — Генерал-инспектора военно-учебных заведений России и попечителя кадетских корпусов, которого его кадеты обожали и о которых он так заботился и действовал на них так благотворно. Кто не знает его военно — и административной карьеры? Кто не наслаждался его душевными стихотворениями, такими... ароматными. Я много слышала о нем от мужа-кадета, когда и не представляла себе, что могу встретиться с его дочерью. И эту русскую дочь одного из лучших русских отцов, Бог привел на последний кусочек настоящей русской земли в Святой Земле. Познакомилась с ней. Позже слышала о ее благотворном влиянии на матушек... всяких матушек.

<...> Опять кулич и кофе здесь же, на Елеоне, в келье м. Марии, имеющей георгиевские медали всех четырех степеней за Первую мировую войну, в качестве сестры милосердия. Была она и в Белой Армии у Врангеля. Вид с балко-

на ее кельи восхитителен: Мертвое море, Иордан и горы Палестины с деревнями и монастырями¹.

1948—1950-е годы

После признания Организацией Объединенных Наций Израильского государства состоялся раздел Палестины. Израиль передал московским представителям русское имущество на своей территории. Русская духовная миссия утратила свою резиденцию — Русский квартал с Троицким собором в центре нового Иерусалима. Елеон пополнился сестрами, которые бежали из Горненского монастыря, оказавшегося на территории Израиля и занятого насельницами, прибывшими из Советского Союза. Для Елеонского монастыря наступило экономическое бедствие. Своей напряженной работой — воззваниями, призывами помочь Миссии и ее обителям, лишившимся всех средств, — архимандриту Антонию удалось вызвать приток пожертвований от русских людей, главным образом из Америки. Кроме того, сестры получали помощь (питание) и через Международный Красный Крест.

В 1951 году начальником Русской духовной миссии (РПЦЗ) был назначен архимандрит Димитрий (Бакай). Первое время он жил в Гефсиманской женской обители при храме Св. равноапостольной Марии Магдалины, а затем переселился на Елеон. Скончался на Елеоне 8/21 августа 1985 года. Благодаря ему установились необходимые добрые отношения для нормализации осложнившегося положения Русской духовной миссии и возобновился приток паломников из русского зарубежья, с широким, русским радушием². В том же 1951 году схиигуменья Антония вновь ушла на покой, и ее заменила игуменья Тамара, дочь великого князя Константина Романова (поэта К. Р.). Она управляла монастырем до 1975 года.

В 1952 году Елеонскую обитель посетила группа русских паломников из Франции. Сюда они прибыли после визита в Гефсиманскую обитель; вот их впечатления об увиденном: «Не меньшее, а в некоторых отношениях даже большее, только иное, впечатление производит наш русский Елеонский монастырь, на вершине Елеонской горы, с которой вознесся Спаситель и которую так любила Богоматерь.

И там нас встретили русские колокола, русское трогательное радушие, глубоко чтимая мать Тамара (в миру Татьяна), дочь Великого князя Константина Константиновича. Ей, как игуменнии, очень трудно. Монастырь обширный, монахинь много и они очень стары. Многие из них попали в монастырь в прошлом веке. Тяжелым грузом легли и последние паломницы 1914 года, навсегда застрявшие в монастыре, но не ставшие монахинями. Как, почти без средств в этой сложной обстановке справляется мать Тамара — одному Богу известно.

Хочется низко поклониться этим двум удивительным женщинам — игуменнии Марии и игуменнии Тамаре. Да поможет им Господь и да благословит их за то, что в невероятно тяжелых условиях непоколебимо стоят они верными стражами былой России. Так хотелось бы как-то хоть немного, отблагодарить их и всех, кто с ними, за все, что видели, что духовно получили мы от них»³.

В те годы Елеонская обитель представляла собой как бы кусочек прежней, дореволюционной России: «Греческого стиля храм во славу Вознесения Господня расписан трудами самих сестер. В нем хранится немало прекрасных икон, из которых большой образ „Скоропослушницы“ почитается чудотворным. Уставное пение в хра-

¹ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 121—122.

² Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 69—70.

³ Родзянко Л. Э. О Святой Земле и паломничествах. Париж, 1958. С. 24—25.

ме исполняется на два лика <...> Следуя далее, вдоль монастырских корпусов, приходим к дому начальника Русской миссии, в ведении которого состоят все русские владения на Св. Земле; в нижнем этаже этого здания помещается музей, где хранятся все найденные на участке древности. На юг тянется монастырское кладбище, засаженное маслинами на большое пространство; там же и выгон для коров, так как последние годы монастырь имеет маленькое молочное хозяйство. В монастыре имеется прекрасная золотошвейная и иконописная мастерские, выполняющие заказы для Европы и Америки»⁴.

До шестидневной войны 1967 года Восточный Иерусалим находился под оккупацией иорданских войск. В 1958 году, в присутствии представителя короля Иордании Хусейна, было отпраздновано столетие Русской духовной миссии. в торжествах активное участие приняли насельницы Елеонского монастыря во главе с игуменией Тамарой. Она пережила со своими сестрами ожесточенную перестрелку в ходе шестидневной войны, во время которой была убита вратарница монастыря монахиня Евлалия.

Спасо-Вознесенский монастырь в записках епископа Серафима (США) (1952 г.)

Архиепископ Серафим (Иванов Леонид Георгиевич) (1897—1976), в 1915 году поступил на филологический факультет Московского университета. В 1916 году ушел добровольцем на фронт. Участник Белого движения; в 1920 году эмигрировал. Окончил философский и богословский факультеты Белградского университета. 1 августа 1926 года в афонском монастыре Св. Пантелеимона принял монашеский постриг. С 1928 года жил в Чехословакии. С конца войны проживал в Швейцарии. В 1946 году хиротонисан во епископа; в том же году переехал в США. Был главным редактором газеты «Православная Русь». В 1957 году назначен на Чикагско-Детройтскую кафедру с титулом архиепископ Чикагско-Детройтский и Средне-Американский⁵.

<...> Едем на Елеон, где в нашем женском монастыре уготована торжественная архиерейская встреча. Там же определено и мое обиталище. Подъезжаем к св. вратам обители. На них надпись: „Благословен Грядый во имя Господне!“ — такая же, как и на св. вратах нашей Новой Коренной Пустыни. Это первая радость!

Выходим из машины. Ворота открыты, в них стоит настоятельница Елеонского женского монастыря игуменья Тамара, в миру княгиня Татьяна Константиновна, дочь великого князя Константина Константиновича. Она держит блюдо с хлебом-солью. По бокам у нее монахини и дальше виден длинный строй монашеского воинства в два ряда, один против другого. Облачают меня в мантию. Матушка игуменья хочет сказать приветственное слово, но, от волнения не может, плачет и молча подает хлеб-соль. Молча его принимаю и целую, сам будучи взволнован до крайности. Ведут со славой в церковь. Монахини. Стоящие в два ряда, кланяются в пояс, пропускают и потом следуют за нами. Их много, ибо вкупе собрались на встречу инокини и насельницы трех русских обителей в Иерусалиме: Елеона, Гефсимании и Вифании.

Гудят, поют колокола. Великий встречный звон «во вся тяжкая». А «тяжкая» и на самом деле тяжкая: самый большой колокол весит более 5000 килограммов. Дар соликамского купца Александра Рязанцева в 1887 году, как мне потом сказали. Всего на знаменитой Елеонской колокольне (самое высокое здание в Палестине — 64 метра) семь благозвучных специально подобранных в тон колоколов.

⁴ Святая Земля. Париж, 1961. С. 67.

⁵ Незабываемые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917—1999. Т. 6. Кн. 1. М., 2005. С. 511.

Душа купается в дивных звуках, родных звуках. Где я? В Киеве или в Москве? Трепещет русское сердце. Слезы туманят очи. Где в Зарубежье можно пережить что либо подобное?!

У дверей храма ждет меня духовенство, во главе с архимандритом Дмитрием, который, встретив меня на аэропорте, поспешил на другом автомобиле вперед, чтобы встретить еще раз в монастыре уже по-церковному. Отец архимандрит произносит блестящую приветственную речь. Он — прекрасный духовный оратор и проповедник. Целую крест и прохожу в алтарь. Начинается торжественный молебен. Умилительно поют два монашеских больших хора. Море монашествующих. Вся церковь — иноческие клобуки или шапочки-скуфейки послушниц. До 200 человек. Как будто воскресла святая Русь! Впечатление совершенно исключительное!

После многолетия, растроганный до глубины души столь сердечной встречей. С трудом начинаю свой ответ на приветственную речь о. архимандрита. Прежде всего передаю привет и благословение от Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Анастасия. Говорю сестрам, как любит их наш святой владыка, как носит их в своем сердце, как дорог ему св. Град Иерусалим, как бы хотел он еще раз посетить Святую Землю. Плачут сестры. Сам я плачу с ними. Что-то еще говорю им сквозь слезы. Потом длинной чередой инокини подходят под благословение. Иногда орошают слезой руку. Соскучились по православном архиерею — 14 долгих лет не видели своего русского владыки.

Из храма, под звон монастырских колоколов, несколько различных от первого встречного звона, проводят меня в игуменские келии. Большая парадная приемная. Передняя стена вся увешана большими старыми иконами в окладах и киотах. На остальных стенах портреты государей, государынь, архиереев, начальников Палестинской Миссии, игумений и др. Посередине большой длинный стол во всю комнату. Вдоль стен мягкая старомодная мебель в белых чехлах, с вышитыми полотенцами на них. Перед диванами овальные столики, покрытые вязаными на русский манер скатертями. В углах в огромных кадках разрослись почти до потолка фикусы, милые фикусы, украшавшие нашу гостиную в далеком родном Курске, детство мне напомнившие.

Русь — на Святой Земле. Какое сладкое сочетание! На большом столе сервирован чай для всего духовенства и старших сестер трех обитателей. Долго длится наша душевная беседа за чайным столом. Нет конца взаимным вопросам. Быстро знакомимся. С архим. Дмитрием и игуменией Тамарой мы знакомы еще по Европе и хорошо знакомы. Находятся и другие знакомые. После чая водят по монастырю. Он расположен на самой вершине Елеона, в непосредственной близости от того места. С которого вознесся Господь на небо.

Спасо-Вознесенский храм украшен многими великолепными иконами, среди которых икона Божией Матери «Скоропослушницы Елеонской» почитается чудотворной. Храм очень светлый. С тремя ярусами окон, весь расписан своими инокинями-иконописицами. В бело-голубом, как в св. Софии в воздухе парящем куполе, изображение Иисуса Христа, возносящегося на небо, переданное очень живо.

Из главного храма шествуем большой группой в часовню св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. Она сооружена на месте 1-го и 2-го обретения честной главы Предтечи. Место обретения огорожено и украшено красивой мозаикой. Часовня большая, как хорошая церковь, и остается часовней только потому, что не удалось даже в старое время получить у (Иерусалимской) Патриархии разрешение освятить ее как церковь. Греки очень неохотно давали разрешение на освящение не греческих православных храмов и стоило это больших денег. Помолитесь в часовне, приложились к месту обретения и направились к недостроенному большому храму «Страшного Суда». До Первой мировой войны успели выстроить только фундамент и в нем нижний полуподвальный храм, — монастырскую трапезу, в честь св. Филарета Милостивого.

Замысел построить здесь собор «Страшного Суда» весьма глубок, ибо западный склон Елеонской горы спускается в знаменитую Иоасафатову долину, по всеобщему верованию христиан, евреев и магометан, долженствующую стать местом Страшного Суда. У пророка Иоила имеется такое пророчество: «Я соберу все народы и приведу их в долину Иоасафата и там произведу над ними суд». Долина Иоасафата с окружающими возвышенностями представляет собой огромный амфитеатр на несколько миллионов человек и как бы действительно приспособлена для большого собрания людей. Война и революция в России помешали осуществлению грандиозного проекта построения собора Страшного Суда. Сейчас в храме св. Филарета Милостивого помещается праздничная монастырская трапезная, в которой я. Спустя неделю по прибытии, рассказывал собравшимся инокиням об Одигитрии Русского Зарубежья — Курской чудотворной иконе Божией Матери.

Елеонский Вознесенский монастырь — самый большой женский монастырь в нашем русском Зарубежье. В нем до 120 инокинь. Подавляющее большинство преклонного возраста. Монастырь, к сожалению, не общежительный. Сестры живут каждая на своем иждивении, заботясь сама о своем пропитании. Все они от Русской Миссии получают по 1,25 доллара в месяц, на свои нужды, а от УНРА немного муки и других продуктов. Кто помоложе, ходят прирабатывать в Иерусалим и как-то живут, а старым и больным приходится очень тяжело. Я об этом буду еще писать ниже.

Игуменья Тамара старается из более молодых и еще работоспособных устроить нечто вроде полуобщежития. Организованы иконописная и золотошвейная мастерские. Работают иногда сестры на общих послушаниях. При мне, например, был произведен всем монастырем сбор маслин. В монастыре около 500 масличных деревьев. Половина сбора пошла на общемонастырские нужды, на масло для церковных лампад и т. д., а вторую половину разделили между монахинями. Урожай был на этот раз очень хороший, и каждой монахине досталось почти по ведру маслин. В прошлом же году едва досталось по полведра.

Особое внимание в обители обращено на истовое совершение богослужения. И, действительно, богослужение на Елеоне поставлено на очень большую высоту. Вечернее богослужение продолжается в будние дни более трех часов, а всенощные под воскресные и праздничные дни четыре часа и более. Утреннее богослужение: полунощница, часы и литургия, также весьма продолжительно. Помянники вычитываются не только на проскомидии, но частично и на литургии, на сугубой ектении. Все службы поет хор, в праздники на два клироса. Большинство сестер присутствуют на всех богослужениях, в общей сложности, около 6 часов в день.

Хорошо молятся на Елеоне, и, верится, что доходчива до Бога молитва смиренных инокинь. Большое и святое русское церковное дело творится на любимой Господом во время Его земной жизни Елеонской Горе. Горит там неугасимая лампада за страждущий, до конца измученный русский народ. Бог в помощь матери игумении, духовенству обители и сестрам!⁶

<...> По соседству с монастырем «Отче наш» находятся 44 погребальные пророческие пещеры, приобретенные в русскую собственность все тем же мудрым архимандритом Антонином. За недостатком средств они теперь находятся в довольно запущенном состоянии. Мы прошли со свечками по прохладным темным каменным коридорам. Во многих нишах лежат открыто черепа и кости неизвестных ветхозаветных пророков.

Закончил я день осмотром археологического музея, созданного опять-таки архим. Антонином. Музей находится, как раз, в нижнем этаже моих «архиерейских покоев». Большинство экспонатов найдены при раскопках на русских участках. Особенно богатым музей, конечно, назвать нельзя. Там находятся: древнехристи-

⁶ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 48—54.

анская мозаика, надгробные надписи, предметы домашнего обихода дохристианских времен, старинные светильники, маленькие скульптурные изображения, части египетских мумий, цветные египетские изображения за много веков до Рождества Христова, кое-какие предметы из эпохи крестовых походов и многое другое. Покончив с музеем, я успел еще захватить вечернее богослужение в монастыре, а на ужин был приглашен к матушке игумении Тамаре⁷.

<...> Субботу 1 ноября провел я дома на Елеоне. Спешить особенно некуда: впереди почти еще месяц жизни в Святой Земле. Да и нездоровилось немного от перемены климата и особенно воды. Я попал к концу сухого периода. Воды в цистернах оставалось совсем немного, и она была уже застоявшейся. Оказывается, в это время года пить сырую воду здесь не рекомендуется. Я этого не знал. Пришлось немного помучиться, но при помощи лекарств и диеты здоровье быстро было восстановлено. Пишу о сем. С целью предупредить возможных паломников воздерживаться от питья сырой воды из цистерн, особенно во вторую половину палестинского лета.

Бдение в субботу продолжалось более 4 часов. Это было мое первое воскресное бдение в Палестине. Протекало оно очень торжественно. Пели на два клироса. Прибыла часть гефсиманского хора, подсилила стариц молодыми сильными голосами. Все стихиры канонаршили. Сходились оба клироса на середину храма на сходку, когда полагалось. Соединенный хор звучал тогда совсем величественно. Спетость у елеонков замечательная. И неудивительно: многие монахини поют вместе по 2—3 десятка лет. Главная регентша, она же и уставщица, — монахиня Евпраксия проживает на Елеоне свыше 40 лет.

Распевы особые, древние, необыкновенно умирительные. Так их умеют петь только в хороших женских монастырях. Отвлекают они душу от земного, тянут к небу. Усталость не замечается. Стою в алтаре. Он небольшой. Утварь скромная, но добротная, старой русской умелой работы. Такая же добротность и во всем храме. Иконостас мраморный. Иконы прекрасно написаны. Часть их в серебряных окладах. Две иконы местно чтутся, как чудотворные. Храм однопрестольный. По окончании бдения монахини длинной чередой устремляются ко мне на благословение. На клиросе в это время начинают читать акафист Божией Матери. Пока благословил всех сестер, успели окончить акафист.

Литургия в воскресенье 2 ноября началась около 8 часов утра, а окончилась только в полдень. Пели и читали все, без единого пропуска. Очень долго на сугубой ектении архидиакон Мефодий читал за здравные поминовения. Много их на Елеоне. На крылах общей дружной горячей молитвы и сам воспаряешь молитвенно. Вспоминается молившийся Моисей, руки которого поддерживали другие и тем облегчали его молитву. А когда вспомнишь, что ты ведь на Елеоне, на святейшем месте Вознесения Господа, такая радость охватывает все существо, что кажется и в раю лучше не будет... После литургии, завтрака и краткого отдыха отправляюсь в трапезную церковь св. Филарета Милостивого, где собрались сестры обители послушать мою беседу о церковной жизни в Зарубежье, о любимом ими владыке Анастасии, их долголетнем наставнике. Рассказываю сестрам, как трудится неустанно владыка с раннего утра до поздней ночи, не пропускающая в то же время ни одного богослужения в своем синодальном храме, где его осеняет своим святым покровом Одигитрия Русского Зарубежья — Курская чудотворная икона Божией Матери. Повествую о дивных чудесах, источаемых от сего чудного образа. За два года пребывания чудотворного образа в Америке только зарегистрировано уже более двадцати чудес.

Заканчиваю свою беседу общим обзором нашей Зарубежной Церкви, раскинувшейся буквально по всему миру и выполняющей, несомненно, какую-то особую, промыслом Божиим указанную святую миссию. Умиленно внимательно слушают мою повесть инокини, спасающиеся на поднебесной горе. Их душевные

⁷ Там же. С. 100—101.

взоры в большинстве уже устремлены туда, куда вознесся с этого места Владыка Христос: доброй половине сестер далеко за 70 лет. Но, дело Русской Церкви и им дорого и любо. Они хотят знать о ней, чтобы легче шла у них потом молитва о ее благостоянии. Смотрю я на этих божиих стариц и сам умиляюсь. Старенькие они, немощные, нищие и убогие, а вместе с тем какая это великая духовная сила и какая помощь нашей Зарубежной Церкви от их горячей, неустанной, смиренной общей молитвы. Да, это несомненно мудрые девы, у которых светильники полны чистого благовонного молитвенного елея. Русская лампада, по милости Божией, не угасает на Святой Земле!..

В понедельник 3-го ноября обходил я кельи этих старушечек. Их предупредили, и они изготовились, как могли: прибрались, почистились. Женские монастыри всегда славились своей исключительной чистоплотностью. На Елеоне поддерживать чистоту, однако, далеко не просто. Воды в октябре каждая монахиня получает всего по одному ведру на два дня. Это на все: на приготовление пищи, на умывание, на мытье посуды и на стирку. Капли воды приходится экономить! И все же у подавляющего большинства сестер кельи чистенькие, беленькие, приятные. В красном углу всегда множество икон — целый иконостас. Горит весело лампадка, то красная, то синенькая, то зелененькая. На столе беленькая скатертка, возможно, последняя единственная заветная. Чем-то беленьким прикрыта постель. За занавеской — кухня: примус или керосинка на табурете. Это мерило благосостояния хозяйки кельи. Если примус, значит: или владелица его в состоянии прирабатывать, или у нее есть родственники и знакомые, которые поддерживают материально. У кого керосинка, да еще с одним фитилем — дело плохо: надо изворачиваться на те полфунта, т. е. \$ 1,25 в месяц, которые выдаются монастырем каждой монахине на ее пропитание. За это она должна одну неделю в месяц посылно трудиться на монастырских послушаниях, а остальные три недели может зарабатывать на себя, если может. Беда в том, что зарабатывать становится все труднее и труднее, да и старость одолевает.

Видел я также старушек, и таких добрых два десятка, у которых и керосинки уже нет, не на что лампадку даже в праздник затеплить, и стол без всякой скатерти в кельи. Лежат они на своих постелях каким-то тряпьем прикрытые (вставать им уже трудно) и только уповательно на тебя смотрят. О таких посылно заботятся из игуменского корпуса: варят им суп и поручают досмотр за ними их соседкам.

Нелегко приходится материально елеонским инокиням. Много забот об обители у матери игуменьи Тамары. Очередная неотложная задача — починка хотя бы еще двух цистерн для воды. Их существует около десятка. Раньше всем и всегда воды хватало, но землетрясение 1927 года повредило все цистерны и они перестали держать воду. Починить удалось только две цистерны сразу после землетрясения, на одну маленькую игуменья Тамара сумела найти средства починить минувшим летом. Стоило это несколько сот долларов, но трех цистерн явно недостаточно. Текут крыши в странноприимном корпусе и во многих монашеских кельях. Одна монахиня полусерьезно жаловалась мне, что ей в сильные дожди приходится спать в келье... под зонтиком. Недавно пришлось поправлять крышу на колокольне, что нельзя было отложить и что обошлось очень дорого.

Матушке игуменьи Тамаре помогает советом, а подчас и рукописанием прежняя настоятельница обители, ныне отпросившаяся по болезни на покой — схигуменья Антония, достойнейшая старица, исполненная духовного опыта и богумудрия. По административной части помогают благочинная — мать Валентина и экономка — мать Феоктиста, молодая арабка, прекрасно говорящая по-русски, хорошо по-английски и немного по-гречески. Она трогательно предана матушке игуменнии, очень расторопна и деловита. Ее в рясофоре звали Елена, но я перед отъездом постриг ее в мантию, наименовав Феоктистой, что значит: Богом созданная. Она, действительно, как бы самим Богом предназначена в помощь матушке игуменнии для управления обителью и особенно для внешних сношений.

Вместе с матерью Феокистой я постриг в мантию рясофорную инокиню Татьяну, наименовав ее Матроной. Это тоже добрая старлица, отличная рукодельница. Во время осмотра монастыря посетил я золотошвейную мастерскую. Ею полновластно владеет почтенная 80-летняя мать Трифена. Она уже почти полвека на золотошвейном монастырском послушании и знает все его тонкости. Самой ей уже работать трудно, и она только досматривает и поучает свою золотошвейную иноческую стаю. Золотошвейная принимает заказы на художественно, как в старое доброе время, исполненные митры, облачения, плащаницы, воздухи и покровцы на св. Дары, хоругви и прочие предметы церковного обихода. Один из лучших способов помочь Елеону — делать заказы его золотошвейной мастерской через матушку игуменью Тамару. Лучше их никто за рубежом не сделает митру или не вышьет плащаницу, а цены вполне доступные. Столько еще об Елеоне...⁸

Спасо-Вознесенский монастырь в записках паломницы Л. Ступенковой (1953 г.)

За много миль до святого города появляется среди гор, как свечечка, высокая колокольня Елеонского монастыря. Со всех сторон ее видно, точно благословляет она каждого приближающегося путника. Шлю и я ей свой богомольный поклон. А вот и Иерусалим, Иерусалим! Господи помилуй! Высокие каменные зубчатые стены закрывают его внутренние постройки, а от Гефсиманского сада и Елеонской горы город отделяется глубоким оврагом. Наконец мы у цели нашего путешествия, подъезжаем к Елеонской горе, где расположен наш женский монастырь.

Узкий переезд ведет к решетчатым железным воротам с надписью: «благословен грядый во имя Господне». Инокини-привратницы проводят нас в игуменскую обширную гостиную. Помолившись перед иконами в чудных киотах и серебряных ризах, я с интересом разглядывала ее убранство: на стенах портреты царей и цариц, митрополитов, архипастырей и умерших игумений и архимандритов. В углу в огромных кадках разросшиеся даже по потолку глянцевиные фикусы. Вдоль стен мягкая мебель в белоснежных чехлах с вышитыми полотенцами на них, перед диванами круглые столики с вязаными до полу скатертями... Старый мир родной земли живыми тенями зашевелился в моем воображении... Уж не сплю ли я?

Меня поместили в чистой большой комнате против храма. В четыре часа, под звон унылого медленного колокола, я заторопилась в храм к вечерней службе и Андрееву стоянию. Мать игуменья Тамара указала мне место рядом со своим игуменским высоким креслом. От охватившего меня волнения я не могла молиться. Кругом, поникнув головой стояло, сидело на низких скамеечках черными строгими силуэтами множество монахинь. Слезы сами собой текли по лицу. Великопостные службы, зовущие к покаянию, полны печали и грусти, и как невыразимо умирительно было слушать чудное чтение инокинь, пение их на два клироса, особо молитвенное, в котором чувствуется и скорбь, и внутреннее волнение... Две схимницы украшают обитель своим скорбным и строгим одеянием. Храм вместительный, с тремя ярусами окон; светлый, воздушный, точно ажурный. Он производит сильное незабываемое впечатление. Огромный купол его, как открытое небо с Христом парящим среди облаков. С воздетыми руками точно и сейчас, возносясь, благословляет Он нас... Построенный на месте чудесно обнаруженных остатков древнего храма св. Елены, храм монастыря был некогда разрушен разбойными сарацинами; перед амвоном в нем сохранился мозаичный мрамор-

⁸ Там же. С. 105–110.

ный пол с нестирающимися, похожими на капли крови, пятнами, а также и остатки колонн на обоих клиросах.

Все службы здесь совершаются по полному строгому уставу; хор часто поет на середине храма; храм то погружается в темноту, то снова зажигаются лампы и свечи. Из церкви не хочется уходить даже после длительных ежевечерних акафистов Ангелу Хранителю, Иисусу Сладчайшему и заключительного хваления перед чудотворной иконой «Скоропослушницы» Елеонской...

В первый вечер, по выходе из храма, меня, окружили приветливые монашески и засыпали вопросами: из какой губернии? надолго ли? как ваше святое имя?.. На елоне только что узнали о смерти Сталина, а потому с волнением расспрашивали «что слышно о родине? можно ли ждать перемены?» Я не сумела сказать что либо утешительное, и из толпы решительно кто-то произнес: «Ну, если мало надежды, то нужно всем русским, находящимся на свободе, молиться Державной Пресвятой Богородице! Она теперь правит русским государством! На днях мы здесь усердно молились в день Ее праздника 2-го марта»... (Большой образ Державной Пресвятой Богородицы после я увидела, висящим на стене). Каждый старался проявить свое доброе внимание ко мне, редкой теперь гостье-паломнице... Видя меня не по сезону одетую и мерзнущую (я ожидала тропический климат встретить на Святой Земле), принесли мне длинное ватное пальто, теплые черные монашеские шали, толстые чулки и большие черные ботинки на пуговицах (все с 1914 года) — в таком виде я напоминала простую паломницу из родного края, а за мое усердие к длинным службам меня полюбили и начали мило попросту звать: «наша елеонская»...

«Оставайтесь с нами, если Вам здесь хорошо!» — говорили мне. Даже мои еще не устроенные дети и муж их мало смущали: «Царица Небесная „Елеонская“ будет смотреть за ними лучше Вас, надо только попросить. Она все слышит и всем помогает!»... Благостно мне было прожить несколько недель в монастырской семье простых инокинь из 150 человек (всего несколько с образованием и много неграмотных). Все они уже пожилого возраста, кроме немногих, бежавших из румынских монастырей от введенного там нового стиля. Некоторые уже на девятом десятке, но службы посещают и, не имея общей монастырской трапезы, сами делают покупки, готовят себе в своих келейках на керосиночках пищу — в труде терпеливо доживая свои дни.

<...> Перед Вербным Воскресением обительницы Елеонского монастыря, воспользовавшись неожиданно наступившим весенним теплом, принялись за чистку келий, храма, игуменской гостиной; мылись окна, выветривались цветные восточные ковры, стирались занавеси и тяжелые вязаные скатерти, чистилось серебро и лампы. За Вербной всенощной храм имел празднично-торжественный вид: коконы белых чехлов с хрустальных люстр сняты и в них мерцает разноцветными огнями множество лампад (в Елеонской обители нигде нет электричества), в темно-зеленой богатой парче аналои и ризы священников; а когда затеплились свечи и зашевелились тяжелые ветви зеленых пальм у каждого в руках, — храм превратился в живой гефсиманский сад...

<...> В день Великой Среды в Елеонской обители совершается обряд общего елеосвящения, — таинства, приносящего облегчение страданий тела и очищение от грехов, даже давних и забытых. С трепетом я ожидала этого священного момента. В Великий вторник все инокини обители до глубокой ночи (их там около 150 человек) исповедовались у двух иеромонахов. Меня, как гостью паломницу, поставили в голове ожидающих... Скванная охватившим душу детским страхом, я молилась без слов о прошлых «содеянных мною лютых» и просила у Иисуса Сладчайшего облегчения совести...

Таинство Елеосвящения в Великую среду, начавшееся сразу после утреннего богослужения, было длительное и трогательно умирительное. Хор инокинь слезно волнуяюще несмолкаемо пел: «помилуй мя недужную»... «услыши мя, Господи»...

а мы, сидя в полукруге около поставленного на середину церкви аналоя, куском ваты отирали обильно струившийся по нашим лицам целительный елей...

В один из моментов елеосвящения я заметила среди монахинь какое-то движение, неловкую суматоху. После окончания службы я узнала, что стоявшая в глубокой нише окна большая тяжелая, вышитая жемчугом, в киоте икона Божией Матери Владимирская во время елеосвящения чудесно Сама, предварительно заколыхавшись, отодвинулась от стены окна и встала на широкое ребро киота... Монахини, видя это, и думая, что — землетрясение, инстинктивно бросились удержать икону от падения... Каждый из присутствующих невольно задумался над этим чудесным явлением...

<...> В Елеонской обители и храме священная тишина, в ожидании выноса Плащаницы... Удары колокола. Безмолвный храм быстро наполнился черницами. На месте Распятия — семисвещник. Ни пальм кругом, ни художественного обрамления из живых цветов... святая простота белой в кружевах гробницы, на которую возложена была позже чудесно вышитая золотом. С фигурами Богоматери и Апостолов, священная Плащаница с несколькими лишь из монастырского цветника букетиками благоухающих левкоев по краям... Ночью, из-за непогоды, обошли с Плащаницей вокруг храма только один раз. Инокиня мать Мария пропела перед святой Гробницей дивные Великой Пятницы песнопения, и ее молодой голос звенел колокольчиками под сводами...

<...> Несмотря на то, что последние дни Страстной Недели были по-прежнему холодные и дождливые — много народа усердно посещало нашу Елеонскую обитель. Им показывали музей святых древностей, найденных при раскопках; часовню св. Иоанна Крестителя, построенную на месте обретения Его Честной Главы. По аллеям идя, они срывали на память о Масличной Горе веточки маслинок. При посещении ими храма во время богослужения, живая невиданная до сих пор картина отвлекала меня часто от молитвы, когда восточная толпа африканских гигантов коптов и египтян-арабов, как привидения в их белых чалмах, покрывалах и балахонах, — в пламенной молитве, распластавшись перед алтарем, целовали ступени амвона; ставили свечи перед иконами, не прикладываясь, как мы к ним, а вытирая ладонями святыню — умывались ею... малые их дети, истово крестясь чинно, спокойно, подходили с наклоненной головой к амвону и подолгу стояли, внимая святой службе и пению...

<...> К заутрене я пошла рано. Перед плащаницей сестры чудно читали Деяния Апостолов. Храм в полумраке был объят благоговейной тишиной. Попросила, как завтрашняя имянинница, исповеди. Иеромонах Мефодий. Священнослужитель Елеонской обители, молодой и пламенный пастырь. Презирав земные блага, он мученически тяжело пострадал за православную истину, когда на несколько месяцев был заточен в тюрьму новым Израильским государством за отказ передачи имущества Иерусалимской Духовной Миссии и святых храмов в распоряжение Советской Патриархии. Господним Промыслом избавившись от смерти, но до сих пор не оправившись от своих серьезных недугов, — он истово служит и строго долго исповедует. К началу утрени церковь наполнилась инокинями, умилвшими меня торжественным праздничным видом — с высокими камилавками и шелестящими подновленными мантиями. Из-за отдаленности Елеонского монастыря от Иерусалима, богомольцев было сравнительно мало. Под оглушительный перезвон колоколов мы крестным ходом обошли храм. По окончании началось христосование. Матушка игуменья Тамара давала всем по красному яйцу, монахини взаимно давали ей своей чудной работы, как мозаикой разукрашенные бисером и с изображением иконы «Воскресения» — нарядные восковые яйца. Получила такие редкие подарки и я, как имянинница. После строгого сухоядного поста с его тишиной, молчанием, безмолвием не только в храме, но и в обиходе, после слезных покаянных шести — семичасовых молитвенных стояний два раза в день, — неземная теперь разливается радость на всех лицах святого

торжественного утра. По монастырскому старинному правилу, после обедни все мы, гости, были приглашены в трапезную на розговение; в праздничной гостиной, за длинными столами, кроме гостей сидел хор и монашествующие по чину. На тарелках был заранее положен большой кусок кулича очень вкусного, яйцо, кусочек сыра. Такой же торжественный чай и трапеза были предложены и после богослужения Светлого понедельника, которое возглавлял приехавший из Гефсимании архимандрит Димитрий. Умилительно было зрелище, когда стоковавшиеся по живому слову монашествующие, чтобы не проронить и слова, кольцом окружили амвон и архимандрита Димитрия, в день Светлой Субботы читавшего пасхальное послание любимого их старца митрополита Анастасия.

Никогда до сих пор так торжественно и радостно не приходилось переживать светлые дни праздника Пасхи, как в этот раз в Старом Иерусалиме на вершине горы Елеонской. Ежедневно при стройном колокольном благовесте в великолепном храме на родном языке совершались торжественные богослужения с пением священных пасхальных гимнов и крестным ходом вокруг церкви, на лоне ликующей природы и при радостном праздничном трезвоне.

Священная песнь «Христос Воскресе» разливается повсюду, это хор монахинь по традиции поздравляет многих по кельям, начиная со священнослужителей — о. Мефодия и о. Иосифа. С трепетной радостью слушала и я душевное пение пасхальных тропарей пришедших и в мою келью русских монахинь. Целые дни христосование! — Как чудно в нем выражается братство и любовь друг к другу; монашенки меняются крашеными яйцами...

Попить чайку с теплой свежей просвирочкой (не освященной) я пришла к матери Е. праздничным вечером. Просвирня меня привела в неподдельный восторг идеальной чистотой застланного мешками пола и длинных деревянных столов, укрытых чистыми белыми тряпочками. Огромная выбеленная русская печь занимала одну четверть размера большой комнаты и имела 3 яруса полатей, на которых было так тепло и уютно слушать скороговорку певучих рассказов о прошлом нашей простой деревенской казанской монашенки.

<...> После богослужения Светлой субботы с раздачей артоса и крестным ходом вокруг храма. С невероятной грустью покидала я родную обитель, которая по рассказам, как горящая свеча, десятки лет неугасимо пламенеет хвалою Бога. Живя в великой нужде и лишениях с войны 1914 года, безропотные сестры до сих пор держатся строгого устава и длительных ежедневных служб. Не поддались они соблазнам и сохранили в неприкосновенности свою драгоценную зависимость от Русской Зарубежной Церкви. В дни последней войны евреев с арабами, когда обитель была под обстрелом, инокини собирались по ночам в храм, вознося молитвы о сохранении их любимой обители. Живя в нужде, без необходимой одежды, зная голод и холод, сестры не только не ропшут, но считают счастьем жить и умереть в священном месте, о котором сказано в Евангелии... «мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо»...

Слезы и необыкновенное волнение овладевают мною, когда я бросаю последней взгляд на купол с возносящимся и благословляющим Господом; целую мысленно еще единый раз святые иконы в богатых жемчужных и серебряных ризах Божией Матери Елеонской Скорой Послушницы, Нечаянной Радости, Владимирской, Державной, а также св. Василия Рязанского, плывущего на мантии и др.; стою в молитвенном раздумии около надгробной плиты северной части храма, где покоится первый и много потрудившийся для русского Православия архимандрит Антонин, сумевший воодушевить в прошлом столетии любовью к святыне наших богомольных соотечественников. Окружающие при прощании были ласковы и нежны и выражали желание увидеть меня снова; в руках у меня целый мешочек вынутых ими за меня и мою семью просфорочек. Я подошла к схимонахине Митрофании, вся жизнь которой постоянный затвор, постоянный пост

и молитва и молчание... по простому старческому лицу катятся слезы, она туго, туго прижимает мою голову и шепчет: «уж, как я люблю верных Господу Иисусу Христу людей... сердце чувствует, что ты еще раз увидишь Елеон и останешься с нами... помолись обо мне многогрешной Митрофании...» С заболевшей инфлюэнцей игуменией Тамарой я с грустью прощаюсь в ее тесной келье и благодарю от всего сердца за теплый приют и лучшее, чем дома. С Божиим благословением и молитвой, питание. Слабая здоровьем, но сильная, верная и стойкая духовно, схиигумения Антония благословляет меня в последний раз и молитвенно напутствует долгой беседой.

Прощальным взглядом окидываю я простор Елеонской обители, пленительный храм, колокольно с Животворящим крестом на вершине, цветущий благоухающий ковер масличного сада... Прощай, еще раз прощай, может быть, навсегда, дорогая святыня!⁹

1960—1980-е годы

В ходе шестидневной войны израильская армия обороны (Хагана) вытеснила иорданские войска за реку Иордан; Восточный Иерусалим перешел под контроль Израиля, и была ликвидирована демаркационная линия. С этого времени населенные ранее разделенных русских обителей получили возможность осуществлять взаимные частные визиты.

Из «Журнала посещений» Горненского монастыря: «6.08.1967 г. В 11 часов Миссию посетили две монахини с Елеона. Они осмотрели Миссию, собор и были поражены тем, что здесь все на месте, как и было при них. Им говорили, что собор разбит, а вся утварь вывезена коммунистами в Советский Союз. Видя все на месте, они изменили свой взгляд на Миссию. <...> 8.07.1968 г. Утром Миссию посетила монахиня Мария с Елеонского монастыря, которая до слез была рада услышать грампластинки с церковными песнопениями в исполнении хора Троице-Сергиевой лавры и московского хора, что на Ордынке»¹⁰.

В 1968 году, по уходе архимандрита Димитрия на покой, начальником Иерусалимской миссии (РПЦЗ) был назначен архимандрит Антоний (Граббе), пробывший в этой должности до конца 1985 года. С 1975-го по 1984 год Елеонским монастырем управляла игумения Феодосия. В 1977—1978 годах был сделан второй малый ремонт Вознесенского храма, во время которого была реставрирована стенная роспись, выполненная той же, уже 80-летней монахиней Таисией с помощью других сестер. Игумения Тамара, ушедшая на покой в 1975 году, скончалась на Успение Пресвятой Богородицы 15 августа 1979 года, оставив светлую память обители о своей благородной, доброй душе. Ее могила находится за главным храмом Вознесения¹¹.

Спасо-Вознесенский монастырь в записках Виктора Петрова (1980 г.)

Петров Виктор Порфирьевич (1907, Харбин, Маньчжурия. Северный Китай — 2000, Роквилл, штат Мэриленд). Родился в семье священника. Учился в гимназии в Благовещенске. После захвата большевиками Дальнего Востока (октябрь 1922) вернулся в Харбин, перейдя границу под обстрелом красноармейцев. В Харбине продолжал образование, окончил русскую гимназию и юридический факультет. В 1930—1940 годах

⁹ Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 5—6, 15—23.

¹⁰ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 162.

¹¹ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 69—70.

жил в Шанхае, где занимался репортерской работой. Благодаря знанию китайского, английского и немецкого языков работал в крупной торговой фирме. Литературную деятельность начал в Китае, здесь издал три книги на русском языке. Вследствие военных действий и наступления японской армии переехал в США (1940). До 1945 года служил в Управлении железных дорог и писал для двух русских газет. Продолжал образование. Бакалавр, магистр Американского университета в Вашингтоне, затем защитил докторскую диссертацию. Специализируясь в области международных отношений, истории и географии. Автор 27 книг на русском языке, более 300 статей в русских зарубежных газетах и журналах, посвященных преимущественно путешествиям и истории Русской Америки. За заслуги перед США и русской общественностью имя Петрова внесено Конгрессом русских американцев в Русско-Американскую палату Славы (1995)

<...> От часовни Вознесения отправляемся в близлежащий русский Елеонский женский монастырь. Подходим к массивным, тяжелым воротам. Стучим долго и упорно, пока ворота не открывает привратник, араб Мустафа. Между прочим, мы заметили, что везде в Израиле, куда бы мы ни ходили — в монастыри или храмы, везде все на запоре, везде надо долго стучать, пока на стене не появится фигура монаха или священника, с подозрением оглядывающего вас, прежде чем решить, открыть калитку или нет.

<...> В Елеонской женской обители познакомились с игуменьей Феодосией, не так давно сменившей умершую игуменью Тамару, а также с инокиней, матушкой Марфой. Матушка Марфа любезно согласилась быть нашим проводником или гидом по святым местам Иерусалима и близлежащих городов Вифании и Вифлеема, куда мы ездили с ней на следующий день. Сегодня же мы осматриваем Иерусалим. Первым делом начинаем наш осмотр с Елеонского монастыря. Конечно, в коротких очерках нельзя подробно описывать все нами виденное. Приходится ограничиваться очень короткими заметками о посещаемых местах. Матушка Марфа, маленькая, худенькая, 82-летняя инокиня, оказалась неутомимым гидом, за которым мы едва успевали ходить. Она привела нас прежде всего в монастырский храм Вознесения Господня. Храм греческого стиля, построен на самой вершине Елеонской горы, на большом участке, купленном в 1870 году архимандритом Антонием (Капустиним).

Большой достопримечательностью Елеонской обители является ее высокая белая колокольня, тонкой стрелой грациозно подымающаяся ввысь. Эту колокольню, возвышающуюся над святой Елеонской горой, видно издалека. Матушка Марфа предлагает мне забраться на колокольню, посмотреть на колокола и особенно на громадный колокол — гордость монастыря. И опять неутомимая инокиня быстро-быстро стала подниматься по узкой винтовой железной лестнице наверх, на колокольню. За ней просто невозможно было угнаться. Колокол — действительно огромный, точные размеры его мне неизвестны, но он, конечно, весит несколько тонн, по крайней мере, таково мое первое впечатление. Невольно приходит в голову мысль — ведь это осколок прежнего величия российской империи 19-го века, того, что было и чего больше нет!

Рядом с храмом — могила недавно скончавшейся игуменьи Тамары, многие годы в подвижничестве и молитве проводившей в Елеонской женской обители. Игуменья Тамара, урожденная княжна Татьяна Константиновна, из царского рода Романовых, из семьи Константиновичей, дочь великого князя Константина Константиновича, известного в литературном мире поэта К. Р. Страшную трагедию перенесла инокиня Тамара в годы русского лихолетья, в 1918 году. Три ее брата, Константиновичи, Иоанн, Константин и Игорь были зверски убиты около Алапаевска, на Урале. Дальше направляемся к часовне, которая была воздвигнута на том месте Елеонской горы, где, по преданию, произошло второе и третье обретение

главы св. Иоанна Предтечи. После осмотра монастырских храмов и зданий направляемся в трапезную на обед, куда нас пригласила игуменья Феодосия, оказавшаяся к нашему удивлению землячкой. Она в молодые годы проживала в нашем родном городе Харбине, в Маньчжурии¹².

В те годы общение насельниц Зарубежной церкви с инокинями Московской патриархии не поощрялось, но тем не менее неофициальные контакты поддерживались.

Из дневника монахини Горненской обители Наталии: «1983 год. Праздник Вознесения Господня. В этот день мы побывали в русском (эмигрантском) монастыре на Елеоне. Слушали их уникальное пение (как в XVIII век попали — прекрасная русская капелла, поют тихо, легко, воздушно, ритмично, высоко). Мы побывали и на огромной колокольне, благодаря доброму отношению некоторых сестер. Действительно, очень грустно, когда люди разделяются по каким-то внешним причинам, а суть, дух в них один. Спаси их, Господи»¹³.

«1987 г. Праздник Вознесения Господня. В этот день посетили русский монастырь, где все дышит 19-ым веком, и наполняет душу невыразимой печалию по старым добрым временам. Поднимались на высокую Елеонскую колокольню — о. Сколько там ступеней по винтовой лестнице, зато весь Иерусалим раскинулся как на ладони, далеко видны горбы и скаты гор и приютившиеся в долинах селения. Взору предстает очень величественная картина. Особенно глубоки и выразительны краски вечером и с большим сожалением, но с радостным чувством мы расставались с Елеонской горой»¹⁴.

В 1984 году после кончины настоятельницы Варвары матушка Феодосия была переведена в Гефсиманию. Ее место заняла наместница игуменья Параскева. В то время в монастыре проживали 43 сестры. Служба в Вознесенском храме совершалась ежедневно, кроме среды. С пением на два клироса в воскресные и праздничные дни. По средам богослужение правилось в трапезном храме Св. праведного Филарета Милостивого. Служили игумены Мефодий и Андроник. Духовником Елеонской обители состоял о. Мефодий¹⁵.

В 1986 году, когда наступило трудное время для Русской духовной миссии (РПЦЗ), на должность исполняющего обязанности начальника миссии был назначен протоиерей Валерий Лукьянов, настоятель Св. Александро-Невского храма в Лейквуде (штат Нью-Джерси. США). По прибытии в Иерусалим он проживал на Елеоне. Здесь же находилась и канцелярия миссии¹⁶. В том же 1986 году, в день праздника Вознесения Господня и в следующее за ним воскресенье, состоялось торжественное празднование 100-летия Спасо-Вознесенского храма (см. **приложение**).

...В начале 1990 года на судостроительной верфи Петрозаводска началось строительство трех деревянных судов парусно-гребного типа в соответствии с чертежами, составленными по рисункам старинных средневековых ладий. Спущенные на воду в середине июня, эти ладьи — «Вера», «Надежда» и «Любовь» — прибыли на остров Киж, где были освящены одним из священников Олонецкой епархии. Около 60 молодых паломников пустились в долгое плавание, конечной целью которого было намерено посещение Святого Града Иерусалима и других христианских святынь Востока.

¹² Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 48.

¹³ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 160—161.

¹⁵ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 70.

Организатор паломничества — петрозаводский клуб «Полярный Одиссей», члены которого в течение ряда лет совершали путешествия на деревянных кочах (судах) по северным морям. Возглавил группу доцент Ленинградской духовной академии архимандрит Августин (Никитин). Молодые христиане решили совершить паломничество в Святую Землю, на что было получено благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. 9 сентября 1990 года паломники ступили на Святую Землю. Основная цель долгого и трудного путешествия была достигнута. Будучи в Иерусалиме, аргонавты посетили Елеонскую гору. Слово писателю Виктору Георги, участнику паломничества, соавтору книги «К Святой Земле под парусом „Надежды“» (Петрозаводск, 1992).

<...> Заканчивалась наша автобусная экскурсия по Иудее. Обратный путь в Иерусалим был недолог. До захода солнца оставалось еще часа два, так что решили напоследок побывать на Елеонской горе и попытаться попасть в монастыри «белой Церкви», как называют Русскую Зарубежную Церковь, объединяющую священнослужителей и верующих, покинувших Советскую Россию после революции. На этот раз сопровождавшая нас матушка Наталья оставила паломников одних — одноверцы «белой Церкви» воздерживаются от контактов с представителями Московской Патриархии. Но мы не были чьими бы то ни было официальными представителями и считали себя независимыми паломниками, которые не корысти ради чудом добрались до Святой Земли. И рассчитывали если не на доброжелательство, то хотя бы на уважение со стороны потомков эмигрантов.

На Елеонской горе два православных монастыря. Один нижний, с великолепным пятиглавым храмом во имя Марии Магдалины. Но нам не повезло — его настоятельница отсутствовала, так что ограничились беглым осмотром церкви с русскими иконами XVI века. На самой вершине Елеонской горы находится второй русский монастырь — Спасо-Вознесенский со знаменитой колокольной-свечой, видимой за многие мили от Иерусалима. Там нас встретила настоятельница игуменья Варвара и после недолгих расспросов любезно показала обитель. Сама игуменья родилась в России, откуда в гражданскую войну была вывезена родителями в Харбин, а затем в годы Второй мировой войны. Спасаясь от наступавшей Красной Армии, бежала в Австралию. Ну а остаток жизни монахиня решила посвятить служению Господу на Святой Земле.

Нам очень жаль, что приходится вот так бегло рассказывать о посещении монастырей Елеонской горы. Мало кто из советских журналистов был допущен в обители «белой Церкви». И обидно, что между Московской Патриархией и эмигрировавшими из России братьями и сестрами во Христе, между русскими людьми сложились столь антагонистические, непримиримые отношения. За кого приняли там нас, паломников, трудно сказать. Наверное, за те пока неясные, нарождающиеся в стране силы, которые в будущем смогут объединить две православные русские Церкви. И нам в данном случае все равно, что это будут за силы: демократы или анархисты, социалисты или коммунисты. Лишь бы удалось спасти и сохранить на опаленной войной земле Палестины присущие верующим русским людям великие чувства любви к ближнему, бескорыстия, благотворительности, самопожертвования...

Подведя нас к монастырской колокольне, игуменья Варвара поведала о частых провокациях со стороны арабов. «Нет, — говорила она, — случаев бандитских нападений на обитель последние годы не было. Но арабы проникают на территорию монастыря и часто на колокольне вывешивают свой флаг. Мне звонят из полиции, грозятся штрафами, а что мы, монахини, можем сделать? С одной стороны израильские власти, с другой — экстремистски настроенное население местных кварталов».

Мы поднялись на верхнюю площадку Елеонской колокольни, преодолев 219 ступеней винтообразной железной лестницы. Вид, открывающийся сверху, великолепен. Но еще большее чувство восхищения охватывает человека, если знает он историю этих священных мест. Попробуем очень кратко лишь перечислить увиденные нами памятники. Как на ладони просматривается старый Иерусалим, этот святой град царя Давида: темный купол храма над Гробом Господним, золотая полусфера мечети Омара. Рядом с городом виден холм Скопус, на котором первосвященники иудейские торжественно встречали Александра Македонского; чуть южнее открывается панорама на селение Вифания с пещерой-склепом Лазаря, того самого, которого на четвертый день после смерти воскресил Христос. И гора Соблазна, где царь Соломон, согласно Библии, построил языческое капище для своих наложниц. А если посмотреть на северо-восток, то, кажется, совсем рядом раскинулось Мертвое море с Иорданской долиной, обрамленной хребтом Аравийских гор...¹⁷

На рубеже тысячелетий

После распада Советского Союза и упразднения атеистической идеологии отношение «карловчан» к Московской патриархии начало постепенно смягчаться. Это было отмечено в записках игумена Никона (Смирнова) (Московский патриархат), посетившего Святую Землю в 1994 году в составе группы паломников из России. «Мы отправились на гору Елеон. Здесь существует с XIX-го столетия русский монастырь Вознесения Господня. Но ныне он в руках Русской Зарубежной Церкви, — писал о. Никон. — До недавнего времени доступ в него паломникам из нашей Церкви был закрыт. Об этом извещала вывеска над воротами монастыря: „Клирикам Московской Патриархии вход запрещен“. Сейчас этой вывески уже нет, что говорит об изменении позиции владельцев обители. Действительно, нашу группу без промедления пустили на территорию монастыря, но никакой официальной встречи и разговора с насельниками у нас не было. Мы посетили храм Вознесения Господня. При входе в церковь, справа, у западной стены под стеклом находится камень, на котором стояла Божия Мать при Вознесении Ее Божественного Сына. В самом храме мы прочли совместную молитву у могилы архимандрита Антонина (Капустина), бывшего долгое время начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (сконч. в 1894 г.) и оставившего о себе благодарную память в потомках русских паломников за свою кипучую деятельность на этом посту. Это был неутомимый строитель русских храмов, монастырей и подворий на Святой Земле. На своем пути по Палестине мы часто слышали это славное имя труженика, даже в отдаленной Галилее, где им был приобретен участок земли для русского подворья, а сейчас там обитают две монахини из Горненского русского монастыря, и благодаря ходатайству тогдашнего начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Феодосия (Васнева) израильскими властями разрешено на этом владении построить здание для гостиницы.

Заупокойную литургию над гробницей архимандрита Антонина совершил владыка ректор. Затем нам позволили посетить часовню, где обозначено место первого и второго обретения честной главы св. Иоанна Предтечи (в притворной части, в углублении каменного пола). Все при пении тропаря и величания обретения главы Крестителя Спасова с благоговением приложились к святыне. В заключение пропели всем насельникам монастыря „Спаси, Христе Боже“¹⁸.

¹⁷ Георги Виктор, Августин (Никитин), архим. К Святой Земле под парусом «Надежды». Петрозаводск, 1992. С. 172–173.

¹⁸ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 22–23.

В 1997 году монастырь возглавила игуменья Моисея (Бубнова). Сестер в обители около 40, половина из них — местные, уроженки Палестины¹⁹. Монастырь все чаще посещают паломники не только из русского зарубежья, но и из России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Протоиерей В. Жуков. Духовное торжество (Празднование 100-летия основания Спасо-Вознесенского храма)

В последние дни и недели все внимание насельниц обители Елеонской было направлено на устройство празднования 100-летия основания Спасо-Вознесенского храма. Сразу же после Светлой седмицы начались приготовления и бесчисленные заботы по устройству праздника. И эти труды сестер и братьев были оправданы удавшимся торжеством.

Прежде всего, радостное настроение создал приезд высоких гостей в Св. Землю: владыки митрополита Виталия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, архиепископа Антония, Женевского и Западно-Европейского, и архиепископа Павла Сиднейского и Австралийско-Новозеландского. Наши архипастыри были встречены в Елеонском храме во вторник 28 мая/10 июня хлебом-солью, молебным пением и приветственным словом начальника миссии. Состав миссийских священнослужителей также пополнился гостями из Европы и Южной Америки. На торжества прибыли протоиерей Владимир Скалон, прот. Вениамин Жуков и протодиакон Николай Семенов. В это время здесь еще пребывала группа паломников из Канады во главе со своим руководителем свящ. Владимиром Мальченко.

Очень торжественно совершалось бдение под праздник Вознесения Господня всем собором священнослужителей во главе с владыкой митрополитом, при пении на два клироса и с обхождением вокруг храма на литии. Тем же составом совершена была Божественная литургия и в самый день храмового праздника. Последующие дни гости провели в посещении святых мест, а архипастыри, кроме того, еще были приняты Блаженнейшим патриархом Иерусалимским Диодором и сделали несколько деловых визитов.

Торжество 100-летнего юбилея назначено было на воскресенье 2/15 июня. Накануне, перед всенощным бдением, владыка митрополит с сонмом духовенства отслужили панихиду по основателю и строителю храма архимандрите Антонине (Капустине), сподвижнике его игумене Парфении и всем ктиторах, жертвователях и благоукрашителях св. Елеонского храма. Всенощную служил архиепископ Павел с сонмом священнослужителей. Пение в соединении двух хоров — Елеонского и Гефсиманского и при участии хора учениц-арабов нашей Вифанской школы звучало умирительно-торжественно и создавало поистине праздничное настроение, воодушевляющее всех молящихся.

Воскресенье, неделя св. Отец I-го Вселенского собора: встреча первоиерарха со славою, торжественный трезвон, литургия в служении сонма архипастырей и пастырей, пение трех хоров со сходкой всех посреди храма, благодарственный молебен с крестным ходом вокруг храма и окроплением св. водой, проповедь владыки Виталия, обычное многолетствование, вручение благословенной грамоты Архиерейского Собора монастырю, в лице игуменнии Параскевы, — вот тот ход молитвенных событий, который всем участникам дал почувствовать, что они словно были на небе, на которое именно здесь вознесся Господь Иисус Христос, обещав не оставлять верных Своих во веки...

Все собрание богомольцев с пением тропаря, направилось в обширную монастырскую трапезную при храме св. праведного Филарета Милостивого, где сто-

¹⁹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 199.

лы, накрытые скатертями и изящно украшенные цветами, изобиловали яствами, любовно приготовленными сестрами. Люстры радостно освещали золотой занавес за почетным столом, на котором художницы наши поместили большой круг с знаменательной цифрой «100», замечательно исполненный вид храма в красках и портреты отцов Антонина и Парфения. На обеде программу торжества вел начальник Миссии. Приветствия произнесли владыка митрополит, архиепископы Антоний и Павел. От имени Иерусалимского Патриархата собрание приветствовал архиепископ Фаворский Даниил, который молился в храме за литургией. Юбилейную речь произнес начальник Миссии, перенеся слушателей ко дням рождения на Елеоне русского храма и через столетие к сегодняшнему радостному дню.

Хор сестер Елеона исполнил несколько духовных песнопений, юная послушница произнесла стихотворение «Спасибо о. Антонину» и, в заключение, ученицы Вифанской школы пропели несколько песнопений по-арабски. Начальник Миссии передал денежный подарок вифанским ученицам от учеников Лейквудской школы (США). Дети специально собрали этот дар к 100-летию.

В день Вознесения Господня 30-го мая/12-го июня и в следующее за ним воскресенье 2-го/15-го июня 1986-го года состоялось торжественное празднование 100-летия Спасо-Вознесенского храма женской обители на святой горе Елеон. История Миссии, и в частности, постройки храма являют собой нечто напоминающее жития святых: в них раскрывается горячая любовь ко Христу многочисленного русского народа и несомненный промысел Божий о любящих Его.

С соответствующим чувством благоговения, к празднику 100-летия собралось со всего русского рассеяния множество людей, желая присоединиться к этому духовному торжеству, как бы свидетельствуя о любви всего русского народа к св. граду Иерусалиму и его святым местам. Сюда прибыли: первосвященник нашей Церкви, митрополит Виталий, с архиепископами Антонием из Западной Европы и Павлом из Австралии, со священнослужителями и паломниками.

В среду вечером, перед всенощной под Вознесение, владыкой митрополитом, в сослужении шести священнослужителей при протодиаконе, была отслужена панихида над находящейся внутри храма усыпальницей архимандрита Антонина (Капустина), основоположника наших владений на Елеоне и во многих местах Палестины. Возносились горячие молитвы о упокоении: «Приснопамятных ктиторов, создателей, благотворителей и благоукрашителей: Благочестивого государя императора Александра Александровича, государыни императрицы Марии Федоровны, блаженнейших патриархов Никодима и Дамиана, митрополитов Исидора, Антония, Антония, Анастасия, Филарета, священноархимандритов Антонина, Леониды, Димитрия, убиенного игумена Парфения, настоятелиниц монахини Евпраксии, игумении Елизаветы, игумении Мелании, схиигумении Антонины, игумении Тамары и всех прежде почивших сестер, попечителей, благотворителей и посетителей святой обители сея».

В самый день Вознесения богослужение началось в 7 часов утра с полунощницы, за ней последовало малое освящение воды. Божественную литургию служили все три архиерея в сослужении шести священников, при протодиаконе. Монахини пели на два клироса, со сладкопением, передавая свое духовное настроение молящимся. Присутствовали монашествующие из других обителей, православные жители Иерусалима и большая группа паломников из Канады.

В этот день владыка митрополит и сопровождавшие его были любезно приняты в патриаршей резиденции Малая Галилея Блаженнейшим Диодором, патриархом Святого Града Иерусалима и всея Палестины.

В воскресенье 2/15го июня состоялось торжественное празднование 100-летия. Встреча владыки митрополита близ его покоев и шествие со славою в храм. Божественная литургия. Молебен с крестным ходом. По окончании богослужения была прочитана благословенная грамота, выданная Архиерейским Собором Русской Православной Церкви За границей матушке с сестрами Елеонского Спасо-

Вознесенского монастыря. В свою очередь, матушка преподнесла архиереям подарки на память о пребывании в день праздника столетия: владыке митрополиту — полное облачение из бордового бархата, вышитого золотом, работы сестер; двум сопутствующим архиереям — панагии с изображением Вознесения Господня, также монастырской работы. Особое внимание к русскому торжеству оказали своим присутствием представители Иерусалимской Патриархии, архиепископ Фаворский Даниил, архимандрит Феодосий (из Вифании), арабский протоиерей (из Вифлеема) и еще несколько представителей арабского духовенства.

После целования креста последовало шествие со славою в трапезную, устроенную в храме св. Филарета Милостивого, куда были приглашены все участники торжества. Духовное настроение, богато и разнообразно уставленные столы, общий уход и внимание сестер возгревали сердца присутствующих, число которых достигало 300. За особым столом поместились архипастыри с греческим владыкой, начальником Миссии и игуменьями обеих монастырей.

Застольные речи преосвященных и начальника Миссии дали возможность задуматься о глубоком значении русских монастырей на Святой Земле и, в частности, Елеона. О. Валерий прочел исторический обзор о Миссии, храме, монастыре и отметил труды создателей, благотворителей и молившихся здесь, освятивших своим подвигом всякое место обители. Владыка Павел обрисовал те условия, в которых была зажжена здесь лампада монашеского подвига, засветившая ярко на весь мир и притягивавшая к себе множество православных людей. Тайна и сила монашества в духовной нищете, в желании устроить свою жизнь по евангельскому идеалу.

Владыка Антоний обратил внимание на бесчисленные свидетельства о христианской любви русского народа: иконы, уварь, Евангелия, лампы и прочие церковные предметы, украшающие все храмы, как греческие, так и русские на Святой Земле. Владыка указал на несомненную любовь Божию к русскому народу, уготовившую ему это святое место на горе Елеонской. Архимандрит Антонин (Капустин) не случайно приобрел этот участок. На то была воля Божия. Господь знал, что русский народ ждет скорби, страдания и муки, и Он дал ему в залог своей любви место, на котором Он сказал, что Он будет всегда с нами во вся дни до скончания века.

Владыка митрополит указал на промысел Божий, проявившийся в храме Воскресения Христова в Иерусалиме, одним общим куполом над Голгофой и Воскресением. Промыслительно это и в приложении к нашей жизни, где не может быть радости истинной без должного подвига и страдания. Ныне русский народ особенно подвергается страданиям, дабы удостоиться радости своего воскресения. В конце обеда была проведена программа, включившая духовные песнопения и стихотворения, при участии монахинь Елеонской обители и учениц Вифанской школы.

Да укрепит Господь Бог матушку Параскеву с сестрами Спасо-Вознесенской обители на многие лета монашеского подвига на святой горе Елеон. Да хранит Господь Своей любовью всех потрудившихся на этом славном торжестве 100-летия Елеонской обители²⁰.

Из речи, сказанной начальником Миссии протоиереем Валерием Лукьяновым в день празднования 100-летия храма

Наш храм намоленный, в нем подлинное дыхание жизни — «жизнь жительство», как сказал бы св. Иоанн Златоуст. За эти 100 лет сколько чудных икон обо-

²⁰ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 105–109.

гатили его стены и аналои! Сколько монашеских трудов положено, сколько любовных забот к украшению его облачениями, а священнослужителей роскошными ризами! Много трудов принесено для того, чтобы обновить стенную роспись. Это все принесено от любви, чистой и искренней, бескорыстной.

Но это не главное, — главное, это души людей в нем молившихся. Сколько часов выстояно здесь благочестивыми насельницами и паломниками на церковных службах, — будничных, праздничных! Сколько прочитано молитв, псалмов! Сколько пропето скорбных и радостных песнопений! Сколько поколений священнослужителей, переселенных сюда с широких степей и горных хребтов России, подвизалось здесь в ежедневном молитвенном подвиге! Сколько батюшек наших со всех сторон российского рассеяния предстояло здесь у престола Божия! Сколько свечей возжено с упованием на милость Божию! Сколько фимиама кадильного принял купол храма! Сколько крестных ходов видели стены храма! Сколько водосвятий впитали в себя эти стены! Сколько молодых клирошанок, чтиц и прислужниц начинали здесь свою, Господу посвященную жизнь, чтобы быть в старости нежно отнесенными на монастырское кладбище! А сколько покойников и покойниц предлежало здесь в своем последнем пребывании в любимом храме! Сколько источников скорбных слез, сколько радостных слезных искорок приняли в себя от коленопреклоненных чад Божиих холодные плиты мрамора! Сколько умиленных слез излито из покаянных сердец в таинстве исповеди! Сколько дум благочестивых наполняли пространство этого дома Божия! Сколько оправдано было здесь надежд! А пречистые очи Богоматери, в чудесных иконах «Скоропослушницы» и «Взыскании погибших», сколько видели они сокровенных вздыханий умиленного сердца! Сколько раз провозглашали в святилище этом «вечную память» и «многая лета»! Все проходит. Все ли? Нет, не все! Никогда не сотрутся из книги Божьего Правосудия ни одна слезинка, ни одно вздыхание. У Господа, источника любви и справедливости, все учтено, лишь бы стоять человеку в истине и правде, лишь бы простирать к нему свое сердце, преисполненное веры, надежды и любви. И где лучше направляется сердце и ум к вечному Свету, если не в доме Божием, особенно же в совершении Божественной Евхаристии?! Если так, то храм наш нам бесконечно дорог и спасителен²¹.

²¹ Там же. С. 112–113.

Contents

Prose and Poetry

Andrey Shevtsov. Poems • 3

Ivan Katkov. Over the Titmouse's Nest. Story • 7

Elena Ionova. Poems • 21

Alexander Tyuzhin. Cannes for Bathroom. Short Novel • 23

Zhenya Stashkov. Poems • 141

Vitaly Ashirov. Rubinstein. Nabokovism. Stencil. Stories • 145

Dmitry Nikitin. Gogol Park. Exile. Stories • 157

Publicistic Writings

Alexander Rybin. It's Just Our Job • 164

Criticism and Essays

Julia Scherbinina. „Can Be Felt Even by Those Who Do Not Trust in It.“ *Notes on Blasphemy* • 186

From the Archive

Dmitry Khrenkov. The Soviet-Finnish war. *From notebooks. Introduction and preparation of the text for publication by Yu. D. Mikhailova* • 202

Petersburg Bookman

Times and Images. *Olga Anikina.* The Heart of the Cook. **Art of Reading.** *Alexander Sergeev.* Representation of Trickster Archetype. **Book Island.** *Elena Zinovyeva's publication* • 215

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Shrines of the Mount of Olives (by Notes of Russian Pilgrims). Part 7 • 234

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 20.06.2017. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 137
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28